А. В. ГУРЕВИЧЪ

Философскія изслѣдованія и очерки

БИБЛІОТЕКА
Административного Отдела
Моск. Всего
Совѣта Раб. Красноарм. Депутатов.
105 191 г.
№ 2

А. В. Гуревичъ

Проверено в 1927 г.
КЛУБ.

ФИЛОСОФСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ОЧЕРКИ

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
С. Л. ФРАНКА

К-во «ТРУДЪ»

B4170
Гур

640
33

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе *С. Л. Франка* III

А. В. Гуревичъ. Біографическій очеркъ *М. Гуревичъ* VII

Современное состояніе соціологіи 1
Возникновеніе и развитіе соціологіи 1
Элементы соціальной жизни и ихъ взаимоотношенія 10
Условія соціальной эволюціи 29
Законы соціальной эволюціи 32

Соціологія на почвѣ критической философіи 48

Соціальные законы и человѣческіе идеалы 70

Къ теоріи познанія 95
Общая точка зрѣнія 95
Непознаваемое 102
Познаваемое 129

Задачи и методъ философіи. Введеніе 176

Позивитизмъ, эволюціонизмъ и критицизмъ 182
Позивитизмъ 185
Эволюціонизмъ 208
Критицизмъ 216

Новѣйшая французская метафизика (Анри Бергсонъ) 223
Заключительныя слова одного доклада 250

Сознаніе и дѣйствительность 258

Опытъ критики основныхъ началъ 267

Двѣ формы діалектики 286

Очерки и наброски:

Діалектика и музыка 292
Смыслъ и цѣль міровой жизни 295
Истина и любовь 300
Міроотношенія 300
Религіозно-мистическое сознаніе 303
Учитель и община 304
Преступникъ, какъ мученикъ 306
Книга вѣчности 307
Опытъ интуитивнаго мышленія 308
Философія и религія 309

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя А. В. Гуревича мало кому извѣстно въ Россіи; но лица, занимающіяся философіей и слѣдившія за русской философской литературой въ началѣ девятисотыхъ годовъ, быть-можетъ, вспомнятъ его гносеологическія и соціологическія статьи, появившіяся въ журналахъ: «Жизнь», «Вопросы философіи и психологіи» и нѣкоторыхъ другихъ, и въ свое время обратившія на себя вниманіе. Другія статьи научно-философскаго содержанія были напечатаны въ нѣмецкихъ философскихъ журналахъ, и, наконецъ, въ посмертныхъ бумагахъ А. В. Гуревича содержатся, наряду съ множествомъ набросковъ, отдѣльныхъ размышленій, дневниковъ и т. п., нѣсколько вполнѣ законченныхъ статей. Въ настоящее посмертное изданіе избранныхъ сочиненій Гуревича вошли всѣ статьи, напечатанныя въ Россіи, двѣ статьи, опубликованныя въ нѣмецкихъ журналахъ («Новѣйшая французская метафизика» и «Сознаніе и дѣйствительность») и рядъ ненапечатанныхъ статей и отрывковъ изъ посмертныхъ бумагъ покойнаго философа, отчасти написанныхъ имъ по-русски, въ большинствѣ же написанныхъ по-нѣмецки и переведенныхъ для настоящаго изданія. Переводъ сдѣланъ вдовой покойнаго, г-жей М. М. Гуревичъ, по иниціативѣ которой предпринято это изданіе.

Ей же принадлежитъ и прилагаемый біографическій очеркъ. Его содержаніе и тонъ остаются всецѣло на отвѣтственности его автора. Читатель легко замѣтитъ, что это не безпристрастное жизнеописаніе чисто фактическаго характера и не спокойная критическая оцѣнка личности и творчества Гуревича, а диѳирамбъ, написанный беззавѣтно преданнымъ и восторженно-поклоняющимся другомъ-ученикомъ. Редакторъ не счелъ себя, однако, вправѣ устранить эту біографію или измѣнить ее, — отчасти потому, что въ ней мы имѣемъ единственное описаніе личности Гуревича человѣкомъ, близко его знавшимъ, отчасти

потому, что она въ значительной мѣрѣ отражаетъ взглядъ самого Гуревича на себя и въ этомъ смыслѣ, именно во всей своей субъективности, имѣетъ біографическую и психологическую цѣнность, — не какъ объективный итогъ оцѣнки этой личности, но какъ наиболѣе автентичный матеріалъ для такой оцѣнки.

А. В. Гуревичъ былъ несомнѣнно исключительной, богатоодаренной въ умственномъ и духовномъ отношеніи натурой, хотя и съ ярко выраженными болѣзненными чертами. Объ умственной даровитости и чуткости его свидѣтельствуетъ уже то, что онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на философію Авенаріуса и несомнѣнно первый оцѣнилъ философію Бергсона въ то время (въ началѣ 1900-хъ годовъ), когда за предѣлами Франціи еще никто не зналъ этого имени. Гносеологическія и соціологическія статьи перваго періода его творчества представляютъ несомнѣнный интересъ и теперь и полны трезвыхъ, ясныхъ, часто весьма цѣнныхъ идей. Нѣкоторыя соображенія его критики позитивизма и, въ особенности, кантіанства заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Его позднѣйшая система подъ страннымъ названіемъ «внутренность-внѣшность 31 начала» носитъ уже явные слѣды болѣзненнаго состоянія ума. Выраженіе системы бытія въ ничѣмъ не обоснованномъ, какъ-будто магическомъ числѣ категорій, которыя ни откуда не выведены и полнота, первичность, однороднсоть и взаимная независимость которыхъ никакимъ образомъ не показаны (и, конечно, не могутъ быть показаны), производитъ впечатлѣніе чего-то вычурнаго, нездороваго, какого-то болѣзненнаго видѣнія, въ отношеніи котораго авторъ не сохранилъ трезваго критическаго чутья мыслителя. Но за этой явно неудовлетворительной формой скрывается все же интересная и глубокая мысль, въ своемъ существѣ отъ нея независимая. Мысль эта приближается къ основному замыслу философіи Гегеля и вообще воспроизводитъ идею, которую, въ разныхъ формахъ и видоизмѣненіяхъ, мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ мистиковъ самыхъ различныхъ эпохъ и народовъ: это — идея coincidentio oppositorum, раскрытіе въ послѣдней всеобъемлющей сущности того единства и взаимнопроникнутости противоположныхъ опредѣленій, въ отношеніи котораго законъ «разсудочнаго» знанія оказываются неадэкватнымъ и которое постигается въ интуиціи «единства противоположностей». Эта мысль, которая обыкновенно познается, какъ особое мистическое озареніе, и противопоставляется «научному» или «разсудочному» знанію, можетъ быть однако выражена и въ точныхъ

логическихъ терминахъ и разъяснена безъ всякихъ ссылокъ на сверхразумное откровеніе; и соображенія, высказанныя по этому вопросу въ философской литературѣ, начиная отъ Плотина и христіанскихъ мистиковъ, черезъ Николая Кузанскаго и Бруно, и кончая Гегелемъ, далеко еще не оцѣнены современной теоріей знанія. Сюда же относится и попытка Гуревича, выраженная имъ не только въ схоластической «системѣ 31 начала», но и — болѣе ясно и жизненно — въ рядѣ набросковъ, въ родѣ «Опыта интуитивнаго мышленія», «Философіи и религіи» и др. Въ этомъ міровоззрѣніи всюду сказывается плѣнявшая, почти поработившая сознаніе Гуревича идея «единства противоположностей», причемъ своеобразіе его системы, роднящее ее съ нѣкоторыми системами гностиковъ, заключается въ особой подчеркнутости *плюралистическаго* мотива этого міровоззрѣнія.

Изъ относящихся сюда отрывковъ и набросковъ, которыми заполнены многія толстыя тетради покойнаго, мы выбрали лишь немногіе, наиболѣе цѣнные. То, что основная мысль этой философской концепціи не нова, составляетъ, конечно, не недостатокъ, а скорѣе ея достоинство: едва ли не всѣ болѣе глубокія идеи, улавливающія какую-либо подлинную и существенную черту въ строеніи бытія, уже были высказаны, и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно сызнова открываются творческими умами, которые никогда не могутъ почерпнуть истины изъ чужихъ мнѣній и книгъ, а всегда берутъ ихъ изъ себя, изъ своей личной интуиціи. Недостаткомъ этого построенія у Гуревича мы, наоборотъ, считаемъ то, что у него совершенно несознано это сродство съ глубокими и древними философскими теченіями, что онъ либо вообще не зналъ, либо недостаточно цѣнилъ тѣхъ мистиковъ, у которыхъ онъ могъ бы найти основную идею своего міропониманія выраженной гораздо богаче и полнѣе, чѣмъ это удалось ему самому. Вообще отщепенство, отрѣшенность отъ идейнаго прошлаго, безпочвенность, стремленіе, вмѣсто укрѣпленія связей съ вселенской мыслью человѣчества, на манеръ Ницше «переоцѣнить всѣ цѣнности» (Ницше оказалъ сильное вліяніе не только на содержаніе, но и на самый стиль мыслей и самосознаніе Гуревича) есть основной, органическій дефектъ творчества Гуревича, какъ и основной тонъ его личной жизни, выдержанный съ страстной до болѣзненности прямолинейностью. Его умственныя и духовныя дарованія оказались бы гораздо болѣе плодотворными, и его мысль не сожгла бы сама себя такъ быстро, если бы его личность не была насквозь проникнута этой отрѣшенностью, если бы она имѣла

болѣе крѣпкія, органическія связи съ средой — соціальной и идейной — съ прошлымъ, съ совокупной исторической духовной жизнью человѣчества.

Во всякомъ случаѣ, это была, несомнѣнно, крупная и цѣльная натура. Краткая, исполненная внѣшняго и внутренняго трагизма жизнь, вся посвященная одной страсти — исканію правды, въ двойномъ — теоретическомъ и моральномъ — смыслѣ этого слова — уже сама по себѣ заслуживаетъ вниманія. Плоды ея — если принять въ разсчетъ ея краткость (А. В. Гуревичъ умеръ на 27-мъ году жизни)— достаточно значительны, чтобъ быть спасенными отъ забвенія, и въ бѣдной русской философской литературѣ не должны были бы остаться незамѣченными. Но и исторически — въ исторіи современнаго идейнаго движенія — творчество А. В. Гуревича заслуживаетъ вниманія. Въ немъ въ бурной, яркой и, несомнѣнно, оригинальной формѣ произошелъ тотъ переходъ отъ соціальнаго утилитаризма и философскаго позитивизма къ новому, метафизически и религіозно окрашенному синтезу, который въ разныхъ формахъ былъ пережитъ большинствомъ мыслящихъ людей за послѣднія два десятилѣтія, и который теперь есть уже неоспоримый фактъ умственной исторіи начала XXвѣка (не только въ Россіи, но и на Западѣ). Какъ бы мало ни удалось Гуревичу свершить самому, онъ стоялъ на уровнѣ этого движенія, въ ряду самыхъ независимыхъ и передовыхъ его дѣятелей, и уже одно это даетъ ему право быть отмѣченнымъ въ исторіи русской мысли.

С. Франкъ.

A. Tyrrell

А. В. ГУРЕВИЧЪ.

Біографическій очеркъ *).

Аронъ Владиміровичъ Гуревичъ родился въ 1876 году въ семьѣ зажиточнаго еврея купца и до 15-ти лѣтъ прожилъ въ Москвѣ. Мать его, человѣкъ крупнаго ума, страстной и непреклонной натуры, занималась торговлей и сама нажила капиталъ. Отецъ въ тридцать лѣтъ, охваченный сильнымъ религіознымъ чувствомъ, оставилъ семью, развелся съ женой, не сочувствовавшей ему, и паломникомъ отправился въ Іерусалимъ. Онъ прожилъ до 42 лѣтъ въ постѣ, молитвахъ, изученіи еврейской Торы и умеръ отъ истощенія въ синагогѣ.

Мать очень мало заботилась о дѣтяхъ, изъ которыхъ Аронъ Владиміровичъ былъ старшимъ, и ребенкомъ онъ проводилъ свои дни въ обществѣ грубой прислуги и ея пріятелей, прислушиваясь къ разговорамъ взрослыхъ. Съ чрезвычайной остротой и настороженный чуткостью всего существа отражаетъ онъ жизнь своихъ окружающихъ со всѣми ея темными проявленіями — съ ея ложью, частымъ обманомъ, злою волею. И словно эхо — безучастно и ясно — отвѣчаетъ онъ средѣ ея же душой: пяти лѣтъ онъ взялъ разъ золотые часы у спящаго дяди своего, явился къ родителямъ и серьезно заявилъ, что «укралъ» часы; часто обманывалъ,—такъ, позже онъ тайно отъ отца читалъ романы на скучныхъ урокахъ древне-еврейскаго языка, бралъ деньги изъ комода родителей и на нихъ посѣщалъ скачки, зрѣлища.

Когда глядишь на его дѣтскую фотографію, становится ясенъ весь характеръ этихъ грѣховъ, его собственныхъ, какъ и отраженныхъ — среды: ясное сознаніе совершаемыхъ проступковъ и напряженно чуткое ожиданіе — покорная готовность принять на себя заслуженную казнь и въ то же время отдаленная, изъ глубины существа исходящая мечта, ожиданіе скрытаго чуда, свѣта, который непремѣнно явится, и все преобразитъ. Ожиданіе свѣта, требованіе ясности звучитъ въ заявленіи ребенка объ «украденныхъ» часахъ. Въ этомъ

---

*) Авторъ этой книги скончался въ 1902 году на 27-мъ году жизни. Послѣ него остались, помимо сочиненій, вошедшихъ въ это изданіе, автобіографія, озаглавленная «Моя жизнь и моя вѣра», и рядъ дневниковъ, главнымъ образомъ, философскаго и мистико-лирическаго содержанія. Предлагаемый біографическій очеркъ основанъ, главнымъ образомъ, на автобіографіи, изъ которой заимствованы мѣста въ кавычкахъ.

характерѣ его дѣтскихъ грѣховъ и воспріятій заложена вся судьба его жизни и творчества. Впослѣдствіи его философія «Внутренности-внѣшности тридцати одного начала» явилась для него тѣмъ чуднымъ свѣтомъ, въ которомъ міръ открылся преображеннымъ. Но пока жизнь и мысль его не достигли полнаго завершенія и осознанія, — онъ подвергался казни за всякую воспринимаемую имъ темную душу въ его средѣ. Всякія лживыя, низменныя проявленія людей воспринимались имъ съ мучительной остротой, точно содержанія его собственной души, вопіющія въ немъ о судѣ и просвѣтленіи. И самыя обычныя, неизбѣжныя соприкосновенія съ людьми темной воли, низменныхъ воззрѣній — съ кельнеромъ въ ресторанѣ, съ хозяйкой, сдающей комнаты, — и даже одно присутствіе народа бывало для него сплошнымъ распинаніемъ, отъ котораго онъ лишь постепенно освобождался съ ростомъ его духовнаго міра, и освободился съ созданіемъ своей философской системы. Однако, совершенно полно, всѣмъ существомъ онъ принялъ всю соціальную среду лишь незадолго до своей кончины, послѣ того какъ онъ прошелъ свой путь познавательнаго творчества и вышелъ за него къ иному свѣту, въ которомъ онъ оставилъ жизнь.

Послѣ мрачныхъ впечатлѣній дѣтства вокругъ А. В. впервые просвѣтлѣло, когда на 15-мъ году къ нему пригласили одного учителя, студента, соціалиста-марксиста. Преданный интересамъ идеи, правдивой, ясной души человѣкъ, онъ былъ первымъ лучемъ на его пути, зажегшимъ его собственную жизнь. А. В. весь отдался занятіямъ, чтенію общеобразовательныхъ книгъ, составленію рефератовъ, которые читалъ въ кружкахъ молодежи и рабочихъ, поражая учителя необычайной быстротой успѣховъ, глубиной и универсальностью мысли. 16-ти лѣтъ онъ уѣхалъ за границу, въ Берлинъ, учиться. Онъ поступилъ на философскій факультетъ и страстно отдался наукамъ. Помимо университетскихъ занятій онъ съ особымъ интересомъ знакомился съ произведеніями соціалистической литературы. «Его привлекали смѣлость и революціонный тонъ, широта историческаго и соціальнаго горизонта и притязанія на строгую научность этихъ книгъ». Черезъ нѣсколько семестровъ онъ переѣхалъ въ Цюрихъ къ Рихарду Авенаріусу, о книгѣ котораго — «Критикѣ чистаго опыта» — слышалъ, какъ о произведеніи, имѣющемъ чрезвычайно высокое философское значеніе. «Ему хотѣлось знать, знать, знать. Что — я? Что такое міръ? Какъ долженъ я относиться къ міру? — были его проблемы. Результаты своихъ философскихъ и научныхъ занятій въ Берлинѣ онъ объединилъ передъ своимъ отъѣздомъ въ докладѣ «О душѣ и тѣлѣ», прочтенномъ имъ въ студенческомъ научномъ обществѣ. Онъ защищалъ въ немъ точку зрѣнія Шопенгауэра и своего учителя Паульсена и пытался понять міръ, какъ форму явленія воли, но энергично опровергалъ *необходимую* связь между метафизикой воли и пессимизмомъ. Но уже передъ отъѣздомъ, и особенно въ Швейцаріи, его охватило сомнѣніе въ истинности Кантовой теоріи познанія

и всякой метафизики. На это отрицательное отношеніе его повліяли, помимо чтенія соціалистической литературы, еще особенно книги и лекціи одного скептическаго и склоннаго все анализировать, находящагося подъ вліяніемъ современныхъ теченій, колеблющагося и умственно-сложнаго доцента»*).

Въ Цюрихѣ онъ надѣялся найти среду для себя. «Его глубокая серьезность, его чистое влеченіе къ знанію, его необычайная сила воспріятія, его независимость, коренившаяся въ самостоятельномъ свѣтломъ взглядѣ на дѣйствительность, нуждались въ пониманіи, признаніи и поощреніи и въ достойномъ матеріалѣ, — нуждались въ средѣ, гдѣ его чисто духовное, своеобразное, легко оскорбимое существо могло бы ясно проявляться и утверждать себя въ соотвѣтствующихъ ему положеніяхъ и отношеніяхъ». Эту среду онъ отчасти нашелъ у Авенаріуса. Но вначалѣ, нѣсколько разочарованный Авенаріусомъ и его ученіемъ, онъ принялъ въ его кругу замкнутый, упрямый, независимый видъ. Изученіе «Критики чистаго опыта» не представило ему трудностей, и онъ не нашелъ въ ней ничего новаго или особенно возбуждающаго мысль. Съ эволюціонистическимъ взглядомъ на душевную жизнь онъ освоился уже въ психологіи, а научный соціализмъ съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи представлялся ему гораздо болѣе глубокимъ и радикальнымъ преодолѣніемъ идеалистической метафизики, чѣмъ философія Авенаріуса. Онъ даже предпочиталъ матеріалистическое воззрѣніе, оттого что оно двигалось, главнымъ образомъ, на *соціологической* почвѣ и имѣло своимъ прямымъ предметомъ сложныя духовныя явленія, между тѣмъ какъ теорія Авенаріуса возводила въ единственную основу объясненія лишь самыя общія отношенія жизни, даже болѣе того — отношенія равновѣсія вообще. Онъ скоро охладѣлъ къ «Критикѣ чистаго опыта». Вниманіе его все больше занимали соціалистическія книги и проблемы. Особенно углубился онъ въ «Исторію современной мысли» Петра Лаврова. Изъ этого изученія возникъ докладъ о Лавровѣ, прочтенный имъ въ философскомъ обществѣ Авенаріуса. Докладъ обнималъ главныя проблемы философіи исторіи и теоріи познанія, проблему свободы воли и высшей заповѣди нравственности».

Сдѣлавшись нѣсколько равнодушнымъ къ занятіямъ, онъ сосредоточилъ свое вниманіе на товарищескихъ отношеніяхъ къ учащимся въ Цюрихѣ русскимъ. Эти отношенія завязывались на почвѣ общихъ соціальныхъ и политическихъ цѣлей. А. В. считался теоретикомъ. Онъ держался вдали отъ всѣхъ практическихъ предпріятій и разговоровъ. Его чувство сильно поражали скрытый страхъ этихъ круговъ предъ правительствомъ, осторожность и недовѣріе, подозрѣнія въ ненадежности, измѣнѣ, шпіонствѣ, тайные вопросы и сомнѣнія, которыя возникали во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ случайно собравшихся со всѣхъ сторонъ Россіи членовъ колоніи. Всѣ намеки и движе-

* Берлинскаго профессора, Георга Зиммеля.

нія души въ этомъ направленіи приводили его въ безпокойство и возбужденіе, — точно затрагивали этимъ его самого, точно тема о шпіонствѣ касалась его собственной совѣсти. И безмѣрное состраданіе къ ненавидимымъ и презираемымъ здѣсь болѣе всего шпіонамъ и измѣнникамъ проникали его отношенія къ русскимъ товарищамъ, дѣлали его чуждымъ и внѣшнимъ, дѣлали для него невозможнымъ всякое приспособленіе его духовнаго существа и его дѣятельности къ этой средѣ».

«И все же идеальные мотивы этой среды занимали его болѣе всего. Онъ написалъ новый докладъ о Лавровѣ, и старался доказать въ немъ сочетаемость индивидуалистической и идеалистической философіи исторіи съ «матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи», представивъ воззрѣнія Лаврова, какъ такого рода синтезъ. Въ связи съ этимъ докладомъ образовался кружокъ съ цѣлью изученія историко-философскихъ проблемъ по выдающимся русскимъ и нѣмецкимъ произведеніямъ».

«На весеннія каникулы онъ вмѣстѣ съ двумя студентками, членами этого кружка, поѣхалъ въ Брюссель, гдѣ готовилась всеобщая стачка рабочихъ, которые боролись за всеобщее избирательное право. Они посѣщали народныя собранія, ходили по музеямъ, въ театры. Жизнь и движеніе Брюсселя лишь поверхностно интересовали его. Мысль его занималъ обзоръ научнаго соціализма, который онъ здѣсь писалъ, а по возвращеніи въ Цюрихъ закончилъ. Онъ объединилъ въ немъ выводы всѣхъ своихъ предшествовавшихъ занятій. Этотъ докладъ онъ долженъ былъ прочесть въ теченіе ближайшаго семестра въ «Философскомъ обществѣ» Авенаріуса. Темы его были слѣдующія: 1. *Введеніе.* — Принципъ экономіи силъ въ области мысли. — Современный человѣкъ. — Соціализмъ. 2. *Капиталистическое общество.* — Экономія. — Общество. — Право. — Нравственность. — Религія. — Наука. — Искусство. 3. *Соціалистическое общество.* — Экономія. — Общество. — Право. — Нравственность. — Религія. — Наука. — Искусство. — Докладъ Авенаріусъ нашелъ геніальнымъ и выразилъ удивленіе его языку».

«Въ воззрѣніяхъ А. В. произошелъ между тѣмъ значительный переворотъ. Онъ чувствовалъ все большее отталкиваніе отъ демократическихъ и матеріалистическихъ элементовъ соціализма. Ему въ самой глубинѣ существа чужды были всѣ насильственные, партійные, злобные, слѣпые, невѣжественно-презирающіе, насмѣшливо-отвергающіе элементы соціализма. Все теоретически и нравственно вѣрное соціалистическаго ученія и движенія требовало, казалось ему, своего включенія въ болѣе широкое, болѣе объемлющее, иначе расчлененное, другими цѣнностями проникнутое міровоззрѣніе, чѣмъ міровоззрѣніе соціалистическое. Своей средѣ въ Цюрихѣ онъ чувствовалъ себя совершенно чуждымъ. И не оставляя ни одного друга, не обладая никакой моральной и соціальной опорой, онъ покинулъ Цюрихъ и уѣхалъ на каникулы въ Парижъ».

XI

«Здѣсь онъ отдался хаотической полнотѣ новыхъ впечатлѣній. Послѣ трехъ дней ему казалось, будто онъ прожилъ здѣсь уже мѣсяцы. Онъ посѣтилъ стараго учителя, Петра Лаврова, и окончательно убѣдился въ томъ, что стряхнулъ съ себя и болѣе свободныя, и болѣе идеалистическія формы соціалистическаго ученія. Его вниманіе приковывала жизнь бульваровъ и Café-Concerts. Но ближе онъ не сошелся ни съ одной женщиной за все время пребыванія въ Парижѣ. Недостаточное знаніе языка, скудныя денежныя средства, которыми онъ располагалъ, чрезвычайная робость и отсутствіе внѣшнихъ формъ въ его существѣ, точно защищающія ограды, не позволяли чувственнымъ влеченіямъ осилить его страстно-созерцательнаго отношенія. Послѣ мѣсяца такого шатанія онъ усталъ и сталъ скучать. Онъ погрузился въ изученіе тяжеловѣсной и малоотрадной «Логики» Вундта, и послѣ двухнедѣльнаго упорнаго сидѣнія дома и изученія рѣшилъ сократить свое пребываніе въ Парижѣ и сейчасъ же уѣхать. Онъ отправился въ Берлинъ, чтобы тамъ писать докторскую работу и закончить свои студенческія занятія».

«Въ Берлинѣ изъ занятій ничего не вышло. Весь характеръ берлинскихъ занятій отталкивалъ и оскорблялъ его. Послѣ особенно выдающагося и значительнаго положенія его въ семинаріи Авенаріуса, ему пришлось испытать отношенія безъ всякаго вниманія, свысока, стоять въ ряду съ большимъ числомъ карьеристовъ, плоскихъ и бездушныхъ молодыхъ людей, въ холодной, оффиціальной, тупой атмосферѣ спеціалистовъ. Философія Авенаріуса отвергалась здѣсь безусловно и высокомѣрно. Съ профессоромъ по психологіи онъ не смогъ прійти къ соглашенію о темѣ для диссертаціи. Науку, преподававшуюся здѣсь, онъ съ самымъ яснымъ сознаніемъ чувствовалъ въ ея предпосылкахъ и методахъ заблуждающейся, ошибочной и несостоятельной. Докладъ о соціальномъ вопросѣ, въ которомъ онъ развивалъ на философской основѣ свое тогдашнее воззрѣніе, онъ взялъ обратно изъ семинарія по политической экономіи, послѣ того какъ убѣдился, что участники лишь съ малымъ пониманіемъ могли бы слѣдить за ходомъ его мыслей, и оттого что чувствовалъ оскорбительность читать докладъ здѣсь, гдѣ карьеристскія точки зрѣнія являлись главнымъ мотивомъ работы и дѣятельности».

«Такъ онъ почти всецѣло отвернулся отъ университета въ ту зиму». «Однажды онъ напалъ на книгу Ницше «Такъ говорилъ Заратустра». Это чтеніе стало большимъ событіемъ для А. В. Все, что въ этой книгѣ возвѣщалось и пѣлось о творящемъ, одаряющемъ, избранномъ, одинокомъ, благородномъ, ложно понятомъ, оскорбленномъ, уязвленномъ, рѣдкомъ, сверхцѣнномъ—озарило его, точно откровеніе, нашло откликъ въ его глубочайшихъ нѣдрахъ, отвѣтило его собственному, до сихъ поръ лишь неясно сознаваемому опыту и чувству. Опьяненнымъ, глубоко тронутымъ, вновь рожденнымъ вышелъ онъ изъ этой книги, вѣское содержаніе которой захватило его всей своей полнотой, но одолѣть которое онъ еще не былъ въ состояніи.

Остался мощный религіозный подъемъ и свѣтлое, на всегда неизгладимое сознаніе своей собственной сущности, которому до сихъ поръ духовная и соціальная среда не дала проявиться. Но именно отъ этого значительно усилились чувствительность, легко оскорбимая гордость, обособленность и одиночество молодого человѣка. Его матеріальная зависимость отъ матери, его глубокая чуждость всей окружающей жизни, юношеская незрѣлость всего его соціальнаго и культурнаго существа нахлынули на него и заставили продолжать и кончать занятія. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Цюрихъ къ Авенаріусу и, по возможности, тамъ написать докторскую работу. Съ идеями Авенаріуса онъ здѣсь въ Берлинѣ болѣе сблизился, чѣмъ въ Цюрихѣ. Онъ держался того мнѣнія, что Авенаріусъ положилъ основу, на которой можно было бы строить дальше въ смыслѣ всесторонняго преодолѣнія господствующей философіи, представлявшейся ему совершенно несостоятельной».

«Но Авенаріусъ лежалъ уже больнымъ, и это была послѣдняя весна, которую онъ видѣлъ. Онъ принялъ А. В., лежа въ своемъ кабинетѣ. Онъ говорилъ о своей философіи и высказалъ мысль, что новое міровоззрѣніе въ зародышѣ заключено въ положеніи: «человѣкъ есть преднайденное». А. В. замѣтилъ, что весь міръ можно было бы разсматривать, какъ единый большой витальный рядъ, т.-е. какъ незавершимое стремленіе къ равновѣсію. Разговоръ утомлялъ больного. Еще одинъ только разъ навѣстилъ его А. В. Онъ далъ ему письмо къ профессору Кюльпе въ Вюрцбургѣ, у котораго А. В. могъ написать докторскую работу».

«На каникулы А. В. остался въ Цюрихѣ. Днемъ онъ работалъ дома, по вечерамъ гулялъ у озера противъ горы Итлибергъ, вблизи большого моста, фонари котораго мерцали и сверкали въ водѣ, въ созвучіи со звѣздами въ свѣтло-синемъ, далеко раскинутымъ небѣ. Отъ «колоніи» своихъ соотечественниковъ онъ держался вдали. За короткій періодъ каникулъ онъ прочелъ Декарта, Спинозу, Локка, Лейбница, Юма, Канта. Этика и міровоззрѣніе Спинозы казались ему во многомъ существенно сходными съ воззрѣніями Ницше. «Критику чистаго разума» онъ не только понималъ, но безъ малѣйшаго затрудненія слѣдовалъ за ея извилистымъ, противорѣчивымъ и наивно простодушнымъ ходомъ мысли, ясно сознавая предпосылки философа и тотчасъ же сочувственно возсоздавая въ себѣ всѣ логическія связи его міровоззрѣнія — въ общемъ и въ единичномъ. Локкъ казался ему почти безсодержательнымъ и поверхностнымъ, Лейбница «Новые опыты надъ человѣческимъ разумомъ» были ему не интересны и Юма онъ нашелъ не глубокимъ».

«Наступило лѣто тихой, неустанной работы въ Вюрцбургѣ. Темой своей диссертаціи онъ взялъ проблему уваженія. Требовалось подвергнуть строго научному психологическому анализу чувство уваженія. Никакихъ впечатлѣній, ни общества не было въ этомъ исконно скучномъ, старомъ, католическомъ городѣ съ отравленной атмосферой. Къ концу семестра онъ уже едва могъ выносить тамъ скуку и давящій

воздухъ. И когда семестръ, наконецъ, кончился, онъ уѣхалъ на каникулы въ Мюнхенъ, гдѣ долженъ былъ состояться психологическій конгрессъ и гдѣ онъ надѣялся нѣсколько разсѣяться».

«На конгрессѣ онъ имѣлъ случай ознакомиться съ большимъ количествомъ современныхъ ученыхъ. На дружескихъ собраніяхъ конгресса невзрачный, едва достигшій 21 года, кандидатъ философіи чувствовалъ себя необыкновенно гордымъ и значительнымъ — какъ равный самымъ выдающимся и самымъ знаменитымъ. Онъ обозрѣвалъ съ высоты все движеніе психологической науки въ ея предпосылкахъ, методахъ, теоріяхъ, гипотезахъ, ученіяхъ. Послѣ конгресса онъ посѣщалъ художественныя выставки и театры, не пренебрегалъ и оперетокой, читалъ д'Аннунціо и готовилъ свою диссертацію, которую озаглавилъ «Къ исторіи понятія увѣженія и къ теоріи нравственныхъ чувствъ». Въ октябрѣ онъ вернулся въ Вюрцбургъ и сейчасъ же, въ началѣ семестра, подалъ въ университетъ свою диссертацію съ прошеніемъ о допущеніи къ экзамену. Диссертація была одобрена факультетомъ, и онъ былъ допущенъ къ экзамену, хотя не имѣлъ ни аттестата зрѣлости, ни иного школьнаго свидѣтельства — въ видѣ исключенія, какъ иностранецъ».

«Печальныя недѣли прожилъ онъ здѣсь — недѣлю до и послѣ экзамена, пока уѣхалъ изъ Вюрцбурга. Къ экзамену ему едва нужно было готовиться, и время проходило въ напряженномъ ожиданіи экзамена и въ подавленномъ настроеніи въ виду перспективъ въ будущемъ. Мать требовала немедленнаго возвращенія его домой; она рѣшительно отказала ему въ его просьбѣ остаться еще годъ за границей». Соціальной опоры у него не было никакой.

«Совершенно одинокій, въ жалкой, плохо топленной комнатѣ, безъ всякихъ духовныхъ и эстетическихъ впечатлѣній, онъ проводилъ долгіе осенніе дни съ однимъ желаніемъ — какъ можно скорѣе покончить съ экзаменомъ и уѣхать изъ нестерпимаго Вюрцбурга. Подавленное и отчаянное настроеніе владѣло имъ. Впервые въ своей жизни онъ сталъ серьезно думать о самоубійствѣ. Его пассивная натура не въ состояніи была долго переносить страданія, и если энергичныя попытки сразу освободиться отъ страданія не удавались, онъ сейчасъ же думалъ о смерти, или стремился немедленно приспособиться къ непріятному, примириться съ нимъ, сдѣлать его сноснымъ, однимъ словомъ — избавиться отъ страданія. Но его неспособность отстаивать себя какимъ-нибудь образомъ за счетъ другихъ — а именно, за счетъ чувствъ, созерцаній, желаній и мыслей другихъ — влекла за собою обыкновенно невозможность для него не только всякаго грубо эгоистическаго, но и всякаго благороднаго отстаиванія себя, ибо послѣднее могло быть достигнуто лишь черезъ посредство униженія, оскорбленія духовнаго и душевнаго существа нижестоящихъ. И въ его отношеніи къ людямъ образовался сложный фатализмъ, который происходилъ оттого, что онъ непрестанно принималъ во вниманіе фактически существую-

щую душевную структуру окружающихъ, — фатализмъ, который связанъ былъ съ эгоистическимъ утилитаризмомъ и съ идеалистическимъ альтруизмомъ; ему приходилось осуществлять свои цѣли при помощи людей, къ которымъ онъ не чувствовалъ внутренней солидарности, дружбы, духовной общности, а, глубоко считаясь съ душевными движеніями окружающихъ, онъ не могъ дѣйствовать въ смыслѣ своихъ болѣе узкихъ интересовъ и цѣлей, отстаивать себя, — и отказъ, пренебреженіе къ требованіямъ своего собственнаго существа, умаленіе ихъ до минимума являлись для него неустранимой заповѣдью».

Одиночество и отсутствіе среды съ грустью чувствовалось имъ всю жизнь. Въ его отношеніяхъ къ людямъ особенно ярко сказывалась основная воля его существа. Проявленія людей, сколь бы незначительными они ни казались со стороны — брошенный взглядъ, слово, кашель, случайная встрѣча — раскрывали ему цѣлый безусловный міръ, требовавшій всего его вниманія—для уясненія и возсозданія изъ глубины. И все мелкое, ничтожное вызывало въ немъ энергичное внутреннее отрицаніе и устремленіе пересознать его не только въ томъ цѣломъ, изъ котораго оно исходило, но какъ цѣлое въ себѣ, цѣнное въ себѣ. Обезграничить, расширить до безусловнаго, водворить въ непосредственной самоцѣнности всякій актъ жизни — являлось въ немъ естественнымъ требованіемъ. Нося въ себѣ откровеніе жизни въ ея основахъ и призванный какъ-будто лишь выявить его и исчезнуть — онъ отличался особой оголенностью всего существа, отсутствіемъ всякихъ формъ приспособленія, всякихъ орудій самозащиты и покрововъ «культуры» и являлся живымъ открытымъ воплощеніемъ своихъ мыслей, своей правды. Такимъ путемъ онъ невольно противопоставлялъ себя окружающимъ, какъ отрицаніе ихъ, какъ воплощенное требованіе скрытаго для нихъ самихъ. Это отношеніе чрезвычайно ограничивало для него возможность солидарной среды.

Сдавъ экзаменъ, А. В. уѣхалъ къ матери, жившей тогда съ семьей въ Лодзи. «Съ неопредѣленнымъ чувствомъ покорности, радостно-напряженнаго ожиданія, давящей грусти ѣхалъ онъ навстрѣчу своей родинѣ и своимъ роднымъ. Онъ чувствовалъ эту среду своеобразно чуждой, она внушала ему отвращеніе, и въ то же время являлась знакомой и надежной, домашней и теплой». Но въ материнскомъ домѣ онъ смогъ пробыть не болѣе недѣли. «Все его богатое ошибками дѣтство поднялось въ немъ въ образѣ матери и его реакціяхъ на нее». «И вся его расплата, вся его израненность, вся его борьба и вся его чистота въ этой кошмарно чуждой его природѣ средѣ воскресли въ его словахъ, взглядахъ, движеніяхъ, чувствахъ, мысляхъ, желаніяхъ, въ присутствіи матери и этой атмосферы его дѣтства». «Но возвращеніе къ семьѣ доставило ему и сильное удовлетвореніе. Онъ чувствовалъ, что возстаютъ въ немъ цѣлыя связки глубоко вкоренившихся юношескихъ переживаній и наполняютъ его теплотой и интимностью. Четырехлѣтнее пребываніе за границей грозило при продолженіи

лишить его личность корней, нарушить равновѣсіе его душевной жизни и увлечь его въ бездонныя пропасти. Его тянуло поэтому и въ Москву — въ мѣсто впечатлѣній и переживаній его юности, гдѣ жили его родные и товарищи дѣтства». «Но и здѣсь впечатлѣнія родины совершенно потонули въ чувствѣ несказанной чуждости и антипатіи. Жизнь на улицахъ, душевная атмосфера, жизненныя цѣли, уровень образованія — все показалось ему грубымъ, варварскимъ, нестерпимымъ. Домъ, въ которомъ онъ провелъ дѣтство, мѣста, гдѣ онъ многое пережилъ — все было ему безразлично. Ни тѣни благоговѣнія не шевельнулось въ немъ. Черезъ три дня онъ убѣжалъ изъ Москвы. Онъ уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ намѣревался пробыть до срока отбыванія воинской повинности. Его отношенія къ матери стали натянутыми и недружелюбными. Онъ отказывался жить въ Лодзи и хотѣлъ отнынѣ употреблять на существованіе свой собственный капиталъ въ 2500 р., которые отецъ при разводѣ оставилъ каждому изъ дѣтей и которыми они могли распоряжаться по достиженіи совершеннолѣтія.

«Въ Варшавѣ онъ намѣревался написать философское изслѣдованіе и представить его, какъ рѣшеніе задачи на премію объ Огюстѣ Контѣ, предложенной московскимъ психологическимъ обществомъ. Въ основу этой работы онъ рѣшилъ положить только что вышедшія тогда произведенія A. Fouillée: «Le mouvement idealiste et la reaction contre la science positive» и «Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde». Общество варшавскаго профессора, отстаивавшаго спиритуалистическіе и теологическіе взгляды, мало вдохновляло его. Помимо него, онъ снова былъ совсѣмъ одинокъ. Со своими родственниками, находившимися въ Варшавѣ, онъ сталъ на враждебную ногу, и отношенія съ матерью сдѣлались холодными и формальными. Работа подвигалась прекрасно, и въ Варшавѣ возникли «Введеніе», глава «О непознаваемомъ» и часть главы «О познаваемомъ». Такъ прошла зима». «На лѣто А. В. отправился на рижское взморье. Здѣсь онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ много отдыхалъ, продолжалъ писать свое изслѣдованіе и встрѣчался съ жившей тамъ въ то лѣто подругой его юности, съ которой поддерживалъ письменныя сношенія во время пребыванія его за границей.

«Въ концѣ лѣта А. В. вернулся въ Варшаву, чтобы тамъ провести оставшіеся мѣсяцы до призыва.»

«Эти мѣсяцы таили роковыя послѣдствія для него. На своей родинѣ, окруженный всѣми своими родственниками, въ непосредственной близости родительскаго дома онъ чувствовалъ себя совершенно чуждымъ и одинокимъ. Съ матерью доходило до серьезныхъ столкновеній. Онъ просто не могъ переносить ея присутствія. Безнадежность и отчаяніе охватили его. Онъ видѣлъ, какъ всѣ перспективы жизни превращаются для него въ ничто. Все казалось ему неинтереснымъ и безразличнымъ. Свое изслѣдованіе онъ оборвалъ. Занятія въ Варшавѣ опротивѣли ему изъ-за неизбѣжности приходить въ соприкосновеніе съ чиновниками и посѣщать библіотеку. Онъ казался возбужденнымъ,

боязливымъ, смущеннымъ и вызывалъ удивленіе и недовѣріе. Онъ началъ проводить время въ чтеніи Flaubert'a, Goncourt'a, Huysmans'a, d'Annunzio и въ безцѣльныхъ шатаніяхъ по городу. Послѣ ожидаемаго освобожденія отъ военной службы онъ рѣшилъ уѣхать въ Парижъ, тамъ быстро прожить свои денежныя средства и положить конецъ жизни».

Съ этимъ рѣшеніемъ онъ уѣхалъ за границу. «Особенное чувство овладѣло имъ, когда онъ оставилъ за собой русскую границу. Это было восторгъ передъ безграничной свободой и широкимъ, свѣтлымъ міромъ, открывшемся теперь передъ нимъ, ликованіе заключеннаго, вновь увидѣвшаго солнце послѣ долгаго заключенія и окруженнаго безмѣрнымъ горизонтомъ во всѣхъ направленіяхъ. Но и безъ узды, безъ защиты почувствовалъ онъ себя, вырваннымъ изъ границъ и заповѣдей человѣческой совмѣстной жизни, чуждымъ, безразличнымъ, безъ духовнаго единенія со всѣмъ окружающимъ человѣчествомъ».

Въ чувствѣ чуждости его всему окружающему таился зародышъ его будущей системы, которая, возсоздавъ собою человѣческую дѣйствительность, сроднила его съ нею. Но изъ этого же чувства исходило и сознаніе невозможности для него жизни и боязнь потери равновѣсія. Его воспріятія дѣйствительности являлись полнымъ перевоплощеніемъ — перевоплощеніемъ во всѣ подробности даннаго явленія до его послѣднихъ, теряющихся во тьмѣ безсознательнаго корней. И мысль его, въ свою очередь, на своемъ творчески-познавательномъ пути стремилась всецѣло обнять и проникнуть насквозь своей общей безусловной сущностью всю дѣйствительность, какъ она являлась въ его воспріятіи. И въ этомъ стремленіи дѣйствительности и мысли къ взаимному сліянію, каждая столь сильно отстаивала въ немъ полноту своей собственной природы, что, пока мысль его не разрослась вполнѣ, не соразмѣрилась съ его воспріятіями, послѣднія, не находя избавленія, легко овладѣвали всѣмъ его существомъ, заполняли его своей непросвѣтленностью, за которую онъ какъ бы чувствовалъ себя отвѣтственнымъ, преграждали собой путь мысли, и равновѣсіе сознанія его нарушалось, обостренная воспріимчивость начинала галлюцинировать въ направленіи тѣхъ темныхъ явленій жизни, которыя особенно искали въ немъ полнаго избавленія. И мысль его могла развиваться лишь въ такихъ условіяхъ, которыя ограждали его отъ непосредственнаго соприкосновенія съ темной средой.

Но духовная сущность его, выявляясь все болѣе расчлененно и полно, становилась способной все интимнѣе проникать въ явленія дѣйствительности, пока въ концѣ его пути оба эти момента, искавшіе въ немъ другъ друга — дѣйствительность и мысль — наконецъ сошлись и претворились другъ въ друга. Философія «внутренности-внѣшности тридцати-одного начала» явилась полнымъ и внутренно необходимымъ коррелатомъ міра его воспріятія. Въ ней всякій актъ жизни обрѣлъ для него свой самобытный исчерпывающій свѣтъ

свое полное преображеніе въ своей безпредѣльности. И съ достиженіемъ ея соціальная среда перестала угрожать его равновѣсію. Ея совѣсть въ немъ осуществилась.

Отчаяніе, съ которымъ онъ вернулся за границу, сознаніе невозможности для него жизни—жизни мысли и творчества — было предчувствіемъ потери равновѣсія, которое потомъ произошло.

Для его собственнаго сознанія тогда жизнь — при полномъ отсутствіи солидарной среды, въ условіяхъ наемныхъ комнатъ и прямой зависимости отъ чуждыхъ ему людей—представлялась непрерывнымъ мучительнымъ униженіемъ его личности. И онъ находилъ единственно желаннымъ и должнымъ въ духѣ философіи совершенствованія, которую онъ тогда исповѣдывалъ, добровольно уйти изъ жизни.

Въ желаніи и готовности умереть онъ всегда видѣлъ самый вѣрный признакъ подлиннаго величія личности. Ибо смерть являлась ему погруженіемъ въ вѣчную правду міра и торжествомъ самой интимной вселюбящей жизни. Самъ онъ всегда готовъ былъ умереть въ сознаніи полноты изжитаго и осознаннаго имъ. Уже въ тринадцать лѣтъ и даже въ восемь лѣтъ казалось ему, какъ много онъ прожилъ, и часто задавался онъ вопросомъ: что можетъ еще открыть ему жизнь? И позже, за годъ до кончины, онъ пишетъ незнавшему его лично другу въ отвѣтъ на удивленіе послѣдняго его молодымъ годамъ: «въ мои 25 лѣтъ я уже совершенно справился съ жизнью, и немного отдѣляетъ меня отъ того берега». Вся жизнь его протекла точно въ предчувствіи ранняго конца — въ сжатомъ и напряженномъ осуществленіи своей единой воли. Казалось, Творецъ не далъ ему ни одной ненужной черты, ни одного незначущаго дня. Его тѣлесно-духовная организація была какъ бы создана для одной страсти — мышленія, отъ которой онъ лишь очень рѣдко отрезвлялся. Проводя весь день въ напряженной работѣ, онъ отдыхалъ въ двѣнадцати-часовомъ снѣ, почти всегда безъ сновидѣній. Рѣшенія и желанія его или тотчасъ же выполнялись, или, при малѣйшемъ препятствіи извнѣ, онъ окончательно отъ нихъ отказывался.

Такъ же сжата и сгущена его мысль — безусловная, несобладающаяся никакой красотой формы, никакими отступленіями, неискусимо вѣрная лишь голому безпосредственному своему содержанію, проходящая сквозь все, что встрѣчалось ему,—и такъ съ вершины на вершину, пока весь найденный имъ многосложный міръ не былъ превращенъ въ абсолютную ясность. И онъ осуществилъ свою волю и исчезъ, унося съ собой одинъ лишь таинственный источникъ свѣта.

Онъ уѣхалъ въ Парижъ, чтобы наслаждаться и умереть. Но здѣсь, проводя время на бульварахъ, въ Variétés, среди вульгарныхъ людей, которыхъ онъ со свойственной ему чуткостью отражалъ въ себѣ со всѣми явными и тайными изгибами ихъ воли и мысли, — онъ очень скоро уже почувствовалъ нестерпимость всего этого. И онъ началъ готовиться къ выполненію задуманнаго плана. «Онъ рѣшилъ повѣситься у себя въ комнатѣ. Надъ его постелью въ потолкѣ былъ при-

крѣпленъ крюкъ. Его онъ выбралъ для своего намѣренія. Это было до обѣда. Онъ хотѣлъ еще разъ выйти на улицу и пообѣдать. Улица не произвела на него никакого внѣобычнаго впечатлѣнія, и онъ бѣжалъ такъ же удрученно, какъ всегда, безъ особенныхъ мыслей и не глядя какимъ-нибудь особымъ образомъ «въ послѣдній разъ» на міръ. Онъ пообѣдалъ въ дорогомъ ресторанѣ и тотчасъ же ушелъ домой, чтобы немедленно выполнить свое намѣреніе. Съ тихой грустью вступилъ онъ въ свою комнату. Свою визитную карточку, съ распоряженіемъ отдать его собственность учителю юности, жившему въ Россіи, онъ положилъ на столъ. Затѣмъ онъ тотчасъ же принялся за дѣло. Онъ заперъ двери, удалилъ съ кровати постель, кромѣ тюфяка, и прикрѣпилъ къ крюку подвижную петлю изъ связанныхъ носовыхъ платковъ. Холодный потъ пробѣжалъ по его тѣлу, и онъ дрожалъ. Онъ стоялъ на кровати безъ сапогъ. «Вотъ ты умираешь, вотъ ты умираешь», повторялъ онъ себѣ. Ему пришло на мысль, что вѣдь слѣдовало бы думать о чемъ-нибудь великомъ и возвышенномъ, прощаться съ міромъ. Но ничто не приходило ему въ голову. Съ чувствомъ отчаянной резиньяціи, къ которой присоединялось свѣтлое ликованіе передъ совершенной свободой и чистотой поступка, онъ сдѣлалъ усиліе, поднялся на носки и вложилъ голову въ петлю. Онъ чувствовалъ при этомъ свое лицо. Оно было, вѣроятно, блѣднымъ, окаменѣлымъ, страдающимъ и свѣтлымъ. Теперь онъ долженъ былъ оторваться отъ земли, петля должна была затянуться и задушить его. Но... съ петлей на шеѣ ноги какъ разъ достигали тюфяка. Попытка не удалась. Необходимо было убрать тюфякъ, чтобы можно было повѣситься. Но онъ соскочилъ съ кровати, охваченный могучей радостью. Нѣтъ, не умереть! Жить, жить во что бы то ни стало! Онъ снова обрѣлъ всю свою силу. Въ головѣ проносились планы, виды, возможности жизни. Только не умереть! Изъ Парижа сейчасъ же уѣхать! Вернуться къ матери, какъ потерпѣвшій крушеніе, какъ инвалидъ, въ смиреніи и покорности. Только не умереть!»

Наскоро собравшись, онъ уѣхалъ сперва въ Берлинъ. Но образъ жизни его въ послѣднее время — на улицѣ, въ Cafés, въ Variétés — оторванность его при этомъ отъ занятій, отъ собственнаго пути мысли — такъ подѣйствовала на него, что равновѣсіе его отношенія къ средѣ нарушилось, и обостренная воспріимчивость начала галлюцинировать.

И чувствуя всю отдаленность своей души тѣмъ, среди кого онъ обреченъ жить, всю беззащитность предъ улицей своего оголеннаго существа, онъ снова сталъ думать о смерти, какъ о единственномъ достойномъ исходѣ для себя. «Онъ лишь не желалъ слишкомъ насильственной, возмущающей смерти. Разумно обдуманное, изъ разумныхъ и идеальныхъ основаній рѣшенное самоубійство не должно, казалось ему, совершаться въ ужасныхъ и чрезмѣрно возмущающихъ живой организмъ условіяхъ». Чувство его трагическаго положенія въ современномъ обществѣ не носило совершенно характера его собственнаго,

частнаго горя. Какъ всѣ моменты его личной жизни являлись въ особой неизъяснимой атмосферѣ всеобщности, міровой отвѣтственности и глубокой просвѣтленности, — такъ и это чувство носило печать трагизма, связаннаго съ процессомъ совершенствованія міра. Онъ рѣшилъ обратиться съ письмомъ къ одному гуманному врачу въ Берлинѣ, спеціалисту-невропатологу, изложить ему свое неизбѣжное въ современномъ обществѣ положеніе и его связанную съ этимъ «болѣзнь» и просить во имя сохраненія высшаго и изъ человѣколюбія прописать ему немучительно дѣйствующій ядъ. Но врачъ, изслѣдовавъ его, нашелъ его совершенно здоровымъ и посовѣтовалъ, вмѣсто яда, работать. Но это ему не помогло, ибо онъ совершенно не въ состояніи былъ дольше жить одинъ. Тутъ явилась ему помощь со стороны подруги его юности, учившейся тогда въ Берлинѣ, — она предложила ему поселиться съ нимъ.

Въ обществѣ близкаго человѣка, защищенный отъ грубой среды, А. В. быстро оправился. Они много читали вмѣстѣ. «Охота къ работѣ и къ мышленію снова проснулась въ немъ. Книга Штаммлера «Право и хозяйство» вернула его въ центръ его философскихъ и соціальныхъ воззрѣній. Онъ написалъ изложеніе, критику и собственный разборъ проблемъ этой книги, что воскресило его духовную силу и исполнило его жаждой ясности, выявленія и завершенія». «Его жизнь съ тѣхъ поръ была посвящена исключительно духовному творчеству и росту. Онъ читалъ французскихъ и нѣмецкихъ философовъ и соціологовъ и произведенія Ницше. И ко всему, что онъ воспринималъ, онъ относился, не переставая, критически и творчески». Его отношеніе къ книгѣ было то же, что и къ человѣку: онъ совершенно перевоплощался, но не отождествляясь, а возсоздавая явленіе всецѣло и съ точностью опредѣляя его границы — объемъ включаемаго въ немъ міра и ступень его высшей воли — и претворяя возсозданное въ своей собственной правдѣ. И пока явленіе не доходило въ немъ до послѣдняго, несводимаго, вездѣсущаго, — оно не оставляло его. «Dans toute l'eternité» бывало обычнымъ выраженіемъ его освобожденія отъ всякаго впечатлѣнія, его точкой надъ нимъ, и это означало, что воспринятое и міръ вообще и его міровоззрѣніе, какъ таковое — каждое водворялось на свое мѣсто, погруженное въ свое просвѣтительное бытіе. Весь опытъ его души постоянно жилъ въ немъ и подобенъ былъ органическому цѣлому, озаренному извнутри до космической всесущности, и для его сознанія равнялся совокупности мірового бытія. Его головокружительно абстрактные и точнѣйшіе расчлененные символы конкретнаго охватывали, проникали, исчерпывали и держали душевные міры съ необычайной легкостью. Духъ его всегда былъ ясенъ и всегда полонъ будущаго. Проблемы, возникавшія время отъ времени и переводившія его мысль на все высшія ступени, приводили его всего въ глубокое напряженіе, пока не открывался исходъ, и изъ поверженнаго міра мысли не выростало новое мироосознаніе, включавшее предыдущее и охватывавшее весь его горизонтъ съ внутренней необходимостью.

XX

Послѣ того, какъ онъ прожилъ лѣто въ Берлинѣ почти безвыходно въ комнатѣ, «его сильно потянуло изъ давящаго города въ далекую, привольную, прекрасную природу, захотѣлось безпрепятственно двигаться, сызнова соприкасаться съ людьми. Онъ рѣшилъ ѣхать на зиму въ Швейцарію, въ Бернъ, чтобы тамъ снова войти въ связь съ университетомъ и продолжать выяснять свое міровоззрѣніе. Но уже по дорогѣ изъ Берлина оказалось, что А. В. внутренно далеко еще не избавился отъ своей болѣзни. Его духовная чуждость и уязвимость были непередаваемы». Сознаніе его нуждалось еще въ огражденіи отъ среды. Мысль его не достигла еще такой полноты и расчлененности, чтобы быть въ состояніи исчерпывающе сознать безусловность всѣхъ душевныхъ явленій среды. И проживъ зиму одинъ среди подавлявшихъ его людей, онъ снова очутился весь въ ихъ власти — его стали преслѣдовать галлюцинаціи. Это продолжалось около двухъ дней. Случайная встрѣча съ одной давнишней знакомой, которая, ничего не подозрѣвая, просто поздоровалась съ нимъ, отрезвила его. Черезъ нѣсколько дней пріѣхала подруга его, и онъ совсѣмъ оправился. Они провели въ Швейцаріи лѣто и къ осени переѣхали въ Мюнхенъ.

Изъ работъ его ко времени пребыванія въ Швейцаріи относятся — этюдъ о Бергсонѣ, «Задачи и методъ философіи», «Позитивизмъ, Критицизмъ и Эволюціонизмъ». «Мысль издать книгой его уже многочисленные эскизы и опыты побудили его написать «Введеніе» въ эти «Предварительныя работы къ обновленію философіи», какъ онъ хотѣлъ озаглавить книгу. Онъ изложилъ въ немъ главныя критическія и положительныя черты своей тогдашней точки зрѣнія.

Время пребыванія въ Мюнхенѣ было для него особенно богато плодами духовной работы. Онъ достигъ здѣсь своего послѣдняго міровоззрѣнія. Тотчасъ же по пріѣздѣ былъ написанъ имъ обзоръ пройденнаго имъ до сихъ поръ философскаго пути, что явилось въ то же время и взглядомъ впередъ на еще не достигнутыя вершины; онъ озаглавилъ его «Основная задача». Три новыя произведенія попались ему въ руки, изъ которыхъ два послѣднія были для него особенно плодотворны: H. Berr: S'avenir de la philosophie, H. E. Schmitt: Fr. Nietzsche an der Grenzscheide zweier Weltalter» и Julius Hart: Der neue Gott. Эти произведенія привели его снова къ основнымъ проблемамъ идеализма и реализма, индивидуализма и универсализма, монизма и дуализма, которыя онъ уже давно преодолѣлъ въ ихъ традиціонномъ построеніи и которыя онъ думалъ окончательно разрѣшить и преодолѣть своимъ ученіемъ о ступеняхъ бытія и о вездѣсущихъ основоопредѣленіяхъ бытія, которыя были не понятія, не созерцанія, не явленія, не вещи въ себѣ, не духъ, не матерія, а — постоянство, измѣненіе, отношенія самого безусловнаго.

«Сильное броженіе, которое было вызвано въ А. В. указанными двумя книгами, онъ пытался выяснить сперва въ духѣ своего «іерархическаго» міровоззрѣнія. Онъ написалъ размышленія: «Субъектъ и объектъ» и «Іерархическій міръ».

XXI

Духовная концентрація сдѣлалась чрезвычайной. «Іерархическій міръ» всегда доставлялъ А. В. много работы. Дуализмъ между этимъ міровоззрѣніемъ и оставшимися нетронутыми «ступенями бытія», которыя собственно не допускали существованія рядомъ съ собой никакой безусловно превосходящей ихъ, радикально отъ нихъ отличающейся, сверхцѣнной ступени, являющейся не только ступенью, а всеобъемлющимъ познаніемъ, — этотъ дуализмъ невозможно было удовлетворительнымъ образомъ устранить.

Необходимость выйти изъ іерархическаго міра дальше представлялась все неотступнѣе. Несостоятельность и расплывчатая неясность ученій Шмита и Гарта были для него такъ же несомнѣнны, какъ и то, что они вращаются у проблемы, къ которой необходимо въ самомъ дѣлѣ стать лицомъ къ лицу и которая никакими эклектическими, срединными путями не можетъ быть преодолѣна. Въ то время ему пришлось углубиться въ свое собственное изслѣдованіе «Къ теоріи познанія», которое онъ писалъ еще въ Варшавѣ и на взморьѣ. Онъ хотѣлъ переписать его, чтобы послать въ одинъ журналъ. Оно занимается метафизической проблемой индивидуализма и универсализма и гносеологической проблемой идеализма и реализма. Этимъ его мысль была отвлечена отъ іерархическаго міра на совсѣмъ иные пути. Но итти назадъ было невозможно. Идеальное и реальное, индивидуальное и универсальное не могли быть ясно отдѣлены другъ отъ друга, они сплетались и сливались между собою въ неотличимое единство и все же радикально отталкивали другъ друга. И вмѣсто того, чтобы, подобно Шмиту и Гарту, прославлять открытіе индивидуальности реальнаго, идеальнаго и универсальнаго, универсальности индивидуальнаго, реальнаго и идеальнаго, реальности индивидуальнаго, универсальнаго и идеальнаго, идеальности индивидуальнаго, универсальнаго и реальнаго, — какъ рѣшеніе всѣхъ міровыхъ загадокъ и преодолѣніе всего стараго міровоззрѣнія, — А. В. видѣлъ въ этомъ совершенную невозможность мыслью или какъ-нибудь иначе устойчиво и удовлетворительно разобраться въ мірѣ. Его точка зрѣнія оказалось сперва точкою зрѣнія «чистаго отрицанія», и онъ набросалъ «Философію чистаго отрицанія», пришедшую къ слѣдующимъ выводамъ:

«Итакъ, въ мірѣ мы наталкиваемся на духъ, въ духѣ — на міръ, въ индивидуумѣ — на вселенную, въ субъективной иллюзіи — на истинное бытіе. Мы не можемъ разобраться въ такой дѣйствительности, гдѣ все переливается и течетъ, ко всему примѣняется и изъ всего ускользаетъ, гдѣ «разумъ становится безсмыслицей, право — мукою», міръ — Богомъ, а человѣкъ — дьяволомъ. Однако такъ въ есть міръ, къ которому мы принадлежимъ извнутри и извнѣ, съ нашей мыслью и съ нашимъ чувствомъ, съ нашимъ тѣломъ и съ нашей средой, какъ личности и родовыя существа. Мы умираемъ, и страдаемъ, и боремся, всѣ и каждый изъ насъ захваченъ болѣе или менѣе сумятицей міровой жизни. Религіознаго человѣка и философа вели-

кая міровая проблема повергаетъ въ благоговѣйное изумленіе, во всеразлагающее сомнѣніе или во всеосвѣщающую увѣренность. Такъ или иначе, эта проблема должна быть разрѣшена для того, кто ее уловилъ, или же разсѣчена...

Мы не находимъ въ этой дѣйствительности никакой постоянной точки, никакого устойчиваго положенія, въ которыхъ мы могли бы утвердиться. Отъ насъ — индивидуальностей — ускользаютъ вселенная и духъ вселенной и увлекаютъ съ собой наше тѣло и нашу душу въ свой хаотическій водоворотъ. Мы не желаемъ довѣриться никакой религіи и никакой наукѣ: онѣ предаютъ наше тѣло и нашу душу безжалостнымъ силамъ міра, онѣ покидаютъ насъ какъ разъ тамъ, гдѣ требуютъ все отъ насъ во имя ихъ; ихъ божество выдыхается предъ нашимъ безсиліемъ. Такъ же мало довѣряемъ мы естественнымъ теченіямъ міра и жизни, потому что они издѣваются надъ нами и играютъ нашей судьбой: они ломаютъ, гнутъ, раздробляютъ, качаютъ, ослѣпляютъ, озвѣряютъ, оплетаютъ, запираютъ наше существо. Единственная пріемлемая позиція по отношенію къ такой дѣйствительности, это — позиція чистаго, полнаго отрицанія ея. И это должно быть отнынѣ нашей единственной и исключительной философской точкой зрѣнія. Философія чистаго отрицанія однако не нигилистична: она не утверждаетъ, что сущность бытія есть ничто, или — что вообще нѣтъ никакого бытія, что ничто не существуетъ. Напротивъ, она принимаетъ исторически данную субъективную и объективную, индивидуальную и универсальную дѣйствительность во всемъ объемѣ, въ которомъ она доступна ей, или станетъ доступна, и какъ разъ такъ, какъ эта дѣйствительность дана ей. Она не производитъ надъ дѣйствительностью никакихъ метафизическихъ, гносеологическихъ, логическихъ, психологическихъ, научныхъ, этическихъ, эстетическихъ операцій.

Философія чистаго отрицанія и не скептична: она не сомнѣвается ни въ субъективной, ни въ объективной, ни въ индивидуальной, ни въ универсальной реальности. Отрицаніе ея не есть недостатокъ въ вѣрѣ и признаніи, — а отказъ дѣйствительности въ ея данныхъ, несомнѣнныхъ, совершенно неоспоримыхъ содержаніяхъ и притязаніяхъ.

Философія чистаго отрицанія и не разрушительна: всякое разрушеніе есть также утвержденіе; чѣмъ безуспѣшнѣе разрушеніе, тѣмъ грубѣе утвержденіе (неорганическая и органическая природа); чѣмъ болѣе объемлюще разрушеніе, тѣмъ утонченнѣе утвержденіе (психическій и идеалистическій міръ), и наоборотъ. Чистое отрицаніе исключаетъ совершенно, безъ изъятія, сплошь всякое частичное отрицаніе черезъ утвержденіе. Философія чистаго отрицанія ставитъ себя безусловно по ту сторону всякаго прогресса, всякаго совершенствованія, всякихъ нормъ, всякихъ идеаловъ, всякихъ обѣщаній, предвѣщаній, надеждъ. Она не пессимистична, потому что не цѣнитъ міра и не желаетъ освобождаться отъ него: она отрицаетъ его только — чисто

и просто. Она не аскетична или альтруистично-самоотверженна, потому что она отрицаетъ субъективность и объективность, универсальность и индивидуальность. Она возможна, ибо она дѣйствительна, какъ аналитическій результатъ неосуществимости, абсурдности, совершенной несостоятельности какой-либо точки зрѣнія въ мірѣ, представляющемъ во всѣхъ своихъ безконечно различныхъ моментахъ интимнѣйшее тождество и радикальнѣйшую взаимную непримиримость индивидуальности — вселенства — объективности — субъективности.

Чистое отрицаніе, наконецъ, дѣйствительно во всей его универсальности, какъ чистое и полное отрицаніе, и исключаетъ всякое основанное на компромиссѣ, практическое, діалектическое отрицаніе совершающееся черезъ все высшее, вѣчно себя отвергающее положеніе».

Но «чистое отрицаніе» показалось ему слишкомъ еще ясной и однозначной точкой зрѣнія. Міръ не можетъ быть абсолютно отрицаемъ. Страшное головокруженіе охватило его при размышленіи о міровой судьбѣ. Міръ представился ему «безутѣшно трагичнымъ», поддающимся «исключительно относительному отрицанію», «абсолютно несостоятельнымъ и относительно устойчивымъ»; міровая проблема представилась неразрѣшимой и какое-либо дѣйствительное избавленіе — невозможнымъ.

Точка зрѣнія была страшная, но и остаться при ней было невозможно, потому что для безутѣшной трагедіи всего міра требовалось мѣрило и положеніе внѣ міра, изъ котораго можно было бы судить о мірѣ. Абсолютная точка зрѣнія отрицанія обратилась поэтому — съ неизбѣжностью перемѣны настроенія послѣ слишкомъ сильнаго напряженія — въ такую же абсолютную точку зрѣнія «чистаго утвержденія». Универсальность, реальность, идеальность «я», — индивидуальность, реальность, идеальность вселенной, — идеальность, вселенство, индивидуальность дѣйствительности, — реальность, вселенство, индивидуальность сознанія могли быть также истолкованы въ смыслѣ «вѣчнаго совершенства, безконечнаго совершенствованія, вѣчнаго блаженства, вѣчнаго избавленія, вѣчнаго бытія, вѣчнаго роста» міра. И въ виду того, что чистое утвержденіе никоимъ образомъ не отмѣняло и не устраняло чистаго отрицанія — и то и другое были равно совершенны и всеобще примѣнимы — онъ скоро вышелъ къ высшей точкѣ зрѣнія, въ которой противоположность была преодолѣна. Это была точка зрѣнія тожества противоположности и противоположности тожества, которую онъ слѣдующимъ образомъ развилъ:

«Бытіе и небытіе, я и не я, бытіе и знаніе, я и вселенная, истина и заблужденіе, бытіе и явленіе, вѣчность и мгновеніе, малое и великое, пространство и тѣло, пространство и время, косность и движеніе, жизнь и смерть, ощущеніе и движеніе, чувство и возбужденіе мозга, созерцаніе и вещь, вещь и понятіе, понятіе и созерцаніе, понятіе и сужденіе, добро и зло, красота и безобразіе, индивидуальность и общество, общество и организмъ, общество и аггрегатъ, общество и

атомъ, непрерывность и прерывность, взаимодѣйствіе и торжество, причина и слѣдствіе, тѣло и душа, душа и міръ, душа и матерія, міръ и мозгъ, субстанція и субъектъ, принципъ и законъ, форма и матерія, матерія и идея, конечность и безконечность, треугольникъ и четыреугольникъ, два и три, бѣлое и черное, геній и безуміе, любовь и ненависть, омерзеніе и восторженность, сонъ и бодрствованіе, смиреніе и манія величія, жестокость и милосердіе, грубость и благородство, звѣрство и господствующій идеализмъ и т. д. и т. д. абсолютно тожественны. Всякое частичное тожество и частичное различіе — относительны. Но «относительно» значитъ: ни изъ какой и ни для какой точки не устойчиво. Частичное различіе претворяется въ интимнѣйшее безусловнѣйшее тожество. Животное есть тѣло, душа, вселенная, вѣчность, идея, любовь, единство, — и милосердный точно также есть тѣло, душа, вселенная, вѣчность, идея, любовь, единство и т. д.

Но и всякое тождество міра, духа, индивидуальности, вселенства есть абсолютная противоположность. Точно такъ же, какъ тождество, противоположность не можетъ быть принята частичной. Всякая частичная противоположность относительна и опровержима: она не затрагиваетъ абсолютной тождественности и не достигаетъ абсолютной противоположности. Абсолютная же противоположность достигаетъ абсолютной тождественности — и наоборотъ,— оттого что абсолютная противоположность произошла изъ поглощенія всѣхъ частичныхъ противоположностей, а абсолютная тождественность — изъ поглощенія всѣхъ частичныхъ тождественностей. Рѣшеніемъ міровой проблемы является абсолютное тождество всѣхъ противоположностей и абсолютная противоположность всѣхъ тождественностей. Діалектика мірового процесса не направлена на преодолѣніе противоположностей въ абсолютное единство. Міровая механика не состоитъ въ процессѣ раздѣленія противоположностей до возстановленія совершенно свободной отъ равенства, абсолютной противоположности. Міровая логика не является освобожденіемъ міра отъ противорѣчія въ высшемъ и глубочайшемъ понятіи. Міровая воля, наконецъ, не есть примиреніе всѣхъ противоположностей въ высшей любви. Діалектика, механика, логика, телеологія мірового процесса направлена на абсолютную тождественность въ абсолютной противоположности. А между философскимъ и реальнымъ рѣшеніемъ міровой проблемы—такъ же, какъ между всѣми содержаніями во всемъ прошломъ, настоящемъ и будущемъ---существуетъ абсолютное тождество и абсолютная противоположность, или противоположное тождество и тождественная противоположность, или тождество противоположности и противоположность тождественности».

И имъ овладѣло неотступное напряженіе, длившееся три дня. Днемъ и ночью, утромъ и вечеромъ онъ стремился непрестанно представлять себѣ тождество всѣхъ возможныхъ противоположностей и затѣмъ противоположность всѣхъ возможныхъ тождественностей.

Всякая логика, всякая сознательность, всякое познаніе, всякая о п р е д ѣ л е н н о с т ь растворялись, исчезали въ огромной центральной мысли противоположности тождества и тождества противоположности. Вѣчное діалектическое претвореніе познанія познаніемъ этого познанія, предмета—познаніемъ его, познанія—предметомъ его, вся сама себя разбивающая критика и неутомимая незавершимость, которыя неотдѣлимо присущи всякой попыткѣ однозначнаго, истиннаго, дѣйствительнаго, опредѣленнаго, общаго, обязательнаго, устойчиваго познанія, исчезли въ озарившей мысли — избавленія. Безумное опьянѣніе великаго открытія овладѣло имъ. Всѣмъ возникавшимъ сужденіямъ, мыслямъ, представленіямъ онъ тотчасъ же противопоставлялъ ихъ тождественность — противоположность. Тема, ходъ мыслей, выводы опредѣленной книги претворялись для него во всевозможныя темы, ходы мыслей, выводы, содержанія вообще. Якобы опредѣленное значеніе слова, вещи, факта было на самомъ дѣлѣ все возможное и ничто опредѣленное: тождественно-противоположно.

Это познаніе находилось въ непримиримомъ противорѣчіи со всѣмъ повседневнымъ мыслимымъ бытіемъ и пониманіемъ. Онъ чувствовалъ со всей серьезностью, что растворяется его мыслительный организмъ, что приближается безуміе. Энергичное сопротивленіе овладѣло имъ, и выдвинулась неотступная необходимость найти для своей индивидуальной жизни точку зрѣнія менѣе абсолютную, менѣе подымающуюся надъ всѣмъ конечнымъ и человѣческимъ. Тутъ нашлись четыре принципа индивидуальности, универсальности, идеальности, реальности, которые не были принципіально устранены ни чистымъ отрицаніемъ, ни чистымъ утвержденіемъ, ни тождествомъ-противоположностью; они нашлись, какъ четыре неразрывные, взаимно ограничивающіеся, вездѣсущіе, во всемъ необходимо предполагающіеся принципы критической метафизики, которые должны быть противопоставлены принципіальному дуализму до сихъ поръ существующей критической философіи. Неорганическую и органическую природу, исторію, пространство, время, число, матерію, сознаніе, общество требовалось уяснить, какъ «формы сочетанія» этихъ четырехъ принциповъ. Невозможность ясно разграничить или принять за дѣйствительно тождественныя индивидуальность, универсальность, сознаніе и дѣйствительность привела его — на основаніи предшествовавшихъ опытовъ о неимовѣрныхъ трудностяхъ точекъ зрѣнія тождества противоположности, чистаго утвержденія и чистаго отрицанія — къ постиженію универсальной тайны знанія и бытія, индивидуальности и вселенной, которая, какъ таковая, какъ т а й н а в ъ с е б ѣ, независима отъ всѣхъ неясностей, невѣдѣній, загадокъ, неразрѣшимостей мысли и чувства, созерцанія и воли, проникаетъ ихъ такъ же, какъ проникаетъ она всѣ ясности, познанія, очевидности, рѣшенія. Отношеніе тайны къ четыремъ принципамъ онъ могъ вначалѣ понять лишь такъ, что тайна являлась «первымъ и послѣднимъ словомъ муд-

рости», а четыре принципа —повременнымъ удовлетвореніемъ предлежащихъ требованій мысли.

Но возникли дальнѣйшія трудности, потребовавшія еще одного шага. Пространство, время, движеніе, матерія, развитіе, закономѣрность и др. не претворялись вполнѣ въ четырехъ принципахъ индивидуальности, универсальности, идеи, реальности и не могли также стать рядомъ съ ними, какъ равныя имъ послѣднія основныя опредѣленія, ибо содержали въ себѣ съ очевидностью опредѣленія этихъ четырехъ принциповъ, подчинялись имъ, какъ общимъ понятіямъ. За «формы сочетанія» четырехъ принциповъ они также не могли быть приняты, оттого что эти принципы не должны были изображать атомовъ или иныхъ какихъ-либо «элементовъ», а устранять общераспространенное научное понятіе элемента, какъ спутанное и неясное. Не оставалось ничего иного, какъ ограничить четыре принципа въ ихъ значеніи и обезпечить всѣмъ остальнымъ содержаніямъ бытія тоже ограниченное, но въ ихъ границахъ вполнѣ оправданное значеніе. И это внутреннее право на значеніе всѣхъ возможныхъ конкретныхъ содержаній и точекъ зрѣнія должна была выявлять «Внутренняя Методологія».

«Какъ при переходѣ отъ «Іерархическаго міра» къ «Философіи чистаго отрицанія», такъ и теперь углубленіе въ одну изъ его прежнихъ работъ помогло ему достичь его послѣдней и высшей точки зрѣнія. Онъ переписывалъ свое изслѣдованіе «О современномъ состояніи соціологіи», въ которомъ разбираются, между прочимъ, проблемы зависимости и взаимодѣйствія, закономѣрности и свободы, развитія и прогресса. Вдругъ предстали въ сознаніи тридцать одно начало, послѣднія, наибольшія, равноцѣнныя, несводимыя, лишь себя означающія, все безъ остатка претворящія въ себѣ: Созерцаніе, Мысль, Чувство, Воля, Дѣйствительность, Индивидуальность, Вселенство, Тожество, Противоположность, Свобода, Необходимость, Частичность, Цѣльность, Ограниченіе, Дополненіе, Истина, Заблужденіе, Добро, Зло, Красота, Безобразіе, Превосходство, Равенство, Низость, Таинство, Параллелизмъ, Взаимодѣйствіе, Постоянство, Измѣненіе, Непрерывность, Развитіе.

Онъ понялъ эти начала, какъ аксіомы мышленія, какъ основныя опредѣленія бытія, какъ аттрибуты Бога, какъ основныя цѣли и основныя нормы воли, какъ основныя опредѣленія созерцанія и чувствованія, какъ методологическія нормы мышленія и изслѣдованія, какъ послѣднія содержанія и заповѣди искусства и красоты. Они опредѣлялись лишь другъ другомъ — каждый принципъ исчерпывался лишь в с ѣ м и остальными — и составляли все возможное и мыслимое, абстрактное и конкретное бытіе. По отношенію къ конкретнымъ содержаніямъ, въ которыхъ нераздѣльно, живымъ узломъ даны были всѣ тридцать одно основныя опредѣленія, каждое изъ основныхъ опредѣленій являлось всѣми другими. Они были имманентны остальнымъ тридцати основнымъ опредѣленіямъ, но и трансцендентны имъ,

ибо въ каждомъ отдѣльномъ изъ нихъ всѣ другія означали лишь это отдѣльное основное опредѣленіе. И міръ являлся въ своихъ послѣднихъ основахъ не единствомъ, не двойственностью, не множественностью безусловно, а — нераздѣльной вездѣсущностью этихъ тридцати одного основныхъ опредѣленій. И эти послѣднія не могли быть приняты, напримѣръ, за «понятія» или за «созерцанія», за субстанціальные субстраты или за трансцендентные идеи и субъекты, за апріорныя категоріи познанія или за абстрактные научные законы, или за «основныя противоположности» безусловно, — оттого что понятіе и созерцаніе составляли лишь два изъ тридцати одного принциповъ и лишь какъ таковыя, какъ понятіе и созерцаніе, означали себя самихъ; и далѣе — оттого что дѣйствительность и индивидуальность, причинность*), постоянство и противоположность, каждая являлась лишь однимъ изъ тридцати одного началъ и такъ же лишь какъ таковыя, какъ дѣйствительность, индивидуальность, постоянство и противоположность, означали себя самихъ.

У него явилась мысль изложить въ объединенной формѣ свое міровоззрѣніе въ одномъ обществѣ спеціалистовъ философовъ. Но на подлинное, даже самое отдаленное пониманіе его воззрѣнія онъ не могъ разсчитывать, такъ какъ оно не только критически отрицало господствующія основныя предпосылки, постановку вопросовъ и теоріи, но и построяло систему ученія совершенно внѣ послѣднихъ. Ему пришлось поэтому приспособить свое изложеніе къ общераспространеннымъ и признаннымъ формамъ и методамъ, и этимъ существенно исказить и ложно освѣтить свое воззрѣніе. Докладъ о «Сознаніи и Дѣйствительности», составленный имъ для студенческаго психологическаго общества въ Мюнхенѣ, долженъ былъ представить остальныя двадцать девять основныхъ опредѣленій, какъ отношеніе между сознаніемъ и дѣйствительностью и затѣмъ утвердить тридцать одно основныя опредѣленія, какъ предикатъ подлежащаго «все». Но это было совершенно невѣрно, ибо такимъ образомъ сознаніе и дѣйствительность взяты были какъ-будто въ общеупотребительномъ смыслѣ, въ которомъ они означали не только самихъ себя, но все возможное абстрактное и конкретное, разумное и чувственное бытіе. Созерцаніе опредѣлялось какъ «цвѣтъ, дерево, движеніе, мѣсто», между тѣмъ какъ цвѣтъ, дерево, движеніе, мѣсто никогда не могли быть отчетливо мыслимы лишь какъ созерцаніе, а всегда — какъ совокупность всѣхъ тридцати одного началъ, и созерцаніе могло бы быть опредѣлено лишь другими тридцатью принципами. Въ такомъ же смыслѣ неточны были и опредѣленія мысли, чувства и воли. Дѣйствительность была характеризована, какъ природа, жизнь и исторія, которыя опять-таки могли быть исчерпывающе познаны лишь три-

*) Въ дальнѣйшемъ развитіи системы вмѣсто „причинности“ значится повсюду: „необходимость и свобода“.

дцатью однимъ началомъ, но отнюдь не одною дѣйствительностью. Такъ же безсмысленны были всѣ другіе примѣры, предпосылавшіе преодолѣнный, доселѣ существовавшій научный образъ мысли. Подлежащее «все» не имѣло вовсе смысла, оттого что здѣсь никоимъ образомъ не подразумѣвалось то обычное расплывчатое чусвтво понятія неодолѣннаго и непереваренаго матеріала познанія; и вселенство, универсальность означала лишь одно изъ совокупленныхъ 31 понятій. Но этотъ докладъ могъ бы служить посредствующимъ звеномъ между старымъ и новымъ образомъ мысли.

«Путь его философскаго развитія завершился. Яснымъ, стойкимъ, непоколебимымъ являлся міръ въ его мысли, нигдѣ не обманывая, нигдѣ не наталкивая на неразрѣшимыя проблемы. Его индивидуальная жизнь требовала теперь иной дѣятельности, остальныя стороны его существа и равновѣсіе его воспріимчивости въ отношеніяхъ ко внѣшнему міру требовали новаго совершенствованія».

Міровоззрѣніе «Тридцати одного единства», исчерпывающе просвѣтивъ собою конкретныя явленія, этимъ точно открыло доступъ А. В. къ индивидуальной жизни явленій, и онъ вышелъ изъ міра мысли въ міръ образнаго созерцанія видимаго, и эта жизнь впервые и всецѣло захватила его. «Часами бродилъ онъ по улицамъ, не переставая созерцать проходящія массы людей и всѣ вещи и явленія. Чувство избавленія, блаженства, восторга, безмѣрныхъ сокровищъ, вдругъ открывшихся ему, сопровождало его при этомъ и питало желаніе все дальше слѣдовать по этому пути. Ибо не легко было вначалѣ преодолѣвать на каждомъ шагу наклонность постоянно мыслить и сохранять сознаніе свободнымъ для созерцанія. Къ тому же глаза и мозгъ сильно утомлялись отъ непривычнаго напряженія зрѣнія. Глаза смыкались въ блаженствѣ на долго, долго. Въ головѣ бывало свѣтло, холодно и какъ бы полно изорванныхъ завѣсъ. Но созерцать становилось все легче, онъ видѣлъ все больше, лучше, обширнѣе и все легче справлялся съ впечатлѣніями, и все острѣе и рельефнѣе становились образы и представленія, возникавшія подъ его взглядомъ».

Это чистое созерцаніе сроднило А. В. съ непосредственной жизнью явленій и струей живой интимности влилось въ его систему и способствовало переходу абстрактной мысли въ мистическое сліяніе съ конкретной жизнью міра. Въ тридцать одномъ единствѣ жизнь его абстрактной объективной мысли, казалось, достигла самаго напряженнаго и полнаго выявленія, того состоянія, когда, на языкѣ Гегеля, «антитеза» неизбѣжно извнутри себя переходитъ въ «синтезъ», — и чистая мысль съ необходимостью претворилась вся въ конкретность, жизнь абсолютно строгихъ понятій слилась съ жизнью случайныхъ явленій, — «философія» перешла въ «мистику».

Этотъ живой переходъ міровоззрѣнія въ міровое бытіе явился и логически необходимымъ слѣдствіемъ системы «тридцати одного единства». Послѣдняя, обосновавъ собою всеобъемлемость и равноцѣнность к а ж д а г о момента, лишила себя, какъ философіи, ис-

ключительно просвѣтляющаго и вообще центральнаго значенія среди міровыхъ явленій и, при всемъ своемъ всеобъемлющемъ и всеисчерпывающемъ смыслѣ, обособилась въ себѣ, какъ одно изъ безчисленныхъ равноцѣнныхъ содержаній, съ безусловнымъ значеніемъ лишь внутри себя. И надъ познаніемъ и всякими проявленіями жизни и міра выдвинулось то послѣднее живое взаимоотношеніе, взаимообщеніе между всѣми моментами бытія, изъ котораго истекаетъ возможность, неизбѣжность и характеръ всей міровой жизни.

По отношенію къ личности автора система «внутренности-внѣшности тридцати одного начала» явилась полнымъ и строго расчлененнымъ выраженіемъ всего характера и содержанія его сознанія: «тридцать одно начало» выражаютъ въ понятіяхъ объемъ найденнаго имъ міра, глубину ясности его воспріятія; «внутренность - внѣшность» же есть прообразъ отношенія его собственнаго существа къ міру: проникнутость его дѣйствительностью и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенная чуждость ему этой дѣйствительности, какъ она есть для себя. И «внутренность - внѣшность», или живой процессъ міровой любви, какъ сущность жизни, какъ вѣчная истина, или вѣрнѣе — замѣна «истины» отражающей, онтологической — оправдываетъ, обосновываетъ собой неизбѣжность такого возсозданія себя черезъ проникновеніе въ міръ; ибо любовь — единство проникновенія и самоутвержденія — есть вѣчный рокъ и вѣчное избавленіе всего.

Съ откровеніемъ любви, какъ сущности міровой жизни, авторъ вышелъ за предѣлы мысли и образнаго созерцанія въ неизбывную интимность явленій, въ «творческій храмъ жизни», и міръ, насквозь просвѣтленный — исчерпывающей мыслью, чистымъ образнымъ созерцаніемъ и мистическимъ сліяніемъ съ его безграничной жизнью — являлся ему бездоннымъ моремъ свѣта, открываясь такимъ не только въ отдѣльныя вдохновенныя минуты, а въ непрерывности каждодневной жизни. И не существовало вокругъ него міра иного, кромѣ преображеннаго въ свѣтѣ, таинственно прозрачнаго и легкаго.

Такъ прожилъ онъ послѣдніе два года — въ выясненіи своей системы и въ упоенномъ созерцаніи и воспѣваніи возсозданнаго въ Вѣчности міра.

Когда же жизнь познанія и проникновенія, казалось, всецѣло выявилась, и вселенная творческой любовью была превращена въ единый символъ возсоздавшей его личности, и законъ земной міровой жизни — законъ любви — исчерпанъ былъ въ осуществленіи,—явилось предсмертное откровеніе. Или откровеніе новой жизни?

Авторъ отмѣнилъ для себя законъ любви и перенесъ центръ своего сознанія и устремленія изъ духа любви въ свое личное я — «я» А. В. Гуревича.

Я, плѣненное правдою міра, растворенное въ творческомъ процессѣ своей жизни, стремится теперь высвободить себя изъ созданнаго имъ, въ себѣ сосредоточить свой центръ, и не сродниться съ міромъ, а міръ сроднить съ собою, заложить въ мірѣ неизгладимую

печать своего я — не познаніемъ его, не возсозданіемъ его (что предпослано и изжито имъ) — а присвоеніемъ, — обратить его въ свою неотъемлемую собственность. И такимъ образомъ, сосредоточивъ въ себѣ совершенно свой міръ, — онъ изолировался изъ земной жизни.

Это откровеніе своего личнаго я пришло автору за недѣлю до кончины. Одна страница его дневника свидѣтельствуетъ еще объ этой послѣдней правдѣ его. Послѣ этого онъ запрятaлъ дневники, пересталъ писать и черезъ нѣсколько дней разорвалъ всѣ свои произведенія, проявивъ этимъ свое освобожденіе отъ господства творческой жизни, жизни духа, любви. — Во всю эту недѣлю въ немъ шло неутомимое преображеніе сознанія, превращеніе всего по привычкѣ непрерывно создаваемаго имъ — въ свое, точно лишалъ онъ все и каждое самостоятельнаго, независимаго отъ личнаго я значенія, овладѣвалъ всѣмъ — внутри и внѣ себя: членами своего тѣла и окружающими людьми и явленіями міра. Онъ сталъ необычайно любезнымъ съ хозяевами его квартиры — швейцарскими крестьянами— которыхъ до того едва могъ выносить; готовился зажить «простымъ» человѣкомъ, не мыслителемъ, не мистикомъ, не художникомъ — а скромнымъ человѣкомъ со значеніемъ лишь для себя.

Вечеромъ, наканунѣ послѣдняго утра, онъ (противъ своего обыкновенія) поздно бесѣдовалъ съ женой, выявлялъ свой новый свѣтъ, его отношеніе ко всему. Они разошлись съ чувствомъ совершенной ясности его новой жизни.

Состояніе и проявленія его въ послѣднее утро казались достигнутымъ завершеніемъ жизни предыдущихъ дней: полная искренность, точно увлекъ онъ всѣ живыя нити своего интимнѣйшаго существа изъ всего, въ чемъ онъ пребывалъ, изъ всего возсозданнаго творенія; точно обрѣлъ онъ свою подлиннѣйшую родину, всего себя и все свое — навѣки нерушимо — «творецъ и твореніе въ одномъ лицѣ». Какая-то невыразимо чудесная легкость и несравненной чистоты радость исходили отъ него и его проявленій. А дѣлалъ онъ какъ разъ то, чего раньше всегда избѣгалъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ точно парилъ, благословляя все, насквозь свѣтлый, легкій, радостный.

Такимъ онъ ушелъ на свою обычную утреннюю прогулку въ лѣсъ, въ поле — и не вернулся.

На другой день его нашли въ Тунскомъ озерѣ недалеко отъ берега, стоящимъ подъ водой. Положеніе и лицо были совершенно спокойны. Казалось, онъ погруженъ въ столь интимное, что глаза неизбѣжно закрылись. Лишь отблескъ послѣдняго отказа легкой грустью скользилъ по чудесно озаренному облику.

Въ тотъ день (это было въ іюлѣ) стояла нестерпимая жара. Въ послѣднюю ночь онъ плохо спалъ (подъ его комнатой кашляли, что не давало ему уснуть), и очень вѣроятно, что во время прогулки онъ

рѣшилъ освѣжиться купаньемъ, но, не будучи знакомъ съ мѣстностью, попалъ въ глубокій ровъ, плавать же не умѣлъ и, очевидно, не видя возможности спастись, или, можетъ-быть, вмѣсто того, чтобы спасаться — сосредоточился въ себѣ, въ изолированіи себя изъ своего задыхавшагося тѣла.

Но если допустить (это кажется недопустимымъ), что онъ вошелъ въ воду съ намѣреніемъ умереть, то это могло бы быть лишь съ чувствомъ и сознаніемъ совершенной самодовлѣющей завершенности своей, въ избыткѣ сосредоточенной въ себѣ интимной власти, готовой помѣриться съ самымъ темнымъ, самымъ сильнымъ врагомъ — со смертью.

М. Гуревичъ.

Современное состояніе соціологіи.

Возникновеніе и развитіе соціологіи.

Источники соціологіи лежатъ въ размышленіяхъ законодателя о нормахъ общественныхъ отношеній, о средствахъ для осуществленія этихъ нормъ членами общества и о предпосылкѣ всякаго законодателя: необходимости закона и авторитета въ общественной жизни. Когда изъ естественныхъ отношеній дѣтей ко взрослымъ выдѣляются чисто-соціальныя отношенія подчиненія носителямъ религіознаго культа; еще болѣе, когда сословіе жрецовъ отдѣляется отъ предводителей и воиновъ, какъ имѣющее чисто-духовную задачу сношеній со сверхъестественными силами, поученія въ преданіяхъ и закопахъ, участія совѣтомъ и мудростью, но не властью въ рѣшеніи судебъ общества,—это сословіе начинаетъ сосредоточивать свое вниманіе на возникающихъ вопросахъ: какими правилами должны руководиться члены общества въ воспитаніи молодого поколѣнія, въ отношеніяхъ къ законодателямъ, предводителямъ, старѣйшимъ, равнымъ, въ обмѣнѣ услугами или вещами, въ заключеніи брака, и какія наказанія должны постигать преступающихъ эти правила. Моисей и Конфуцій, творцы священныхъ книгъ буддистовъ и египтянъ были соціологами въ томъ же смыслѣ, какъ и соціологи современные, поскольку ихъ мышленіе двигалось въ направленіяхъ, указываемыхъ общимъ для нихъ предметомъ, несмотря на то, что основныя предпосылки и методы вторыхъ существенно отличаются отъ примитивныхъ пріемовъ и результатовъ первыхъ. Ликургъ и Солонъ были только болѣе счастливыми предшественниками Платона; имъ удалось сдѣлать свои взгляды на структуру общества, права и обязанности его членовъ, воспитаніе подростающаго поколѣнія реальными принципами національной жизни, въ то время какъ горячія желанія послѣдняго дать своей странѣ нормы справедливости и конкретные законы остались желаніями и оставили за нимъ посмертную славу утопическаго *мыслителя* объ обществѣ. Точно также высшее соціологическое твореніе классической древности должно видѣть не въ схематическихъ описаніяхъ «Политики»

Аристотеля, а въ грандіозномъ кодексѣ римскаго права, положившемъ на тысячелѣтія основы правовыхъ гражданскихъ отношеній.

Средневѣковая мысль движется въ рамкахъ теологіи. Защита верховной общественной роли церкви во всѣхъ областяхъ соціальной жизни, взглядъ на общество, какъ на іерархическое цѣлое, вершиной котораго является Богъ, а представительницей послѣдняго на землѣ—церковь, верховенствующая надъ свѣтскими владыками земель и людей—эти ученія лежали въ основѣ всей средневѣковой организаціи общества и были ничѣмъ инымъ, какъ продуктами соціологической мысли.

Въ эпоху возрожденія, подъ вліяніемъ пробужденной самостоятельной научной мысли и устраненія феодализма, соціологическая мысль получаетъ новыя задачи. Установленіе правъ абсолютнаго монарха по отношенію къ своимъ подданнымъ безъ различія сословій, утвержденіе правъ всякой человѣческой личности, какъ таковой, безъ различія происхожденія—вотъ эти задачи. Послѣ вызванныхъ къ жизни гуманитарными теченіями времени коммунистическихъ утопій Т. Мора и Кампанеллы и бэконовской утопіи господства науки, Макіавели защищаетъ неограниченныя права государя по отношенію къ своимъ подданнымъ, а Гуго Гроцій устанавливаетъ принципы «естественнаго права», игравшаго такую выдающуюся роль во французской революціи. Гоббсъ изучаетъ человѣческое общество, какъ всякое другое физическое тѣло, подчиненное непреложнымъ законамъ, а Спиноза анализируетъ законы взаимодѣйствія между человѣческими тѣлами, изъ котораго слѣдуютъ разные эффекты и спутанныя представленія въ родѣ любви, ненависти, свободы, анализируетъ съ тѣхъ же точекъ зрѣнія абсолютнаго детерминизма и механическаго сцѣпленія, съ которыхъ онъ изучаетъ матеріальные и духовные процессы вообще.

Въ XVII и XVIII вв. въ Англіи соціологическая мысль получаетъ двоякое направленіе. Во-первыхъ, изучаются нравственныя и религіозныя чувствованія, при чемъ первыя или выводятся какъ непосредственно врожденныя вмѣстѣ съ основными положеніями «естественной» религіи, или же отвлекаются изъ особеннаго источника: «изъ симпатическихъ инстинктовъ» человѣка. Состраданіе, сочувствіе считаются другой стороной человѣческой природы, наряду съ независимыми отъ нихъ эгоистическими стремленіями (Clarke, Wollaston, Schaftesbury, Hutcheson, Hume, Smith). Во-вторыхъ, изучаются эти послѣднія, т. е. эгоистическія стремленія, какъ двигатели экономической жизни, изучается процессъ производства, обмѣна и распредѣленія богатствъ; показываютъ, какъ народное благосостояніе должно расти, если индивидуальной инціативѣ предоставлена свобода въ

неограниченной конкурренціи безпрерывно увеличивать производительность труда, дешевизну продуктовъ и энергію членовъ общества

Въ біологической и философской теоріи эволюціи англійскій индивидуализмъ получилъ въ свою пользу новые аргументы и, не безъ вліянія Конта, строгую соціологическую обоснованность. Соціологія Спенсера надолго оказала рѣшающее вліяніе на англійскую и на цѣликомъ зависѣвшую отъ нея до послѣдняго времени американскую мысль. Дж. С. Милль создалъ въ своей «Логикѣ» первую логику соціальныхъ наукъ и помогъ своимъ авторитетомъ обширному распространенію Бентамова утилитаризма. Въ настоящее время индивидуализмъ перестаетъ безусловно господствовать въ англійской (и американской) соціологической мысли. Этическія стремленія, обнаруживающіяся въ International Journal of ethics, въ Fabian society, въ вышедшихъ изъ Америки обществахъ этической культуры и въ попыткахъ самостоятельной соціологіи Уорда (Ward), Мэкензи (Mackensie), Гиддингса (Giddings), указываютъ на рѣшительный поворотъ отъ классическихъ англійскихъ теорій къ современнымъ соціологическимъ.

Французской соціологической мысли дали толчокъ наблюденіе общественныхъ формъ конституціональной Англіи XVIII ст. и изученіе теоріи англійскаго либерализма. Вольтеръ и Монтескье начали проповѣдь отдѣленія церкви отъ государства и восхваляли преимущества конституціональной формы правленія. Кондорсе въ своемъ геніальномъ «Наброскѣ картины историческаго прогресса человѣческаго духа» высказалъ надежду на конечное господство разума въ человѣчествѣ и на устраненіе всѣхъ предразсудковъ и суевѣрій. Независимо отъ нихъ Руссо провозгласилъ свою теорію демократическаго происхожденія и демократическаго идеала общественной жизни. Французская революція осуществила эти чисто-политическія и юридическія требованія «естественнаго» права, и очень скоро оказалось, что послѣднее само по себѣ не содержало панацеи всѣхъ золъ. Требованія *экономической* реорганизаціи общества выступаютъ тогда въ попыткахъ коммуны и въ теоріяхъ Кабэ и Луи-Блана на первый планъ. Они же лежатъ въ основѣ грандіозныхъ плановъ Фурье и въ основѣ проектовъ реформы общества Сенъ-Симона. Руководящія мысли послѣдняго возводятся въ стройную развитую систему творцомъ позитивной философіи Ог. Контомъ, которому современная соціологія обязана какъ своимъ именемъ, такъ и методами и, въ цѣломъ, объектами изслѣдованія. До послѣдняго времени позитивная соціологія господствовала во Франціи безъ серьезныхъ признаковъ дальнѣйшаго развитія. Но за послѣднія де-

сятилѣтія произошелъ замѣтный поворотъ въ этомъ отношеніи. Появился рядъ самостоятельныхъ и плодовитыхъ мыслителей, эмансипировавшихся отъ подавляющаго вліянія Конта и Спенсера и нашедшихъ новыя точки зрѣнія и новыя стороны соціологическихъ изслѣдованій. Въ настоящее время соціологія торжествуетъ свой расцвѣтъ именно во Франціи: собираются ежегодно соціологическіе конгрессы, издается спеціальный соціологическій журналъ: Revue internationale de sociologie *), а съ 1898 г выходитъ соціологическій ежегодникъ **), поставившій себѣ задачей сдѣдить за всѣми изысканіями, имѣющими чисто-соціологическій интересъ.

Совершенно особый характеръ имѣла и имѣетъ нѣмецкая соціологическая мысль. Возникши изъ теоріи естественнаго права Гроція и Руссо, она приняла въ ученіяхъ Гердера, Канта, Фихте, Шеллинга философскій и идеалистическій видъ. Она не удержалась на почвѣ практическихъ экономическихъ интересовъ и моральныхъ соображеній утилитарно-эгоистическаго порядка; она не перешла также въ революціонное одушевленіе предъ безсодержательными юридическими формулами—она направила сперва свое вниманіе исключительно на установленіе тѣхъ конечныхъ и великихъ идеаловъ, которые должны служить свѣточами и руководителями нашей нравственной воли,—задачами, къ осуществленію которыхъ мы должны стремиться въ нашей жизни и въ почитаніи которыхъ мы должны воспитывать нашихъ дѣтей. Изъ философіи Гегеля, имѣвшей неоцѣнимое вліяніе на всѣ области нѣмецкой научной мысли, выдѣлились историческія школы права и государства; затѣмъ, частью какъ развитіе, частью какъ реакція идеалистической діалектики Гегеля—соціалистическія теоріи Лассаля, Маркса, Энгельса, обратившіяся къ организаціи хозяйственныхъ, правовыхъ и государственныхъ отношеній. Но и эти теоріи носятъ на себѣ характеристическую черту нѣмецкой мысли: онѣ опираются на широкіе соціологическіе законы, на всемірно-историческія концепціи и, возвышаясь надъ временными интересами и потребностями, видятъ свою цѣль въ реализаціи великихъ историческихъ задачъ.

Кромѣ матеріалистической философіи исторіи едва ли можно говорить о существованіи особой науки соціологіи въ Германіи. Политическая экономія и юриспруденція—съ одной стороны, психологія, этика, педагогика (имѣющая въ Германіи, вслѣдствіе славныхъ соціально-педа-

---

*) Спеціальный соціологическій журналъ издается и въ Америкѣ: American journal of sociology.

**) Année sociologique ed. par E. Durcheim, 1898 и 1899

гогическихъ попытокъ Песталоцци, выдающійся соціологическій интересъ) [1])—съ другой, охватываютъ всю совокупность вопросовъ, которые ставитъ нѣмецкая мысль относительно соціальныхъ фактовъ. Зато германская политическая экономія носитъ, въ отличіе отъ англійской и несамостоятельной французской, строго-соціологическій характеръ. Она пытается понять хозяйство въ его связяхъ и взаимодѣйствіяхъ съ правомъ и политикой, съ этическими воззрѣніями и умственнымъ уровнемъ общества. Она требуетъ критической оцѣнки экономическихъ мѣропріятій и цѣлесообразности съ точки зрѣнія высшихъ этическихъ принциповъ. Въ области философіи соціологическая точка зрѣнія на истину, на познаніе въ его основахъ и критеріяхъ, на происхожденіе и значеніе нравственности получаетъ все большее и большее признаніе и освѣщеніе [2]).

Наконецъ, цѣлый рядъ этнологическихъ, этнографическихъ, культурно-историческихъ изслѣдованій о семьѣ, собственности, правѣ, нравахъ, религіи, искусствѣ приноситъ со всѣхъ концовъ драгоцѣнные матеріалы для обобщающей соціологической мысли.

Такимъ образомъ, лишь во Франціи соціологія, какъ самостоятельная наука, притязаетъ на всеобъемлющее и законодательное значеніе, на установленіе высшихъ этическихъ идеаловъ и на оцѣнку послѣднихъ, какъ реальныхъ *соціологическихъ* содержаній и цѣлей. Такое отношеніе стоитъ въ очевидной связи съ чисто-соціальнымъ и традиціоннымъ взглядомъ современной Франціи на нравственное сознаніе: она отрицаетъ какъ императивный, такъ и внутренній, надсоціальный характеръ нравственности и изгоняетъ въ область инстинктовъ—съ одной стороны, въ область насильственныхъ соціальныхъ узъ, не могущихъ имѣть нравственной обязательности,—съ другой, всѣ явленія, отличающіяся признаками борьбы и диссолидарности. Англія же руководится экономическими интересами и религіозно-этическими потребностями, тогда какъ въ Германіи господствуютъ интересы этическіе и педагогическіе, опредѣляющіе, какъ высшіе критеріи, соціально-экономическое, юридическое и политическое мышленіе даже тамъ, гдѣ матеріальные и соціальные интересы въ теоріи считаются наивными.

Попытаемся, не притязая на полноту, очертить современное состояніе соціологической теоріи примѣнительно къ самымъ общимъ и основнымъ вопросамъ, составляющимъ содержаніе т. наз общей соціологіи, въ ея отли-

[1]) См. P. Natorp: Socialpädagogik, 1899.

[2]) A. Riehl: Der philos. Kriticismus Th. III и E. Laas: Idealismus und Positivismus, 3 Bde.

чіи отъ спеціальной соціологіи отдѣльныхъ общественныхъ факторовъ. Эти вопросы суть: 1) общество, какъ особенный объектъ изслѣдованія, 2) элементы общественной жизни и ихъ взаимоотношенія, 3) условія соціальной эволюціи, 4) законы соціальной эволюціи.

Общество, какъ объектъ изслѣдованія.

Теоретическое отношеніе къ вопросамъ права, господства, хозяйства и къ связаннымъ съ ними въ общественной жизни религіознымъ, этическимъ, научнымъ и эстетическимъ факторамъ дало поводъ къ такому установленію понятій общества и задачъ соціологіи, которое часто мало соотвѣтствуетъ дѣйствительной задачѣ послѣдней и лишь поверхностно проникаетъ въ дѣйствительный предметъ изслѣдованія. Въ связи съ происхожденіемъ современныхъ соціологическихъ теорій изъ такихъ теченій мысли, въ которыхъ біологическіе факты и законы—съ одной стороны, требованія человѣческой солидарности—съ другой, играли выдающуюся роль, сравненіе общества съ организмомъ въ біологическомъ или космологико-метафизическомъ смыслѣ, какъ цѣлаго, объединеннаго общей идеей или общей закономѣрностью,—это сравненіе имѣло и не перестаетъ имѣть до настоящаго времени въ соціологическихъ системахъ выдающееся руководящее и предопредѣляющее результаты изслѣдованія значеніе. Но и энергическая реакція противъ органической теоріи не замедлила появиться. Сторонники психологическаго метода въ соціологіи требуютъ анализа соціальныхъ явленій съ точки зрѣнія общихъ законовъ сознанія, въ то время какъ другіе соціологи считаютъ возможной чисто-специфическую теорію общества, основанную на опредѣленномъ пониманіи сущности соціальной жизни и его гносеологическихъ условій.

Аналогія общества съ организмомъ заключается, главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ признакахъ: 1) кооперація разнородныхъ частей ради сохраненія какъ цѣлаго, такъ и частей — солидарность — свойственна и организму, и обществу, 2) дифференціаціи органовъ въ организмѣ соотвѣтствуетъ раздѣленіе труда въ обществѣ, 3) въ обществѣ и организмѣ существуетъ іерархія функцій: тамъ — въ лицѣ правительствующихъ и законодательныхъ учрежденій, здѣсь — въ регулирующей роли нервной системы, 4) между органами и системами органовъ организма происходятъ, какъ и въ обществѣ, борьба, конкурренція и паразитизмъ ради питанія, роста и развитія, 5) въ обществѣ, какъ и въ организмѣ происходятъ постепенное развитіе, передача пріобрѣтенныхъ качествъ, ростъ, 6) факторы органическаго развитія—борьба за существо-

ваніе и переживаніе въ естественномъ и половомъ подборахъ приспособленнѣйшихъ, приспособленіе и наслѣдственность, — все это является и факторами соціальной эволюціи. Сторонники органическаго ученія выработали еще цѣлую систему эмбріологическихъ и анатомическихъ аналогій, которыя здѣсь излишне перечислять.

Что же касается указанныхъ аналогій, то онѣ не проливаютъ свѣта на сущность соціологическихъ вопросовъ. Факты общественной жизни не могли быть отвлечены отъ фактовъ жизни органической. Солидарность общественная состоитъ въ взаимномъ оказываніи услугъ и совмѣстномъ дѣйствіи человѣческихъ личностей для достиженія общей цѣли. Она опредѣляется взаимнымъ отношеніемъ этихъ личностей въ достиженіи цѣли и самымъ содержаніемъ послѣдней, напр., добычей матеріальныхъ благъ на охотѣ или взаимнымъ сообщеніемъ научныхъ изслѣдованій на соотвѣтственныхъ конгрессахъ. Солидарность же органическая состоитъ въ извѣстной утилизаціи функціи одного органа другимъ и наоборотъ,—напр., во взаимодѣйствіи процессовъ питанія и процессовъ движенія. Измѣнчивыя и условныя дифференціаціи соціальной жизни, которую ближе опредѣляетъ лишь само конкретное содержаніе соотвѣтствующей дѣятельности, будь то посвященіе религіозному культу, или военнымъ занятіямъ, безусловно не разъясняется указаніемъ на то, что она является такой же дифференціаціей, какъ морфологически и функціонально опредѣленная система органическихъ клѣтокъ. Отношеніе нервной системы къ остальнымъ органамъ не имѣетъ, кромѣ самой поверхностной аналогіи, заключающейся въ общемъ понятіи подчиненія, никакого сходства съ отношеніями родителя къ ребенку, представителей свѣтской и духовной власти къ членамъ общества, законодателя—къ гражданамъ. То же самое и по отношенію къ конкурренціи. Конкурренція между производителями, борьба за власть между классами и личностями, эксплоатація чужой человѣческой силы во всѣхъ имъ свойственныхъ признакахъ безконечно различны отъ процессовъ неравномѣрнаго распредѣленія питательныхъ соковъ, чрезмѣрнаго роста однѣхъ системъ и функцій, атрофіи другихъ, паразитическаго существованія мелкихъ организмовъ внутри организма или на болѣе крупномъ организмѣ. Общія понятія солидарности, дифференціаціи, подчиненія, борьбы представляютъ отвлеченія отъ признаковъ, общихъ самымъ разнообразнымъ классомъ явленій, и не объясняютъ поэтому ни одного изъ послѣднихъ въ его специфическихъ признакахъ—не объясняютъ ни органическаго міра, ни соціологическаго. Они прилагаются ко всѣмъ явленіямъ мірового процесса и представляютъ поэтому, какъ извѣстно, содержаніе об-

щей формулы эволюціи Спенсера и основныя содержанія метафизическихъ концепцій волюнтаристовъ въ родѣ Вундта и Фуллье.

Сущность общественныхъ явленій не болѣе уясняется и указаніемъ на аналогіи между *законами* органической и соціальной эволюціи. Единство и постепенность развитія, роста имѣютъ собственно-біологическую цѣнность лишь въ томъ случаѣ, когда ихъ можно прослѣдить въ данныхъ конкретныхъ организмахъ, въ постепенныхъ переходахъ и сходствахъ формъ, въ дифференціаціяхъ, приспособленіяхъ и распространеніяхъ различныхъ видовъ. Но эти послѣдніе въ своихъ конкретныхъ признакахъ не допускаютъ никакого индуктивнаго обобщенія относительно фактовъ соціальныхъ, относительно учрежденій и нравовъ, войнъ и міровыхъ сношеній.

Естественный же и половой подборы въ борьбѣ за существованіе, приспособленіе и наслѣдственность принадлежатъ къ явленіямъ біологическимъ внутри соціальной жизни, и послѣднюю, какъ таковую, слѣдовательно, нисколько не характеризующимъ. Соціальная жизнь оказывается въ своемъ существенномъ содержаніи какъ разъ модификаціей борьбы біологическихъ индивидовъ за пищу, жилище, самку; она ограничиваетъ и измѣняетъ форму удовлетворенія жизненныхъ потребностей, накладывая на индивида специфическія узы, чуждыя въ своемъ религіозномъ и правовомъ характерѣ всѣмъ біологическимъ соединеніямъ. Такъ назыв. соціальный подборъ имѣетъ особенные законы и можетъ итти прямо въ разрѣзъ съ требованіями усовершенствованія біологическаго вида. Нравственность на извѣстныхъ ступеняхъ соціальнаго развитія заставляетъ щадить и заботиться объ инвалидахъ и калѣкахъ, о больныхъ и безумныхъ и способствовать одностороннему развитію функціи, связанному съ дегенераціей другихъ полезныхъ органовъ. Благопріятныя соціальныя условія существованія даются богатствомъ, происхожденіемъ, не на выдающихся качествахъ основанной властью; здоровье, способности, силы не являются достаточными условіями соціальнаго благосостоянія и дальнѣйшаго воспроизведенія. Непрерывность общественной жизни является, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ передачи традицій и ученій путемъ непосредственнаго педагогическаго воздѣйствія предыдущаго поколѣнія на послѣдующее и путемъ воздѣйствія косвеннаго, въ письменной традиціи, между тѣмъ какъ наслѣдственность пріобрѣтенныхъ качествъ вообще становится сомнительной и имѣетъ во всякомъ случаѣ больше антропологическій, чѣмъ прямо-соціологическій интересъ. Біологически устанавливающіяся измѣненія требуютъ громадныхъ промежутковъ времени, а истори-

ческій періодъ, которымъ занята соціологія, простирается лишь на нѣсколько тысячелѣтій.

Итакъ, солидарность, организація, дифференціація, конкурренція и т. д. имѣютъ въ органическомъ и соціальномъ мірахъ совершенно различныя специфическія формы. Законы соціальной эволюціи отличны отъ законовъ эволюціи органической. «Аналогія» между организмомъ и обществомъ, основанная на перечисленныхъ признакахъ, на самомъ дѣлѣ — не тождество формъ и законовъ двухъ рядовъ явленій, а лишь примѣнимость къ обоимъ общихъ понятій, изъ разнаго рода явленій отвлеченныхъ и никакой изъ нихъ въ частности не характеризующихъ. Попытки же соціологовъ (Лиліенфельдъ, Шеффле, Вормсъ) провести болѣе спеціальныя и точныя сходства между органическими и соціальными явленіями лишь затемняютъ послѣднія и противорѣчатъ потребностямъ яснаго мышленія; онѣ вызываютъ даже чисто-интеллектуальную неудовлетворенность, какъ только у человѣка образовались хоть сколько-нибудь ясныя понятія о дѣйствительномъ характерѣ соціальныхъ фактовъ. Сравненіе общества съ организмомъ не только не ведетъ къ углубленной теоріи общества, но не приводитъ даже къ ясному пониманію предмета и задачи соціологіи Органическая теорія совершенно безплодна въ методологическомъ отношеніи, и ея заслуги передъ соціологіей сводятся къ нулю.

Соціологія, какъ самостоятельная наука, пыталась поэтому другимъ путемъ установить свой предметъ и задачи. Контъ игнорировалъ психологію, какъ отдѣльную науку, смотрѣлъ на индивидуумъ, какъ на абстракцію, и считалъ всѣ психическіе факты содержаніями общественной жизни, поднимающимися непосредственно надъ органическими. Но послѣдующая критика, за исключеніемъ ортодоксальныхъ послѣдователей, признала это исключеніе психологіи однимъ изъ недостатковъ позитивизма, какъ и его отрицаніе логики и этики. Въ психологическихъ фактахъ открывалась новая область соціологическихъ изслѣдованій. Элементы общества — это, на первый взглядъ, представляющія, мыслящія, чувствующія и желающія существа. Но мысли, желанія, чувства людей опредѣляются ихъ жизнью совмѣстно съ другими людьми, ихъ взаимодѣйствіемъ съ соціальнымъ міромъ. Изслѣдованіе этихъ взаимодѣйствій между психическими фактами казалось давало соціологіи уже реальный, а не иллюзорный объектъ и существенную задачу. Оставалось однако опредѣлить, какъ должны быть разсматриваемы психическіе факты съ соціологической точки зрѣнія, какимъ образомъ изслѣдуемые психологіей факты могутъ стать матеріаломъ другой, на ряду съ нею стоящей независимой науки. Предлежатъ

два рѣшенія вопроса: теорія общества, какъ духовнаго организма высшаго порядка (Фуллье, Вундтъ, Гиддингсъ) [1]) и теорія общества, какъ дальнѣйшаго расширенія и усложненія индивидуальныхъ психологическихъ фактовъ посредствомъ подражанія.

Первая теорія указываетъ на ростъ сознанія въ органическомъ мірѣ, на образованіе все болѣе и болѣе сложныхъ центровъ самосознанія и объединеніе низшихъ центровъ въ центрахъ высшихъ, какъ цѣляхъ и руководящихъ принципахъ развитія. Надъ индивидуальнымъ сознаніемъ поднимается сознаніе другихъ я, ихъ страданій и удовольствій, ихъ мыслей и желаній; возникаетъ стремленіе устранять страданія другихъ, доставлять имъ удовольствія, приводить свои мысли въ согласіе съ ихъ мыслями, соглашать свою волю съ ихъ волей,—и это является верховнымъ принципомъ для индивидуальнаго сознанія, этическимъ и религіознымъ идеаломъ. Цѣлое—человѣчество, съ ему присущими задачами солидарности, стоитъ надъ чисто-индивидуальнымъ сознаніемъ, которое является объединяющимъ принципомъ низшихъ центровъ. Организація воль въ направленіи высшаго коллективнаго сознанія является содержаніемъ исторіи и историческаго процесса; изученіе структуры, содержанія и законовъ коллективнаго сознанія является задачей соціологіи.

Это пониманіе соціологіи вызываетъ возраженія вслѣдствіе своего односторонне-универсалистическаго характера: онъ сказывается въ предположеніи первенства высшаго сознанія, какъ руководящаго и предопредѣляющаго соціальное развитіе въ совершенно опредѣленномъ направленіи—въ опредѣленіи полной солидарности воль въ духовномъ организмѣ высшаго порядка и въ подчиненіи индивидуума соціальному цѣлому. На самомъ дѣлѣ, солидарность воль и чувствъ дана въ тѣмъ меньшей степени, чѣмъ шире соціальный кругъ, и нигдѣ въ исторіи или современности нельзя констатировать *абсолютнаго* увеличенія солидарности между индивидуумомъ и обществомъ. Вмѣстѣ съ ростомъ солидарности растетъ диссолидарность; съ усложненіемъ и тѣснымъ сцѣпленіемъ общественныхъ процессовъ рука объ руку идетъ усложненіе и индивидуальная комбинація волевыхъ элементовъ въ различныхъ особяхъ; индивидуальность растетъ и требуетъ большаго простора своему развитію и выдѣленію. Наряду съ усложненіемъ коллективнаго содержанія въ области языка, нравственныхъ и научныхъ идей, эстетическихъ привычекъ и вкусовъ, матеріаль-

*) A. Fouillée: La science sociale contemporaine и Le mouvement positiviste et la conception sociologique du monde; W. Wundt: Ethik; Tönnies: Gemeindschaft Gesellschaft; Гиддингсъ: Основы соціологіи.

ныхъ потребностей, происходитъ дифференціація высшихъ поэтическихъ и художественныхъ произведеній, болѣе ограниченныхъ нравственныхъ правилъ, болѣе утонченныхъ привычекъ, вкусовъ и аристократическихъ потребностей. Высшія содержанія общественной жизни всегда составляютъ не содержанія коллективнаго духа: надъ послѣдними возвышаются продукты индивидуальнаго творчества, и никогда никакой коллективный духъ не содержалъ въ себѣ потенціально или актуально тѣхъ идей, твореній, чувствованій, которыя, зародившись въ душевной жизни генія, освѣщаютъ, опредѣляютъ, обогащаютъ соціальную жизнь, удовлетворяютъ прежнія потребности, создаютъ новыя, возжигаютъ тысячелѣтіями не угасающее пламя и вводятъ въ концѣ концовъ въ плоть и кровь коллективнаго духа продукты индивидуальнаго творчества. Концепція общества, какъ духовнаго организма, имѣетъ своимъ конечнымъ мотивомъ не реальную дѣйствительность, а одностороннюю метафизическую идею прогресса, стремящагося къ абсолютной гармоніи міровыхъ воль.

Другая попытка психологическаго опредѣленія общества принадлежитъ остроумнѣйшему и оригинальнѣйшему изъ всѣхъ современныхъ соціологовъ—Тарду. Для него общество является ничѣмъ инымъ, какъ подражательнымъ распространеніемъ вѣрованій и желаній одного субъекта или нѣсколькихъ на широкій кругъ человѣческихъ личностей. Какъ въ физическомъ мірѣ, говоритъ онъ, существуетъ волнообразное распространеніе движеній въ оказывающихъ противодѣйствіе средахъ, интерференція противоположныхъ движеній и выравниваніе въ движеніяхъ взаимодѣйствующихъ; какъ органическій міръ представляетъ собою непрерывную цѣпь повтореній органическихъ формъ, путемъ размноженія и наслѣдственной передачи структуры, и ограниченіе этого повторенія въ борьбѣ различныхъ формъ за существованіе и въ переживаніи приспособленнѣйшихъ,—такъ въ соціальномъ мірѣ психическія содержанія личностей умножаются и уравниваются въ окружающей ихъ соціальной средѣ, вызывая и подражанія, и противодѣйствія со стороны психическихъ содержаній другихъ личностей, сталкиваясь съ послѣдними, образуя равнодѣйствующія, которыя въ свою очередь распространяются подражаніемъ. Соціальная жизнь является для Тарда сложной тканью разнообразныхъ подражаній, которыя частью текутъ мирно одно возлѣ другого, частью сталкиваются и борются, и даютъ при счастливомъ столкновеніи начало примиряющей равнодѣйствующей—новому изобрѣтенію. Подражаніе Тардъ сравниваетъ съ памятью въ индивидуальной жизни: оно—соціальная память, изобрѣтеніе же, это—новый фактъ, новая комбинація старыхъ эле-

ментовъ, подобная возникновенію въ сознаніи вспоминанія—тоже новаго факта. Не только мода и нравы являются для Тарда продуктами подражанія, но и языкъ, искусство, хозяйство, религія, наука. Словари и грамматики, художественныя произведенія и орудія, пріемы и условія производства, моральные кодексы, научныя и философскія системы, все это—систематизированные и распространенные посредствомъ подражанія въ безконечномъ множествѣ экземпляровъ результаты безчисленнаго множества отдѣльныхъ, мелкихъ открытій, возникшихъ сначала въ одномъ, или нѣсколькихъ умахъ и сложившихся въ гармоническое цѣлое, лишь перейдя черезъ цѣлый рядъ треній, выдѣленій, урѣзываній, раздѣленій, приспособленій.

Эта теорія формулируетъ основной фактъ общественной жизни во всякомъ случаѣ неудачнымъ и методологически мало плодотворнымъ терминомъ. Всякое подражаніе предполагаетъ по Тарду изобрѣтеніе. Содержаніе общественной жизни объясняется не самымъ подражаніемъ, а накопленіемъ и эволюціей изобрѣтеній. Но что такое изобрѣтеніе? Тардъ пытается свести изобрѣтеніе на подражаніе, указывая на происхожденіе перваго изъ счастливаго столкновенія въ какомъ-нибудь мозгу нѣкоторыхъ подражаній; напр., подражанія старыхъ физіологическихъ истинъ съ новыми наблюденіями надъ кровообращеніемъ въ тропической странѣ привели къ изобрѣтенію—къ открытію эквивалентности теплоты и движенія. Но очевидно изобрѣтеніе, или открытіе (Тардъ понимаетъ подъ invention открытіе теоретическаго, подъ découverte—открытіе практическаго характера) возникаетъ изъ взаимныхъ отношеній между *содержаніями идей или цѣлей, какъ таковыхъ*, а не характера послѣднихъ, какъ якобы подражательныхъ. Содержаніе соціальныхъ процессовъ остается совершенно необъясненнымъ, если понимать ихъ, какъ процессы подражательныя. Подражаніе—спеціальная форма повторенія; оно можетъ вести за собой, вслѣдствіе структуры мірового процесса, расчлененіе, усложненіе, измѣненіе, вступленіе въ новыя комбинаціи повторяющихся элементовъ; но самый характеръ этихъ новыхъ комбинацій можетъ быть понятъ лишь изъ внутреннихъ отношеній этихъ элементовъ. И дѣйствительно, для объясненія изобрѣтеній Тардъ вводитъ новый объясняющій принципъ: принципъ колеблющагося равновѣсія вѣрованій и желаній. Какъ индивидуальная психическая жизнь подчинена закону наибольшаго равновѣсія между различными вѣрованіями и желаніями, къ которому стремятся логика и жизненная мудрость (теологія въ смыслѣ Тарда), такъ соціальная жизнь является болѣе обширной системой, въ которой вѣрованія и желанія разныхъ

личностей противопоставляются, сталкиваются, гармонизируются и образуютъ болѣе объемлющія системы колеблющагося и подвижного равновѣсія вѣрованій и желаній. Движущими факторами этой гармонизаціи и оказываются счастливыя комбинаціи прежнихъ вѣрованій и желаній въ новыхъ ученіяхъ, учрежденіяхъ, техническихъ пріемахъ. Подражаніе сводится, такимъ образомъ, къ принципу соприкосновенія между различными индивидуальными системами вѣрованій и воль. Но очевидно, что оно есть только одна изъ формъ подобнаго соприкосновенія: на ряду съ подражаніемъ происходятъ столкновеніе, противодѣйствіе, борьба между различными идеями, модами, желаніями. Самое воспроизведеніе жизненнаго процесса другого человѣка не является простымъ подражаніемъ ему. Слышанная и понятая рѣчь другого человѣка не есть подражаніе тому конкретному процессу, который соотвѣтствовалъ рѣчи: у говорящаго мысли предшествуютъ словамъ, центральные иннерваціонные процессы и иннервація голосовыхъ мышцъ ведутъ за собой слова; слушающій же воспринимаетъ прежде всего комбинацію слуховыхъ впечатлѣній, воспроизводитъ соотвѣтствующія этимъ звукамъ представленія,—и лишь въ большей или меньшей степени реакція распространяется у него даже и на голосовыя мышцы. Внутреннее проникновеніе въ мысли, чувствованія, стремленія другого человѣка не исчерпывается простымъ подражаніемъ. Пониманіе, сочувствіе, приказаніе, все это—болѣе существенныя формы соприкосновенія съ чужимъ душевнымъ процессомъ, чѣмъ подражаніе. Ненависть воспроизводитъ душевныя состоянія, но не подражаетъ имъ: напротивъ, она противополагаетъ себя имъ и конструируетъ въ себѣ шагъ за шагомъ какъ разъ имъ противоположные чувствованія и импульсы. Приказаніе не есть подражаніе и не есть симпатія (хотя можетъ вытекать изъ нихъ): оно предполагаетъ знаніе душевнаго процесса другого человѣка, какъ могущаго воспринять и исполнить приказанное. Два враждебныхъ лагеря не подражаютъ другъ другу—наоборотъ, все, что дѣлаетъ одинъ, вызываетъ въ другомъ импульсы не дѣлать этого уже потому, что это дѣлаетъ врагъ; они не желаютъ также взаимнаго блага и не подчиняются послѣднему, но они все же стоятъ въ соціальныхъ отношеніяхъ, потому что интерпретируютъ дѣйствія и движенія другъ друга съ точки зрѣнія вражды, предполагаютъ ту же точку зрѣнія у противника и руководятся въ своихъ взаимныхъ дѣйствіяхъ сознаніемъ существенной одинаковости ихъ жизненныхъ процессовъ. Приказаніе, пониманіе, подражаніе, вражда, содѣйствіе, сочувствіе, любовь включаются въ общее понятіе совмѣстнаго переживанія человѣчески-сходныхъ процессовъ. Переживаніе

можетъ быть односторонне, напримѣръ, если оно относится къ ребенку или идіоту; но оно основано на констатированіи въ другомъ существѣ процессовъ, въ извѣстной мѣрѣ сходныхъ съ нашими собственными душевными процессами. Подражаніе не охватываетъ поэтому всѣхъ содержаній соціальной жизни. Основной фактъ послѣдней, это—*переживаніе жизненныхъ процессовъ другихъ людей, какъ существъ мнѣ подобныхъ, но со мной не тождественныхъ, какъ другихъ я.* Изслѣдовать содержанія, условія и ростъ совмѣстныхъ переживаній человѣчества—формы солидарности и диссолидарности, сцѣпленія и развѣтвленія, ступени и слѣдствія послѣднихъ—вотъ что является задачей соціологіи. Соціологія, такимъ образомъ понятая, есть не что иное, какъ научно обработанная исторія: она извлекаетъ изъ массы историческихъ данныхъ ихъ основныя черты, условія, законы—въ томъ же смыслѣ, въ какомъ біологія стремится научно обрабатывать данныя т. н. естественной исторіи.

Прежде чѣмъ заключить эту главу, мы должны еще остановиться на нѣкоторыхъ теоріяхъ о предметѣ общественной науки, желающихъ поставить ее внѣ всякой зависимости отъ психологіи. Мы имѣемъ въ виду теоріи Зиммеля, Дюркгейма и Штаммлера.

Для Зиммеля задача соціологіи, какъ самостоятельной науки, не можетъ заключаться въ разборѣ внутреннихъ содержаній общественой жизни по существу. Экономическія, политическія, юридическія, техническія, эстетическія, научныя цѣли, нравственныя и логическія предписанія—всѣ входятъ въ область соціальной жизни, всѣ являются ея содержаніями. Но изслѣдованіемъ ихъ занимается рядъ наукъ, которыхъ соціологія не можетъ не вытѣснить, ни замѣнить. Если у нея все же остается свой объектъ, то это потому, что всѣ перечисленныя содержанія имѣютъ въ себѣ нѣкоторыя общія черты, свойственныя имъ въ виду особенныхъ признаковъ, напечатлѣваемыхъ *формой соціальной жизни.* Тотъ фактъ, что всѣ они даны въ процессахъ взаимодѣйствій между человѣческими личностями, придаетъ всѣмъ нѣкоторую общую физіономію, независимую отъ ихъ конкретнаго содержанія. Специфическіе законы взаимодѣйствія между людьми, въ какомъ бы содержаніи это взаимодѣйствіе ни происходило—вотъ оригинальная задача соціологіи.

Взятое само по себѣ, это ограниченіе области соціологіи кажется довольно удовлетворительнымъ. Оно напоминаетъ о чисто-теоретическомъ характерѣ соціологіи, о различіи ея задачъ отъ задачъ другихъ, теоретическихъ, практическихъ и философскихъ наукъ,—различіи, забываемомъ въ наше время многими соціологами. Соціологія занимается нравственностью,

но она ни прямо, ни косвенно не даетъ указаній о дѣйствительно-должномъ, какъ мы ихъ требуемъ отъ этики и наукъ практическихъ; она занимается наукой, искусствомъ, хозяйствомъ, правомъ, но не замѣняетъ и не исчерпываетъ задачъ и ученій логики и положительныхъ наукъ, эстетики, политической экономіи, юриспруденціи.

Однако, болѣе внимательный разборъ *специфическихъ* признаковъ этого опредѣленія соціологіи и его примѣненія къ самой наукѣ приводитъ къ отрицанію за нимъ всякаго научнаго значенія.

Общество, по Зиммелю, это—совокупность взаимодѣйствій между людьми, и формы соціальной жизни могутъ быть разсматриваемы совершенно независимо отъ ея содержаній, какъ пространственныя формы разсматриваются геометріей независимо отъ наполняющихъ пространство тѣлъ. Но понятіе взаимодѣйствія само по себѣ не составляетъ еще опредѣленія: это признакъ видовой, раздѣляемый обществомъ съ органическими и неорганическими тѣлами. Опредѣленіе заключается, очевидно, въ прибавленіи — «между людьми». Люди же берутся здѣсь, конечно, не въ ихъ біологическихъ признакахъ питанія, движенія, ощущенія и т. д., а въ ихъ специфическихъ признакахъ, т. е. они берутся какъ сознающія, мыслящія, чувствующія, разумно желающія существа. Взаимодѣйствія между людьми означаютъ, слѣдовательно, взаимодѣйствія между чувствованіями, желаніями, мыслями различныхъ человѣческихъ существъ. Но различныя психическія состоянія стоятъ въ различныхъ отношеніяхъ одно къ другому и даютъ во взаимодѣйствіи различные результаты, смотря по ихъ качественнымъ, временнымъ и т. д. признакамъ и связямъ. Психологія достигаетъ пониманія зависимости психической жизни отъ біологическаго процесса лишь при помощи углубленнаго анализа различныхъ категорій психической жизни, ихъ связей и послѣдовательностей. Какимъ же образомъ могутъ быть изслѣдованы взаимодѣйствія между людьми при отвлеченіи отъ содержаній этихъ взаимодѣйствій? Какъ бы ни были общи установленные соціологическіе законы, они будутъ законами опредѣленныхъ категорій соціальной жизни—будь то религіозныя учрежденія, или формы правленія. Какимъ образомъ можетъ быть установлена закономѣрность человѣческихъ стремленій къ достиженію матеріальныхъ благъ въ общественной жизни, если самыя взаимодѣйствія между экономическими стремленіями людей и взаимодѣйствія этихъ стремленій съ другими—нравственными, религіозными, эстетическими, семейными стремленіями—остаются внѣ области соціологіи? Повелѣваніе и повиновеніе—единственный соціологическій

фактъ, который Зиммель изучалъ внѣ своей теоріи соціальнаго равновѣсія, къ которой мы сейчасъ обратимся,—не существуютъ, какъ повелѣваніе и повиновеніе вообще. Постоянно кто-нибудь повелѣваетъ что-нибудь опредѣленное съ опредѣленной цѣлью—кому-нибудь. Законы повелѣванія и повиновенія будутъ безконечно различны, смотря по характеру повелѣвающаго и повинующагося и по содержанію приказанія. Самое отношеніе повиновенія не представляетъ собою ничего соціологическаго: это чисто-психологическій фактъ. Это—отношеніе между опредѣленнымъ волевымъ актомъ, который имѣетъ форму приказанія, и подавляющимъ и опредѣляющимъ волю другой личности дѣйствіемъ этого приказанія. Какіе-нибудь соціологическіе законы повелѣванія и повиновенія Зиммелю установить не удалось. Онъ останавливается на утвержденіи множества различныхъ возможностей и на ихъ перечисленіи.

Но какъ это ни кажется удивительнымъ, формализмъ мышленія Зиммеля, связанный съ его наклонностью разлагать сложныя содержанія на отдѣльныя нити, изъ которыхъ они сплетены, но которыя не менѣе сложны, чѣмъ самыя содержанія, вмѣсто разложенія ихъ на составные элементы, его привычка анализировать въ ширину вмѣсто анализа въ глубину—этотъ формализмъ и эта привычка привели его къ игнорированію специфическаго признака общества, какъ взаимодѣйствія между людьми, и принудили его остановиться на разсмотрѣніи общества, просто какъ системы взаимодѣйствующихъ элементовъ. У Тарда мы уже встрѣчали это стремленіе спуститься въ опредѣленіи общества до коренныхъ признаковъ всякаго бытія. Но Тардъ признаетъ всякую однородность, всякую ограниченность, индивидуальность продуктомъ сложныхъ космическихъ процессовъ, а не основаніемъ послѣднихъ, и считаетъ возможнымъ пониманіе индивидуальности лишь какъ результата перекрещеній и взаимодѣйствій сложныхъ отношеній, которыя надо всюду изслѣдовать по существу. Онъ нигдѣ не признаетъ лежащихъ въ основѣ развитія однозначныхъ, дающихъ форму и направленіе послѣднему, цѣлей или элементовъ, а предполагаетъ безчисленное множество элементовъ и цѣлей, не представляющихъ ни абсолютнаго единства и абсолютной гармоніи, ни абсолютной множественности и противорѣчивости, а передвигающихся, сталкивающихся, переходящихъ въ высшія формы и никогда не подчиняющихся какой-нибудь внѣ нихъ, надъ или подъ ними стоящей однозначной цѣли. Не то Зиммель. Для него дѣйствительность состоитъ исключительно изъ взаимодѣйствій однородныхъ и постоянныхъ элементовъ, въ себѣ не носящихъ никакихъ качественныхъ или количественныхъ признаковъ, закономѣрныхъ отношеній

или измѣненій. Качества и количества, законы и объединяющіе принципы суть продукты познающаго субъекта, который не можетъ схватывать дѣйствительность, не перерабатывая ея въ свои формы. Реально-общественная жизнь есть не что иное, какъ взаимодѣйствія абсолютно самостоятельныхъ соціальныхъ атомовъ—людей. Для познанія же общество становится цѣлымъ особаго рода, съ особенными законами возникновенія, роста и исчезновенія. Соціологія разсматриваетъ, между прочимъ, какъ общество сохраняется. Для этого обществу приписываются лишь общіе признаки системы физическихъ силъ, находящейся въ колеблющемся равновѣсіи и стоящей во взаимодѣйствіи съ внѣшнимъ міромъ. Однако, Зиммелю приходится употребить въ дѣло и болѣе спеціальные термины, въ родѣ органовъ и цѣлей, и общество, имъ изучаемое, становится удивительно похожимъ на сознательнаго человѣка, ставящаго себѣ цѣли, пріискивающаго къ нимъ средства, выказывающаго при этомъ значительное остроуміе, но отличающагося отъ сознательныхъ людей совершенной однозначностью своей верховной цѣли—сохраненія.

Общество вырабатываетъ, по Зиммелю, въ своемъ сохраненіи вещественные, идейные и личные символы въ родѣ неотчуждаемости земельной собственности (маіората), единыхъ религіозныхъ и національныхъ традицій, наслѣдственныхъ монархій или парламентовъ; смотря по его конституціи, ему болѣе полезно консервативное или реформистское отношеніе къ своимъ учрежденіямъ. И Зиммель указываетъ, какимъ классамъ реформы могутъ быть гибельны, для какихъ онѣ являются единственнымъ условіемъ спасенія, какіе классы наклонны къ консерватизму. Но въ правовыхъ и представительныхъ учрежденіяхъ, въ идеяхъ, традиціяхъ и законахъ мы наталкиваемся на тѣ самыя содержанія соціальной жизни, на тѣ различные психическіе факты, которые какъ разъ должны были быть изгнаны изъ соціологіи! Правда, они являются здѣсь не въ ихъ собственномъ существѣ, а какъ средства и символы внѣ нихъ лежащей цѣли: сохраненія общества. Цѣль эта гибка и ускользаетъ подъ руками, какъ только мы пытаемся опредѣлить, сохраненію какого именно общества служатъ всѣ эти факты: сохраненію ли семьи или группы, класса рабовъ или господъ, арміи Цезаря или галловъ, и какъ и гдѣ сохраненіе какого-либо опредѣленнаго общества является единственной и верховной цѣлью всѣхъ происходящихъ въ немъ сознательныхъ процессовъ. При изученіи сложныхъ обществъ Зиммелю приходится утверждать, что для сохраненія «общества» одновременно одно и то же можетъ быть полезно или вредно,—

смотря по тому, становится ли онъ на точку зрѣнія привилегированнаго класса, или болѣе широкаго общественнаго цѣлаго.

Такимъ образомъ, соціологическія попытки Зиммеля намъ кажутся основанными на несостоятельныхъ методологическихъ предпосылкахъ догматическаго атомизма и апріористическаго формализма.

Серьезнаго вниманія заслуживаетъ Дюркгеймъ Вполнѣ сознавая психологическій характеръ соціальныхъ фактовъ, онъ настаиваетъ на различіи предмета и методовъ психологіи и соціологіи. Общество, какъ совокупность человѣческихъ индивидуумовъ, представляетъ по отношенію къ послѣднимъ самостоятельную и самородную мощь. Въ соціальной жизни, несмотря на то, что индивидуумы—единственные ея члены, психическіе факты получаютъ новый, отъ индивидуума отличный субстратъ, особенныя качества и силы,—точно такъ же, какъ отдѣльный психическій фактъ имѣетъ своимъ субстратомъ весь мозгъ, а не отдѣльную клѣтку, несмотря на то, что мозгъ не есть что-либо иное, какъ совокупность этихъ клѣтокъ. Въ соціальной жизни стираются индивидуальныя особенности, и общія для различныхъ индивидуумовъ теченія слагаются въ могучіе и неустранимые потоки соціальной жизни. Исторія и статистика, а не индивидуальная психологія, являются поэтому главными источниками и матеріаломъ соціологіи.

Противъ этого нельзя возразить ничего существеннаго. Иначе приходится отнестись къ пониманію Дюркгеймомъ сути общества. Послѣднее, по его мнѣнію,—давленіе однихъ людей на другихъ, принужденіе, исходящее изъ соціальной жизни и выражающееся субъективно въ первобытныхъ религіозныхъ представленіяхъ карающихъ боговъ, затѣмъ въ законахъ и чувствованіяхъ нравственнаго долга. Это опредѣленіе общества односторонне и не достаточно глубоко. Религіозныя чувствованія вызываются не исключительно воздѣйствіемъ людей другъ на друга, а главнымъ образомъ впечатлѣніями окружающаго физическаго міра—солнца и звѣздъ, грома и молній, моря и огня, дикихъ звѣрей, могучихъ естественныхъ силъ, болѣзней, смерти—и являются не основами, а содержаніями соціальной жизни,—такъ же, какъ и право и нравственность. Кромѣ того, общественная жизнь содержитъ въ себѣ не только факты подавленія и фаталистическаго опредѣленія личности обществомъ, но и факты развитія, расширенія личности въ господствѣ, во взаимномъ усиленіи эстетическихъ эмоцій, въ возвышающей и освобождающей любви, въ энергичномъ воздѣйствіи личностей на ходъ общественной жизни. Не внѣшнее обязательство, а совмѣстное переживаніе жизненныхъ процессовъ характеризуетъ соціальную жизнь.

То же самое приходится возразить и Штамммлеру, видящему, подобно Дюркгейму, во внѣшнемъ регулированіи основной признакъ соціальной жизни. Но изслѣдованіе Штамммлера имѣетъ еще дальнѣйшій интересъ. Онъ стремится, исходя изъ основныхъ положеній кантовскаго критицизма, положить основу *философіи* соціальныхъ наукъ: установить новые признаки и основную закономѣрность объекта послѣднихъ, подобно тому какъ критическая философія установила до сихъ поръ признаки и родъ закономѣрности наукъ математическихъ и механическихъ, какъ біологія предполагаетъ условіемъ своего существованія понятіе жизни и закономѣрность развитія. Вопросы о сущности общества, о факторахъ соціальной эволюціи и взаимоотношеніяхъ элементовъ соціальной жизни, наконецъ, объ отношеніи соціальныхъ законовъ къ человѣческимъ идеаламъ должны быть разрѣшены теоріей соціологическаго познанія и лежать въ основѣ спеціальнаго соціологическаго изслѣдованія. Ниже мы еще будемъ имѣть поводъ упомянуть объ его ученіяхъ. Здѣсь же укажемъ лишь на совершенную неудовлетворительность опредѣленія общества, какъ внѣшне регулированныхъ сношеній между людьми.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ слѣдующему результату нашихъ разсужденій объ обществѣ, какъ объектѣ изслѣдованія.

1. *Общество есть совокупность взаимодѣйствій между людьми на почвѣ совмѣстнаго переживанія жизненныхъ процессовъ.*

2. *Соціологія есть научная обработка исторіи и не совпадаетъ ни съ психологіей, ни съ какой-либо изъ практическихъ общественныхъ или философскихъ наукъ.*

3. *Основныя понятія соціологіи должны быть установлены теоріей соціологическаго познанія, составляющей часть общей теоріи познанія.*

Элементы соціальной жизни и ихъ взаимоотношенія.

Научное изслѣдованіе какого-нибудь отдѣла дѣйствительности, это— разложеніе его на элементарныя единицы различныхъ ступеней сложности и зависимости и изученіе законовъ комбинаціи послѣднихъ, ихъ качественныхъ особенностей, ихъ отношеній къ другимъ элементамъ и комплексамъ, различныхъ стадій ихъ развитія, если таковое имѣется. Научное изслѣдованіе соціальной жизни должно поставить себѣ вопросъ: каковы суть элементы соціальной жизни?

Близко лежащіе отвѣты получаются, если возьмемъ критеріемъ элементарности фактъ не общественный, но являющійся непосредственнымъ

носителемъ соціальной жизни, или же фактъ уже общественный, словно элементарную соціальную клѣтку, изъ которой, какъ изъ данной уже соціальной матеріи, посредствомъ дифференціаціи возникаютъ сложныя соціальныя образованія. Въ первомъ случаѣ приходится считать элементомъ соціальной жизни индивидуумъ, во второмъ—семью или первобытную орду, имѣющую основнымъ принципомъ своего единства, главнымъ образомъ, кровное родство. Но эта альтернатива уже показываетъ, что ни индивидуумъ, ни семья не являются, какъ таковые, во всѣхъ своихъ опредѣленіяхъ, элементами соціальной жизни—въ томъ, что послѣдняя имѣетъ специфическаго.

Человѣческій индивидуумъ, какъ таковой, очевидно не можетъ быть признанъ основнымъ и постояннымъ соціальнымъ элементомъ, потому что въ первобытномъ и даже древнемъ историческомъ обществѣ человѣческая личность не имѣла никакого сознательнаго существованія независимо отъ экономическихъ, семейныхъ, религіозныхъ и правовыхъ функцій, которыя она исполняла; въ остальномъ она была чисто біологическимъ и антропологическимъ индивидуумомъ, который не имѣлъ никакого собственно-соціологическаго значенія. Сознательная умственная и нравственная индивидуальность была до сихъ поръ позднимъ и рѣдкимъ продуктомъ историческаго развитія Изъ семейныхъ же отношеній не могутъ быть отвлечены, какъ продукты ихъ дифференціаціи, отношенія экономическихъ классовъ, права индивидуальной собственности, военныя дѣятельности—вообще всѣ элементы соціальной жизни, имѣющіе своей основой не односторонюю іерархію и солидарность, какъ въ семьѣ, а кооперацію и противоположеніе равныхъ людей. Опредѣленіе индивидуума и семьи, какъ содержаній соціальной жизни, само должно быть дано при помощи опредѣленныхъ элементовъ или опредѣленной комбинаціи элементовъ соціальной жизни. Послѣдніе должны быть уже установлены для того, чтобы понятія индивидуума и семьи получили свое точное соціологическое значеніе.

Общество, это—совокупность отношеній между людьми, основанныхъ на совмѣстномъ переживаніи ими жизненныхъ процессовъ. Жизненный процессъ человѣческихъ личностей характеризуется высшимъ развитіемъ животнаго сознанія—ощущеній, стремленій и чувствованій, представленій, желаній и дѣятельностей, мыслей, воли и творчества. Совмѣстное переживаніе людей является переживаніемъ сперва стремленій и чувствованій, затѣмъ при посредствѣ языка—общихъ воспріятій и сужденій, желаній и поступковъ. Соціальная жизнь является организаціей на почвѣ взаимнаго удовлетворенія потребностей совокупными силами, взаимнымъ содѣйстві-

емъ и подкрѣпленіемъ; она является цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ этихъ силъ по заранѣе обдуманному плану, принимающему во вниманіе множественность, сознательность и взаимное дополненіе и замѣну индивидуумовъ. Потребности пищи, крова, защиты, воспроизведенія и внутренней солидарности являются первыми и основными содержаніями всякой коллективной дѣятельности На ряду съ экономическими, семейственными, политическими и правовыми учрежденіями въ соціальной жизни неразрывно съ ними существуютъ общіе знаки для вещей и чувствованій—слова; наряду съ послѣдними—общіе элементы міросозерцанія, общія религіозныя и нравственныя представленія. На высшихъ ступеняхъ развитія появляются литература, наука, философія и искусство, представляющія въ различныхъ степеняхъ и содержаніяхъ достояніе цѣлыхъ слоевъ общественной жизни. Въ этихъ-то, въ общественной жизни возникающихъ, съ нею, а не съ отдѣльными личностями, связанныхъ системахъ цѣлей, средствъ и воззрѣній и заключаются элементы соціальной жизни [1]). Индивидуальность же не есть такой элементъ потому, что самый элементарный соціальный фактъ предполагаетъ болѣе, чѣмъ одну,—по меньшей мѣрѣ двѣ индивидуальности. Соціальное въ индивидуальности, это—то, что ей обще съ болѣе или менѣе широкой группой другихъ людей,—будь то со своей націей, или со своимъ классомъ, или съ историческимъ человѣкомъ, или со своими единомышленниками, или съ будущимъ человѣчествомъ. Индивидуальность, какъ таковая, опредѣляется не исключительно соціологическими признаками—націей, языкомъ, соціальной функціей, соціальнымъ уровнемъ и классомъ, но и подсоціальными біологическими, антропологическими и психологическими признаками, съ одной стороны, и надсоціальными признаками—этическими убѣжденіями и характеромъ, научными и философскими воззрѣніями, эстетическими вкусами, съ другой. Точно также семья, какъ соціологическое содержаніе, опредѣляется ея правовыми, этическими и педагогическими признаками, какъ комбинація опредѣленныхъ элементарныхъ соціальныхъ цѣлей, а не является сама яснымъ и опредѣленнымъ соціальнымъ элементомъ, подобно тому, какъ современная физика [2]) опредѣляетъ массу количествомъ исходящихъ изъ тѣла ускореній, а мѣсто массы—направленіемъ этихъ ускореній,—взамѣнъ неопредѣ-

---

[1]) См. о соціальномъ возникновеніи и характерѣ высшихъ содержаній духовной жизни, кромѣ выше цитированныхъ авторовъ, особенно: E. De-Roberty Le bien et le mal, Le psychisme social и Le fondements de l'ethique, J. Jsoulet: La cité moderne.

[2]) Э. Махъ и др.

ленныхъ признаковъ матеріальности и положенія, бросающихся въ глаза ненаучному уму.

Это конечно не уничтожаетъ того факта, что исторія происходитъ въ личностяхъ и при посредствѣ личностей. Чѣмъ ниже развито общество, какъ цѣлое, чѣмъ ниже развита дѣйствующая въ немъ личность, чѣмъ меньше цѣли и средства личности являются цѣлями и средствами общества, чѣмъ несовременнѣе, безплоднѣе, недоступнѣе пониманію и сочувствію общества ея мысли, желанія—тѣмъ ничтожнѣе будетъ вліяніе личности на ходъ исторической жизни. Наоборотъ, чѣмъ общество выше развито и чѣмъ выше развита дѣйствующая въ немъ личность, чѣмъ болѣе цѣли и средства личности являются цѣлями и средствами общества, чѣмъ современнѣе, полезнѣе и понятнѣе обществу ея открытія, изобрѣтенія и дѣятельность, чѣмъ вліятельнѣе и могущественнѣе ея положеніе въ обществѣ,—тѣмъ сильнѣе опредѣляетъ она ходъ историческаго развитія, тѣмъ сильнѣе запечатлѣваетъ она свой индивидуальный геній въ судьбахъ человѣчества.

Экономическія, политическія, правовыя, религіозныя, педагогическія, научныя, философскія, эстетическія идеи и цѣли представляютъ собой каждая не строго отграниченную и однородную систему: онѣ стоятъ въ тѣсныхъ связяхъ и взаимодѣйствіяхъ одна съ другою, являются отчасти средствами одна для другой, и ихъ отношенія измѣняются и расчленяются въ ходѣ историческаго развитія. Въ цѣломъ, однако, идеи, цѣли и дѣятельности, направленныя на достиженіе необходимыхъ и желательныхъ матеріальныхъ благъ посредствомъ добыванія и обработки естественныхъ матеріаловъ, обмѣна и распредѣленія продуктовъ между членами общества могутъ быть отграничены отъ системы правилъ, регулирующихъ отношенія между членами общества въ экономическихъ, семейственныхъ и другихъ общественныхъ сношеніяхъ; послѣдняя система можетъ быть отграничена отъ системы соціальныхъ воззрѣній на міръ и должное и т. д. Для соціологіи, изучающей соціальную жизнь, именно какъ цѣлое, и видящей свою существенную и отличительную задачу въ уясненіи всѣхъ элементовъ соціальной жизни, какъ зависящихъ одинъ отъ другого, какъ взаимно обусловливающихъ и обусловленныхъ въ ихъ содержаніяхъ и развитіи,—текучесть и сложность элементовъ соціальной жизни является только постулатомъ цѣлесообразности, которую она и старается установить, поскольку это позволяетъ ея предметъ и поскольку ея обобщающія задачи господствуютъ надъ анализирующими и спеціализирующими задачами чисто-логическаго изслѣдованія.

Но эта текучесть и сложность соціальныхъ элементовъ является препятствіемъ для тѣхъ односторонніхъ соціологическихъ теорій, которыя думаютъ понять соціальную жизнь, принимая одинъ какой-нибудь факторъ соціальной жизни—политическій, или идеологическій, или экономическій—за ея единственную основу или верховную цѣль, отъ которой зависятъ или которой подчиняются всѣ ея остальныя содержанія [1]) Защита общественнаго цѣлаго извнѣ и правовая организація общественной жизни извнутри. очевидно, не представляютъ собой независимыхъ и строго отграниченныхъ цѣлей и дѣятельностей. Существуетъ ли въ обществѣ постоянная армія, или всѣ взрослые члены его обязаны принимать участіе въ войнѣ; имѣютъ ли войны народа оборонительный, или наступательный характеръ; управляется ли страна монархомъ, или олигархами, или парламентомъ; существуетъ ли въ странѣ частная, или коллективная собственность на землю или продукты производства; дѣйствуетъ ли въ ней то или другое уголовное право, имѣетъ ли она право коммерческое и полицейское—все это зависитъ, кромѣ причинъ естественныхъ, не отъ какого-нибудь абсолютнаго законодательствующаго разума, подчиняющаго всѣ области соціальной жизни своимъ самобытнымъ юридическимъ нормамъ, а отъ очень реальныхъ, не въ правѣ обоснованныхъ, экономическихъ, религіозныхъ, научныхъ, техническихъ и этическихъ причинъ, и нельзя понять право и политическую структуру народа въ ихъ различныхъ развѣтвленіяхъ, не анализируя этихъ причинъ, какъ нельзя понять хозяйства, науки и т. д. безъ пониманія политической и юридической жизни.

То же самое приходится сказать и относительно попытки понять историческую жизнь лишь изъ движенія идей.

Съ самаго начала общественной жизни наряду съ религіозными и миѳологическими представленіями существуетъ группа идей, такъ сказать, техническихъ и конкретныхъ, о наиболѣе обыденныхъ и важныхъ вещахъ и элементарныхъ пріемахъ защиты отъ врага, добываніи пищи и крова. Сознательная жизнь состоитъ не только изъ объективныхъ представленій, но и изъ чувствованій и стремленій. Познаніе, мышленіе не только опредѣляютъ волю и чувствованія, но и въ сильнѣйшей степени опредѣляются послѣдними. Потребности и хотѣнія направляютъ, регулируютъ, модифицируютъ теченіе представленій, содержаніе и направленіе воспріятій и мыслей. Возвышающія или подавляющія, поощряющія или успокаивающія, раздражающія и причиняющія боль или наслажденіе,—пред-

---

1) См. P. Barth: Philosohpie der Geschichte als Sociologie.

ставленія этимъ самымъ пріобрѣтаютъ въ душевной жизни соотвѣтственное мѣсто и значеніе, а не только въ силу своего чисто-объективнаго содержанія. Съ расчлененіемъ душевной жизни теченіе представленій и мыслей становится необычайно сложнымъ, и тысячами нитей перекрещиваются разнообразныя отношенія между ихъ объективными содержаніями и ихъ волевыми и эмоціональными цѣнностями. Изъ многообразнаго сцѣпленія каждаго изъ моментовъ ежедневной жизни съ другимъ выдѣляются различныя струи человѣческаго творчества, въ которыхъ преобладаютъ мысль, или воля, или чувствованіе. Наряду съ научной и философской дѣятельностью, направляемой исканіемъ истины, каково бы ни было отношеніе послѣдней къ чувствованіямъ и волѣ, и расчленяющейся въ разнообразные потоки детальнаго изслѣдованія дѣйствительности, возникаетъ практическая мысль, какъ техническая, юридическая, политическая, педагогическая и этическая переработка объективныхъ данныхъ, и эстетическая мысль, направленная на возсозданіе элементовъ мірового процесса въ комбинаціяхъ, требуемыхъ человѣческими стремленіями къ свободѣ, счастію, возвышенію, спокойствію. И теоретическое, и практическое, и эстетическое теченія душевной жизни не перестаютъ находиться въ тѣснѣйшихъ взаимодѣйствіяхъ, какія бы разнообразныя комбинаціи это взаимодѣйствіе ни создавало. Религіозныя и метафизическія идеи представляютъ такое же переплетеніе теоретическихъ, этическихъ и эстетическихъ стремленій, какъ и художественная отдѣлка предметовъ обыденной жизни или устройство больницъ. Технологія и архитектура, поэзія и драматическое искусство, нравы и обычаи въ разныхъ степеняхъ стремятся руководиться данными также и положительныхъ наукъ, соображеніями цѣлесообразности и красоты.

Но содержаніе соціальной жизни не исчерпывается и взаимодѣйствіемъ и переплетеніемъ мыслей, воль и чувствованій. Послѣднихъ недостаточно для пониманія того, какъ соціальная жизнь получаетъ характеръ громаднаго муравейника, въ которомъ копошатся безчисленныя множества существъ, хлопочутъ, судятъ, наказываютъ, убиваютъ, умираютъ, любятъ, страдаютъ, борются, наслаждаются, приказываютъ, повинуются,—являютъ однимъ словомъ ту пеструю сутолоку, которую намъ рисуетъ исторія. Люди стремятся осуществлять свои цѣли, удовлетворять свои потребности и сталкиваются при этомъ съ реальнымъ міромъ и другими людьми, преодолѣваютъ оказываемыя послѣдними противодѣйствія, измѣняютъ ихъ и измѣняются ими въ свою очередь.

Изъ элементовъ сознательной жизни вытекаетъ жизнь общественная,

но послѣдняя представляетъ собою рядъ процессовъ объективныхъ, непсихическихъ, и эти процессы вліяютъ въ свою очередь на сознательную жизнь. Общественный процессъ представляетъ собой круговоротъ между воздѣйствіемъ на реальность сознанія и реакціи на сознательную жизнь измѣненныхъ подъ ея вліяніемъ объективныхъ условій соціальной жизни. Круговоротъ этотъ совершается одновременно въ безчисленныхъ множествахъ сферъ, пробѣгающихъ одновременно различные фазисы его. Какая-нибудь научная идея бросается въ дѣйствительность соціальной жизни; она вызываетъ попытки ея практическаго примѣненія; техническое изобрѣтеніе приноситъ съ собою то или другое измѣненіе въ экономическихъ процессахъ; послѣднее измѣняетъ въ свою очередь семейныя отношенія, что можетъ вести за собой различныя измѣненія въ области воспитанія, нравственности, права и повліять на строй другихъ соціальныхъ и теоретическихъ идей. Переплетеніе элементовъ круговорота можетъ разнообразиться до безконечности. Идеи могутъ вліять прямо на идеи, затѣмъ на нравственность, затѣмъ на право, затѣмъ на обычаи и технику, или же прямо—на обычаи и технику, и нравственность, и право, и другія идеи, и такъ далѣе—относительнаго каждаго изъ элементовъ соціальной жизни Изреченіе Конта: «соціальный міръ управляется мнѣніями» только отчасти вѣрно, если понимать подъ «мнѣніями» совокупность сознательной жизни, потому что реализація сознательной жизни въ матеріальномъ, человѣческомъ и нечеловѣческомъ, мірѣ не тождественна съ послѣднимъ, хотя и существенна для него и является его необходимымъ двигателемъ. Оно совершенно ложно, если понимать подъ мнѣніями, какъ Контъ преимущественно понималъ, лишь элементы теоретическаго міросозерцанія.

Но не болѣе удовлетворительна теорія взаимоотношеній элементовъ соціальной жизни въ матеріалистическомъ пониманіи исторіи Для послѣдняго круговоротъ соціальной жизни существуетъ лишь между экономіей—фундаментомъ и первичнымъ элементомъ соціальной жизни, и надстройкой надъ этимъ фундаментомъ—правомъ, политическими учрежденіями, нравственностью, идеями. Надстройка можетъ гармонировать съ фундаментомъ или же противорѣчить ему. Ростомъ производительныхъ силъ измѣняется въ концѣ концовъ экономическая структура общества, и къ ней приспособляются новыя надстройки. Соотвѣтствующія производительнымъ силамъ правовыя отношенія, соціальныя формы и идеи представляютъ благопріятную обстановку для дальнѣйшаго роста производительныхъ силъ, опять противополагающихся прежнимъ надстройкамъ и измѣняющихъ послѣднія и т. д.

Не можетъ быть серьезнаго сомнѣнія, въ особенности послѣ изслѣдованія Штаммлера, что эта теорія не продумана до конца, не готова [1]). Экономія ни въ какомъ смыслѣ не можетъ считаться единственнымъ, первичнымъ и лежащимъ въ основѣ всего соціальнымъ фактомъ. Во всемъ животномъ мірѣ существуетъ потребность питанія и воспропзведенія; но эти потребности нигдѣ не привели къ похожей на человѣческую соціальной жизни и къ развитой естественнонаучной техникѣ. Совершенно равноцѣнной функціи питанія во всемъ органическомъ мірѣ и у человѣка является функція движенія. Нервная система служитъ въ одинаковой степени какъ воспріятію и переработкѣ внѣшнихъ раздраженій въ движенія, такъ и ассимиляціи послѣднихъ; «потребность» сохраненія, подъ вліяніемъ которой развилась нервная система, разлагается на потребность движенія, и на потребность пищи. Утверждать, что экономія лежитъ въ основѣ соціальной жизни, уже значитъ утверждать господство въ послѣдней сознательной и коллективной дѣятельности, потому что самая экономія возникла изъ мыслительныхъ актовъ, изъ конструктивной переработки внѣшнихъ воспріятій и изъ кооперації. Какая же идея будетъ внутреннимъ элементомъ экономіи, какая—надстройка надъ ней? Для кооперації необходимо подчиненіе нѣкоторымъ правиламъ, извѣстная доля взаимнаго пониманія посредствомъ словъ и жестовъ, извѣстная нравственная отвѣтственность за свой постъ и трудъ. Современное хозяйство имѣетъ своимъ внѣшнимъ условіемъ правовыя отношенія свободы договора и передвиженія, — а эти права являются интегральными элементами самаго процесса производства и обмѣна. Между экономіей, правомъ, нравственностью, наукой существуютъ всюду лишь текучія границы. Всѣ они являются элементами сознательной соціальной жизни на почвѣ совмѣстнаго переживанія.

Но этого мало: экономическое пониманіе исторіи тогда имѣло бы опредѣленный научный смыслъ, если бы вся дѣятельность человѣчества была направлена прямо или косвенно лишь на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей, если бы религія и наука, право и нравственность служили единственной цѣли—содержать человѣчество въ сытости и добромъ здравіи. Но съ самаго начала историческаго существованія человѣкъ имѣлъ еще и другія потребности: потребность пониманія и предвидѣнія, потребность общенія съ себѣ подобными, потребность движенія и упражненія своихъ органовъ. Если бы не существовало этихъ потребностей, то человѣчество перемерло бы съ голода, но не создало бы ни науки, ни искусства, ни

[1]) Въ книгѣ L. Woltmann'a: Der historische Materialismus 1899 г. сдѣлана попытка углубить и систематизировать историческій матеріализмъ.

нравственности. Нѣтъ сомнѣнія: наука, искусство, нравственность служатъ экономическимъ цѣлямъ общества, и чѣмъ ниже послѣднее въ лицѣ своихъ членовъ, чѣмъ труднѣе достиженіе этихъ цѣлей,—въ тѣмъ большей степени служатъ онѣ имъ. Но и экономическія цѣли являются лишь средствами для другихъ, высшихъ цѣлей,—и это тѣмъ больше, чѣмъ легче онѣ, экономическія цѣли, достигаются, чѣмъ выше развиты общество и личность. Религіозныя и нравственныя цѣли, научныя и эстетическія потребности могутъ получить даже такой перевѣсъ надъ экономическими цѣлями, что дѣйствуютъ имъ въ ущербъ, подавляютъ ихъ и даже на время увлекаютъ за собой широкія массы. Взаимодѣйствіе между экономикой и духовной «надстройкой», признаваемое экономическимъ матеріализмомъ, уже противорѣчитъ этой теоріи, потому что ей приходится признать самостоятельность права, нравственности, науки, какъ необходимаго условія ихъ взаимодѣйствія съ экономикой, ихъ противоположенія и противодѣйствія послѣдней, ихъ роли орудій въ активной и цѣлесообразной организаціи общественныхъ силъ.

На ряду съ догматическими утвержденіями представители матеріалистическаго пониманія исторіи (напр., К. Шмидтъ) указываютъ на изслѣдованіе экономическихъ формъ соціальной жизни, какъ на *методъ* для пониманія сосуществующихъ элементовъ послѣдней. И дѣйствительно, углубленіе въ формы экономической жизни историческихъ народовъ, предпринятое сначала экономистами и проникающее теперь въ круги спеціалистовъ-историковъ, является крупнымъ прогрессомъ исторической науки. Заслуги Родбертуса, Ницша, Липперта, Шмоллера, Лампрехта и др. въ этомъ отношеніи несомнѣнны. Но не должно искажать это методологическое требованіе, не должно возводить экономическій методъ въ *единственный* методъ проникновенія въ соціальныя явленія, какъ это дѣлаютъ теоретики матеріалистическаго пониманія исторіи и отъ чего воздержались дѣйствительно употреблявшіе этотъ методъ и обогатившіе имъ науку. Такъ какъ всякій элементъ соціальной жизни вліяетъ на всѣ остальные, то каждый изъ нихъ можетъ быть положенъ въ основу разсматриванія всѣхъ. Роль религіи въ исторіи еще значительнѣе роли экономіи. Право и нравственность представляютъ также интересный уголъ зрѣнія для изученія общественной жизни. Исторія науки и философіи представляютъ такой богатый источникъ пониманія исторіи, что одна изъ системъ соціологіи положила ихъ въ основу всѣхъ другихъ элементовъ общественной жизни. Чѣмъ болѣе растетъ сознаніе важности разумнаго воспитанія подростающаго поколѣнія и духовно-нравственнаго возвыше-

нія массъ путемъ искусства, тѣмъ интереснѣе становится бросить взглядъ на всемірную исторію съ точки зрѣнія роли, которую въ ней играли сознательное воспитаніе и искусство. Однимъ словомъ, сколько элементовъ соціальной жизни, столько методовъ соціологіи. И важность опредѣленнаго соціологическаго метода опредѣляется не только ролью даннаго элемента въ прошедшемъ человѣчества, но и въ обратномъ отношеніи къ ней стоящей сложностью и высотой этого элемента.

Соціальная жизнь являетъ три основныхъ признака, примѣнимыхъ ко всѣмъ ея элементамъ и ихъ взаимоотношеніямъ. Она или *неподвижна*, т е. существуетъ въ установленныхъ формахъ безъ крупнаго измѣненія ихъ цѣлыя столѣтія или тысячелѣтія; или *регрессируетъ*, т. е. формы соціальной жизни разлагаются, взаимное переживаніе слабѣетъ, общество вымираетъ, распадается, растворяется въ другихъ обществахъ; или *прогрессируетъ*, т. е. формы соціальной жизни развиваются, взаимное переживаніе усиливается, расширяется, простирается на новыя содержанія. Современная соціологія еще очень мало сдѣлала для пониманія устойчивости и регресса обществъ Біологическія аналогіи, которыми пытаются оперировать, не достигаютъ цѣли. Больше сдѣлано для пониманія соціальной эволюціи, къ которой мы теперь должны обратиться.

Резюмируемъ сперва сказанное объ элементахъ соціальной жизни и ихъ взаимоотношеніяхъ.

1. Элементы соціальной жизни, это—экономическія, семейственныя, политическія, научныя, этическія, эстетическія цѣли на почвѣ совмѣстнаго переживанія.

2. Между всѣми элементами соціальной жизни происходитъ безпрерывное взаимодѣйствіе; никакой элементъ не играетъ исключительно опредѣляющей, никакой элементъ не играетъ исключительно зависящей роли. Кромѣ взаимодѣйствія между сознательными элементами соціальной жизни, происходитъ взаимодѣйствіе совокупности послѣднихъ съ ихъ реальными основами и осуществленіями. Соціальная жизнь представляетъ сложно переплетенный круговоротъ между измѣненіемъ бытія сознаніемъ и измѣненіемъ сознанія бытія.

3. Въ методологическомъ отношеніи, всякій элементъ соціальной жизни можетъ быть положенъ въ основу изслѣдованія. Кромѣ экономической жизни, существенны въ методологическомъ отношеніи религіозно-этическія воззрѣнія и научныя познанія.

Условія соціальной эволюціи.

Со времени Юма подъ причиннымъ объясненіемъ не понимаютъ болѣе указанія на то, какъ одно содержаніе дѣйствительности *производитъ* другое; въ отвѣтѣ на вопросъ о причинѣ естественнаго явленія не ждутъ указанія на мотивъ, похожій на человѣческій, которымъ существованіе этого явленія могло бы быть оправдано. Такого рода «объясненіе» міра оказывается невозможнымъ, какъ ни настойчиво это «почему» навязывается разуму. Научное объясненіе состоитъ въ указаніи закономѣрнаго сцѣпленія между условіемъ и обусловленнымъ, въ указаніи повторенія извѣстной послѣдовательности между фактами. Болѣе сложныя закономѣрности могутъ быть сведены на закономѣрности элементарныя; психологическіе и соціологическіе процессы могутъ быть объяснены изъ дѣйствій элементарныхъ волевыхъ, эмоціональныхъ и интеллектуальныхъ элементовъ; но и въ области психологической, какъ въ области естественной, мы въ концѣ концовъ останавливаемся передъ фактическими отношеніями, которыя намъ кажутся сами собой понятными, вслѣдствіе ихъ постоянной и всеобщей данности, но которыя такъ же мало раціональны, какъ и объясненныя или сложныя закономѣрности Почему всякое живое существо стремится сохраниться, почему оно ищетъ удовольствія и избѣгаетъ страданія, почему тѣла влекутся по закону тяготѣнія, почему вообще происходитъ движеніе — это вопросы безсмысленные, потому что неумѣстные, но возникающіе у человѣчества, которое не можетъ успокоиться на необходимости зла, на противорѣчіяхъ дѣйствительнаго съ должнымъ, на безсмысленномъ давленіи естественныхъ силъ, на неизбѣжности смерти. Въ отношеніи условія и обусловленнаго оба члена постоянно даны; мы не выводимъ изъ содержанія, которое называемъ условіемъ, другого содержанія, называемаго нами обусловленнымъ, а устанавливаемъ, что разъ оба содержанія въ своемъ качественномъ различіи и въ ихъ несводимости одно на другое даны, то одно изъ нихъ является условіемъ другого. Такъ, соціальная эволюція должна быть дана, какъ предлежащій фактъ, для того, чтобы мы могли искать и установить содержанія, стоящія въ связи съ различными моментами и элементами соціальной эволюціи, какъ условія послѣднихъ. Качественное сродство и, главное, испытанная постоянная связь между однимъ содержаніемъ и послѣдующимъ являются руководителями въ этомъ процессѣ исканія условій, — процессѣ, который протекаетъ больше въ силу инстинктивныхъ необходимостей мышленія, чѣмъ путемъ мышленія, на каждомъ шагу сознательнаго и методическаго.

Условія соціальной эволюціи распадаются на внѣсоціальныя и внутрисоціальныя. Первыя, это — условія, лежащія въ географическихъ, климатическихъ, геологическихъ, органическихъ признакахъ среды и въ антропологическихъ, расовыхъ признакахъ членовъ общества. Вторыя условія мы можемъ опредѣлить безъ труда послѣ сказаннаго въ предыдущей главѣ. Прогрессъ познанія, принятый Кондорсе и Контомъ какъ единственное внутрисоціальное условіе общественнаго развитія, не можетъ быть признанъ единственнымъ условіемъ послѣдняго, потому что онъ самъ является очень сложнымъ и разнообразно обусловленнымъ фактомъ и не можетъ быть принятъ вообще, какъ элементарное условіе другихъ процессовъ. Кромѣ того, мы видѣли невозможность отождествленія условій всей соціальной эволюціи съ условіемъ одного лишь прогресса идей. Прогрессъ волн и чувствованій и постепенное измѣненіе послѣдними внѣшнихъ основъ сознанія, ведущее въ свою очередь за собой измѣненіе чувствованій и воль, являются по меньшей мѣрѣ такими же важными содержаніями соціальной жизни, какъ и прогрессъ познанія. Условія же ихъ не совпадаютъ съ условіями прогресса знанія и должны быть приняты особенно во вниманіе.

Здѣсь приходятъ на умъ ходячія объясненія соціальнаго развитія стремленіемъ удовлетворять потребности или стремленіемъ людей къ наибольшему счастію. Но эти объясненія на самомъ дѣлѣ ровно ничего не объясняютъ, потому что они лишь повторяютъ вопросъ: почему люди имѣютъ такія-то и такія-то потребности и почему они удовлетворяютъ ихъ такъ, а не иначе, почему люди ищутъ счастія въ томъ, а не въ другомъ, или поочередно въ томъ и въ другомъ. Эти объясненія оставляютъ необъясненнымъ конкретное теченіе соціальной жизни, которое именно и требуется объяснить. Они не невѣрны, потому что, если люди стремятся къ чему-нибудь, то они дѣйствительно стремятся, хотятъ, имѣютъ потребности; но эти объясненія такъ же не говорятъ о томъ, къ чему люди стремятся, какъ положеніе: «все есть то, что оно есть» не говоритъ о томъ, что именно есть это «все». Формальные признаки человѣческой воли не могутъ объяснить ея матеріальныя содержанія. Указать условія соціальной эволюціи значитъ на самомъ дѣлѣ не «свести» ее на какой-нибудь фактъ, этой эволюціи въ себѣ не содержащій, а отвлечь самые общіе признаки ея какъ разъ въ томъ видѣ, въ какомъ она въ исторіи происходитъ.

Матеріалистическое пониманіе исторіи предлагаетъ не менѣе трехъ рядовъ условій соціальнаго развитія безъ попытки установить однознач-

ныя отношенія между этими рядами Это, во-первыхъ, потребности сохраненія и воспроизведенія жизни; во-вторыхъ, ростъ производительныхъ силъ и несогласія между послѣдними и отношеніями производства; въ-третьихъ, основнымъ признакомъ исторической жизни объявляется классовая борьба. Но экономическія потребности имѣютъ, какъ мы уже указали, подчиненное и второстепенное значеніе именно въ *соціальной* жизни. Ростъ же производительныхъ силъ очевидно обусловленъ прогрессомъ естествознанія и технической мысли, а этотъ прогрессъ имѣлъ. какъ извѣстно, своимъ источникомъ не потребности ѣсть, спать и воспроизводиться, а умственную работу тысячелѣтій—религіозныя, метафизическія и научныя концепціи Платоновъ, Аристотелей, Коперниковъ, Галилеевъ, Ньютоновъ. Кромѣ же несогласій между возросшими производительными силами и правовыми и т. д. условіями производства, немаловажное значеніе имѣютъ въ исторіи несогласія національныя и религіозныя, несоотвѣтствія между количествомъ населенія и средствами существованія, между культурностью одной части населенія и дикостью и рабствомъ другой и т. д. И кромѣ производительныхъ силъ въ исторіи растетъ кое-что. Растутъ знанія, практическія способности, общительность; возникаетъ политическая свобода, исчезаютъ внѣшнія границы между доселѣ изолированными народами, растутъ раздѣленіе труда, взаимное пониманіе, взаимная кооперація человѣчества. Гдѣ остается экономика? что въ ней объясняющее, что объяснено? Экономическія потребности всего не объясняютъ; производительныя силы, обмѣнъ, соціальная организація производства и его правовыя основы должны быть объяснены. Остается отъ экономической теоріи, по нашему мнѣнію, не она, а, во-первыхъ: требованіе соціологическаго пониманія всѣхъ элементовъ исторіи, какъ взаимно обусловливающихся и стоящихъ въ реальной закономѣрной связи и во взаимодѣйствіи съ матеріальными — біо-соціологическими, біологическими и космическими процессами, отъ которыхъ они зависятъ; во-вторыхъ, утвержденіе, что въ настоящее время стремленія къ богатству, обезпеченности и наслажденіямъ являются сильнѣйшими мотивами соціальной дѣятельности и жизни, прикрывающимися часто разными патріотическими, этическими, научными, эстетическими масками.

Что же касается борьбы классовъ, то матеріалистическому пониманію исторіи не удается указать, какъ дѣйствительная исторія объясняется изъ борьбы классовъ и изъ борьбы какихъ именно классовъ въ частности. Понятія господствующихъ и подавляемыхъ классовъ служатъ для нея главнымъ образомъ нитью для удовлетворительныхъ, по ея мнѣ-

нію, объясненій научныхъ, этическихъ и эстетическихъ теченій, программъ политическихъ партій и законодательныхъ содержаній. Но эти объясненія вѣрны лишь постольку, поскольку экономическія и политическія теченія вліяли и вліяютъ дѣйствительно опредѣляющимъ образомъ на остальныя стороны соціальной жизни; они безсмысленны и наивно-претенціозны, когда пытаются вывести цѣликомъ структуру указанныхъ сторонъ изъ экономическихъ и политическихъ интересовъ. Единственнымъ условіемъ соціальной эволюціи борьба политическихъ классовъ за экономическое преобладаніе считаться не можетъ, потому что на ряду съ ней исторія еще полна борьбой расъ и націй, религіозныхъ сектъ и научныхъ и философскихъ, литературныхъ и эстетическихъ теченій, борьбой между личностью и группой, между эгоистическими и альтруистическими побужденіями, между семьей и обществомъ, между новымъ и старымъ поколѣніемъ, между здоровыми, сильными, приспособленными и больными, слабыми, вырождающимися, преступными. И не только борьбой движется и наполняется историческая жизнь. Мирная, солидарная, упорная работа во всѣхъ областяхъ общественной жизни остается главнымъ и основнымъ источникомъ общественнаго прогресса. Борьба, противодѣйствія могли быть необходимыми и спасительными *стимулами* для творческой дѣятельности народовъ и личностей; но положительные плоды цивилизаціи получались лишь въ дѣйствіи этихъ стимуловъ, въ энергическомъ стремленіи къ достиженію поставленныхъ цѣлей.

Условія общественной жизни текутъ не изъ одного, а изъ множества источниковъ; они стоятъ въ тѣсныхъ взаимныхъ связяхъ, но не представляютъ полнаго единства,—они широкими потоками впадаютъ одно въ другое, но не сливаются въ совершенно единое и однозначно направленное теченіе. Намъ остается послѣ сказаннаго формулировать наше воззрѣніе на условія соціальной эволюціи:

Условія соціальной эволюціи заключаются въ стремленіяхъ къ достиженію экономическихъ, семейственныхъ, политическихъ, религіозныхъ, этическихъ, научныхъ, эстетическихъ цѣлей и во взаимодѣйствіяхъ и борьбѣ между всѣми этими цѣлями въ личностяхъ и группахъ.

Законы соціальной эволюціи.

Идеологическое, экономическое, юридическое и этическое направленія въ соціологіи попытались каждое установить общіе законы развитія общественной жизни. Самой замѣчательной попыткой научной обработки

исторіи остается до сихъ поръ соціологія Огюста Конта. Кромѣ матеріалистическаго пониманія исторіи, вся послѣдующая соціологія не произвела рѣшительно ничего систематически новаго по сравненію съ Контовой соціологіей. Она только истолковывала, критиковала, дополняла, дальше развивала ученія послѣдней. Въ центрѣ Контовой соціологіи стоитъ знаменитый законъ трехъ стадій развитія человѣческаго ума, связанный съ классификаціей наукъ. По этому закону человѣческій умъ пробѣгаетъ въ своемъ пониманіи всѣхъ областей явленій, отъ наиболѣе общихъ до наиболѣе спеціальныхъ (причемъ раньше достигаютъ высшихъ стадій элементарныя области явленій, изъ чего вытекаетъ возможность существованія въ человѣческомъ умѣ, какъ и въ человѣчествѣ, одновременно всѣхъ трехъ стадій въ отношеніи къ различнымъ областямъ явленій) сперва ступень *теологическую,* когда явленія объясняются, какъ руководимыя духовными существами, подобными людямъ; затѣмъ — переходную ступень *метафизическую,* когда явленія объясняются изъ гипостазированныхъ абстракціей идей (entités), и достигаетъ наконецъ ступени *позитивной,* изучающей явленія, какъ подчиненныя непреложнымъ законамъ, и не ищущей за вещами скрытыхъ первоначальныхъ причинъ и дѣятелей. Каждая изъ этихъ стадій развитія человѣчества опредѣляетъ всѣ остальные стороны жизни послѣдняго. Теологическая ступень, распадается на три отдѣла: фетишизмъ, политеизмъ и монотеизмъ. Съ фетишизмомъ возникаютъ скотоводство и земледѣліе, потому что онъ вызываетъ уваженіе къ животнымъ, задерживаетъ импульсы ихъ убіенія и привязываетъ населеніе къ почвѣ. Семья является тогда единственной организаціей соціальной жизни. Техника и искусство мало развиты, потому что на этой ступени фантазія отсутствуетъ. Фетишизмъ является низшей ступенью общественнаго развитія. За нимъ слѣдуетъ политеизмъ. Земледѣліе заставляетъ обращать вниманіе на небесныя тѣла и вызываетъ ихъ обоготвореніе. Съ многобожіемъ возникаютъ и болѣе широкіе общественные союзы—націи, государства, а съ послѣдними—патріотическія чувствованія. Начинаются войны; побѣжденные обращаются въ рабовъ, ихъ трудъ эксплоатируется; дѣлается возможной роскошь, возникаетъ эгоизмъ и растетъ экономическое неравенство. Искусство находитъ въ политеизмѣ благопріятныя условія и достигаетъ высокихъ ступеней развитія. При политеизмѣ выдѣляется изъ общества особая каста жрецовъ, въ отличіе отъ кудесниковъ и юродивыхъ фетишизма; и эти жрецы являются носителями также и свѣтской власти. Нерасчлененность духовной и свѣтской власти, нахожденіе ихъ въ однѣхъ рукахъ, является по

Конту характерной чертой соціальной организаціи на ступени политеизма, и всѣ содержанія общественной жизни классическихъ народовъ древности—война, частная собственность, искусство, рабство и совпаденіе свѣтской и духовной властей—сводятся имъ на политеистическія вѣрованія, какъ на основную причину.

Въ монотеизмѣ мышленіе поднимается уже надъ антропоморфическимъ міросозерцаніемъ къ объединяющему и объемлющему міровоззрѣнію. Представительница духовной жизни — церковь — исполняетъ великую историческую миссію нравственнаго и умственнаго воспитанія человѣчества, и это заставляетъ Конта относиться съ глубокимъ почтеніемъ къ среднимъ вѣкамъ и ихъ теократической организаціи. Монотеизмъ производитъ измѣненіе во взглядахъ на войну, смягчаетъ различія сословій и измѣняетъ содержаніе и характеръ искусства. Братство всѣхъ людей и ихъ единство въ общемъ Богѣ заставляетъ относиться отрицательно къ войнѣ, какъ самоцѣли, и она считается дозволенной лишь для самозащиты и по отношенію къ невѣрующимъ. Феодализмъ является организаціей замозащиты. Рабство, подъ вліяніемъ привязанности населенія къ почвѣ, смягчается сперва въ крѣпостную собственность; затѣмъ, подъ вліяніемъ религіозныхъ войнъ — въ особенности, крестовыхъ походовъ и расцвѣта городовъ — жители послѣднихъ выкупаются изъ крѣпостничества; за ихъ свободой слѣдуетъ и освобожденіе земледѣльческихъ рабочихъ. Средневѣковое искусство отличается отъ древняго своимъ нравственно-религіознымъ содержаніемъ и величіемъ формъ. Оно не достигаетъ особенно высокаго развитія, потому что среднимъ вѣкамъ недостаетъ того постоянства формъ общественной жизни, которое необходимо для расцвѣта искусства, ставящаго своей задачей идеализацію установившихся формъ соціальной жизни.

Въ новое время жизнь становится сложнѣе, и Контъ не пытается тическій, научный и философскій. Первый играетъ въ новомъ времени извлечь все содержаніе ея изъ развитія міросозерцанія. Онъ констатируетъ четыре ряда содержаній соціальной жизни: индустріальный, 5стенервенствующую и опредѣляющую роль, и господство элементовъ соціальной жизни движется уже не въ направленіи сверху внизъ—отъ высшихъ идей къ потребностямъ, а снизу вверхъ—отъ потребностей къ идеямъ. Господство науки и философіи надъ всѣми областями соціальной жизни и совпаденіе ихъ въ одномъ цѣломъ является результатомъ развитія, который долженъ осуществиться съ переходомъ общественной жизни въ позитивную стадію. Въ новое же время, которое Контъ считаетъ съ 1300 года

(отъ полнаго уничтоженія крѣпостного права) до французской революціи, индустріализмъ, стремленіе къ созданію матеріальныхъ благъ, игралъ главную и опредѣляющую роль, хотя и здѣсь открытія и научный прогрессъ также имѣли немаловажное значеніе. Индустріализмъ окончательно вытѣснилъ средневѣковый милитаризмъ и приготовилъ наступленіе третьей стадіи — господства духовнаго авторитета въ соціальной жизни. Эта стадія пріуготовляется непосредственно эволюціей государственной власти и ея отношеній къ четыремъ рядамъ. Сперва индустріализмъ и эстетическое творчество развиваются самостоятельно —энергіей частной предпрімчивости, безъ вмѣшательства государства. Затѣмъ государство беретъ ихъ подъ свою защиту и энергично заботится о процвѣтаніи народнаго благосостоянія и искусствъ. Позже наука и философія тоже берутся государствомъ подъ свое покровительство въ защиту отъ тираннической опеки церкви. Это дѣлаетъ для науки и философіи возможнымъ съ большимъ успѣхомъ и энергіей вести начатую уже въ средневѣковой схоластикѣ борьбу противъ теологіи и противопоставить теократическимъ и монархическимъ ученіямъ церкви метафизическое ученіе естественнаго права—равенства и свободы всѣхъ людей. Плодомъ дѣятельности метафизиковъ и юристовъ оказывается французская революція съ ея чисто формальными и абсолютными требованіями равенства и свободы Метафизическая ступень и ей соотвѣтствующіе современные Конту либерализмъ и интеллектуальная и соціальная анархія являются переходомъ къ ступени позитивной, къ организаціи общества съ точки зрѣнія блага человѣчества и съ верховенствомъ духовной власти—философовъ—въ управленіи общества. Духовная власть должна стоять на ряду съ властью исполнительной, свѣтской, такъ какъ способности отвлеченія и обобщенія неразрывно связаны съ способностями комбинаціи и организаціи. Въ «Позитивной политикѣ» Контъ вырабатываетъ цѣлый планъ будущей организаціи общества, простирающійся на хозяйство, семью и культъ аффективныхъ сторонъ человѣчества.

Болѣе схематическую теорію соціальной эволюціи даютъ Марксъ и Энгельсъ. Для нихъ исторія имѣетъ діалектическій характеръ и управляется абсолютными, неизмѣнными законами. Примитивный коммунизмъ превращается въ его противоположность — частную собственность на предметы и орудія производства. Частная собственность ведетъ къ товарному хозяйству, чистой формой котораго является хозяйство капиталистическое. Капиталистическая эксплоатація силъ природы и силъ человѣческихъ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ накопленіе богатствъ, подчи-

неніе природы человѣческимъ цѣлямъ, централизацію, раціонализацію и обобществленіе производственнаго процесса; вызываетъ переселеніе, безработицу, кризисы; объединяетъ человѣчество и его дѣятельность; опредѣляетъ этическія, умственныя и эстетическія теченія и создаетъ всѣ условія своего собственнаго преодолѣнія въ высшей формѣ кооперації— соціалистической эксплоатаціи силъ природы и внутренней экономической, политической, этической и т. д. солидарности, въ коммунизмѣ высшаго порядка.

Современная соціологія установила еще слѣдующіе историческіе законы: 1) Ростъ раздѣленія труда — дифференціація общества въ экономическомъ, умственномъ, нравственномъ и эстетическомъ смыслахъ, выдѣленіе все болѣе опредѣленныхъ, рѣзко отграниченныхъ индивидуальностей, взаимно дополняющихся, уважающихъ взаимную свободу и солидарныхъ во взаимномъ содѣйствіи своему развитію (Спенсеръ, Дюркгеймъ, Зиммель). 2) Ростъ политической свободы — замѣна стѣсняющихъ, ограничивающихъ и подавляющихъ личность политическихъ учрежденій учрежденіями, въ которыхъ разумному самоопредѣленію личности не ставится границъ и въ которыхъ мѣсто принужденія и инстинкта занимаетъ *договоръ* между свободными личностями (Фуллье, Дюркгеймъ, Гиддингсъ). 3) Ростъ соціальной солидарности — прогрессирующая гармонизація волъ, уравниваніе идеаловъ, воззрѣній, вкусовъ, потребностей, способностей (Фуллье, Вундтъ, Тардъ).

Приступимъ къ критикѣ указанныхъ законовъ соціальной эволюціи. Контовъ законъ трехъ стадій былъ предметомъ продолжительной, отчасти враждебной критики. Метафизики и гносеологи имѣли всѣ основанія отвергнуть этотъ законъ: имъ достаточно было указать на якобы некритическій характеръ позитивизма и въ огульномъ отрицаніи всей системы выбросить за бортъ и этотъ законъ. Въ противоположномъ лагерѣ матеріалистовъ онъ былъ не понятъ и свергнутъ англійскимъ естествоиспытателемъ Гексли Вундтъ находитъ, что это не историческій, а психологическій законъ воспріятія и познанія: мы начинаемъ съ болѣе или менѣе антропопатическаго пониманія внѣшняго міра и кончаемъ объективнымъ пониманіемъ его [1]). Наконецъ, Фулье устанавливаетъ, что этотъ законъ понимался Контомъ не какъ законъ развитія всѣхъ вещей и содержаній опыта, а лишь какъ законъ развитія міросозерцаній, и ограничиваетъ его въ томъ смыслѣ, что позитивная стадія, слѣдуя за догмати-

[1]) W Wundt: Logik II, die historischen Gesetze.

ческими метафизиками схоластиковъ и платониковъ, не исключаетъ критической метафизики, представляющей синтезъ позитивной и идеалистической стадіи и удовлетворяющей, въ моральномъ пантеизмѣ, религіозныя потребности. Подобнаго же мнѣнія придерживается и историкъ французской философіи XIX вѣка Равэссонъ. Соціологическая критика закона трехъ стадій должна обратиться, во-первыхъ, противъ утвержденія однозначной и закономѣрной связи между господствующимъ міросозерцаніемъ общества и всѣми сосуществующими элементами его жизни, во-вторыхъ—противъ недостаточнаго установленія Контомъ психологическихъ основъ и границъ этого закона.

Недостаточность Контова объясненія связи между фетишизмомъ и скотоводствомъ и земледѣліемъ, между политеизмомъ и войнами, рабствомъ, частной собственностью, развитіемъ искусства и господствомъ жрецовъ, съ точки зрѣнія строго-причиннаго объясненія, бросается въ глаза. Другіе — нравственные и политическіе, эстетическіе и экономическіе — сложные и разнообразные мотивы содѣйствовали возникновенію и сосуществленію перечисленныхъ фактовъ. Нѣтъ никакой внутренней зависимости между политеизмомъ и частной собственностью или греческимъ культомъ красоты. Политеизмъ былъ религіей Рима, мало выдававшагося въ эстетическомъ отношеніи. Вообще, какъ уже было выше указано, не существуетъ непзбѣжной и однозначной опредѣляемости всѣхъ сторонъ общественной жизни однимъ какимъ-либо факторомъ — будь то идеями, или правомъ и т. п. *Законы, констатируемые въ исторіи, суть не законы сосуществованія и конкретной послѣдовательности историческихъ процессовъ, а законы послѣдовательности различныхъ областей жизни, различныхъ внутренне связанныхъ системъ и идей— по законамъ, непосредственно вытекающимъ изъ внутреннихъ содержаній этихъ цѣлей и идей.* Споры о существованіи или невозможности историческихъ законовъ основаны на недостаточномъ различеніи исторической жизни какъ цѣлаго отъ различныхъ элементовъ исторической жизни. Историческая жизнь является равнодѣйствующей безчисленнаго множества измѣнчивыхъ силъ; установить въ ней необходимыя отношенія оказывается иллюзорнымъ предпріятіемъ, если мы пытаемся обобщить какое-нибудь индивидуальное совпаденіе разнообразныхъ процессовъ. Иначе будетъ, если мы обратимся къ общимъ классамъ повторяющихся и медленно измѣняющихся историческихъ явленій. Мы приблизимся тогда къ психологическимъ фактамъ, которые подчинены опредѣленнымъ и однозначнымъ законамъ. Различныя формы совмѣстнаго переживанія,

различныя системы соціальныхъ сношеній представляются осуществленіемъ, во взаимодѣйствіяхъ между личностями, различныхъ теченій психической жизни. Между цѣлью и средствомъ, предпосылкой и заключеніемъ, пріятнымъ и желательнымъ и т. п. существуетъ прямая и закономѣрная связь: изъ опредѣленнаго характера человѣка, изъ структуры его стремленій и оцѣнокъ вытекаютъ дѣятельности, которымъ онъ предается, средства, которыя онъ выбираетъ, и оттого могутъ быть установлены объективныя слѣдствія этой его дѣятельности и выбора; изъ данной системы общихъ взглядовъ слѣдуетъ съ необходимостью опредѣленное объясненіе, толкованіе и воспріятіе новыхъ данныхъ; можно съ большой вѣроятностью предсказать направленіе, которое приметъ подъ ихъ вліяніемъ дальнѣйшее мышленіе,—даже результаты, къ которымъ оно придетъ; наконецъ, изъ вкусовъ индивидуума, изъ его впечатлительности, наклонности къ тѣмъ или другимъ родамъ чувствованій можно предсказать его отношеніе къ тѣмъ или другимъ формамъ искусства, къ тѣмъ или другимъ содержаніямъ дѣйствительности. Но въ исторіи закономѣрность воли, мышленія и чувствованій перестаетъ становиться очевидной и руководящей. Воля, мышленіе и чувствованія имѣютъ постоянно объективное содержаніе; ихъ собственная закономѣрность сводится на самые общіе психологическіе законы, ничего объ ихъ конкретномъ содержаніи не говорящіе. Исторія же изслѣдуетъ именно конкретныя содержанія воль и чувствованій, конкретныя теченія идей. Стремленіе людей къ счастью, спокойствію, возвышенію, дѣятельности, къ устраненію страданій, возбужденій, подавленности, къ удовлетворенію элементарныхъ и высшихъ потребностей еще ничего не говоритъ о томъ, какъ именно люди удовлетворяютъ всѣмъ этимъ стремленіямъ и потребностямъ, въ какой послѣдовательности и степени. Въ этомъ исторія оказывается вполнѣ зависящей отъ развитія сознательной жизни человѣчества, отъ накопленія, расчлененія и примѣненія теоретическихъ, практическихъ и эстетическихъ идей. Въ своемъ вліяніи на дѣйствительность сознательная жизнь человѣчества наталкивается на противодѣйствія естественныхъ и соціальныхъ средъ; она сама, такъ же, какъ и реальныя учрежденія и дѣятельности, является продуктомъ взаимодѣйствія однозначныхъ законовъ сознанія со всѣми остальными многозначными законами окружающихъ средъ. Отсюда — пестрота, нелогичность, зигзагообразный характеръ всѣхъ областей соціальной жизни, но отсюда же и проглядывающія сквозь эту пестроту внутренняя связь и логическое единство элементовъ. Такова была въ сущности и мысль Конта. Онъ хотѣлъ установить внутреннюю закономѣр-

ность развитія сознанія, какъ основы всѣхъ другихъ закономѣрностей исторической жизни, но онъ сузилъ свою задачу, установивъ, какъ единственную основную закономѣрность сознанія, развитіе міросозерцаній подъ вліяніемъ условій воспріятія и пониманія — въ то время, какъ условія чувствованія и желанія даютъ основы для установленія одинаково важныхъ закономѣрностей. Простая кооперація; спеціализація при помощи упражненія въ одной опредѣленной области труда; мануфактурное разложеніе процесса производства продуктовъ на рядъ отдѣльныхъ процессовъ; замѣна ручного труда машиннымъ и перенесеніе центра внимательности съ исполненія труда на направленіе орудія—все это является такимъ же строго-необходимымъ закономъ развитія, какъ и законъ трехъ стадій. Другой законъ, не менѣе безупречный, заключается въ переходѣ отъ примитивной агрономической дѣятельности всѣхъ членовъ общества при одинаковомъ сознаніи цѣли къ дѣятельности, направляемой волей одного или нѣкоторыхъ, исполняемой по приказанію, безъ сознанія связи между средствами и цѣлью и безъ интереса къ цѣли (какъ, напр., на войнѣ или при господствѣ рабства или крѣпостного права),—къ дѣятельности, въ которой сознаніе цѣли со стороны исполняющагося является необходимымъ условіемъ успѣшнаго исполненія; наконецъ, къ дѣятельности, не могущей происходить безъ личнаго интереса исполнителя къ своей цѣли, такъ что самая цѣль является высшимъ повелителемъ дѣятельности (напр., эстетическое или философское творчество). Такимъ образомъ, можно путемъ психологическаго анализа отвлечь законы научнаго, философскаго, политическаго, правового, экономическаго, религіознаго, эстетическаго развитія; можно подняться до законовъ высшаго порядка — законовъ соотношеній между различными стадіями развитія различныхъ элементовъ,— но не должно забывать ни того, что эти законы являются абстракціями изъ предлежащаго историческаго развитія на основаніи дедуктивныхъ пріемовъ психологическаго мышленія, ни что эти законы являются законами дѣйствій психическихъ факторовъ — мыслей, желаній и чувствованій, ни, наконецъ, что ими объемляются лишь прошедшее и настоящее, но не будущее.

Въ послѣднемъ отношеніи должно еще исправить законъ Конта въ томъ смыслѣ, что установленная имъ, какъ конечная стадія развитія человѣческаго ума, позитивная философія уже въ настоящее время не можетъ быть признана конечной. Контъ ложно формулировалъ общія тенденціи науки и преувеличилъ ея значеніе въ общественной жизни. По его мнѣнію, всѣ науки стремятся къ полному «логическому и научному един-

«зву». Развитіе науки должно привести къ господству въ ней единаго метода и къ сведенію въ отдаленномъ будущемъ всѣхъ отдѣловъ дѣйствительности на единый принципъ. Онъ самъ видѣлъ свою главную заслугу въ приложеніи позитивнаго метода къ самой сложной наукѣ въ іерархіи знаній—къ соціологіи и въ указаніи солидарности и взаимодѣйствія всѣхъ наукъ въ ихъ развитіи. Этимъ онъ думалъ устранить какъ этику, такъ и логику. Во-вторыхъ, онъ считалъ возможнымъ полное господство соціальной науки во всѣхъ жизненныхъ процессахъ общества, полную подчиняемость послѣдняго познаннымъ законамъ соціальной жизни и, главное, достаточность этого познанія для регулированія послѣдней. Дальнѣйшую заслугу позитивной философіи онъ видѣлъ въ субъективномъ синтезѣ — въ реорганизаціи всѣхъ наукъ съ точки зрѣнія блага человѣчества. Онъ и самъ отчасти попытался сдѣлать это.

Все это является геніальнымъ преувеличеніемъ вѣрныхъ фактовъ. Прогрессъ науки ведетъ столько же къ спеціализаціи знанія, сколько къ его объединенію. Единство основныхъ принциповъ растетъ со множествомъ новыхъ возможностей научныхъ открытій и неисчерпанныхъ реальныхъ возможностей. Наука никогда не можетъ стать философіей, философія — совершенной наукой. И наука имѣетъ право на существованіе, если на ряду съ ней искусство возвращаетъ насъ отъ сухихъ фактовъ и болѣе или менѣе безсодержательныхъ общностей къ полнотѣ реальной дѣйствительности, если техника и практическія науки научаютъ насъ утилизировать научные результаты, если нравственность указываетъ намъ поле дѣятельности. Окончательное уничтоженіе метафизическихъ и теологическихъ теченій мышленія, если оно вообще мыслимо и желательно, приведетъ въ XX ст. не къ абстрактному детерминизму позитивизма, а къ философіи безпрерывнаго совершенствованія познанія, воли и дѣятельности.

Ученіе историческаго матеріализма о соціальной закономѣрности стало въ послѣднее время предметомъ оживленныхъ дебатовъ въ Германіи и у насъ. Мы считаемъ поэтому излишнимъ критически останавливаться въ рамкахъ настоящей статьи на этомъ ученіи, тѣмъ болѣе, что общее отношеніе наше къ нему мы уже имѣли случай установить выше. Ограничимся лишь однимъ замѣчаніемъ.

Указанные Контомъ, Марксомъ, индивидуалистами, моралистами законы соціальнаго развитія являются *по отношенію къ будущему* не только болѣе или менѣе удачными анализами закономѣрныхъ послѣдовательностей различныхъ системъ цѣлей на почвѣ совмѣстнаго переживанія

людей, но и *идеалами*,—отвлеченіемъ изъ дѣйствительности ряда данныхъ теченій, изолированіемъ ихъ въ мысли отъ данныхъ противоположныхъ и ограничивающихъ теченій и установленіемъ ихъ въ этой формѣ, какъ реально господствующихъ въ будущей общественной жизни. Осуществить эти идеалы въ дѣйствительности, устранить всѣ мѣшающіе полному развитію желательнаго теченія элементы—напр., устранить конкурренцію и частную собственность или стѣсняющія личность семейныя и государственныя узы—вотъ что становится тогда задачей индивидуальной и коллективной дѣятельности.

Познаніе характера общественныхъ законовъ, какъ имѣющихъ по отношенію къ будущему значеніе идеаловъ и могущихъ осуществиться лишь при помощи человѣческой дѣятельности, а не какимъ-нибудь отъ послѣдней независимымъ закономѣрнымъ процессомъ, на подобіе естественныхъ,—очень существенно. Мы видѣли, что соціальная жизнь является круговоротомъ взаимодѣйствія сознательной жизни человѣчества, совокупности ставимыхъ имъ цѣлей и тѣхъ матеріальныхъ средъ, въ которыхъ эти цѣли реализуются. Никогда результатъ дѣйствія не опредѣляется лишь содержаніемъ цѣли — онъ опредѣляется и послѣднимъ, и свойствами матеріи, реальныхъ условій, въ которыхъ цѣль достигается, ихъ противодѣйствіемъ, ограниченіемъ, приспособленностью. Всякая дѣятельность въ окружающей средѣ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе она принимаетъ во вниманіе реальныя качества послѣдней; чѣмъ болѣе она въ состояніи утилизировать собственные законы природы, — тѣмъ полнѣе достигаетъ она желаемыхъ результатовъ. Но главное по отношенію къ природѣ становится второстепеннымъ по отношенію къ соціальной жизни. Послѣдняя является тканью подчиненныхъ очень сложной закономѣрности психологическихъ фактовъ — идей и цѣлей на почвѣ совмѣстнаго переживанія. Цѣли могутъ быть подвергнуты критикѣ, идеи развиваются; сознательное взаимодѣйствіе между людьми и является однимъ изъ орудій переоцѣнки цѣлей и возвышенія идей. Будущее соціальной жизни не можетъ быть создано лишь въ согласіи съ познанными законами теченія соціальныхъ фактовъ: чѣмъ болѣе наша соціальная дѣятельность получаетъ характеръ простого подчиненія существующимъ массовымъ цѣлямъ, тѣмъ ниже идеальная цѣнность нашего дѣйствія, тѣмъ меньшую роль играетъ въ ней критическій элементъ сознательнаго установленія цѣлей и средствъ дѣятельности. Наоборотъ, чѣмъ выше роль сознанія въ опредѣленіи этихъ цѣлей, чѣмъ болѣе широко то пониманіе существующихъ реальныхъ взаимодѣйствій, на которомъ сознательная дѣятельность основана, тѣмъ да-

лѣе отстоитъ она отъ повторяющихся реальныхъ процессовъ, тѣмъ большее разстояніе должна она признать между стремленіемъ къ достиженію идеала и реальными результатами этого стремленія, — но тѣмъ болѣе конкретно также въ состояніи она опредѣлить свои цѣли относительно различныхъ областей соціальной жизни.

Резюмируемъ общіе результаты разбора соціальныхъ законовъ:

1. Законы соціальной эволюціи не суть законы историческаго теченія общественной жизни. Историческихъ законовъ не существуетъ, Законы соціальной эволюціи суть отвлеченія необходимыхъ послѣдовательныхъ ступеней и связей въ образованіи психологическихъ содержаній исторіи — различныхъ системъ человѣческихъ идей и цѣлей на почвѣ взаимнаго переживанія, и ихъ взаимоотношеній.

2. Законы соціальной жизни суть законы человѣческой дѣятельности въ обществѣ и реализуются сознательною, на опредѣленныя цѣли направляемою дѣятельностью.

3. Будущее соціальной жизни не можетъ быть предвидѣно какъ естественный процессъ, а можетъ быть желаемо и зависитъ отъ содержанія человѣческихъ волъ; послѣднія же подчинены не только неизмѣнной біологической и психологической необходимости, но могутъ руководиться также и критически установленными теоретическими, практическими и эстетическими цѣлями.

Соціологія на почвѣ критической философіи.

I.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены изложить основныя идеи произведенія Штамммлера «Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи», подвергнуть ихъ критикѣ и затронуть поднятые Штамммлеромъ вопросы.

Основное направленія мышленія Штамммлера опредѣляется тремя фактами: 1) критической философіей Канта и ученіемъ неокантіонизма: книга посвящена Наторпу, попытавшемуся приложить критическій методъ къ психологіи и педагогикѣ; авторъ поставилъ себѣ задачу приложить его и къ соціальной наукѣ, 2) спеціально юридическимъ образованіемъ и складомъ мышленія: авторъ юристъ и извѣстный преподаватель права, 3) матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи, взятымъ идейной канвой всего изслѣдованія. Критицизму онъ обязанъ своимъ пониманіемъ предпосылокъ, принциповъ и методовъ научнаго изслѣдованія вообще: ученіемъ объ апріорныхъ формахъ естественно-научнаго, логическаго и этическаго познанія, какъ имѣющихъ свой верховный источникъ въ основномъ *единствѣ* мышленія и воли, наталкивающихся на множественность опыта и дѣйствительности; затѣмъ, ученіемъ о радикальной противоположности постулатовъ теоретическаго познанія, данныхъ въ категоріяхъ опыта, въ частности — въ категоріи причинности, и познанія практическаго, согласно требованіямъ долга, предполагающаго между прочимъ свободу и, наконецъ, ученіемъ о законности и нравственности (Legalität und Moralität), какъ имѣющихъ совершенно тождественное содержаніе—категорическій императивъ—и представляющихъ, первая—исполненіе нравственнаго закона вслѣдствіе внѣшняго принужденія, вторая—исполненіе его вслѣдствіе внутренняго убѣжденія. Юридическія привычки мышленія общественной жизни съ точки зрѣнія творчества, исполненія, толкованія и критики закона, съ точки зрѣнія положительнаго или отрицательнаго, прямого или косвеннаго присутствія права въ общественныхъ сношеніяхъ, оказали рѣшающее вліяніе на его пониманіе принциповъ, задачъ и методовъ соціальной науки. Матеріалистическое пониманіе исторіи, наконецъ, опредѣлило его взглядъ на лишь второстепенное

и зависимое значеніе въ общественной жизни научныхъ, философскихъ, педагогическихъ, этическихъ и религіозныхъ воззрѣній; на его монистическое пониманіе общественныхъ явленій, по которому всѣ преобразованія въ общественной жизни, въ особенности преобразованія правовой организаціи, являются слѣдствіемъ внутри самого общества дѣйствующихъ причинъ, а не результатомъ дѣйствія какихъ-нибудь спиритуалистическихъ, или трансцендентныхъ факторовъ; наконецъ, на его пониманіе задачи соціальной философіи, какъ состоящей въ изслѣдованіи особенной «закономѣрности общественной жизни», особенныхъ признаковъ «необходимости» соціальныхъ преобразованій и—въ установленіи критеріевъ для діагноза общественныхъ формъ, какъ основъ практическихъ соціальныхъ задачъ.

Установленіемъ задачи соціальной философіи занимается введеніе. Оно проникнуто въ общей постановкѣ вопросовъ духомъ критицизма. Соціальная философія должна найти общеприложимые и необходимые (allgemeingiltige und nothwendige) признаки соціальной жизни, которые дѣлаютъ послѣднюю самостоятельною областью познанія, связанною своимъ основнымъ внутреннимъ единствомъ. Лишь на основаніи познанныхъ априорныхъ условій познанія соціальной жизни, заключающихся въ общеприложимой и необходимой формѣ существованія и развитія послѣдней, въ ея основной закономѣрности, можно прійти къ ясному пониманію предположенныхъ во всякомъ историческомъ и спеціальномъ изслѣдованіи общихъ понятій «общества», «хозяйства», «права», «экономическихъ фактовъ» и т. д., можно уразумѣть истинный смыслъ т. н. соціальныхъ необходимостей, истинности и ошибочности въ области соціальныхъ мнѣній и цѣлей.

Единственный, предлежащій опытъ установленія закономѣрности соціальной жизни, это—матеріалистическое пониманіе исторіи. Но соціально-философское изслѣдованіе можетъ взять это ученіе, какъ основу мышленія, и представить систематическое уясненіе употребляемыхъ имъ понятій, такъ какъ оно представляетъ единственную попытку въ этомъ родѣ.

Этимъ опредѣляется задача и внѣшній планъ изслѣдованія. Первый и основной вопросъ, подлежащій систематическому разбору, есть вопросъ о понятіи общества. Это понятіе безпрестанно употребляется, но нигдѣ не опредѣлено удовлетворительно и точно. Опредѣлить понятіе общества, или общественной жизни значитъ найти условія соціологическаго познанія, родъ соціальной закономѣрности, основное внутреннее единство соціаль-

ной жизни—разрѣшить главную проблему соціальной философіи. Нѣмецкіе юристы и политики установили лишь ограниченныя и противорѣчащія понятія общества. Не болѣе удовлетворительно и опредѣленіе Спенсера, по которому общество есть продолжительное соединеніе между людьми *). Продолжительность — понятіе относительное и текучее; на немъ нельзя строить твердаго научнаго зданія. Критическій анализъ понятія общественности приводитъ къ результату, что единственно всеобъемлюще и специфично для него *внѣшнее регулированіе сношеній*. Это опредѣленіе провѣряется двоякимъ способомъ. Во-первыхъ, имъ отграничивается человѣческое общество отъ сожитій животныхъ. Послѣднія не выходятъ за предѣлы біологическихъ понятій. Они объясняются цѣликомъ біологическими понятіями приспособленія. Во-вторыхъ, оно уясняется излюбленной фикціей экономистовъ: изолированнаго разумнаго человѣка—Робинзона. Сознательность, какъ таковая, остается индивидуально психологическимъ фактомъ и не создаетъ факта соціальнаго, точно такъ же, какъ и простое пространственное сожитіе, которое образуетъ естественный аггрегатъ, но не общество. Для того, чтобы разумные совмѣстно живущіе люди образовали общество, необходимо извѣстное *взаимное пониманіе*. Они должны условиться, сговориться относительно извѣстнаго минимума жизненныхъ содержаній. И дѣйствительно, изслѣдованіе *языка и сотрудничества* показываетъ существованіе въ нихъ, кромѣ физіологическихъ и индивидуально-психологическихъ процессовъ, извѣстнаго количества условныхъ правилъ понятной рѣчи и элементарнаго плана сотрудничества, которому каждый сотрудникъ долженъ подчиниться независимо отъ своихъ субъективныхъ наклонностей, взглядовъ и т. п. Соціальная жизнь представляется, такимъ образомъ, для Штаммлера совокупностью разнообразныхъ правилъ принудительнаго и условнаго права (Zwangs- und Konventionalregeln), которыми руководятся сношенія между людьми.

Право является общеприложимой *формой* соціальной жизни. Юриспруденція располагаетъ системой формальныхъ понятій, имѣющихъ апріорное, по отношенію къ опыту, самостоятельное значеніе, подобно понятіямъ математическимъ. Какъ математика, она можетъ совершенно независимо отъ опыта устанавливать общеприложимыя формальныя истины. Но въ конкретной дѣйствительности право ограничивается другимъ прин-

*) По Штаммлеру суть опредѣленія лежитъ въ признакѣ продолжительности, не—въ соединеніи между людьми, такъ какъ послѣднее не содержитъ *специфическаго* признака соціальной жизни и не можетъ дать соціальному познанію особеннаго объекта.

цпомъ. Какъ апріорные принципы мышленія и созерцанія вообще ограничиваются въ опытѣ трансцендентальнымъ матеріаломъ послѣдняго, такъ апріорная форма соціальной жизни ограничивается апостеріорной и трансцендентной праву матеріей соціальной жизни. Послѣдняя обнаруживается въ *примѣненіи* соціальныхъ правилъ къ соціальной дѣйствительности. Въ человѣческомъ сожитіи удовлетворяются потребности. Право осуществляется, регулируя совмѣстное дѣйствіе людей для удовлетворенія потребностей. Внѣшне регулированная кооперація для удовлетворенія потребностей и является матеріей соціальной жизни. Штаммлеръ называетъ матерію соціальной жизни *хозяйствомъ* и этимъ намѣренъ уяснить предметъ и задачу политической экономіи, какъ соціальной науки. Вопросы о пріемахъ и процессѣ производства принадлежатъ, по его мнѣнію, со стороны орудій и матеріала—технологіи, со стороны труда и сознанія—физіологіи и психологіи. Хозяйство, это—конкретное примѣненіе права принудительнаго и условнаго къ сотрудничеству для удовлетворенія низшихъ или высшихъ человѣческихъ потребностей. Подъ «экономическимъ», или «соціальнымъ» феноменомъ слѣдуетъ поэтому, по его мнѣнію, понимать *однообразныя массовыя явленія совмѣстныхъ дѣятельностей для удовлетворенія потребностей на основѣ опредѣленнаго правового порядка* (gleichheitliche Massenerscheinungen des Zusammenwirkens zur Befriedigung von Bedürfnissen unter einen bestimten Rechtordnung), т.-е. функціонированіе опредѣленной системы правъ. Хозяйство и право не являются поэтому двумя независимыми соціальными фактами, могущими стоять во взаимодѣйствіи одинъ съ другимъ. Они суть матерія и форма единаго соціальнаго процесса: хозяйство—примѣненіе опредѣленной системы правъ, право—опредѣленная, измѣнчивая, но общеприложимая норма хозяйственной жизни. Право не можетъ находится въ причинной зависимости отъ хозяйства, какъ то утверждаетъ матеріалистическое пониманіе исторіи, такъ какъ хозяйство никогда не дано безъ права, и, согласно съ собственнымъ ученіемъ послѣдняго, всякое измѣненіе въ экономической жизни происходитъ на основѣ дѣйствія въ обществѣ опредѣленнаго правового порядка, мало-по-малу старѣющагося и окончательно вытѣсняемаго изъ общественной жизни лишь послѣ того, какъ экономическая эволюція привела къ совершенной реализаціи въ соціальныхъ процессахъ другого, новаго права.

Между формой и матеріей соціальной жизни существуютъ внутри соціальнаго процесса отношенія взаимодѣйствія. Право опредѣляетъ хозяйство, хозяйство опредѣляетъ право. Внутри соціальнаго процесса опредѣляющимъ факторомъ соціальныхъ измѣненій является экономика,

а не право, такъ какъ форма соціальной жизни, какъ таковая, едина, общеприложима, необходима, неизмѣнна Измѣненіе условій конкретнаго примѣненія опредѣленной системы правъ приводитъ съ собой несоотвѣтствіе этой опредѣленной системы правъ измѣнившимся условіямъ ея осуществленія—во имя внутреннихъ и общихъ требованій права, справедливости вообще, какъ требованій единства соціальнаго процесса, соотвѣтствія между правомъ и хозяйствомъ, между формой и матеріей соціальной жизни. Возникновеніе новой системы правъ вслѣдствіе измѣнившихся (подъ вліяніемъ внѣсоціальныхъ факторовъ—технологіи и науки) условій экономической жизни не можетъ быть понято, какъ чисто причинный, механическій процессъ: хозяйство не могло вліять на новое право, такъ какъ послѣднее, какъ объектъ воздѣйствія, еще вовсе не существовало. Процессъ возникновенія права есть процессъ *телеологическій* на основаніи формальнаго и разумнаго принципа справедливости (Кантова категорическаго императива) старая система правъ перестаетъ въ новыхъ условіяхъ хозяйственной жизни удовлетворять требованіямъ справедливости—Vernunft wird Unsinn, Recht wird Plage. Послѣднія оказываются осуществленными въ другой системѣ правъ, которая и вводится нравственной и законодательной дѣятельностью во имя справедливости. Телеологическій характеръ соціальной закономѣрности кажется Штаммлеру аксіоматически очевиднымъ, и онъ считаетъ свое пониманіе отношенія между правомъ и хозяйствомъ не противорѣчащимъ матеріалистическому пониманію исторіи, а уясняющимъ и углубляющимъ употребляемыя послѣднимъ отрывочно и неясно понятія закономѣрности, хозяйства и т. п. Отношеніе между причинностью и цѣлесообразностью является поэтому существеннѣйшей частью его изслѣдованія.

Анализъ человѣческаго опыта открываетъ существованіе, наряду съ представленіями о причинно-возникающихъ явленіяхъ, представленій о томъ, что должно быть нами осуществлено, *цѣлей,* опредѣляющихся зависимостью ихъ осуществленія отъ нашей воли—не отъ необходимаго естественнаго процесса. Данность цѣлей въ сознаніи не можетъ быть оспариваема, и необходимость пониманія всѣхъ міровыхъ процессовъ, какъ причинно обусловленныхъ, ей не противорѣчитъ и не можетъ заставить насъ объявить цѣлесообразную дѣятельность иллюзіей. Во-первыхъ, причинность является лишь формой закономѣрной связи всѣхъ данныхъ нашего опыта и какъ таковая совершенно ничего не утверждаетъ о какой-либо *конкретной, опредѣленной* причинной связи между опытными данными вообще, или между качественно извѣстными опытными данными. Во-вто-

рыхъ, содержаніе нашего опыта находится въ постоянномъ теченіи и измѣненіи, исчезаютъ однѣ комбинаціи, взаимоотношенія, свойства—и возникаютъ другія. Неизмѣнной остается лишь самая форма закономѣрнаго сцѣпленія данныхъ опыта, индифферентная къ матеріалу, въ которомъ она воплощается и мѣняющая его безъ внутренней модификаціи своего собственнаго характера Въ третьихъ, причинная цѣпь, производящая реальныя явленія, постоянно безконечно сложна, и если естественныя явленія поддаются въ относительной степени подчиненію ихъ однозначнымъ законамъ, оставляющимъ неисчерпаемое множество непредвидимыхъ возможностей и почти безграничныя области технической модификаціи естественныхъ процессовъ человѣческимъ творчествомъ, то дѣйствіе сознательнаго человѣка есть продуктъ такой сложной комбинаціи условій, что человѣческому мышленію навряд ли удастся въ ближайшемъ будущемъ достигнуть закономѣрнаго причиннаго уразумѣнія его. Наконецъ, сознательная цѣлесообразная дѣятельность сама является звеномъ въ сложной цѣпи міровой причинности и противопоставляется по формѣ, слѣдствіямъ и содержаніямъ своего причиннаго дѣйствія въ мірѣ причинностямъ безсознательнымъ и инстинктивнымъ.

Имѣя самостоятельное значеніе рядомъ съ закономѣрнымъ сцѣпленіемъ явленій, волевая дѣятельность подчиняется также самостоятельному внутреннему *принципу,* отличающемуся отъ принципа теоретическаго міропониманія Въ основѣ послѣдняго лежитъ принципъ закономѣрной связи между явленіями Воля же руководится должнымъ, ея основное требованіе—свобода; и въ соприкосновеніяхъ съ противодѣйствующей средой. въ столкновеніяхъ съ враждебными стремленіями и тенденціями, въ ограниченіяхъ воли необходимостью и въ конфликтахъ между различными желаніями, между чувственными стремленіями и разумными правилами ея руководящимъ принципомъ можетъ быть лишь принципъ *абсолютнаго единства цѣлей,* какъ высшій критерій нравственной дѣятельности. Абсолютное единство цѣлей можетъ служить руководствомъ для установленія умѣстнаго и неумѣстнаго, правильнаго и неправильнаго въ нашихъ желаніяхъ и дѣйствіяхъ. Несмотря на причинную обусловленность всѣхъ нашихъ дѣйствій, на фактическое значительное преобладаніе противорѣчій, страстей, слѣпыхъ инстинктовъ въ дѣятельности людей, несмотря на фактическое отсутствіе единства и гармоніи въ человѣческихъ дѣйствіяхъ—абсолютное единство воли является высшимъ принципомъ сознательной дѣятельности. Это единство должно быть взято идеаломъ для преодолѣнія противорѣчій воли и мыслиться, какъ конечный результатъ дѣятельнаго и прогрессивнаго

устраненія послѣднихъ. И не безразлично, руководится ли воля сознательно нравственнымъ идеаломъ, или же подчиняется въ своихъ дѣйствіяхъ слѣпымъ инстинктамъ и не имѣетъ критерія объективно-нравственнаго, правильнаго дѣйствія. Вліяніе яснаго сознанія нравственнаго идеала на практическое отношеніе къ міру аналогично вліянію яснаго научнаго знанія объективныхъ законовъ мышленія въ области мысли: нравственно воспитанный отличается на практикѣ отъ невоспитаннаго, какъ научно образованный отъ неуча. Нравственный законъ и общіе принципы мышленія присущи обоимъ, но имѣютъ различное вліяніе въ ихъ эмпирическихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ. Этимъ открывается для воспитанія великая задача внушенія и укрѣпленія нравственнаго сознанія въ мысли человѣчества на ряду съ преподаваніемъ основныхъ элементовъ научной мысли.

Употребляемые матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи термины: «закономѣрная необходимость соціальныхъ феноменовъ», «тенденціи соціальнаго развитія» и т. д., не могутъ имѣть для общества никакого разумнаго смысла, кромѣ телеологическаго. Повременныя хозяйственныя отношенія между людьми опредѣляются повременнымъ правовымъ порядкомъ въ противорѣчіи съ основнымъ требованіемъ единства человѣческой воли. Новый правовой порядокъ возникаетъ не какъ механическій и фатальный процессъ, «муки рожденія» (die Geburtswehen) котораго лишь можно облегчить, а вслѣдствіе возникающаго идеала новаго правового порядка, противополагающагося старому, который должно *предпочесть* послѣднему и который должно дѣятельно осуществить во имя справедливости. Въ основѣ соціальныхъ процессовъ лежитъ не соціальный законъ, а *соціальный идеалъ*. Соціальный матеріализмъ долженъ быть замѣненъ соціальнымъ идеализмомъ.

Каково содержаніе соціальнаго идеала?

Вышеуказанный высшій принципъ человѣческой воли простирается исключительно на область индивидуальнаго сознанія. Онъ не можетъ быть приложенъ безъ ограниченій и видоизмѣненій къ взаимодѣйствіямъ между человѣческими личностями, къ соціальной жизни. Но соціальный идеалъ не можетъ имѣть, согласно предыдущему, другого содержанія, кромѣ волевого, такъ какъ механическая причинность не приложима къ соціальной жизни. Не слѣдуетъ ли взять какія-нибудь опредѣленныя, конкретныя области человѣческихъ цѣлей, напр., производство, содержаніемъ соціальнаго идеала? Но эти области по самому своему понятію не могутъ быть взяты соціальнымъ идеаломъ—высшимъ и безусловнымъ принципомъ соціальной жизни, такъ какъ каждая изъ нихъ обусловлена, ограничена, измѣнчива.

Должно отличать два основныхъ метода изслѣдованія: *генетическій* и *критическій*. Согласно первому должно изслѣдовать зачатки, разнообразія, измѣненія и развитія областей научныхъ, нравственныхъ, эстетическихъ, религіозныхъ, предполагая, какъ данныя, общія понятія науки, нравственности, искусства, религіи. Критическая же задача состоитъ въ установленіи основныхъ понятій, которыя генетическое (или эмпирическое) изслѣдованіе употребляетъ и предполагаетъ. Если, поэтому, мы признаемъ, что всякій конкретный общественный строй возникаетъ исторически въ телеологически-закономѣрной зависимости отъ повременныхъ экономическихъ отношеній, взятыхъ въ обширномъ смыслѣ матерій соціальной жизни,—точно такъ же, какъ всѣ конкретные, на опредѣленной ступени развитія человѣческой мысли открытые законы природы или какъ исторически и мѣстно измѣняющіяся нравственныя представленія оказываются зависящими отъ исторической ступени развитія опыта и отъ конкретныхъ условій соціальнаго существованія—то это не исключитъ для насъ задачи критическаго установленія основныхъ и имманентныхъ историческому и эмпирическому процессамъ двигателей и формъ послѣднихъ. Установленіе соціальной закономѣрности и съ ней, вслѣдствіе ея телеологическаго характера тождественнаго соціальнаго идеала является задачей спеціальной научной дисциплины—*соціальной номологіи.*

Соціальная закономѣрность содержится въ лежащемъ въ основѣ соціальной жизни и соціальной науки понятіи общества. Оно было опредѣлено выше. Общество есть внѣшне регулированное сожитіе людей. Внѣшнія правила сожитія или условны, или принудительны. Каково основное различіе между этими двумя родами правилъ? Оно заключается не въ принужденіи, такъ какъ условное право въ сущности имѣетъ также принудительный характеръ и располагаетъ собственными, очень дѣйствительными санкціями. Специфическій характеръ собственно такъ называемаго права заключается въ его *ненарушимости* чѣмъ-нибудь внѣ его стоящимъ: лишь право уничтожаетъ право. Неисполненіе закона не уничтожаетъ его и не устраняетъ его повелительнаго характера. Условное же право есть созданіе субъективнаго договора и имѣетъ въ субъективномъ произволѣ свою единственную гарантію. Оно исчезаетъ, какъ только имъ перестаютъ руководиться. Это различіе рѣшаетъ отношеніе этихъ двухъ формъ права къ соціальному идеалу. Такъ какъ общество есть сожитіе между людьми, а человѣческая воля подчинена телеологической закономѣрности—общеприложимости, объективности и единству цѣлей, то и общество должно быть подчинено требованію объективной воли, противополагающейся субъектив-

нему произволу. Законъ развитія соціальной жизни не можетъ представляться ничѣмъ инымъ, какъ прогрессивнымъ осуществленіемъ объективнаго и ненарушимаго *права* въ общественной жизни. Право условное и принудительно противополагаются другъ другу, какъ чувственный опытъ и научное познаніе, или какъ субъективныя стремленія и нравственный законъ. Между ними должно выбирать, и перевѣсъ оказывается прогрессивно на сторонѣ права принудительнаго и прогрессивнаго. Въ принципѣ объективной, общеприложимой, общественной воли—въ понятіи права, какъ такового, мы имѣемъ критерій удовлетворительности существующихъ историческихъ формъ права, послѣднимъ противопоставляющійся, какъ содержаніе такъ называемаго естественнаго права. Но послѣднее само по себѣ не приложимо къ исторической жизни и не даетъ прямого указанія на конкретныя нормы права. Оно чисто формально и его приложеніе—установленіе повременно соотвѣтствующихъ справедливости правъ—обусловлено состояніемъ матеріальныхъ общественныхъ отношеній, ступенью развитія экономической жизни.

Формула соціальнаго идеала получается изъ анализа понятія права. Право есть объективная воля. Идеалъ общества, въ которомъ господствуетъ право, есть идеалъ общества, члены котораго руководятся исключительно объективными мотивами, подчиняются безъ ограниченія и противодѣйствія со стороны субъективныхъ, эгоистическихъ мотивовъ требованіямъ нравственнаго закона. Но разумная, объективная воля свободна. Желающій объективно желаетъ свободно. Соціальный идеалъ есть, слѣдовательно, *общество свободно желающихъ личностей.* Онъ не осуществимъ цѣликомъ вообще и не можетъ быть положенъ непосредственно въ основу общественныхъ требованій, такъ какъ субъективный элементъ такъ же неискоренимъ и присущъ человѣческой волѣ, какъ и объективный. Для критики конкретныхъ общественныхъ формъ и для установленія желательнаго и нежелательнаго въ конкретныхъ общественныхъ условіяхъ должно постоянно принимать во вниманіе, какъ два разноцвѣтныхъ фактора — соціальный идеалъ и данныя общественныя условія.

Изъ самого соціальнаго идеала непосредственно слѣдуетъ однако нѣкоторыя формальныя правила не безъ значенія, въ родѣ слѣдующихъ: объективность, а не большинство голосовъ—противъ демократизма, и разумная, т. е. объективно оправданная соціальная организація, а не счастье большинства—противъ утилитаризма. По поводу всякой реформы общественныхъ формъ должно сперва изслѣдовать, необходима ли вообще подобная реформа съ точки зрѣнія соціальнаго идеала, затѣмъ нельзя ли

устранить существующія неурядицы при сохраненіи стараго правового порядка, наконецъ, всякая реформа должна принимать во вниманіе исторически возникшія и существующія общественныя формы и вводить новыя формы посредствомъ постепеннаго преобразованія старыхъ. Необходимость перехода средствъ производства въ руки общества, утверждаемая для настоящаго времени матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи, есть во всякомъ случаѣ необходимость телеологическая—вопросъ правовой цѣлесообразности. По мнѣнію Штаммлера эта необходимость не доказана для ближайшаго времени. Но этимъ вопросомъ уже переступаются границы соціально-философскаго изслѣдованія и мы вступаемъ въ области соціальной политики. Философъ долженъ ограничиться указаніемъ политику ясныхъ и твердыхъ научныхъ основъ его дѣятельности. Дѣло политика—замѣнить инстинктивные импульсы и необъективныя, поверхностныя мнѣнія, которыми онъ руководился почти всегда до сихъ поръ, ясными принципами и дѣйствовать.

II.

Согласимся въ принципѣ съ правильностью поставленной Штаммлеромъ задачи соціально философскаго изслѣдованія и примемъ, какъ безупречное его изложеніе матеріалистическаго пониманія исторіи, пропущенное нами въ передачѣ содержанія книги, какъ не дающее новаго, и остановимся на другихъ теоріяхъ автора.

Прежде всего возбуждаетъ возраженія его опредѣленіе общества. Онъ совершенно игнорируетъ соціологическое движеніе во Франціи, Англіи, Америкѣ *) и указываетъ лишь на имъ односторонне понятое опредѣленіе Спенсера и на случайныя замѣчанія Rümelin'a и нѣкоторыхъ другихъ юристовъ. Блестящія и методическія изслѣдованія Тарда и Дюркгейма ему остались, очевидно, совершенно неизвѣстными, хотя они во многихъ пунктахъ утверждаютъ сходныя съ его собственными теоріи, въ другихъ—глубже его проникаютъ соціологическіе вопросы. Его опредѣленіе общества не выдерживаетъ критики. Внѣшнее, условное и принудительное регулированіе человѣческихъ отношеній, несомнѣнно, не исчерпываетъ всѣхъ соціальныхъ явленій. Языкъ, напр., несомнѣнно, принадлежитъ къ соціальнымъ феноменомъ не только, какъ примѣненіе ряда грамматическихъ правилъ. Существованіе взаимнаго *сообщенія* ощущеній, воспріятій, желаній намъ кажется еще въ иномъ смыслѣ существеннымъ съ соціологиче-

*) См. выше, статью „Современное состояніе соціологіи".

ской точки зрѣнія, чѣмъ какъ сознательное или безсознательное слѣдованіе правиламъ обозначенія понятій и образованія предложеній. Фактъ сотрудничества людей для достиженія совмѣстныхъ цѣлей и опредѣленіе жизненнаго процесса каждаго изъ нихъ вліяніемъ на него жизненныхъ процессовъ другихъ людей представляетъ по меньшей мѣрѣ такой же соціологическій интересъ, какъ и то, что производство и потребленіе, внутренняя и внѣшняя жизнь человѣчества содержатъ въ себѣ рядъ правилъ человѣческаго сожитія, исполняемыхъ сознательно или безсознательно членами общества. Утверждать, что соціальное значеніе кооперації, сожитія вообще, науки, нравственности, религіи и т. д. заключается исключительно въ томъ, что они являются исполненіями внѣшнихъ правилъ, значитъ не видѣть, что «исполненіе» и есть самое существенное, что правило ни вообще, ни въ соціологическомъ отношеніи не имѣютъ ни центральнаго, ни исключительнаго значенія. Въ рѣчи соціально не грамматическое лишь правило. Ею производится измѣненіе нервныхъ системъ разговаривающихъ, отличающееся существеннѣйшимъ образомъ отъ чисто физіологическихъ процессовъ: усвоеніе воспріятій, ощущеній, желаній, мыслей; столкновеніе, борьба, выравниваніе между послѣдними; обогащеніе и возвышеніе ихъ— измѣненіе отношеній человѣка ко всему окружающему міру, которое можетъ быть обусловлено *лишь* дѣйствіемъ на нервную систему видовымъ образомъ одинаковыхъ нервныхъ системъ. То же самое относительно кооперації, конкурренціи, совмѣстнаго потребленія, совмѣстнаго исполненія обычаевъ; относительно религіозныхъ празднествъ, совмѣстныхъ эстетическихъ наслажденій, исполненія закона и долга, дѣятельности литературной, художественной, научной. Исполненіе какихъ бы то ни было движеній въ средѣ движущихся въ одинаковомъ или противоположномъ направленіи людей, дѣятельность въ соціальной средѣ научное или художественное творчество вліяютъ на внутрисоціальныя отношенія и на отношенія общества къ окружающей его средѣ совершенно помимо ихъ внѣшнихъ правилъ и безъ опредѣленнаго закономѣрнаго отношенія этихъ вліяній къ тѣмъ правиламъ. Внѣшнее регулированіе сожитія между людьми не можетъ быть признано ни единственнымъ, ни основнымъ признакомъ соціальной жизни. Опредѣленіе Штаммлера сужаетъ и искажаетъ задачи соціологическаго изслѣдованія.

Самостоятельность и независимость юриспруденціи, какъ науки, и возможность «естественнаго права съ измѣнчивымъ содержаніемъ», утверждаемыя Штаммлеромъ, также вызываютъ критику. Сравненіе юриспруденціи съ математикой не удачно. Послѣдняя изучаетъ, поскольку она са-

мостоятельна,—а критическій анализъ можетъ показать, что и она не совсѣмъ самостоятельна, а зависитъ отъ состоянія другихъ наукъ и логической критики—общія и объемлющія истины, въ то время какъ наука о правѣ занимается въ высшей степени обусловленными и измѣнчивыми понятіями. Чисто формальные пріемы интерпретаціи и сравненія, имѣющія большое значеніе въ теоріи и практикѣ права, суть собственно пріемы логическіе, а не юридическіе. Что же касается естественнаго права, то потребность въ немъ вызывается существенной функціей всякаго юридическаго мышленія: обоснованіемъ и критикой всякаго положительнаго права при помощи внѣ его лежащихъ критеріевъ правильнаго, справедливаго вообще. Но старая теорія естественнаго права, по которому *опредѣленная* система правъ можетъ считаться присущимъ человѣческому общежитію, лежащимъ въ его основѣ и началѣ правомъ естественнымъ, нуждается по Штаммлеру въ поправкѣ Критерій права лежитъ не въ какой-нибудь опредѣленной системѣ правъ, а въ формальномъ понятіи права вообще, не тождественнаго ни съ какимъ положительнымъ правомъ, противопоставляющагося и измѣряющаго послѣднія. Но это ученіе нуждается въ разъясненіи. Или оно утверждаетъ, что повременное положительное право можетъ быть подвергнуто критикѣ относительно его устойчивости, приложимости, слѣдствій, внутренней послѣдовательности при помощи наличныхъ соціологическихъ и этическихъ воззрѣній. Тогда критерій права, во-первыхъ, относителенъ, во-вторыхъ лежитъ внѣ самаго права—въ наукѣ и нравственности. Понятіе права, какъ таковое, не можетъ служить мѣриломъ критики какого-либо опредѣленнаго права, такъ какъ всякое положительное право есть право не болѣе и не менѣе всякаго другого права. Или же понятіе права берется не только въ логическомъ смыслѣ, а въ смыслѣ идеальнаго требованія осуществить такое право, которое соотвѣтствовало бы его *идеѣ*, въ которомъ всякое противорѣчіе между формой и содержаніемъ, между принципомъ и его примѣненіемъ исчезло бы. Такъ именно и понимаетъ понятіе права Штаммлеръ въ согласіи съ кантовскимъ апріоризмомъ. Но съ реалистической точки зрѣнія на это приходится возразить, что понятіе права, какъ таковое, совершенно безсильно измѣнить какую бы то ни было конкретную правовую норму, или служить критеріемъ для доказательства ихъ несоотвѣтствія съ идеаломъ. Критика существующаго права постоянно исходитъ изъ конкретныхъ соціальныхъ условій, мнѣній, опытовъ, размышленій. Понятіе права, абсолютно соотвѣтствующаго его идеѣ, не въ состояніи дать ни одной руководящей точки зрѣнія для измѣненія положительнаго права.

Отъ права обратимся къ хозяйству. И здѣсь Штаммлеру не удалось ни опредѣлить экономическій феноменъ, ни установить задачи, методы и связи политической экономіи. Хозяйство, учитъ онъ, это—матерія соціальной жизни: кооперація людей для удовлетворенія ихъ потребностей. Но, во-первыхъ, нельзя понять соціальную жизнь исключительно, какъ внѣшне регулированную кооперацію людей для удовлетворенія ихъ потребностей, такъ какъ фактически человѣческое сотрудничество простирается далеко за предѣлы индивидуальныхъ потребностей сотрудничающихъ; затѣмъ само сотрудничество можетъ стать самостоятельной «потребностью». Во-вторыхъ, какъ уже было выше указано, ложно видѣть сущность соціальной жизни во внѣшнемъ регулированіи и считать кооперацію лишь поскольку имѣющей соціальный интересъ, поскольку она является «исполненіемъ» правовыхъ нормъ. Кромѣ того, штаммлерово понятіе хозяйства совершенно не пригодно, потому что подводитъ подъ спеціальное понятіе хозяйства, лежащаго въ основѣ отдѣльной науки, самыя разнообразныя соціальныя явленія: административныя, уголовныя, церковныя, научныя, эстетическія. И эта путаница понятій имѣетъ своимъ слѣдствіемъ отождествленіе всего содержанія соціальной жизни съ хозяйствомъ и правомъ, причемъ и самое хозяйство стирается въ понятіи исполненія внѣшнихъ правилъ.

Никакой политико-экономъ не согласится съ тѣмъ, что его единственной задачей является изслѣдованіе конкретнаго правового порядка. «Несомнѣнно,—скажетъ онъ,—моя задача простирается исключительно на явленія общественныя. Но она состоитъ изъ изслѣдованіи кооперацій людей для производства и потребленія вещественныхъ благъ. Кооперація зависитъ не отъ одного правового строя, въ которомъ хозяйственный процессъ совершается, а еще и отъ другихъ соціальныхъ фактовъ: отъ степени образованности населенія, отъ повременнаго состоянія естественно-научныхъ знаній, отъ этическихъ и соціологическихъ воззрѣній. А технологія имѣетъ для хозяйства первоклассное значеніе—далеко отъ того, чтобы быть для него, съ соціальной точки зрѣнія, безразличной. Кромѣ того, что она должна быть уложена для употребленія въ хозяйственной жизни въ опредѣленный правовой порядокъ, опредѣляемые ею процессы производства, обращенія и потребленія имѣютъ громадное соціальное значеніе, вслѣдствіе своего могучаго вліянія на интеллектуальныя и этическія качества общества. А цѣлесообразность, экономія въ хозяйственномъ процессѣ имѣютъ для меня первостепенное значеніе далеко за предѣлы ея связи съ правовымъ порядкомъ». И Штаммлеръ навряд ли сумѣетъ противопоставить экономисту одинаково вѣскіе аргументы въ пользу своей теоріи.

Съ исключеніемъ изъ области соціальной жизни результатовъ научнаго и художественнаго творчества, индивидуальныхъ нравственностей, педагогическихъ дѣятельностей связано опредѣленіе соціальныхъ явленій, какъ однородныхъ массовыхъ явленій конкретнаго исполненія правилъ. Съ нимъ связано также ученіе объ отрицательныхъ соціальныхъ явленіяхъ, т. е. массовыхъ явленіяхъ, противорѣчащихъ повременному правовому порядку, какими являются для нашего времени, напр., проституція и преступность. Но послѣдовательное проведеніе юридическаго понятія общества должно было бы считать послѣднія не отрицательными, а положительными соціальными явленіями. Проституція во-первыхъ подчинена правовому регулированію и полицейскому надзору. Во-вторыхъ, она является примѣненіемъ права самоопредѣленія и обмѣна товаровъ, какъ и наемный трудъ. А преступность предусмотрѣна уголовнымъ правомъ и регулируется полицейскимъ и тюремнымъ законодательствомъ. Проституція и преступность имѣютъ всѣ качества, требуемыя Штаммлеромъ отъ соціальныхъ явленій. Первая показываетъ невозможность однозначныхъ соціальныхъ идеаловъ, основанныхъ на понятіи права. Вторая является доказательствомъ *внутренней* ограниченности и противорѣчивости всякаго права и существованія соціальныхъ явленій, какъ разъ праву противопоставляющихся.

Предыдущимъ опредѣляется и оцѣнка «монистической» теоріи круговорота соціальныхъ явленій. Мы соглашаемся, что отношеніе между хозяйствомъ и правомъ должно быть понято какъ отношеніе телеологическое. Но не можетъ быть, по нашему мнѣнію, рѣчи о *законченномъ и закрытомъ* круговоротѣ соціальной жизни, какъ его понимаетъ нашъ авторъ. Опредѣленное хозяйство вызываетъ стремленія измѣнить правовыя формы, въ которыхъ оно до сихъ поръ двигалось. Въ согласіи съ теоріей противоположеніе существующему праву должно имѣть массовый характеръ. Право можетъ быть измѣнено лишь при помощи классовой борьбы. Но и въ этомъ случаѣ стремленія создать новый правовой порядокъ стоятъ внѣ хозяйства и внѣ права, такъ какъ они еще не воплощены въ соціальную жизнь. Условное право, которымъ они руководятся, образовалось внѣ общественной жизни и стремится войти въ нее. Образованіе класса произошло посредствомъ постепеннаго преобразованія волевыхъ содержаній единичныхъ людей. Соціальная жизнь не закрыта поэтому ни со стороны природы, ни со стороны человѣка. Со всѣхъ точекъ личности оказываютъ вліяніе на соціальное развитіе. Наука и философія, технологія и политика, право и хозяйство съ одной стороны, почва и климатъ, окружающія общества,

внутрисоціальныя отношенія между различными общественными слоями и т. д., и т. д. въ своей совокупности опредѣляютъ соціальную жизнь, и ограниченіе факторовъ соціальнаго развитія классовой борьбой, а соціальныхъ преобразованій—преобразованіями лишь правовыхъ формъ является великой ошибкой.

Телеологическая закономѣрность индивидуальной воли берется Штаммлеромъ въ руководство для установленія самостоятельнаго, независимаго отъ нравственнаго идеала, идеала соціальной жизни. Но ученіе критицизма о причинности и цѣлесообразности содержитъ въ себѣ неразрѣшимыя противорѣчія. Подъ причинностью мы понимаемъ общее понятіе отношенія, или зависимости, прилагаемое по всей безъ исключенія дѣйствительности и не содержащее въ себѣ никакихъ указаній о конкретныхъ связяхъ между конкретными фактами. Оно простирается на неизбѣжныя и неотвратимыя слѣдствія не болѣе, чѣмъ на слѣдствія лишь гипотетическія и сложно обусловленныя, лишь вѣроятныя и возможныя. Осуществленіе послѣднихъ можетъ зависѣть, между прочимъ, и отъ нашей воли. Подъ волей же мы понимаемъ преслѣдованіе цѣлей, соединенное съ вѣрой въ возможность достиженія цѣли и съ предпочтеніемъ однѣхъ возможностей другимъ. Обоснованіе желательности какого-либо содержанія опирается на другія цѣли, лежащія въ сферѣ нашей воли; и эти цѣли лишь въ относительной степени являются конечными цѣлями воли. При такомъ пониманіи причинности и цѣлесообразности, вліяніе воли на ходъ вещей не представляетъ принципіальныхъ трудностей и этическая задача состоитъ въ изслѣдованіи содержанія наижелательнѣйшихъ и наносуществимыхъ цѣлей при помощи наличнаго, измѣнчиваго, относительнаго опыта. Объ абсолютныхъ принципахъ воли и естественнаго хода вещей не можетъ быть и рѣчи. Не такъ обстоитъ дѣло въ критицизмѣ, исповѣдуемомъ Штаммлеромъ. Причинность и теологія суть для него абсолютные и взаимно исключающіеся постулаты естественно-научнаго познанія природы и объединенной нравственной воли. Они требуютъ отъ субъекта безусловнаго повиновенія. Но этотъ дуализмъ основныхъ постулатовъ противорѣчитъ требованію единства воли. Согласно требованію строго причиннаго пониманія всѣхъ міровыхъ содержаній, всѣ желанія должны быть поняты, какъ абсолютно причинно обусловленныя, необходимыя. Требованіе же единства воли заставляетъ устранить всѣ причинныя преграды ея и отрицать всякую необходимость. Эта трудность устраняется, по Штаммлеру, фактической недостижимостью и причиннаго, и телеологическаго идеаловъ. Опытный міръ представляетъ неисчерпаемыя возмож-

пости теоретическаго міропознанія и практическаго міропретворенія. Въ немъ разумному, формальному элементу единства и необходимости противопоставляется чувственный, матеріальный элементъ множественности и случайности эмпирическаго міра. Абсолютные идеалы вѣчно не достижимы въ дѣйствительности; они суть лишь свѣточи безконечнаго мірового прогресса. Но въ подобномъ случаѣ возникаетъ сомнѣніе въ возможности опредѣленія конкретныхъ познаній и цѣлей, въ смыслѣ ихъ истинности и желательности, недостижимымъ абсолютнымъ единствомъ теоріи и практики. Конкретныя познанія и цѣли возникаютъ въ исторіи и уступаютъ мѣсто другимъ познаніямъ и цѣлямъ. Мы констатируемъ также, что всюду факторами критики познаній и преобразованія цѣлей являются противорѣчія между опредѣленными истинами и опредѣленными цѣлями. Противорѣчія устраняются при помощи другихъ опредѣленныхъ истинъ и другихъ опредѣленныхъ цѣлей. Но нигдѣ абсолютное единство не оказывается мотивомъ, или критеріемъ, или результатомъ этихъ процессовъ. Нельзя себѣ даже представить, какое реальное значеніе можетъ имѣть абсолютное единство, если оно, по положенію, не достижимо и не даетъ указаній относительно исторически и индивидуально правильнаго Если исторически данная совокупность знанія и воли въ себѣ самой не содержитъ никакихъ критеріевъ различенія объективнаго отъ субъективнаго, правильнаго отъ неправильнаго, а абсолютный идеалъ, какъ таковой, не имѣетъ никакихъ непосредственныхъ точекъ соприкосновеній съ историческимъ знаніемъ и опытомъ, то совершенно непонятно, какимъ образомъ онъ можетъ служить критеріемъ развитія послѣднихъ и какимъ образомъ имъ могутъ быть присущи какая-либо истинность и правильность, критика и предпочтеніе.

То же самое примѣнимо и къ соціальному идеалу. Если соціальная эволюція и есть процессъ телеологическій, то этимъ еще не сказано, что она руководится абсолютными цѣлями. Встрѣчающіеся въ исторіи мысли абсолютные принципы и критеріи оказываются на самомъ дѣлѣ или безсмысленными и безсодержательными или въ высшей степени односторонними и субъективно обусловленными. Неокантіанское абсолютное единство принадлежитъ къ категоріи безсмысленныхъ понятій и неокантіанцы признаютъ это, утверждая невозможность мыслить его осуществленнымъ въ дѣйствительности. Но они придаютъ ему значеніе идеальнаго руководителя мысли и дѣятельности, что приходится рѣшительно отвергнуть. Абсолютный соціальный идеалъ совершенно не пригоденъ для критики формъ общественной жизни или даже лишь для руководства этой критикой, какъ абсолютный этическій идеалъ не пригоденъ для конкретной нравственной дѣя-

тельности, а идеалъ абсолютнаго единства опыта — для научной критики. Соціальный идеалъ остается въ сторонѣ и въ бездѣйствіи отъ соціальнаго процесса, или же ему подставляются опыты и стремленія инстинктивно толкающихъ силъ теоретическаго и практическаго прогресса, а искомые, сознательные и надежные критеріи совершенно упускаются изъ виду.

Содержаніе соціальнаго идеала Штаммлеръ видитъ, согласно своему понятію общества, въ принципѣ принудительнаго права, радикально противоположнаго индивидуальной волѣ. Соціальный идеалъ, это—общежитіе, въ которомъ всѣ поступаютъ согласно требованіямъ объективнаго права. Такое общежитіе онъ называетъ обществомъ свободно желающихъ существъ. Но этимъ онъ противорѣчитъ принятымъ имъ этическимъ теоріямъ критицизма. По послѣднимъ существованіе принудительнаго права (Legalität) обусловливается опытной ограниченностью нравственнаго закона (Moralität) требованіями и характеромъ чувственности. Нравственный идеалъ заключается *исключительно* въ свободномъ (автономномъ) разумѣ. Никогда не можетъ онъ спуститься въ область принужденія и ограниченія, представляющія принципъ права. По Штаммлеру же, самостоятельность и несводимость особой области соціальной жизни и, слѣдовательно, особой соціальной закономѣрности, особаго соціальнаго идеала не можетъ заключаться ни въ чемъ иномъ, кромѣ права. И онъ заявляетъ: кто еще спрашиваетъ, *желателенъ* ли соціальный идеалъ — тотъ спрашиваетъ слишкомъ много... Этимъ признается неудача всей попытки. Суть соціальнаго идеала, какъ высшаго принципа соціальной воли и заключалась въ его безусловной соціальной желательности, въ его руководящемъ значеніи относительно сомнительныхъ конкретныхъ мѣропріятій. И вдругъ, относительно его желательности, не только оказываются возможности сомнѣнія и вопросы, но мы еще оказываемся безсильными разсѣять эти сомнѣнія, отвѣтить на эти вопросы.

Въ духѣ изслѣдованія можно было бы, однако, замѣтить, что соціальный идеалъ, хотя и не является самъ высшимъ и безусловнымъ идеаломъ воли, но получился при попыткѣ примѣненія его къ принципіально ограниченной внѣразумными факторами области соціальной жизни. Но тогда этотъ идеалъ долженъ былъ бы съ одной стороны быть не абсолютнымъ, съ другой быть прямо прилагаемымъ къ соціальной дѣйствительности. По Штаммлеру же онъ абсолютенъ и не можетъ быть взятъ руководствомъ для конкретныхъ соціальныхъ реформъ. Съ его методомъ, лишающимъ историческую дѣйствительность собственныхъ и внутреннихъ принциповъ критической переработки общественныхъ формъ и приступающимъ

къ ней съ внѣ ея стоящими и абсолютными требованіями—такой результатъ былъ неизбѣженъ. И если единомышленники Штаммлера, неокатіанцы[1]) и устранятъ различіе между соціальнымъ и этическимъ идеаломъ и провозгласятъ послѣдній единственнымъ руководителемъ и соціальной практики, то этимъ они окажутся лишь болѣе послѣдовательными и вѣрными своей теоріи. Для соціальной жизни ихъ идеалъ не станетъ болѣе приложимымъ. Предлагаемыя ими соціальныя реформы, этическія и педагогическія ученія, логическія оцѣнки, какъ полученныя на основаніи принципа абсолютнаго единства, для непредубѣжденнаго оказываются плодами критики повременной жизни въ ея внутреннихъ историческихъ потребностяхъ, идеалахъ, теоріяхъ Или же ихъ абсолютныя требованія не имѣютъ никакой точки опоры въ окружающей дѣйствительности и глохнутъ въ совершенномъ безсиліи.

Итакъ, мы приходимъ къ отрицательной оцѣнкѣ попытки Штаммлера философски обосновать соціальную науку. Неудача этой попытки обусловлена ложностью мотивовъ и основныхъ предпосылокъ, которыми она руководилась. Въ заключеніе критики укажемъ на нихъ, какъ на источники ложныхъ постановокъ и ложныхъ рѣшеній вопросовъ. Они суть слѣдующіе: 1) Условія всякой области познанія лежатъ въ познающемъ субъектѣ. Они являются одновременно руководящими принципами и конечными цѣлями изслѣдованія данной области. 2) Причинность и цѣлесообразность суть два основныхъ рода закономѣрности различныхъ областей познанія, которые взаимно исключаются. 3) Естественно-научный и соціальный опытъ являются продуктами взаимодѣйствія объединяющихъ формъ разума и матеріала чувственной жизни. 4) Объединяющія формы разума никогда не даны въ чистомъ видѣ. Задачей теоретическаго знанія является пониманіе эмпирическихъ причинныхъ связей, закономѣрности всѣхъ процессовъ. 5) Нравственность и дѣйствіе по закону (Moralität und Legalität) различаются лишь по отношенію къ образу мыслей (Gesinnung), а не по содержанію дѣйствій.

Изъ этихъ предпосылокъ получаются мотивы изслѣдованія и ученія нашего автора: задача найти специфическую закономѣрность соціальной жизни, не могущую представлять лишь чистую форму разума, и нахожденіе этой закономѣрности въ формулѣ права, въ категорическомъ императивѣ; утвержденіе телеологической самостоятельности соціальной жизни, по отношенію къ причинности, и чисто разумнаго требованія абсолютнаго един-

[1]) См. P. Natorp: Grundlinien einer Theorie der Willensbildung. Archiv für systematische Philosophie 1897

ства; ложное пониманіе хозяйства и его отношенія къ телеологіи; ученіе о соціальныхъ явленіяхъ, какъ равнозначныхъ массовыхъ явленіяхъ внѣшняго регулированія; ученіе объ отрицательныхъ соціальныхъ явленіяхъ, постоянныя завѣренія о слѣпомъ и безсмысленномъ характерѣ соціальной жизни, взятой внѣ права и т. д.

До сихъ поръ мы ограничились отрицательной критикой Штаммлера. Но его глубокое изслѣдованіе заслуживаетъ большаго. Должно разобрать затронутые имъ вопросы по существу и проникнуть въ нихъ такъ глубоко, какъ это намъ будетъ возможно.

III.

Науки изучаютъ всюду содержанія дѣйствительности, которымъ присуща извѣстная *общность*. Степень общности, необходимой для научнаго изученія, относительна и измѣнчива. Отъ нея зависитъ положеніе опредѣленной науки въ системѣ наукъ. Каждая изъ наукъ имѣетъ своимъ предметомъ группу фактовъ, которой общи одинъ или нѣсколько признаковъ, отличающихъ ее отъ другихъ группъ фактовъ. Эти признаки опредѣляютъ задачи науки, средства, имѣющіяся въ ея распоряженіи, зависимость ея отъ другихъ наукъ и значеніе ея результатовъ для совокупности знанія. На вершинѣ научной системы находится наука о самыхъ общихъ признакахъ бытія. На противоположномъ концѣ, наука о наиболѣе спеціальныхъ признакахъ сущаго приближается къ конкретному міровому процессу и освѣщаетъ и исправляетъ отвлеченные результаты наукъ болѣе общихъ, опредѣляя въ высшей степени общее міровоззрѣніе. Самая спеціальная область мірового процесса, отдѣляющаяся отъ другихъ областей специфическими признаками и представляющая сама сложную ткань разнообразныхъ процессовъ, это—общество. Въ понятіи общества опредѣлено, слѣдовательно, содержаніе соціологическаго изслѣдованія, методы, находящіеся въ его распоряженіи, образъ и степень примѣнимости къ соціологіи законовъ наукъ болѣе общихъ, специфическіе законы соціологіи, родъ взаимодѣйствія ея законовъ съ законами другихъ наукъ, характеръ ограниченій и поправокъ, которыя соціологическое изслѣдованіе дѣлаетъ относительно результатовъ другихъ наукъ, наконецъ, совокупность задачъ соціологической науки. Не понятіе общества, какъ таковое, содержитъ въ себѣ всѣ эти опредѣленія: дѣло идетъ не о формѣ соціологическаго *познанія*, а объ *общественной дѣйствительности*, изъ которой получаются все болѣе и болѣе ясныя понятія объ обществѣ и которая служитъ руководной нитью для уста-

новленія соціологическихъ задачъ при помощи анализа послѣднихъ. Въ соціологіи такъ же мало, какъ въ какой-либо другой наукѣ, должно исходить изъ познавательной способности или изъ субъективныхъ условій познанія. Анализъ познанія даетъ или результаты о познаніи, т. е. объ извѣстныхъ субъективныхъ фактахъ, которыми занимается опредѣленная наука—психологія; или же дѣло идетъ о общихъ и частныхъ *правилахъ* научнаго познанія и мышленія. Въ послѣднемъ случаѣ принимается во вниманіе не самое познаніе, а его *условія*. Но условія познанія лежатъ не въ самомъ познаніи, а въ дѣйствительности, различающейся отъ познанія, не сводимой на познаніе, и поэтому именно ее обусловливающей. Въ сущности и критицизмъ того же мнѣнія, такъ какъ онъ устанавливаетъ основы познанія, какъ внѣ психической жизни и внѣ психологіи лежащія, какъ «трансцендентальныя». Но эти основы оказываются для него принадлежащими къ познательной способности, такъ какъ для него сознаніе вообще, трансцендентальный субъектъ и есть самая дѣйствительность, единственно возможная основа опыта *). Но мы не остановимся здѣсь на разборѣ этой ошибки и обратимся къ основной задачѣ соціологіи.

Общество, это—отношенія между людьми на почвѣ совмѣстнаго переживанія. Всякое отношеніе опредѣляется свойствами членовъ отношенія и отношеніями послѣднихъ къ окружающей ихъ средѣ. Отношенія между людьми общественны, поскольку они основаны на совмѣстномъ переживаніи

Что такое совмѣстное переживаніе? Человѣческій организмъ, это—комплексъ органическихъ системъ, возникшихъ въ развитіи органическаго міра на земной поверхности. Между нимъ и его средой существуютъ разнообразныя отношенія, представляющіяся въ его реакціяхъ на физическія и химическія воздѣйствія, на неорганическія и органическія формы, на движенія, на измѣненія качества, количества, положенія на продолжительность (относительную и абсолютную) отношеній, формъ, измѣненій, на повторенія и отклоненія и т. д. Основу этихъ реакцій представляютъ системы мышцъ, легкихъ, кровяныхъ сосудовъ, кишекъ, органовъ воспроизведенія, скелетъ и, главное, у человѣка — выше, чѣмъ у остальныхъ животныхъ, развитая нервная система съ органами чувствъ. Специфическія свойства человѣческой организаціи опредѣляютъ и особенный характеръ реакціи человѣка на окружающую его среду. Въ его реакціяхъ память и опытъ играютъ болѣе значительную роль, чѣмъ во всей остальной природѣ Имъ присущи, въ большей степени, чѣмъ реакціямъ остальныхъ животныхъ, предвидѣніе, выборъ

[1]) См. ниже статьи: „Къ теоріи познанія“

средствъ, приспособленіе къ неизбѣжному, избѣганіе опасностей. Отношеніе человѣка къ человѣку принимаетъ вслѣдствіе этого также специфическія формы. На остальную природу человѣкъ реагируетъ лишь въ смыслѣ собственнаго сохраненія и развитія въ ней, какъ въ своей средѣ. Большая разница въ организаціи не позволяетъ ему—въ особенности въ низшихъ ступеняхъ его развитія—вступать въ какія-нибудь *сношенія* съ животными. Прямое туловище и короткія руки кладутъ рѣзкую грань между его реакціями и реакціями послѣднихъ. Но основное сходство между человѣческими организаціями ведетъ за собой—на основѣ высшей человѣческой организаціи—цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ явленій. Воспріятіе человѣкомъ движеній рукъ, ногъ, глазъ, чертъ лица другого человѣка вызываетъ въ воспринимающемъ тенденцію къ произведенію тѣхъ движеній и къ переживанію связанныхъ въ его сознаніи съ этими движеніями чувствованій, желаній, представленій. Человѣческія восклицанія въ присутствіи возбуждающихъ страхъ, или радость, или ожидаемыхъ вещей: восклицанія ужаса, радости, разочарованія, изумленія и т. п. вызываютъ въ слушающемъ подобныя эмоціи. Когда, такимъ образомъ, возникаетъ языкъ, появляется познаніе, что другіе люди также преслѣдуютъ цѣли, также пріискиваютъ и употребляютъ средства, что вообще съ помощью другого человѣка можетъ быть достигнуто по отношенію къ средѣ все, что достигается собственной дѣятельностью и что совмѣстнымъ трудомъ цѣль достигается легче, быстрѣе и полнѣе, увеличиваются силы для преодолѣнія препятствій, избѣгаются многочисленныя опасности и становится вообще многое, въ одиночку недостижимое, возможнымъ. На основаніи совмѣстнаго переживанія возникаетъ соціальная жизнь, т. е совмѣстный трудъ и совмѣстное потребленіе, совмѣстная защита противъ врага, совмѣстная жизнь вообще.

Лишь на основѣ совмѣстнаго переживанія возможна и диссолидарность въ собственномъ смыслѣ этого слова: вражда, ненависть, месть и т. п. Пока человѣкъ остается въ предѣлахъ животнаго сознанія, т. е. имѣетъ лишь изолированныя въ своемъ возникновеніи и теченіи ощущенія и чувствованія, воспоминанія и стремленія—не можетъ быть рѣчи о сознательномъ одухотвореніи природы, о различеніи вражескихъ и дружескихъ силъ. Человѣкъ ощущаетъ противодѣйствія и облегченія; онъ стремится лишь устранить и избѣгнуть первыхъ, удержать и найти вторыхъ. Но когда передъ нимъ возникаетъ представленіе *чужой воли и чужого чувства*, когда предъ нимъ возстаетъ *чужое я*, оказывающее противодѣйствіе его собственнымъ желаніямъ, и онъ узнаетъ, что это противодѣйствіе истекаетъ

изъ воли, ему подобной; когда, послѣ продолжительной борьбы съ враждебной волей, онъ узнаетъ возможность и пользу мира, единодушной дѣятельности и одновременно видитъ границы возможной междучеловѣческой солидарности въ количествѣ членовъ общества, въ производительности совмѣстнаго труда въ окружающей природѣ, въ ограниченныхъ потребностяхъ членовъ общества; когда отдѣльному роду или общественной группѣ противопоставляются другіе роды и группы, какъ враги, и война становится однимъ изъ условій соціальнаго существованія, а военная слава—основой превосходства и величія; когда въ самой группѣ возникаютъ зависть, мстительность, деспотизмъ, рабство, жестокость, ненависть; когда наконецъ, опыты слабости, старости, болѣзни, смерти, различій способностей, наклонностей и удачи открываютъ границы солидарности и зіяющія во всякомъ общежитіи диссолидарности—возникаютъ условія для религіознаго, техническаго, эстетическаго, научнаго отношенія ко всему міру и къ человѣчеству такъ же, какъ и основы обычая, права, нравственности, раздѣленія труда, дифференціаціи классовъ, государства и правительства.

И религія и искусство, нравственность и техника, наука и философія имѣютъ большее соціологическое значеніе, чѣмъ хозяйство и право, обычай и политическая конституція. Это положеніе имѣетъ опредѣляющее вліяніе на всю соціологическую методику и теорію. Высшія произведенія духа суть факты соціологическіе и даже наиболѣе существенные изъ соціологическихъ фактовъ. Попытаемся указать доводы, на которые оно опирается.

Выдающееся соціологическое значеніе экономическихъ, правовыхъ и политическихъ фактовъ находятъ въ томъ, что эти факты цѣликомъ представляютъ соціальныя отношенія, отношенія между личностями въ общественной жизни, тогда какъ религіозныя и нравственныя чувствованія и желанія, художественное творчество и наслажденіе, научное и философское мышленіе суть процессы въ индивидуальномъ сознаніи и простираются далеко за предѣлы общества, на всю дѣйствительность. Это утвержденіе не оспоримо, какъ констатированіе факта. Спрашивается лишь, можно ли согласиться съ тѣмъ, что чисто соціальнымъ явленіямъ присуща большая соціологическая важность, чѣмъ явленіямъ сверхиндивидуальнымъ и сверхсоціальнымъ, т. е. идеальнымъ?

Для рѣшенія этого вопроса, обратимъ сперва наше вниманіе на тотъ фактъ, что экономическая, правовая и политическая структура общества зависитъ отъ двухъ родовъ факторовъ: во-первыхъ, отъ окружающей природы въ климатическомъ, географическомъ, геологическомъ и біологиче-

скомъ отношеніяхъ; во-вторыхъ, отъ свойства даннаго общества въ количественномъ и, главное, въ качественномъ отношеніяхъ, т. е. отъ числа, возрастовъ и полового состава населенія, отъ уровня знанія о природѣ и человѣкѣ, отъ наличныхъ технологическихъ, военныхъ и другихъ практическихъ умѣній, отъ господствующихъ нравственныхъ правилъ и отъ распредѣленія знаній, умѣній и нравственностей между отдѣльными личностями. Такимъ образомъ, хозяйство, право и государство зависятъ съ одной стороны отъ естественныхъ, внѣсоціальныхъ факторовъ, съ другой— отъ науки, техники, нравственности, искусства, религіи и философіи. Они имѣютъ самостоятельное значеніе, лишь поскольку они въ свою очередь вліяютъ на естественныя и идеальныя условія, ихъ создавшія, какъ члены въ круговоротѣ взаимодѣйствій между природой и человѣкомъ, видоизмѣняемыхъ взаимными дѣйствіями между человѣческими личностями. Если поэтому хозяйство, право и государство и являются соціальными фактами въ собственномъ смыслѣ слова, то ихъ условія и творческія силы лежатъ внѣ нихъ: въ природѣ и въ индивидуальномъ сознаніи.

Но этого мало для уясненія высшаго соціологическаго значенія продуктовъ человѣческаго сознанія, и мы можемъ сдѣлать болѣе существенный шагъ: показать, что идеологическая жизнь, жизнь сознательная, въ отличіе отъ жизни непосредственной психической и физической, составляетъ самую сущность общества.

Развитіе соціологіи отъ Конта показываетъ стремленіе понять религію и искусство, науку и философію, совѣсть и долгъ, какъ продукты соціальной жизни. Человѣкъ, мыслимый внѣ соціальной жизни, имѣетъ память, элементарную волю, даже общія представленія, подобно высшимъ животнымъ. Но у него нѣтъ рѣчи и, слѣдовательно, у него отсутствуютъ всякія выраженныя въ словахъ сужденія; его «сужденія» выражаются въ движеніяхъ схватыванія и защиты, его «выборъ» и «размышленія»—въ нерѣшительныхъ движеніяхъ, въ борьбѣ антагонистическихъ мускуловъ и въ сопровождающихъ ее непосредственныхъ, несознанныхъ ощущеніяхъ и чувствованіяхъ. Безъ рѣчи и, вообще, безъ симпатическаго воспроизведенія противостоящаго человѣческаго жизненнаго процесса, безъ взаимнаго переживанія невозможны ни знаніе, ни мышленіе, ни размышленіе, ни воля. Больше того—безъ взаимнаго переживанія невозможно самосознаніе, безъ другого «я» нѣтъ своего «я». Ходячія психологическія теоріи объ образованіи самосознанія неудовлетворительны. Различіе ощущеній собственнаго и другихъ тѣлъ, различное вліяніе воли на собственные и чужіе члены и на противодѣйствующія ей вещи могутъ быть даны и совершенно

ясно выражаться въ реакціяхъ организма на себя и на другія тѣла безъ того, чтобы съ ними соединялось ясное *самосознаніе*. Для образованія послѣдняго необходимы размышленія, концентрація вниманія на эти различія. Но стимулъ для подобнаго размышленія и для концентраціи вниманія на собственныя ощущенія и чувствованія лежитъ въ потребностяхъ *объясненія и сговора съ другими «я»*, предполагающихъ точное и ясное отграниченіе «себя» и къ своему «я» принадлежащаго отъ «другого» и къ другому «я» принадлежащаго, отграниченія опять-таки не мыслимаго безъ рѣчи, т. е. безъ взаимнаго переживанія. Еще яснѣе зависимость образованія всѣхъ высшихъ продуктовъ духовной жизни—религіи, искусства, техники, нравственности, науки, философіи—отъ чисто соціальныхъ потребностей и условій сообщенія внутренне пережитаго, вліянія на своихъ ближнихъ, осуществленія своего духовнаго «я» за предѣлы собственной личности, въ другихъ сознаніяхъ и въ мірѣ, понятомъ, какъ сознаніе.

Такимъ образомъ, идейная жизнь личностей покоится на совмѣстномъ переживаніи, есть соціальный фактъ такъ же, какъ хозяйство, право и отношенія господства и повиновенія. Разсмотримъ теперь нѣсколько ближе настоящій характеръ соціальнаго процесса.

Совмѣстное переживаніе ведетъ за собой лишь въ ограниченной степени *солидарность*. Оно само постоянно ограничено болѣе или менѣе тѣснымъ кругомъ людей, и на его почвѣ оказывается широкое поле для соціальной диссолидарности. Солидарность, вытекающая изъ простого совмѣстнаго переживанія, простирается лишь на элементарные процессы кооперації и потребленія и на нѣсколько элементарныхъ правилъ и запретовъ. Но съ совмѣстнымъ переживаніемъ возникаетъ непреодолимая *потребность солидарности*, основанная на данныхъ, съ ея расширеніемъ и углубленіемъ: устраненіи разнообразныхъ противодѣйствій жизненнымъ процессамъ переживающихъ, расширеніе и углубленіе ихъ физической и психической жизни. Эта-то потребность вызываетъ въ наиболѣе способныхъ къ развитію индивидуумахъ творческую дѣятельность, результатомъ которой являются всѣ высшія содержанія сознанія, всѣ идейныя основы солидарности. Ихъ вниманіе сосредоточивается на условіяхъ взаимнаго пониманія членами общества окружающаго міра: возникновеній, существованіи, измѣненій, связей всѣхъ вещей, на изобрѣтеніи и совершенствованіи орудій, утвари, жилищъ, платья, оружія и т. п. Возникаютъ размышленія о правовой организаціи общества, о раздѣленіи и производительности труда, о военномъ искусствѣ, о сверхъестественномъ предвидѣніи событій. Работаетъ религіозная фантазія, пробуждается эстетическій интересъ къ

вещамъ, процессамъ и людямъ, создаются миѳологія и этика. Хозяйство и право, нравы и нравственность, религія и искусство, наука и философія возникаютъ, такимъ образомъ, въ сложнѣйшемъ, разнообразно переплетенномъ процессѣ взаимодѣйствій между индивидуумами, группами, естественными средами и всѣми данными содержаніями общественной жизни, въ зависимости отъ стремленія людей къ расширенію и углубленію ихъ солидарности, основанной на совмѣстномъ переживаніи, а это стремленіе вытекаетъ въ свою очередь изъ стремленія людей къ наивысшему, никогда окончательно не данному сохраненію жизненнаго процесса.

Изъ этого слѣдуетъ, что соціальный процессъ представляется, какъ многочисленный, разнообразно расчлененный, соприкасающійся со всѣхъ сторонъ съ остальной дѣйствительностью и перекрещивающійся разнообразнѣйшимъ образомъ въ различныхъ узлахъ процессъ *совершенствованія*. Понятіе совершенствованія нуждается однако въ нѣкоторыхъ уясненіяхъ.

Развитіе органическаго міра объясняется изъ взаимодѣйствій между стремящимися къ сохраненію организмами съ опредѣленной морфологической структурой и окружающей ихъ органической и неорганической средой. Кромѣ элементарныхъ психическихъ содержаній ощущенія, представленія, памяти, данныхъ въ различной высотѣ на разныхъ ступеняхъ органическаго міра и не могущихъ быть взятыми для объясненія самого процесса эволюціи—факты приспособленія, наслѣдственности, борьбы за существованіе не могутъ быть объяснены господствующей въ органическомъ мірѣ сознательной цѣлесообразностью. Цѣлесообразность и мышленіе предполагаютъ взаимное переживаніе, рѣчь, они суть продукты человѣческой соціальной жизни. Но съ ихъ возникновеніемъ, процессъ органической эволюціи получаетъ новый характеръ. Для сознательнаго человѣка стремленіе къ охраненію, борьба за существованіе, приспособленіе представляются какъ *цѣли,* которыя должны достигнуть, какъ *препятствія,* которыя должно преодолѣть, какъ *задачи* познанія, умѣнія, чувствованія, которыя должно разрѣшить. Его дѣятельность представляется, какъ переходъ отъ незнанія, неясности, сомнѣнія, затрудненія, колебанія, опасности, неумѣнія къ пониманію, ясности, увѣренности, облегченности, рѣшительности, безопасности, умѣнію. Онъ разрѣшаетъ противорѣчія и неустойчивости въ его сужденіяхъ, желаніяхъ, способностяхъ. Изъ состоянія борьбы онъ переходитъ, при помощи теоретическаго и практическаго мышленія и сознательной дѣятельности, въ состояніе равновѣсія. Но равновѣсіе, гармонія, солидарность всѣхъ функцій, дѣятельностей и способностей называется со-

вершенствомъ. Дѣятельность, направленная на устраненіе неустойчивости въ сужденіяхъ, желаніяхъ и способностей, есть, слѣдовательно, совершенствованіе Совершенство оказывается необходимымъ конечнымъ пунктомъ совершенствованія, но послѣднее не подчиняется первому и оказывается собственной характеристикой соціальной жизни, такъ какъ всякое равновѣсіе относительно, частично и уступаетъ мѣсто новымъ колебаніямъ, такъ что совершенствованіе является въ дѣйствительности основнымъ и постояннымъ процессомъ сознательной жизни, какъ развитіе является послѣднимъ слогомъ органическаго міра, вопреки стремленію всѣхъ организмовъ къ самосохраненію.

Если все содержаніе теоретическаго и практическаго мышленія есть соціальный фактъ и подлежитъ соціологическому изслѣдованію, то какъ опредѣлить положеніе соціологіи въ кругу другихъ наукъ и отношеніе къ ней послѣднихъ?

Содержаніе теоретическаго и практическаго мышленія опредѣляется съ одной стороны качествомъ соціальной группы мыслящаго и его человѣческой среды и ея отношеніемъ къ окружающей физической, органической и соціальной средамъ. Мышленію ставится, слѣдовательно, вообще задача познать человѣка и его среду въ ихъ содержаніяхъ, связяхъ и измѣненіяхъ, общіе критеріи истиннаго познанія, разрѣшенія противорѣчій, отличеніе истины отъ ошибки. Практическія задачи заключаются въ подчиненіи неорганической и органической природы человѣческимъ цѣлямъ; въ огражденіи и освобожденіи человѣка отъ внѣшнихъ и внутреннихъ невзгодъ, немочей, опасностей; въ изобрѣтеніи новыхъ цѣлей, средствъ, задачъ, орудій, идей; въ установленіи общественной іерархіи и правилъ закона и нравственности; въ выработкѣ правилъ воспитанія и нравовъ.

Процессъ совершенствованія становится все болѣе и болѣе сложнымъ въ ходѣ историческаго развитія. Онъ распадается на множество областей и отдѣловъ, распредѣляется между индивидуумами, группами, поколѣніями, полами, ступенями развитія и приспособляется къ разнообразію конкретныхъ условій, въ которыхъ онъ происходитъ Соціальный процессъ простирается на всю дѣйствительность, отражаетъ въ себѣ всю дѣйствительность и представляется какъ ткань перекрещивающихся, переплетающихся, содѣйствующихъ, противодѣйствующихъ, двигающихъ, толкающихъ процессовъ. Дѣятельности и идеи, его составляющія, въ своемъ содержаніи далеко не ограничены и не обусловлены лишь соціальнымъ матеріаломъ, а имѣютъ всегда еще другіе объекты и точки опоры. Таковы дѣятельности, простирающіяся на добываніе, обработку и обращеніе ма-

теріальныхъ благъ; правила общественныхъ сношеній и сожитія; структура отношеній господства и повиновенія; религіозныя вѣрованія и дѣйствія; научныя и философскія знанія. Они простираются на соціальную жизнь, какъ на часть всей дѣйствительности. И все таки всѣ они суть составныя части соціальнаго процесса совершенствованія. Въ немъ они соединяются точно въ фокусѣ и распространяются во всѣ направленія, имѣя въ немъ свой руководящій центръ. Какъ наука, соціологія является лишь одной изъ частей сложной системы теоретическаго мышленія, но въ ея предметѣ повторяется, отражается, объединяется въ цѣльное міровоззрѣніе совокупность человѣческаго мышленія.

Соціальные законы и человѣческіе идеалы.

Сознательная дѣятельность живущаго въ обществѣ человѣка подчинена мотивамъ. Какъ по отношенію къ другимъ людямъ, такъ и по отношенію къ себѣ ему часто приходится задавать относительно уже совершенныхъ или подлежащихъ совершенію поступковъ вопросъ: почему я, или ты поступилъ, или долженъ поступить такъ, а не иначе; или же онъ колеблется, находится въ нерѣшимости относительно различныхъ возможныхъ поступковъ, о томъ, какъ должно поступать. На вопросъ отвѣчается, колебаніе устраняется двумя путями. Во-первыхъ, ищется или указывается связь между даннымъ поступкомъ или однимъ изъ поступковъ, между которыми приходится выбирать, и какой-нибудь несомнѣнно желательной цѣлью; показывается, что этотъ поступокъ ведетъ къ достиженію какого-нибудь желательнаго блага, или къ исполненію какой-нибудь коренной, глубоко, какъ таковой, чувствуемой обязанности. Во-вторыхъ, желаніе, цѣль, представляемый поступокъ разсматриваются съ точки зрѣнія возможности ихъ осуществленія въ дѣйствительности и отношенія предвидимыхъ реальныхъ результатовъ къ другимъ желательнымъ цѣлямъ. Если цѣль оказывается въ дѣйствительности неосуществимой, то несмотря на всю ея желательность, попытки къ ея осуществленію и удѣленіе ей пентральнаго мѣста въ системѣ нашихъ стремленій будутъ считаться безплодными и губительными. Размышленіе обыденной жизни быстро рѣшаетъ оба вопроса. Установленныя привычныя формы желательнаго большей частью инстинктивно отдѣляютъ какъ наше обоснованіе и «пониманіе» предлежащихъ поступковъ, такъ и наши сужденія объ ихъ осуществимости или неосуществимости. Мы подводимъ поступокъ подъ категорію должнаго или недолжнаго, какъ она у насъ функціонируетъ, т. е. смотря по содержаніямъ, представляющимся намъ должными или недолжными, и мы быстро примѣряемъ возникающее желаніе къ существующимъ для насъ субъективно возможностямъ или невозможностямъ, желательностямъ или нежелательностямъ его осуществленія.

Отъ этого инстинктивно функціонирующаго аппарата волевой дѣятельности отдѣляется, подъ вліяніемъ потребности углубленія и возвышенія

нравственнаго уровня нашей дѣятельности, философское размышленіе Вмѣсто довѣрія къ непосредственнымъ отвѣтамъ практическаго разсудка и элементарнаго опыта, философское размышленіе ставитъ вопросъ тамъ, гдѣ вульгарный разсудокъ уже видитъ отвѣтъ. «Я хочу этого, потому что это мнѣ доставитъ удовольствіе», говоритъ послѣдній. «Но почему ты хочешь удовольствія и дѣйствительно ли это тебѣ доставитъ удовольствіе», останавливаетъ его философъ. Какъ въ теоретической области онъ пытается найти болѣе солидные критеріи познанія и болѣе объемлющее познаніе дѣйствительности и достигаетъ этихъ критеріевъ не иначе, какъ посредствомъ болѣе глубокаго проникновенія въ дѣйствительность, такъ въ практической области онъ ищетъ твердыхъ устоевъ нравственной жизни и находитъ ихъ не иначе, какъ познаніемъ дѣйствительныхъ условій возникновенія, осуществленія и взаимодѣйствія нашихъ цѣлей между собою и съ дѣйствительностью. Нахожденіе критеріевъ познанія углубленнымъ познаніемъ дѣйствительности и достиженіе углубленнаго познанія дѣйствительности при помощи твердыхъ и не обманывающихъ критеріевъ познанія съ одной стороны, нахожденіе высшихъ цѣлей всякой человѣческой дѣятельности критическимъ анализомъ возможности полнаго осуществленія въ реальной дѣйствительности различныхъ предлежащихъ цѣлей и достиженіе пониманія всѣхъ реально желаемыхъ цѣлей именно изъ предположенія реальности этой высшей цѣли съ другой стороны—вотъ двѣ великія темы человѣческаго мышленія, варіаціями на которыя и являются возникшія въ исторіи мышленія философскія конценціи, во всѣхъ ихъ разновидностяхъ и во всемъ различіи проявляющихся въ нихъ комбинацій, элементовъ и потребностей познанія и воли. Наша проблема отношенія высшихъ цѣлей человѣческой дѣятельности къ дѣйствительности въ смыслѣ возможности полной реализаціи этихъ цѣлей въ дѣйствительности и реализаціи вмѣстѣ съ этими цѣлями также и остальныхъ желаемыхъ нами цѣлей является, такимъ образомъ, фокусомъ всѣхъ философскихъ проблемъ вообще, заключительнымъ пунктомъ міровоззрѣнія.

Господствующія въ наше время міровоззрѣнія могутъ быть подведены подъ три основныхъ типа, имѣющихъ каждый классическаго представителя въ философіи новаго времени. Контъ, Гегель и Кантъ являются каждый наиболѣе совершенными выразителями натуралистическаго, объективно-идеалистическаго и субъективно-идеалистическаго міровоззрѣній. Первое отказывается видѣть въ міровомъ процессѣ, включая въ послѣдній и общество, господство какой-либо человѣчеству доступной или понятной цѣли. Человѣческое сознаніе, а, слѣ-

довательно, и воля повинуются непреложнымъ законамъ космическаго развитія, не вліяютъ на послѣднее, являются отраженіемъ строго опредѣленныхъ матеріальныхъ процессовъ. Въ мірѣ господствуетъ безусловно законъ сохраненія энергіи и причинности. Точное знаніе неизмѣннаго закона, управляющаго совокупностью мірового движенія, сдѣлало бы возможнымъ предсказаніе до мельчайшихъ подробностей всѣхъ безъ исключенія движеній, которыя когда-либо совершается, и всѣхъ движеній, которыя когда-либо совершались. Убѣжденіе, будто человѣческая воля можетъ вліять на ходъ мірового развитія, основано на иллюзіи, отъ которой должно отдѣлаться, потому что только подчиненіе законамъ человѣческой природы, общества и остального міра дѣлаетъ возможнымъ плодотворную дѣятельность и дѣлаетъ истинно свободнымъ. Органическій міръ возникъ изъ неорганическаго черезъ усложненіе матеріи. Въ немъ господствуютъ законы борьбы за существованіе, естественнаго отбора; приспособленіе и наслѣдственность суть факторы, а дифференціація и интеграція органовъ суть результаты органической эволюціи. Тѣ же законы, факторы и результаты дѣйствуютъ въ болѣе сложной средѣ общественной жизни и представляютъ болѣе сложныя комбинаціи существенно однородныхъ процессовъ. Общій міровой законъ — это тенденція къ равновѣсію, къ сохраненію въ окружающей средѣ. Равновѣсіе и есть высшій принципъ нравственности, какъ и науки и искусства Сохраненію личности при условіяхъ общественной жизни противопоставляется сохраненіе общества, какъ цѣлаго — равновѣсіе системы высшаго порядка. Нравственность и составляетъ компромиссъ между условіями сохраненія индивидуума и отдѣльныхъ органовъ его и условіями сохраненія общества. Исторія представляетъ различныя комбинаціи и различныя степени удовлетворенія требованія индивидуальнаго и соціальнаго равновѣсія. Прогрессъ заключается въ увеличеніи возможностей индивидуальнаго и соціальнаго равновѣсія и въ уменьшеніи противодѣйствій и треній между индивидуумомъ и обществомъ. Онъ происходитъ вслѣдствіе постояннаго приближенія мірового процесса къ состоянію полнаго равновѣсія, приближенія, слѣдующаго не изъ господства какого-либо предвидѣнія или цѣли въ мірѣ, а изъ безпрерывныхъ противодѣйствій измѣняющимъ внѣшнимъ вліяніямъ, исходящимъ изъ всѣхъ тѣлъ. Конечное состояніе міра должно быть мыслимо, какъ абсолютное равновѣсіе, исключающее всякое движеніе. Конечный пунктъ соціальнаго развитія, осуществленіе соціальнаго идеала будетъ дано, если между индивидуумомъ и обществомъ будетъ существовать полная солидарность стремленій къ равновѣсію, если равновѣсіе общества

будетъ неразрывно связано съ равновѣсіемъ индивидуума и наоборотъ. Наука достигнетъ своего высшаго совершенства, если между всѣми познаніями будетъ господствовать полное согласіе, если научная система не сможетъ быть поколеблена или измѣнена ни вторженіемъ внѣшнихъ открытій, ни внутренней борьбой положеній. Искусство удовлетворяетъ нашимъ стремленіямъ къ соціальному и космическому равновѣсію, реализація послѣдняго и будетъ осуществленіемъ высшаго эстетическаго идеала. Такимъ образомъ, натурализмъ находитъ въ принципѣ космическаго равновѣсія высшую цѣль, къ которой стремиться значитъ одновременно находиться въ полной гармоніи съ объективной закономѣрностью, осуществлять самое глубокое изъ нашихъ дѣйствительныхъ стремленій, и этимъ самымъ осуществлять также и тѣ изъ нашихъ стремленій, которыя на первый взглядъ какъ-будто противорѣчатъ нашей высшей цѣли.

Иначе относится къ вопросу объективно-идеалистическое міровоззрѣніе. Исходя изъ старыхъ философскихъ традицій оно считаетъ данный черезъ внѣшнія чувства матеріальный міръ лишь несовершеннымъ отблескомъ, преходящимъ и иллюзорнымъ воплощеніемъ дѣйствительнаго бытія, открывающагося намъ въ мірѣ душевномъ, въ мірѣ мысли и разумной воли. Міровой процессъ является для него единымъ, всеобъемлющимъ духовнымъ организмомъ, проникнутымъ единой цѣлью, которой подчиняются всѣ процессы въ составныхъ элементахъ этого организма и которая должна реализоваться именно въ проникновеніи всѣхъ этихъ элементовъ безусловной идеей цѣлаго, въ осуществленіи въ каждой изъ нихъ абсолютной гармоніи съ цѣлымъ. Другими словами, міръ является для объективнаго, телеологическаго идеализма единой волей, реализующейся въ безчисленномъ множествѣ отдѣльныхъ, не сливающихся съ нею, стремящихся къ осуществленію собственнаго содержанія, воль, и лишь въ безконечномъ процессѣ развитія приближающихся къ полной гармоніи между волей цѣлаго, божественной волей, какъ можно выразиться, и волями всѣхъ отдѣльныхъ его частей. Въ человѣческомъ сознаніи и мышленіи идея мірового процесса приходитъ къ самосознанію. Философія, нравственность, искусство являются высшими осуществленіями стремленій мірового процесса, и принципъ абсолютной гармоніи воль долженъ быть положенъ въ основу какъ теоретическаго, такъ и практическаго и эстетическаго отношенія къ міру. Въ принципѣ абсолютной гармоніи воль или вселенской любви (amour universelle) объективный идеализмъ находитъ такимъ

образомъ ту высшую цѣль мірового процесса и человѣческихъ стремленій, которую натурализмъ нашелъ въ объективномъ, непсихическомъ состояніи космическаго равновѣсія.

Обоимъ противопоставляется субъективный идеализмъ, или неокантіанство. Оно исходитъ изъ недоступности объективнаго міра, взятаго въ себѣ, ни познанію, ни волевому измѣненію, или эстетическому сохраненію. Высшая цѣль человѣческой дѣятельности не можетъ быть, по его мнѣнію, основана въ реальной структурѣ дѣйствительности, потому что эта послѣдняя является для насъ не чѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ формъ нашего сознанія, нашей познавательной способности. Такъ какъ міръ явленій самъ является созданіемъ познавательной дѣятельности человѣка, осуществленіемъ ему имманентныхъ формъ на чужомъ, непосредственно недоступномъ матеріалѣ бытія, онъ можетъ становиться также объектомъ нашего нравственнаго и художественнаго творчества, матеріаломъ, поддающимся воплощенію въ него нашихъ, существующихъ на ряду съ познавательными, этическихъ и эстетическихъ постулатовъ. Міръ вещей въ себѣ такъ устроенъ, что онъ поддается воплощенію въ него ему внѣшнихъ формъ познанія и дѣятельности, является фактомъ конечнымъ, послѣднимъ, констатируемымъ самимъ существованіемъ человѣка въ мірѣ, его частичнымъ сохраненіемъ и воспроизведеніемъ, да и самымъ возникновеніемъ человѣка съ его данной организаціей въ дѣйствительности. Міръ не представляетъ намъ, вопреки нашимъ требованіямъ причинности и тождества, безпрестанныхъ сюрпризовъ и реальныхъ абсурдовъ; нами отвлеченные законы природы оказываются годными орудіями сохраненія въ борьбѣ за существованіе, практической дѣятельности, основанной на предвидѣніи. Стремленія къ совершенствованію въ познаніи и жизни посредствомъ реализаціи намъ имманентныхъ идеаловъ оказываются плодотворными. Прогрессъ науки, нравственности, искусства дѣйствителенъ, возможенъ и неограниченъ никакими абсолютными преградами. Но обосновать всѣ эти факты структурой трансцендентной дѣйствительности значитъ предаваться безплодной работѣ опредѣленія неопредѣляемаго, и всѣ метафизическія постройки являются ничѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ данныхъ міра явленій, имманентныхъ требованій познающаго и дѣйствующаго человѣка и законовъ его взаимодѣйствія съ недоступной дѣйствительностью на самое эту дѣйствительность; онѣ ничего не объясняютъ, а лишь догматически утверждаютъ для непознаваемаго качества познаваемаго. Высшіе же принципы нравственности, какъ и высшіе принципы науки, осуществляясь лишь во взаимодѣй-

ствіяхъ съ измѣняющимся и не опредѣленнымъ разъ навсегда матеріаломъ опыта, могутъ быть поняты лишь, какъ совершенно формальныя, совершенно безсодержательныя и абсолютныя требованія, прилагаемыя ко всякому дѣйствію и хотя никогда въ реальномъ мірѣ вполнѣ неосуществимыя, но представляющія руководящій идеалъ, къ которому будутъ приближаться въ безконечномъ прогрессѣ. Эти причины сводятся кантіанствомъ въ одинъ верховный принципъ, въ существенномъ похожій на принципъ объективнаго идеализма: абсолютное единство мірового сознанія, устраненіе двойственности между сознаніемъ и бытіемъ, между духомъ и матеріей, между индивидуумомъ и обществомъ, между обществомъ и міромъ, между любовью и счастьемъ является высшимъ идеальнымъ свѣточемъ историческаго развитія и нравственной жизни. Такимъ образомъ кантіанство видитъ высшій идеалъ не въ объективномъ процессѣ матеріальнаго бытья, или идеалистическаго развитія, въ которыхъ сама дѣйствительность реализуетъ этотъ идеалъ и существуетъ внутренняя гармонія между послѣднимъ и всѣми человѣческими стремленіями, а разсматриваетъ его, какъ вытекающій изъ человѣческаго *разума*, противопоставляющагося, борющагося, взаимодѣйствующаго съ чувственностью, но никогда съ нею совершенно не солидарнаго. Приближеніе къ нравственному идеалу является для него не естественнымъ процессомъ, происходящимъ по непреложнымъ законамъ, а результатомъ энергическаго сосредоточенія мысли на преодолѣніи хаотическаго эмпирическаго матеріала и борьбы нравственной воли съ препятствіями чувственности и матеріальнаго міра. И степень осуществленія нравственнаго идеала опредѣляется для него не соотвѣтствіемъ дѣйствій естественнымъ потребностямъ и законамъ, а степенью вліянія, оказаннаго на дѣйствія верховнымъ нравственнымъ законамъ, какъ таковымъ, въ его полной чистотѣ, святости и неосуществимости; точно такъ же, какъ степень умственнаго совершенства опредѣляется для него не обиліемъ и широю собранныхъ эмпирическихъ матеріаловъ, а степенью введеннаго въ нихъ единства, степенью общности, раціональности и связи, которыя удалось установить между ними.

Таковы самыя общія типичныя черты господствующихъ въ современной *научной* философіи міросозерцаній. Ихъ сосуществованіе и равное значеніе въ современной философской мысли доказываетъ, что каждое изъ нихъ содержитъ въ себѣ несостоятельные элементы, и что ни одному изъ нихъ не удалось, вмѣстѣ съ устраненіемъ несостоятельнаго изъ другихъ міросозерцаній, отдать должное имѣющимся въ нихъ непоколебимымъ и цѣннымъ познаніямъ.

Натуралистическое міропониманіе не удѣляетъ должнаго мѣста сознанію въ человѣческой жизни, дѣлаетъ непонятнымъ самое суть и значеніе волевыхъ процессовъ. Оно смѣшиваетъ общіе законы, отвлеченные отъ матеріальнаго міра, съ совокупностью разныхъ матеріальныхъ процессовъ, и смѣшиваетъ отвлеченные постулаты болѣе совершеннаго познанія послѣднихъ съ реальностью этихъ постулатовъ, съ ихъ осуществленіемъ и слѣдовательно съ реальною данностью тѣхъ условій, которыя на самомъ дѣлѣ имѣютъ смыслъ только, какъ формальные постулаты опыта. Подчиненіе міра закону причинности, сущность законовъ сохраненія силы и матеріи представляются ему въ формѣ безграничнаго предопредѣленія всего содержанія мірового процесса разъ на всегда установленнымъ, неизмѣннымъ, вѣчнымъ, все до мельчайшихъ подробностей непоколебимымъ образомъ опредѣляющимъ закономъ. Возникновеніе сознанія при данности опредѣленныхъ матеріальныхъ процессовъ въ органическомъ мірѣ и параллельно съ послѣднимъ идущее развитіе сознанія наивно считается имъ узнаннымъ, если оно указываетъ на подчиненность молекулярныхъ процессовъ, отъ которыхъ зависитъ сознаніе, законамъ сохраненія матеріи и движенія. Какъ-будто эти законы объясняютъ хотя бы простѣйшій химическій процессъ, или аггрегатное состояніе какого-нибудь физическаго тѣла въ данную минуту! Дедуктивно, изъ абстрактныхъ формулъ нельзя отвлечь ни одного реальнаго матеріальнаго процесса, если послѣдній не былъ данъ во всей своей особенности, и всякая дедукція предполагаетъ уже знаніе изъ другого источника дедуцируемаго, какъ всякая формула сама уже получается отвлеченіемъ изъ конкретныхъ данныхъ, болѣе содержательныхъ, чѣмъ она. Органическій міръ непонятенъ изъ процессовъ неорганическихъ и не можетъ быть изъ нихъ выведенъ. Анализъ его собственныхъ свойствъ есть единственный источникъ его познанія. Точно также и сознаніе ни въ какомъ смыслѣ не можетъ быть отвлечено отъ данности лишь нервной системы, органовъ чувствъ и сенситивныхъ реакцій. Воспріятіе чувствованій и стремленій должно быть сперва дано, чтобы можно было констатировать ихъ связь съ матеріальными процессами. Но и тогда должно строго различать между *постулатомъ*, по которому матеріальные процессы, съ которыми дано сознаніе, только по степени, не по существу отличаются отъ матеріальныхъ процессовъ, не сопровождающихся сознаніемъ, и *познаніемъ* структуры тѣхъ процессовъ, съ которыми связывается сознаніе, въ ихъ общихъ отличіяхъ отъ чисто матеріальныхъ процессовъ и въ отличіяхъ ихъ въ связи съ различными элементарными и сложными фактами сознанія. Отъ

такого познанія мы, познающіе безконечное разнообразіе природы нашими математическими, физическими и химическими пріемами, проникающіе въ органическую жизнь нашими анатомическими, физіологическими и сравнительными методами, еще безконечно далеки. Лишь безмѣрно самодовольный самообманъ мышленія заключается въ томъ, что прилагая къ природѣ понятіе «предопредѣленія», мы думаемъ, что этимъ самымъ мы приближаемся къ пониманію какого-нибудь реальными силами дѣйствительности предопредѣленнаго состоянія послѣдней, какъ цѣлаго, которое мы можемъ понять, предвидѣть, или высчитать.

Затѣмъ мы констатируемъ присутствіе въ сознательной жизни волевой дѣятельности. Мы дѣлаемъ, что хотимъ, потому что хотимъ, и часто стоимъ предъ важными рѣшеніями, когда намъ приходится выбирать между нѣсколькими дѣйствіями, и мы спрашиваемъ у разума, у мысли совѣта, рѣшая признаваемое нами наилучшимъ и наиболѣе осуществимымъ. Въ подобныхъ случаяхъ указать на необходимость одного какого-нибудь дѣйствія или объективнаго состоянія значитъ просто не знать положенія, или же становиться не на точку зрѣнія дѣйствущаго. Объективно мы можемъ съ большей или меньшей увѣренностью ожидать или предсказать рѣшеніе, если знаемъ характеръ и существенныя условія дѣйствующаго. Никогда мы не можемъ предсказать заранѣе съ безусловной увѣренностью весь конкретный ходъ и всѣ детали рѣшенія и приведенія его въ исполненіе. Слишкомъ сложны и индивидуальны для этого условія каждаго отдѣльнаго поступка и слишкомъ ограниченны здѣсь возможности реальнаго познанія. Утвержденіе же, что всякій поступокъ, каковъ бы онъ ни былъ, будетъ во всей его конкретности и индивидуальности необходимъ, уже чисто формально, утверждаетъ лишь дѣйствіе общаго закона мышленія, закона причинности, не могущаго высказать о конкретномъ содержаніи рѣшенія ни точнаго, ни приблизительнаго, и вообще никакого сужденія. Для рѣшающаго же дѣло обстоитъ иначе. Онъ долженъ рѣшить, какую изъ двухъ возможностей выбрать Одна изъ двухъ возможностей — напр., переходъ или непереходъ Цезаря черезъ Рубиконъ — не наступитъ сама собой. Дѣло вѣдь идетъ какъ разъ о волевомъ актѣ, о томъ, что нужно сдѣлать. И не непремѣнно должна наступить та, а не другая возможность. Иначе не было бы необходимости колебаться, выбирать. Какъ только поступокъ сдѣланъ, или одна изъ возможностей превратилась въ невозможность, или необходимость дѣйствія вообще исчезла, мы перестали хотѣть — исчезъ и фактъ колебанія, выбора. Но когда этотъ фактъ данъ, когда мы находимся въ психологическомъ состояніи выбора, размышле-

нія надъ дѣйствіемъ, и два образа дѣйствія кажутся намъ возможными— тогда безсмысленно утверждать, что̀ нашъ выборъ безразличенъ, что наши размышленія безплодны и одна изъ возможностей необходимо будетъ осуществлена. Въ причинную цѣпь нашего дѣйствія входятъ наши размышленія надъ должнымъ и наши рѣшенія. Предсказаніе дѣйствія другого человѣка основывается отчасти на знаніи содержанія возникающихъ у него мотивовъ и волевой цѣнности, которую эти мотивы у него имѣютъ. Если поэтому нравственная и соціальная жизнь показываетъ альтернативы и разногласія между сущимъ и должнымъ, то воля можетъ противопоставить свой законъ, свое желаніе происходящему независимо отъ нихъ. Только вышеуказанное смѣшеніе отвлеченнаго постулата причинности съ различными ступенями однообразности и постоянства въ различныхъ областяхъ дѣйствительности приводитъ къ теоретическому утвержденію существованія якобы непреложныхъ законовъ общественнаго развитія, которымъ воля можетъ только подчиниться, не будучи въ состояніи ни содѣйствовать, ни противодѣйствовать ихъ осуществленію. Тогда оказывается чѣмъ-то непонятнымъ и противорѣчивымъ, если нравственное сознаніе вынуждаетъ противоположеніе и протестъ противъ тѣхъ законовъ, когда оно восклицаетъ: пусть борьба за существованіе и безжалостное уничтоженіе слабыхъ будетъ закономъ природы — мое сердце велитъ мнѣ любить униженныхъ, лѣчить страждущихъ и поддерживать немощныхъ; или. пусть стремленіе къ благу большинства и къ физическому равновѣсію будетъ неизбѣжнымъ закономъ общественнаго развитія, но мнѣ безразлично благо большинства и мое собственное сохраненіе — я хочу не блага, а борьбы, не сохраненія своего тѣла, а его преодолѣнія.

Но натурализмъ не выводитъ крайнихъ слѣдствій своего положенія. Наоборотъ, онъ хочетъ черезъ объективное познаніе дать волѣ надежное руководство и сдѣлать ее наиболѣе успѣшной въ опредѣленіи. дѣйствительности. Указаніемъ достижимыхъ и лежащихъ въ природѣ вещей цѣлей. онъ хочетъ стимулировать энергію, устранить безплодную трату силъ и неизбѣжныя отчаяніе и апатію, наступающія при продолжительной безплодности воли, при столкновеніи ея съ непреодолимыми необходимостями природы. Онъ указываетъ, какъ на высшую цѣль, на стремленіе къ равновѣсію въ условіяхъ естественной и соціальной среды и думаетъ этимъ дать верховное руководство нравственной дѣятельности. Для оцѣнки этой цѣли необходимо принять во вниманіе, что мы въ размышленіяхъ надъ должнымъ постоянно исходимъ изъ отношенія нашего поступка къ какой-нибудь другой опредѣленной цѣли и размышленіе простирается на

отношеніе этого поступка при данныхъ условіяхъ къ этой опредѣленной цѣли. Она же—т. е. извѣстное убѣжденіе о должномъ родѣ дѣятельности—должна быть дана для того, чтобы мышленіе имѣло критерій, имѣло бы опредѣленное направленіе. Отъ практическаго философскаго мышленія мы требуемъ поэтому указанія верховной цѣли, которой мы могли бы руководиться въ нашей дѣятельности. Мы не удовлетворены основнымъ и само собой понятнымъ указаніемъ философіи руководиться въ нашихъ поступкахъ разумомъ и не подчиняться слѣпому вліянію чувствъ и страстей. Мы предполагаемъ также, что разумъ, вслѣдствіе своей структуры, обусловитъ и опредѣленный отвѣтъ на то, *что* собственно мы должны дѣлать, когда хотимъ поступать разумно, и дѣйствительно всѣ моральные принципы философіи даютъ такой матеріальный отвѣтъ. Они указываютъ на необходимость въ частныхъ примѣненіяхъ высшаго закона положиться на законы нашего мышленія и матеріальные критеріи имъ употребляемые, но они сами устанавливаютъ законъ, имѣющій характеръ матеріальнаго критерія дѣятельности — будь то счастье, или познаніе, или категорическій императивъ. Нравственные принципы натурализма, идеализма и кантіанства должны быть поэтому разсматриваемы, какъ указанія высшихъ нормъ нашей дѣятельности, какъ отвѣты на вопросъ, *что* мы должны дѣлать, а не какъ указанія на общіе признаки нашей воли и дѣйствія, или какъ лишь формальныя апелляціи къ господству разума въ нашихъ поступкахъ.

Но ни принципъ равновѣсія, ни принципъ гармоніи не могутъ быть такими опредѣленными цѣлями. Въ дѣйствительности равновѣсіе и нарушенія равновѣсія являются одинаково первичными, одинаково общими фактами. Равновѣсіе всякаго тѣла болѣе или менѣе исключаетъ, болѣе или менѣе сосуществуетъ съ равновѣсіемъ другихъ тѣлъ. Жизнь живущаго въ обществѣ человѣка въ особенности подчинена необыкновенно сложнымъ, разнообразнымъ и измѣнчивымъ законамъ равновѣсія и связана съ такими же сложными, разнообразными и измѣнчивыми законами нарушенія равновѣсія. Каждая жизненная функція, каждое ощущеніе, чувствованіе, представленіе, желаніе, каждый фактъ соціальнаго взаимодѣйствія представляютъ собой процессъ движенія отъ равновѣсія и къ нему какой-нибудь особенной, отграниченной и въ особыхъ отношеніяхъ къ средѣ стоящей системы. Между чувственными стремленіями человѣка, основанными на условіяхъ равновѣсія и движенія частей организма, и его этическими, правовыми, эстетическими и экономическими цѣлями, между послѣдними и таковыми же цѣлями другихъ людей существуетъ множе-

ство противорѣчій и конфликтовъ. Они существуютъ фактически; всѣ цѣли не могутъ быть удовлетворены — приходится выбирать и предпочитать однѣ изъ нихъ передъ другими. Можетъ ли служить принципъ равновѣсія между цѣлями критеріемъ для предпочтенія одной изъ нихъ и для неудовлетворенія другой? Удовлетвореніе каждой изъ нихъ необходимо для возстановленія равновѣсія той функціи, отъ которой онѣ зависятъ. Абсолютное равновѣсіе недостижимо, если даже предположить, что оно желательно. Относительное же равновѣсіе уже выводитъ насъ за самый принципъ равновѣсія, какъ верховный принципъ и критерій нашей дѣятельности. Данъ рядъ разнообразныхъ цѣлей. Я не могу выбрать изъ нихъ одной какой-нибудь, какъ наиболѣе соотвѣтствующей равновѣсію. потому что, если я желаю руководиться равновѣсіемъ, то долженъ или хотѣть всѣ цѣли, или вовсе не хотѣть — иначе получится постоянно не равновѣсіе, а преобладаніе одной какой-нибудь функціи надъ другими. Если же я выберу послѣ зрѣлаго обсужденія цѣль, кажущуюся наиболѣе желательною при данныхъ условіяхъ, то сказать, что я выбралъ эту цѣль, потому что она представляетъ максимумъ равновѣсія въ данную минуту, значитъ совершать petitio principii, т. е. доказывать положеніе, которое само должно быть доказано. Я выбралъ цѣль, потому что она наиболѣе желательна, но наиболѣе желательная цѣль есть та, изъ которой вытекаетъ максимумомъ равновѣсія, слѣдовательно, наиболѣе желателенъ постоянно максимумъ равновѣсія. Но я же не максимумъ равновѣсія желалъ, когда выбралъ, напр., вмѣсто прогулки исполненіе обязанности. Пусть выборъ зависитъ отъ отношеній равновѣсія моего психофизическаго организма въ данную минуту, критеріемъ рѣшенія было не равновѣсіе, а большая желательность одного изъ поступковъ, вслѣдствіе его связи съ другими основными желаніями, напр., здоровья, обезпеченности, любви и т. п. Равновѣсіе не можетъ быть критеріемъ *нравственности*, того, что мы должны больше всего желать или цѣнить, потому что оно не даетъ приложимаго руководства въ установленіи должнаго. Натурализмъ представляетъ психологическое объясненіе воли и нравственности, гдѣ таковыя существуютъ. Онъ указываетъ на гармонизирующую и уравнивающую роль разума въ человѣческой жизни. Но онъ не даетъ нравственнаго принципа, обоснованія опредѣленной системы нормъ, какъ нравственно должныхъ. Натуралистическое міровоззрѣніе можетъ соединяться съ идеалистической нравственностью какого бы то ни было оттѣнка такъ же хорошо, какъ и съ практическимъ эгоизмомъ и матеріализмомъ. Какъ міровоззрѣніе, оно не содержитъ въ себѣ обоснованія эти-

ческихъ нормъ. Переходъ отъ теоретическихъ положеній къ практическимъ нормамъ совершается въ натуралистическихъ системахъ — будь то позитивизмъ Конта, или эволюціонизмъ Спенсера, или матеріализмъ научной философіи — не при посредствѣ критическаго обоснованія опредѣленныхъ цѣлей, а путемъ приложенія найденныхъ объективныхъ законовъ къ даннымъ въ непосредственномъ нравственномъ сознаніи нравственнымъ цѣлямъ.

Такъ же, какъ натурализмъ, объективный идеализмъ не даетъ въ принципѣ абсолютной гармоніи воль критерія нравственной дѣятельности и подлежитъ тѣмъ же возраженіямъ, какъ и натурализмъ, устанавливая абсолютную предопредѣленность мірового процесса въ реализаціи высшей цѣли и безусловую необходимость стремленія къ ней. Абсолютной гармоніи воль не существуетъ; мы не можемъ руководиться ею въ нашемъ противорѣчивомъ существованіи. Если все есть воля и все одинаково ведетъ къ высшей цѣли, то должно все хотѣть и не можетъ быть лучшаго или худшаго выбора. Или не должно ничего хотѣть, потому что наша воля, какъ содержащая противорѣчія и колебанія, должна быть аномаліей въ стремленіи мірового процесса къ гармоніи, которое должно также быть гармоничнымъ стремленіемъ, разъ абсолютная гармонія должна быть его результатомъ. Высшая же равнодѣйствующая въ борьбѣ воль не можетъ быть нами непосредственно опредѣлена, не можетъ быть нравственнымъ принципомъ. Для жизни нуженъ болѣе опредѣленный и однозначный принципъ. Объективный идеализмъ такъ же мало обосновываетъ опредѣленныя нравственныя нормы, какъ и натурализмъ. Если онъ близко связанъ съ требованіемъ объемлющей и полной солидарности между людьми, то онъ не обосновываетъ этого требованія и не въ состояніи точно ни ограничить предѣлы возможной солидарности и желательныя, вслѣдствіе этихъ предѣловъ, формы соціальной жизни, ни установить сопутствующіе нравственные принципы, слѣдующіе изъ невозможности абсолютной солидарности.

Кантіанство несомнѣнно удовлетворительнѣе разрѣшаетъ этическую проблему. Если его принципъ абсолютно-единаго сознанія — дальнѣйшее развитіе принципа категорическаго императива — тождественный по существу съ принципомъ гармоніи воль, такъ же несостоятеленъ, какъ и послѣдній, то оно зато не отвлекаетъ высшихъ цѣлей человѣческой дѣятельности изъ внѣ нея установленныхъ, независимо отъ человѣческой воли безсознательно или сознательно реализуемыхъ процессовъ, а видитъ ихъ вытекающими изъ самой природы нашей человѣческой воли. Кромѣ того,

оно придаетъ закону причинности его истинное значеніе и устраняетъ примѣненіе его къ дѣйствительности въ смыслѣ фаталистическаго толкованія бытія. Оно утверждаетъ зависимость прогресса отъ нравственной воли и возможность постепеннаго, хотя и неполнаго осуществленія ея идеаловъ.

Однако, кантіанство оказывается, при попыткѣ отвлечь эти глубоко вѣрныя положенія изъ его основныхъ предпосылокъ, гораздо болѣе несостоятельнымъ, чѣмъ натурализмъ и объективный идеализмъ. Абсолютный нравственный идеалъ оказывается не только безсодержательнымъ и непригоднымъ для руководства волею, но стремленіе къ нему оказывается совершенно безплоднымъ, его осуществленіе невозможнымъ, приближеніе къ нему — иллюзорнымъ. Эмпирическій міръ есть лишь явленіе, обусловленное организаціей человѣческаго ума. Между нимъ и міромъ абсолютныхъ вещей въ себѣ нѣтъ перехода. Къ этому міру вещей въ себѣ принадлежатъ также апріорныя формы чистаго разума, взятыя безъ ихъ эмпирическаго матеріала, къ нему же принадлежитъ и абсолютный нравственный законъ въ его чисто формальной законодательности. Весь эмпирическій процессъ познанія и дѣятельности, весь фактическій историческій прогрессъ, больше того — вся космическая эволюція являются чисто иллюзорной игрой на поверхности бытія, несущественной пѣной, возникающей и разсѣивающейся въ морѣ вѣчности. Абсолютный міръ вещей въ себѣ ни въ какомъ познаніи не откроется, абсолютный нравственный идеалъ ни въ какомъ эмпирическомъ состояніи не реализуется. Міръ пространства и времени — этихъ principia individuationis—есть представленіе, и въ немъ никогда не можетъ быть воплощена идея. По отношенію къ вѣчности онъ — иллюзія.

Шопенгауэръ рѣшился вывести эти слѣдствія изъ кантова принципа; самъ Кантъ и еще болѣе современное кантіанство предпочли истину прямолинейности и остановились на тѣхъ существенныхъ основахъ міросозерцанія, которыя критицизмъ уяснилъ лучше до него существовавшей догматической и изъ него вышедшей идеалистической метафизики. Однако, послѣдняя являлась дальнѣйшимъ развитіемъ критицизма, и какъ абсурдность его основныхъ предпосылокъ, такъ и непригодность абсолютныхъ принциповъ и въ области познанія, и въ области дѣятельности, заставляютъ искать новыхъ основъ теоретическаго и практическаго мышленія.

Критическая теорія познанія господствуетъ пока почти безраздѣльно, но мы приближаемся къ полной реформѣ основныхъ исходныхъ точекъ

философіи. Она подготовляется совокупной работой современной научной мысли. Математики и физики, психологи и соціологи съ разныхъ сторонъ медленно, но рѣшительно и побѣдоносно выводятъ мышленіе изъ проложенныхъ традиціонныхъ колей. Первое основоположеніе новой теоріи познанія, больше въ духѣ, чѣмъ въ своихъ исходныхъ точкахъ и конечныхъ результатахъ, ей соотвѣтствующее, есть «Критика чистаго опыта» Рихарда Авенаріуса. Лежащій въ основѣ критицизма идеалистическій догматъ о непосредственной данности сознанія окончательно изгоняется изъ теоріи познанія. Но лишь руководясь имъ, Канту могло прійти на умъ искать объективныя и субъективныя условія опыта не въ признакахъ и структурѣ объективнаго міра и специфическихъ органическихъ основахъ познанія, а въ трансцендентальной познавательной способности, изъ которой онъ «дедуцировалъ» основные признаки внѣшняго міра и основные законы познанія, вмѣсто того, чтобы констатировать ихъ въ окружающемъ мірѣ и въ данныхъ мышленія и воспріятія. Трансцендентальная дедукція пространства, времени и категорій не стоитъ фактически ни въ какой связи собственно съ возникновеніемъ и развитіемъ опыта при взаимодѣйствіи «синтетическихъ функцій» сознанія и процессовъ внѣшняго міра. Пространство и время суть не что иное, какъ самыя объективныя опредѣленія познаваемаго бытія, не зависящія отъ познавательной способности или какого-нибудь изъ ея опредѣленій. Обративъ внѣшній міръ въ «явленіе», Кантъ не устранилъ ни абсолютныхъ понятій, ни абсолютныхъ идеаловъ, ни метафизики, ни теологіи. Онъ далъ имъ лишь другую форму, правда, удѣляющую больше мѣста точному изслѣдованію и нравственной дѣятельности, но въ сущности сужающую возможности развитія и усовершенствованія принциповъ изслѣдованія и ограничивающую область и горизонтъ нравственной дѣятельности. Нужно признать коперниканскую революцію въ теоріи познанія, совершенную Кантомъ, слишкомъ радикальной и поставить вещи опять на ноги, Не человѣкъ создаетъ внѣшній міръ съ его богатствомъ формъ и длинной цѣпью развитія; онъ есть самъ одинъ изъ продуктовъ міровой эволюціи. Его познаніе, какъ и воля и творчество, обусловлены въ своихъ формахъ и содержаніяхъ основными законами міровой эволюціи и взаимоотношеніями міровыхъ элементовъ. Они подчинены процессу историческаго развитія и каждая предыдущая ступень является условіемъ для послѣдующей. Окончательнаго неизмѣннаго познанія не можетъ быть, какъ не можетъ быть окончательно неизмѣннаго человѣческаго и соціальнаго типа. Условіемъ изслѣдованія чего-либо оказывается постоянно *дан-*

ность его, его познанность. Внѣ познанія нѣтъ познанія [1]). Но и самое познаніе есть тоже данный фактъ, который приходится изслѣдовать относительно его связей съ другими данными. Абсолютное познаніе объекта есть такой же абсурдъ, какъ и познаніе абсолютнаго объекта, какъ самое понятіе абсолютнаго объекта Границы познанія лежатъ въ еще не познанномъ, а не въ познаніи, которое не было бы познаніемъ. Изъ этого отношенія между познаніемъ и познаннымъ слѣдуетъ лишь невозможность абсолютнаго познанія, но ничего положительнаго объ основныхъ признакахъ дѣйствительности, часть которой познаніе предсгавляетъ.

Познаніе, воля, чувство равно даны, какъ соподчиненныя основныя теченія человѣческаго сознанія. Опредѣляемыя безпрерывно соціальными взаимодѣйствіями между людьми, они развиваются въ трехъ широкихъ и тѣсно между собою по развитію и содержанію связанныхъ теченіяхъ теоретическаго мышленія, практическаго мышленія и эстетическаго творчества.

Практическое мышленіе развивается въ зависимости отъ развитія теоретическаго мышленія (на всѣхъ ступеняхъ въ свою очередь проникнутаго требованіями практической жизни) и отъ измѣненій соціальной жизни. Отъ узко эгоистическихъ и слѣпыхъ стремленій оно поднимается до болѣе связныхъ системъ цѣлей, основанныхъ на лучшемъ приспособленіи къ соціальной и остальной дѣйствительности. На ряду съ ограниченными принципами жизненной мудрости, указывающей пути къ матеріальному благосостоянію и къ счастью, религіозная и метафизическая нравственность устанавливаютъ возвышенные принципы любви и разума, не будучи однако въ состояніи ни примирить свои требованія съ необходимостями фактической жизни, ни доставить имъ условія ихъ осуществленія. Въ наше время подготовляются великіе перевороты въ практической жизни человѣчества. Совокупныя содержанія человѣческой воли начинаютъ преображаться подъ вліяніемъ одновременнаго проникновенія нашихъ отдѣльныхъ стремленій и цѣлей высокими руководящими принципами и сознаніемъ послѣднихъ, какъ тѣсно связанныхъ, не исключающихъ и не совершенно поглощающихъ, не безусловно согласныхъ и не безусловно противорѣчащихъ нашимъ конкретнымъ эмпирическимъ цѣлямъ. Вмѣсто утвержденія абсолютной цѣнности одной какой-нибудь цѣли и значенія всѣхъ остальныхъ лишь, какъ средствъ къ этой цѣли, начинаетъ приниматься каждая цѣль, именно въ своемъ качествѣ желаемаго.

[1]) См. ниже, статью: „Къ теоріи познанія“.

цѣннаго, какъ желательная сама по себѣ, независимо отъ служенія какой-нибудь другой цѣли. Затѣмъ эта цѣль сравнивается съ другими цѣлями въ отношеніи ея гармоніи, или противорѣчія съ ними. Цѣль болѣе изолированная, противорѣчащая большей массѣ другихъ цѣлей, оказывается подчиненною послѣднимъ. Желательность какой-нибудь цѣли опредѣляется степенью ея собственной желательности, эмоціональной цѣнностью ея и ея отношеніемъ къ другимъ цѣлямъ въ смыслѣ солидарности или дисгармоніи ея съ ними. Но при признаніи какой-либо цѣли основой нашихъ стремленій, желательность ея существенно видоизмѣняется подъ вліяніемъ соображеній, на основѣ нашихъ знаній природы, человѣка и общества, объ *осуществимости и реальныхъ послѣдствіяхъ осуществленія цѣли*. Желательная цѣль можетъ оказаться неосуществимой, или же ея осуществленіе можетъ повести за собой невозможность осуществленія другихъ желательныхъ цѣлей, или также облегчить осуществленіе послѣднихъ. Въ этой переоцѣнкѣ цѣлей на основаніи реальныхъ условій и послѣдствій ихъ осуществленія и заключается характерное отличіе практическаго мышленія и практической дѣятельности отъ эстетическаго переживанія и творчества. Послѣднія руководятся исключительно *внутреннею*, психическою цѣнностью нашихъ цѣлей, свобода—безпрепятственное теченіе внутреннихъ требованій психической жизни является для нихъ основнымъ (хотя и не единственнымъ) верховнымъ принципомъ. Практическая же жизнь проникнута требованіемъ *цѣлесообразности* — соотвѣтствія между цѣлью и средствомъ, между цѣлью и результатомъ, не достигаемыхъ иначе чѣмъ черезъ познаніе реальныхъ условій, въ которыхъ наши цѣли возникаютъ и реализуются.

Метафизическія попытки понять человѣческія цѣли изъ единой міровой, нечеловѣческой цѣли, или подчинить ихъ всѣ осуществляемой человѣчествомъ абсолютно единой цѣли, теряютъ все болѣе и болѣе почву подъ ногами. Дѣйствительность создала различныя формы цѣлей и самое сохраненіе ихъ неизбѣжно доказываетъ существованіе въ ней условій ихъ удовлетворенія. Но достиженіе цѣли не значитъ проникновеніе ею дѣйствительности такъ, что дѣйствительность начинаетъ содержать въ себѣ лишь то, что составляло содержаніе стремленія; цѣль реализуется въ средѣ — естественной и соціальной,—оказывающей своимъ собственнымъ содержаніемъ, своими собственными безсознательными и сознательными «цѣлями» противодѣйствіе измѣняющимъ вліяніемъ дѣйствующаго на нее. Достиженіе цѣли означаетъ поэтому измѣненіе дѣйствующаго и среды стремленіемъ къ осуществленію и осуществленіемъ цѣли.—въ смыслѣ со-

зданія другихъ условій для стремленія къ другимъ цѣлямъ и другихъ условій для осуществленія ихъ въ средѣ, опредѣленныхъ уже не одними лишь прежними качествами среды и дѣйствующаго, но и новыми качествами. Всякая цѣль является, такимъ образомъ, не конечнымъ результатомъ, которымъ окончательно долженъ опредѣлиться міровой процессъ и окончательно успокоиться дѣятельность желающаго, а лишь факторомъ измѣненія космическихъ и соціологическихъ условій дальнѣйшаго развитія. Реализуясь, цѣль перестаетъ быть цѣлью и уступаетъ мѣсто новымъ цѣлямъ. Всякое достиженіе цѣли есть также преодолѣніе цѣлевого желательнаго характера этой цѣли. Въ области науки то же самое. Разрѣшенная проблема перестаетъ быть проблемой и уступаетъ мѣсто другимъ проблемамъ. Принципъ, стремящійся быть проведеннымъ въ какой-нибудь области знанія, перестаетъ быть принципомъ въ той самой мѣрѣ, какъ онъ проводится въ деталяхъ изслѣдованія, и изъ мышленія вытекаютъ уже другіе принципы, въ свою очередь стремящіеся быть проведенными и въ свою очередь видоизмѣняющіеся.

Системы существующихъ въ человѣчествѣ цѣлей не показываютъ абсолютнаго единства, но это не мѣшаетъ имъ образовывать различныя тѣсныя группы однородныхъ и солидарныхъ цѣлей, показывать различныя ступени желательности. Іерархія цѣнностей различныхъ цѣлей имѣетъ разнообразнѣйшія и измѣнчивыя структуры, смотря по ступени умственнаго и нравственнаго развитія личности, высоты развитія и формъ соціальной жизни, естественныхъ условій удовлетворенія матеріальныхъ потребностей. Между личностями и группами происходятъ споры и борьба о мѣстѣ, занимаемомъ опредѣленной группой цѣлей въ іерархіи цѣлей. Борьба классовъ и политическихъ партій основывается не только на противоположеніи одинаковыхъ интересовъ, но и на различіи *оцѣнокъ* различныхъ областей дѣятельности и дѣйствительности, дѣлаемыхъ этими партіями на основаніи различныхъ внѣшнихъ условій жизни и различныхъ ступеней и направленій психическаго развитія. Надъ этой безпрерывной и медленной взаимной критикой оцѣнокъ въ соціальной жизни поднимается дѣятельность моралистовъ и законодателей, философовъ и ученыхъ, дающихъ обществамъ переоцѣнки ихъ цѣлей на основаніи углубленнаго проникновенія въ какую-нибудь сторону или область дѣйствительности, или интенсивнаго перечувствованія какой-нибудь изъ цѣлевыхъ массъ, данныхъ въ соціальной жизни. Имъ не удается подчинить своимъ оцѣнкамъ дѣятельность всего человѣчества — слишкомъ ограничено, односторонне, временно, индивидуально ихъ положеніе

въ мірѣ. Всевозможныя комбинаціи цѣлей въ различныхъ іерархическихъ положеніяхъ существуютъ одна возлѣ другой, дополняются, борются, осуществляются, измѣняются, передвигаются; всѣ цѣли реализуютъ себя и реализуютъ другія цѣли — ни одна не реализуетъ только себя и вполнѣ себя, каждая реализуется вмѣстѣ съ другими цѣлями, отчасти ей противоположными, ее уничтожающими, во всякомъ случаѣ—никогда не сливающимися въ одно общее теченіе, въ реализацію абсолютно единаго, абсолютно желательнаго и верховнаго идеала. Совершенство скрыто отъ нашихъ взоровъ. Мы не можемъ ни къ нему стремиться, ни осуществлять его. Совершенствованіе есть наша послѣдняя высшая задача. Но совершенствованіе исключаетъ самодовлѣніе какой-либо изъ цѣлей — безграничное господство одной какой-либо цѣли надъ всѣми остальными. Оно исключаетъ также внутреннюю безцѣнность всякихъ отдѣльныхъ системъ цѣлей, вытекающихъ изъ ихъ оцѣнки, лишь какъ средствъ къ единой высшей цѣли. Всякая цѣль носитъ свою цѣнность въ себѣ. Эта цѣнность не абсолютна, цѣль не безусловно желательна. Поэтому она перестаетъ быть желательной, какъ только она осуществлена. Всякая цѣль несовершенна, всякая цѣль должна быть преодолѣна — но черезъ ея осуществленіе. Осуществленіе какихъ цѣлей должно быть предпочтено, какія цѣли являются въ іерархіи высшими, какія менѣе высокими, но допустимыми; какія цѣли должны быть подавлены, потому что противорѣчатъ безусловно высшимъ и существеннымъ цѣлямъ—это должна установить критическая мысль на основаніи внутренней оцѣнки различныхъ цѣлей мѣриломъ душевной жизни развитой личности и переоцѣнки ихъ въ виду устанавливаемыхъ наукой и логическимъ мышленіемъ реальныхъ условій и послѣдствій ихъ осуществленія въ различныхъ областяхъ дѣйствительности. Установленныя высшія цѣли, не будучи безусловными и исключительными мѣрилами всѣхъ остальныхъ цѣлей, смогутъ, если мы придемъ къ установленію не одной, а нѣсколькихъ высшихъ цѣлей — что весьма вѣроятно, разъ мы признали, что не всѣ пути человѣческой дѣятельности идутъ въ совершенно единомъ направленіи — быть одинаково желательными, и будутъ признаны нами высшими на основаніи слѣдующаго критерія. *Мы будемъ признавать одинаково высшими цѣлями такія, осуществленіе которыхъ не перестаетъ быть безусловно желательнымъ даже тогда, когда осуществленіе другой, безусловно значительной цѣли противорѣчитъ и ограничиваетъ ихъ осуществленіе.* Высшимъ же цѣлямъ подчиненными мы будемъ считать такія цѣли, осуществленіе которыхъ перестаетъ желаться тогда и въ томъ смыслѣ, когда и въ какомъ

онѣ оказываются противорѣчащими и исключенными другими цѣлями, признанными болѣе желательными. Такимъ образомъ, критеріемъ для іерархическаго распредѣленія цѣлей является *степень желательности цѣли, несмотря на ея противорѣчія съ другими цѣлями и ограниченія ими стремленія къ ней, установленная на основѣ познанія совокупности реальныхъ условій и послѣдствій ихъ осуществленія.* Что съ подобнымъ критеріемъ нельзя установить абсолютной системы цѣлей — ясно изъ предыдущаго. Индивидуальныя познанія постоянно ограничены и подлежатъ совершенствованію. Индивидуальная психическая жизнь не можетъ быть мѣриломъ всѣхъ сосуществующихъ и будущихъ координацій чувствованій и стремленій. Условія практическаго осуществленія цѣлей, наконецъ, сами измѣняются, главнымъ образомъ, вмѣстѣ съ измѣнчивой и прогрессирующей соціальной жизнью, въ меньшей степени въ связи съ измѣненіями естественной и біологической структуры, среды и самаго человѣка. Но эта система цѣлей не можетъ также на основаніи установленныхъ критеріевъ привести къ какой-нибудь *абсолютной* высшей цѣли. Цѣль должна быть *желательна и мыслима.* Но абсолютная цѣль не можетъ быть желательна, потому что не можетъ быть мыслима, а не можетъ быть мыслима потому, что не можетъ быть цѣлью, содержаніемъ стремленія, перестающаго быть по самому своему понятію стремленіемъ, какъ только оно реализуется. Самое существованіе мысли и цѣлей исключаетъ существованіе абсолютнаго, мышленіе абсолютнаго, стремленіе къ абсолютному. Понятіе абсолютнаго является функціей стремленія человѣка къ безграничному самосохраненію, принимающей въ различныхъ направленіяхъ человѣческой дѣятельности разнообразнѣйшіе, тончайшіе и неуловимые оттѣнки. Метафизическое понятіе абсолютнаго бытія, этическое понятіе абсолютнаго блага, эстетическое понятіе абсолютной красоты суть только высшія формы во всѣхъ областяхъ индивидуальной и соціальной жизни проявляющагося стремленія брать *себя—свою* жизнь, *свои* вкусы, *свои* интересы, *свои* потребности, *свои* взгляды, *свои* страданія, *свои* требованія, *свои* силы, *свое* преобладаніе мѣриламп и опредѣлителями всего вокругъ насъ вертящагося бытія. Великое преобразованіе душевной жизни человѣчества соціальной жизнью выводитъ его постепенно изъ біологической централизаціи организма, какъ фокуса сохраненія, и приводитъ его къ тому, что въ новыхъ формахъ, подготовляемыхъ развитіемъ сознанія, онъ перелагаетъ центръ тяжести отношенія къ міру изъ индивидуума, въ современномъ значеніи слова, въ болѣе сложную—одновременно болѣе централизованную и болѣе расчлененную—систему, къ возникновенію которой мы можемъ стремиться

посредствомъ намъ доступныхъ идеаловъ, но которой мы не можемъ себѣ представить и съ которой не можемъ отождествить что-либо нами испытанное или для насъ мыслимое. Уничтоженіе понятіе абсолютнаго въ философіи является однимъ изъ посредствующихъ членовъ въ подготовленіи этого великаго преобразованія.

Сказаннымъ еще не дано *содержаніе* высшихъ и подчиненныхъ цѣлей и отдѣльныхъ нормъ человѣческой дѣятельности въ различныхъ областяхъ дѣйствительности. Установленіемъ этихъ цѣлей и нормъ занимаются этика и практическія соціальныя науки — политическая экономія, юриспруденція, политика,—далѣе различныя прикладныя науки, какъ технологія, гигіена, терапія и т. д. Практическое мышленіе происходитъ почти безпрерывно въ обыденной сознательной жизни. Научныя свѣдѣнія, ежедневный опытъ, установленныя правила и привычки и логическое мышленіе ведутъ насъ въ большинствѣ случаевъ къ быстрому и однозначному выбору и рѣшенію. Сложныя же и трудныя рѣшенія представляются въ меньшинствѣ въ теченіе обыденной жизни. Чтобы не оставить общія методологическія положенія теоріи совершенствованія—преодолѣнія цѣлей черезъ стремленіе къ ихъ осуществленію, какъ высшаго принципа практической дѣятельности (такъ же, впрочемъ, какъ и дѣятельности теоритической и эстетическаго творчества)—укажемъ на основные принципы нравственности, къ которымъ приходитъ перфекціонизмъ, и на результаты приложенія ограничивающей и признающей въ своей ограниченности цѣнность противоположныхъ цѣлей критической оцѣнки послѣднихъ къ вопросамъ экономическимъ, политическимъ и правовымъ. Принципы блага человѣчества, личнаго счастья и господства разума надъ чувствованіями и волей возводятся этическими системами каждый въ единственный и верховный принципъ нравственной дѣятельности. Благо человѣчества могло бы быть такимъ принципомъ, если бы существовали для всего человѣчества одинаковыя условія удовлетворенія ихъ потребностей, если бы человѣчество видѣло свое благо въ однородномъ, опредѣленномъ для всѣхъ одинаковомъ состояніи и если бы это для всѣхъ одинаковое благо было для всѣхъ достижимо. И дѣйствительно, психологическія основы этого принципа и заключаются въ обращеніи вниманія на элементарныя общечеловѣческія потребности, удовлетворить которыя требуетъ сколько-нибудь развитое чувство гуманности. Принципъ блага человѣчества выступаетъ обыкновенно въ связи съ демократическими и утилитарными требованіями и получаетъ только черезъ послѣднія опредѣ-

ленный смыслъ. Какъ верховный этическій принципъ, какъ однозначный критерій нравственной дѣятельности, онъ не выдерживаетъ критики. Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей человѣчества достигалось и достигается до сихъ поръ черезъ стремленія къ достиженію различныхъ цѣлей соціальной жизни и борьбу между ними. Какъ въ органической природѣ, индивидъ и въ обществѣ не является самоцѣлью, если соціальная эволюція и управляется отличными отъ органической эволюціи законами. И въ обществѣ слабые подавляются сильными, удовлетвореніе однѣхъ потребностей связано съ неудовлетвореніемъ другихъ, и удовлетвореніе потребностей однихъ личностей часто связано съ неудовлетвореніемъ потребностей другихъ. Съ дифференціаціей общества благо человѣчества теряетъ всякую опредѣленность: благо одного не есть благо другого или безразлично для другого. Принципъ блага человѣчества не даетъ указанія на то, какое изъ различныхъ благъ человѣчества—если существуютъ различныя блага и невозможно одновременно стремиться ко всѣмъ—должно быть предпочтительно положено въ основу нравственной дѣятельности—удовлетвореніе ли эстетическихъ и этическихъ потребностей, или удовлетвореніе потребностей матеріальныхъ и эгоистическихъ. Единственный критерій, непосредственно вытекающій изъ принципа блага человѣчества, лежалъ бы въ требованіи удовлетворенія потребностей большинства людей вообще. Но чѣмъ шире кругъ людей, потребности которыхъ надо принять во вниманіе при размышленіямъ объ ихъ удовлетвореніи, тѣмъ болѣе должны мы апеллировать къ чувствованіямъ, не непосредственно основаннымъ на этихъ потребностяхъ, ихъ ограничивающимъ, имъ противорѣчащимъ. Мы должны апеллировать къ нравственнымъ чувствованіямъ и волѣ, требовать сотрудничества и солидарности—мы должны хотѣть возникновенія въ человѣчествѣ другихъ потребностей, кромѣ матеріальныхъ, и въ противовѣсъ послѣднимъ. Принципъ блага большинства, положенный въ основу нравственной дѣятельности, тотчасъ же выводитъ за свои предѣлы и приводитъ къ другимъ принципамъ. Намъ приходится признать культивированіе и удовлетвореніе другихъ потребностей, кромѣ матеріальваній любви и справедливости—желательными и высшими, и цѣль удовлеваній любви и справерливости—желательными и высшими, и цѣль удовлетворенія матеріальныхъ потребностей человѣчества переходитъ въ другую цѣль — удовлетвореніе матеріальныхъ и *духовныхъ* потребностей — всюду, гдѣ имѣется болѣе высокая оцѣнка духовныхъ потребностей по сравненію съ матеріальными и, поэтому, болѣе высокая оцѣнка развитаго меньшинства по сравненію съ неразвитымъ большинствомъ. Удовлетвореніе же матеріальныхъ потребностей большинства перестаетъ

быть конечнымъ идеаломъ; оно должно вытекать изъ этическихъ стремленій меньшинства, какъ основы его цѣнности, и изъ стремленія удовлетвореніемъ матеріальныхъ потребностей сдѣлать возможнымъ умственное и нравственное развитіе широкихъ массъ и этимъ устранить ограниченность условій развитія, заключенныхъ въ тѣсныхъ соціальныхъ группахъ, и препятствія высшему развитію, вытекающія изъ низкаго уровня развитія широкихъ массъ, ихъ непониманія и не сочувствія требованіямъ высшаго развитія.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ требованію роста любви въ человѣчествѣ. Любовь—это стремленіе удовлетворить жизненнымъ требованіямъ другого человѣка на основаніи проникновенія этими требованіями, солидарнаго переживанія жизненнаго процесса этого человѣка. Познаніе и любовь взаимно обусловливаютъ другъ друга. Какъ для познанія необходима любовь—проникновеніе и углубленіе въ предметъ должно доставлять наслажденіе,—такъ для любви необходимо познаніе—жизненныя требованія другого человѣка не могутъ быть предметомъ стремленія безъ проникновенія ими. Но взаимное переживаніе жизненныхъ процессовъ другихъ людей лежитъ въ самой основѣ общественной жизни. Соціальный прогрессъ состоитъ въ ростѣ, расчлененіи и углубленіи солидарнаго переживанія между людьми. Условія, необходимыя для подавленія злоупотребленія, ненависти и борьбы между людьми, съ необходимостью приводятъ къ требованіямъ любви, солидарности между людьми. Увеличеніе человѣческой солидарности, увеличеніе любви между людьми, является безусловнымъ нравственнымъ требованіемъ. Всякій фактъ любви и все, что ведетъ къ созданію внутренней способности обширной и углубленной любви, одобряются нравственнымъ сознаніемъ, какъ безусловно должное всюду, гдѣ они встрѣчаются, и являются требованіемъ, ставимъ къ собственнымъ поступкамъ—все равно удовлетворяютъ они, или нѣтъ, этимъ требованіямъ. Но именно отсутствіе постоянной возможности удовлетворять безусловное требованіе любви приводитъ къ отрицанію ея *единственной*, безусловной желательности. Сочувствіе, или состраданіе, связанное съ переживаніемъ тѣлесныхъ немощей и тѣлесныхъ потребностей—голода и холода, нужды въ опорѣ и убѣжищѣ—другихъ людей, являются лишь очень смѣшанными проявленіями любви. Солидарное переживаніе ограничивается сочувствіемъ этимъ тѣлеснымъ состояніямъ, разница условій и содержаній жизни заставляетъ противопоставлять себя сострадаемому и во всемъ отношеніи къ міру руководиться не принципомъ любви, а эгоистическими требованіями собственнаго счастья, сохраненія, довольства. Даже въ самое состраданіе входятъ антагонистическіе страдающему элементы удовлетворенія своимъ

собственнымъ благосостояніемъ и возможностью помочь. И это отрицаніе принципа любви въ самихъ попыткахъ его осуществленія лежитъ въ самихъ ея основаніяхъ. Любовь имѣетъ мѣсто въ отношеніи существа, внѣ насъ стоящаго; утвержденіе его жизненнаго процесса не есть утвержденіе нашего, и наоборотъ. Съ точки зрѣнія различныхъ центровъ любви, ею требуется и изъ нея вытекаетъ противоположное. И подобное отношеніе не приводитъ къ абсолютной солидарности, потому что послѣдняя фактически не существуетъ и нѣтъ возможности ее осуществить. Жизненные процессы различныхъ людей имѣютъ разныя требованія и разныя внутреннія и внѣшнія возможности удовлетворенія этихъ требованій. Они имѣютъ также различныя цѣнности. Существуютъ люди развитые, любящіе, здоровые, и существуютъ неразвитые, эгоистичные, больные, вырождающіеся. Отношенія между людьми различаются по степени взаимнаго пониманія, сочувствія и содѣйствія, и по степени взаимной солидарности или диссолидарности по отношенію къ внѣшней, соціальной и несоціальной средѣ. Требованіе неограниченнаго, безпрестаннаго и исключительнаго руководства принципомъ любви въ нашей дѣятельности приводитъ поэтому къ невозможнымъ абсурдамъ. Здоровый человѣкъ долженъ принести себя въ жертву слабому и дряхлому, развитой и болѣе любящій человѣкъ долженъ подавлять свои требованія передъ требованіями неразвитого и эгоистичнаго человѣка. Болѣе тѣсная солидарность должна разрушиться, чтобы удовлетворить требованіямъ болѣе широкихъ и менѣе солидарныхъ круговъ. Все способное къ любви и активно любящее должно само себя уничтожить и оставить переживающими лишь отрицателей принципа любви во имя какъ разъ этого принципа. Таково слѣдствіе дѣйствительно неограниченно проведеннаго принципа любви къ человѣческой жизни. Безусловная желательность возможно высокой и активной любви къ человѣчеству и въ человѣчествѣ связана съ желательностью другихъ, ее ограничивающихъ, частью ее отрицающихъ, но такъ же, какъ она, *безусловно* желательныхъ принциповъ свободы и истины, которые мы сейчасъ разсмотримъ.

Противорѣчивость выводовъ изъ принципа любви, какъ дѣйствительно неограниченно управляющаго человѣческими поступками, не ускользнула отъ вниманія моралистовъ. Они указываютъ на врожденное всякому человѣку стремленіе къ собственному сохраненію или счастью. Естественный эгоизмъ представляетъ энергическій противовѣсъ альтруистическимъ инстинктамъ, послѣдніе слабѣе перваго и нечего бояться ихъ перевѣса—нужно стремиться къ такому ихъ усиленію, чтобы между ними и эгоизмомъ образовалась гармонія, больше всего соотвѣтствующая усло-

віямъ общественнаго блага. Стремленіе къ счастью является, такимъ образомъ, по мнѣнію этиковъ, также руководящимъ принципомъ нравственной дѣятельности. Не будемъ здѣсь останавливаться на совершенно несостоятельныхъ попыткахъ вывести требованіе любви изъ эгоистическихъ стремленій къ счастью и разумнаго расчета различныхъ источниковъ его достиженія, или на выведенномъ опять-таки изъ стремленія каждаго къ счастью моральномъ принципѣ наибольшаго счастья наибольшаго числа, котораго мы коснулись выше, а посмотримъ лишь, можетъ ли быть личное счастье положено, какъ основное требованіе, *рядомъ* съ требованіемъ любви. По моему мнѣнію, понятіе счастья неудовлетворительно характеризуетъ совокупность тѣхъ стремленій, которыя не противополагаются всецѣло въ средствахъ и послѣдствіяхъ ихъ удовлетворенія требованіямъ любви, но сами разсматриваются, какъ послѣднимъ не подчиненныя, равноправныя цѣли. Счастье означаетъ удовольствіе, наслажденіе, удовлетворенность и вытекаетъ изъ безпрепятственнаго теченія нашихъ жизненныхъ процессовъ, изъ соотвѣтственнаго органамъ, ихъ силамъ и ихъ подготовкамъ функціонированія ихъ. Но изъ послѣдняго вытекаютъ въ высоко дифференцированныхъ обществахъ (въ которыхъ, впрочемъ, только и *возникаетъ* индивидуальное стремленіе къ счастью) еще и другія чувствованія и требованія, кромѣ удовольствія, наслажденія и т. п. Потребности познанія и эстетическаго созерцанія, въ которыхъ личность сильнѣе всего противополагается требованіямъ самоотверженія, имѣютъ въ результатѣ гораздо болѣе сложное чувствованіе, чѣмъ чувствованіе счастья. Въ личности можетъ даже образоваться презрѣніе къ счастью, ко всякимъ чувствованіямъ, доставляемымъ столь простыми объектами, что содержаніемъ стремленія и является самое наслажденіе, самое счастье, а вовсе не объектъ. Въ ней можетъ возникнуть требованіе стремленія къ такимъ дѣятельностямъ и состояніямъ, которыя приносятъ съ собою чувствованіе, достигаемое не иначе, чѣмъ черезъ нихъ въ ихъ собственномъ характерномъ содержаніи, а не черезъ общія и безцѣнныя направленія нашихъ чувствованій. Личность можетъ поставить свои требованія погруженія въ художественное творчество и созерцаніе, или въ теоретическое мышленіе мѣрилами своего «счастья», а не взять «счастье» мѣриломъ для установленія желательности или нежелательности какихъ-либо содержаній. Какъ принципъ человѣческаго блага, ясно продуманный, приводитъ къ требованію любви къ человѣчеству, такъ и принципъ счастья приводитъ къ преодолѣнію его въ высшемъ требованіи, основанномъ на различіи и разноцѣнности условій и содержаній счастья. Такимъ требованіемъ является принципъ *свободы*— безпрепятственнаго осуществленія внутреннихъ потребностей человѣче-

ской личности во всемъ своеобразіи этихъ потребностей. Какъ и принципъ любви, принципъ свободы не можетъ быть мыслимъ, какъ единственно и неограниченно опредѣляющій нашу дѣятельность. Свобода одного не совпадаетъ со свободой другого. Сильный долженъ былъ бы совершенно подавлять слабаго. Между сильными должна была бы происходить борьба и взаимное отрицаніе свободы. Разложеніе общества и исчезновеніе этимъ возможности какому бы то ни было человѣку удовлетворять свои потребности, или всеобщая рабская подчиненность тиранамъ, были бы необходимыми послѣдствіями неограниченнаго дѣйствія принципа свободы. Но въ реальности соціальной жизни свобода оказывается, такъ же, какъ и любовь, безусловно желательнымъ отношеніемъ къ людямъ. Ограниченіе свободы, какъ и органиченіе любви, если и признаются необходимыми, считаются тѣмъ менѣе должными, желательными, чѣмъ выше потребности, удовлетвореніемъ которыхъ личности дана свобода, и чѣмъ выше содержаніе и степень взаимнаго переживанія, на которыхъ любовь основана.

Увеличеніе матеріальныхъ и психическихъ возможностей любви и свободы достигается человѣчествомъ черезъ проникновеніе въ законы и процессы природы, человѣка и общества, черезъ измѣненіе душевной жизни развитіемъ сознанія и созданіе при помощи познанныхъ отношеній дѣйствительности лучшихъ условій сохраненія и взаимодѣйствія между личностями. Отсюда возникаетъ въ человѣческомъ обществѣ требованіе познанія міра, требованіе знанія истины, какъ источника удовлетворенія всѣхъ идеальныхъ стремленій человѣка. Познаніе, дѣятельность разума является такимъ могучимъ факторомъ стремленія къ нравственнымъ идеаламъ и ихъ осуществленія, что этическая мысль философовъ, посвящающихъ всю свою жизнь изслѣдованію истины и истинно должнаго, въ самомъ своемъ началѣ пришла къ утвержденію разума, какъ высшаго принципа нравственной дѣятельности, съ отрицаніемъ одновременно возникающихъ принциповъ личнаго счастья и блага ближняго, какъ высшихъ принциповъ. Разумъ, какъ высшій принципъ, берется то въ смыслѣ погруженія въ познаніе истины и уничтоженія всевозможныхъ аффектовъ и стремленій (Будда, стоики, Спиноза), то въ смыслѣ требованія исключенія изъ нравственной дѣятельности всякихъ мотивовъ чувственнаго и утилитаристическаго характера. Ни въ той, ни въ другой формѣ познаніе не можетъ быть признано *единственнымъ* верховнымъ принципомъ человѣческой дѣятельности, а его безусловная желательность возлѣ другихъ этическихъ принциповъ должна быть точнѣе установлена.

Къ теоріи познанія.

Общая точка зрѣнія.

Установимъ въ немногихъ словахъ точку зрѣнія, которою опредѣляется наше критическое отношеніе къ современной метафизикѣ и теоріи познанія.

Мы, во-первыхъ, энергически возстаемъ противъ утвержденія, что сущность міра имѣетъ психическій характеръ. Это одушевленіе всего сущаго есть не что иное, какъ остатокъ первобытнаго анимизма, пережитокъ,— какъ это показалъ Тайлоръ, какъ это утверждаютъ Махъ и Авенаріусъ. Оно основано на сознательной подстановкѣ психическихъ фактовъ на мѣсто въ цѣломъ еще непознанныхъ условій космическихъ измѣненій—«силъ», предпринятой изъ-за религіозныхъ мотивовъ и ложныхъ положеній въ области теоріи познанія. Мы принимаемъ существованіе сознанія тамъ, гдѣ оно для насъ несомнѣнно дано или гдѣ обстоятельства заставляютъ насъ съ необходимостью заключать объ его существованіи. Мы отрицаемъ его вполнѣ, говоря конкретно, въ мірѣ неорганическомъ. Мы отрицаемъ далѣе, что совокупность міровыхъ отношеній можетъ быть характеризована словами: организмъ или общество, если будемъ употреблять эти слова въ общепринятомъ смыслѣ. Организмъ, общество суть характерныя свойства извѣстныхъ формъ мірового процесса: объектовъ біологіи и соціологіи. Міръ неорганическій не даетъ основаній примѣнять къ нему эти термины. Мірювой процессъ не есть поэтому также цѣликомъ процессъ солидаризаціи существъ черезъ возвышеніе ихъ ко все высшему сознанію; этотъ процессъ солидаризаціи является только *частью, одною изъ чертъ* мірового процесса, основнымъ характеромъ котораго на ряду съ солидарностью является также диссолидарность. Забывать послѣднюю, значитъ поступать въ философіи на подобіе отдѣльныхъ наукъ: отвлекаться отъ нѣкоторыхъ сторонъ дѣйствительности, игнорировать ихъ и изслѣдовать нѣкоторыя другія ея стороны, т.-е. именно не выполнить существеннѣйшей задачи философіи: универсальнаго синтеза дѣйствительности.

Солидаризація міровыхъ отношеній представляется намъ слѣдствіемъ подобной тенденціи не въ міровомъ процессѣ, взятомъ какъ цѣлое, а въ отдѣльныхъ элементахъ послѣдняго. Въ диссолидарномъ, проникнутомъ по всѣмъ направленіямъ антагонистическими тенденціями процессѣ бытія даны тутъ и тамъ условія солидаризаціи отношеній. Этотъ процессъ опредѣляется одновременно обоими этими фактами: диссолидарностью цѣлаго и присутствіемъ въ немъ условій солидаризаціи. Происходитъ развитіе или усложненіе существующихъ отношеній и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ солидаризація въ диссолидарной средѣ. Въ послѣдней развитіе происходитъ въ свою очередь въ солидарномъ и диссолидарномъ направленіи. Возникаетъ въ процессѣ развитія и человѣчество, вмѣстѣ съ нимъ культура, право, нравственность, религія, искусство, наука, философія. Развитіе человѣчества опредѣлено всѣми факторами космическаго процесса: оно есть солидаризація міровыхъ отношеній, съ высшей достигнутой въ міровомъ процессѣ точки солидарности, въ болѣе или менѣе диссолидарной, болѣе или менѣе солидарной міровой средѣ. Достиженіе высшей солидарности внутри человѣческихъ обществъ, которая намъ представляется въ конечномъ своемъ результатѣ въ видѣ соціальнаго организма высшаго порядка (о которомъ мы себѣ не можемъ, однако, образовать никакого конкретнаго представленія) и дальнѣйшая солидаризація совокупности міровыхъ отношеній черезъ человѣчество представляются намъ тенденціями историческаго процесса, тенденціями, перекрещивающимися съ другими болѣе или менѣе антагонистическими тенденціями—слѣдствіями міровой диссолидарности.

Высшими орудіями солидаризаціи являются для насъ наука и научная философія.

Въ послѣднихъ мы видимъ высшее откровеніе сущности мірового процесса, но наше понятіе о научной философіи различается отъ понятія современныхъ метафизиковъ. Философія является для насъ не какимъ-либо болѣе глубокимъ и особеннымъ проникновеніемъ въ сущность вещей, не добавленіемъ къ результатамъ науки новыхъ результатовъ—о духовной сущности міра въ данномъ случаѣ,—также не особеннымъ родомъ познанія мыслящаго субъекта въ его отношеніи къ остальному бытію. Подъ философіей мы понимаемъ: 1) тѣ изъ наукъ, которыя, вслѣдствіе наивысшей сложности своихъ объектовъ, принуждены пользоваться при своемъ изслѣдованіи результатами всѣхъ другихъ наукъ и, въ стремленіи вполнѣ понять эти свои объекты, приводятся къ начертанію полной картины мірового

процесса. Такія науки суть *психологія и соціологія съ ея вершиной—соціальной психологіей.* 2) Науку, изслѣдующую на основаніи совокупности добытаго званія, *возможность, пути и направленія совершенствованія человѣческаго знанія вообще, и высшаго, уже имѣющагося знанія, въ особенности.* Этимъ занимались и занимаются традиціонная *теорія познанія и логика.* 3) Наконецъ, философія должна себѣ ставить задачу *критическаго изслѣдованія идеаловъ, цѣлей, нормъ и условій нравственной жизни.* Это представляетъ предметъ нормативной науки, опирающейся на соціальную психологію (а черезъ послѣднюю на совокупность всѣхъ другихъ наукъ), *этики.* Вслѣдствіе смѣшенія нравственно должнаго, какъ субъективнаго элемента дѣйствительности, съ объективно существующимъ, смѣшенія идеала съ бытіемъ, религіозная и метафизическая этика до сихъ поръ не въ состояніи правильно поставить задачи этой науки. Для нихъ дѣйствительность представляетъ разъ навсегда данный и уже реальный нравственный міровой порядокъ, будь то въ сверхчувственномъ мірѣ неземного бытія, будь то въ нашемъ опытномъ мірѣ. Задачи морали заключаются для нихъ въ простой, болѣе или менѣе догматической формѣ, или же въ формѣ строгихъ логическихъ слѣдствій «изъ міровыхъ началъ», установкѣ правилъ жизни, ко всѣмъ и независимо отъ обстоятельствъ и условій примѣнимыхъ. Для насъ явленіе нравственности представляется само въ себѣ уже очень разнообразнымъ и разнороднымъ, еще менѣе мы приписываемъ міровому порядку, какъ цѣлому, какую-либо нравственность. Первой задачей этики является поэтому установить при посредствѣ критики появившихся въ исторіи нравственныхъ идеаловъ и нравственностей, *что* мы должны признать безусловно нравственнымъ идеаломъ, *какая* изъ многочисленныхъ возможныхъ системъ дѣйствій является нравственною, какъ должна организоваться *нравственная* жизнь въ виду разнообразія міровыхъ отношеній, ступеней развитія, условій солидарности и диссолидарности.

Если поэтому и мы думаемъ, что нравственность является наиболѣе совершеннымъ изъ реальныхъ, данныхъ осуществленій одной изъ тенденцій міровой эволюціи, то мы припишемъ это качество не всякой нравственности вообще, а различнымъ нравственностямъ въ различныхъ степеняхъ. Есть для насъ низшая и высшая нравственность съ различными переходными ступенями. Какая нравственность высшая, какая низшая—предстоитъ установить критической этикѣ научной философіи, опирающейся на наиболѣе глубокое пониманіе различныхъ теченій мірового процесса и тѣхъ его теченій, съ которыми данъ фактъ нравственности. Въ нашемъ случаѣ критеріемъ является степень внутренней и внѣшней солидарности.

Ясно также, что высшую степень этической цѣнности будетъ собою представлять критическая нравственность научно-философской этики.

Игнорируя различныя степени диссолидарности въ міровомъ процессѣ, различіе высоты ступеней достигнутой солидаризаціи и между ними самими и господствующей диссолидарности, соціологическое понятіе о мірѣ, проповѣдуемое въ настоящее время цѣлымъ рядомъ мыслителей *), лишается возможности совершеннаго пониманія происходящаго и должно прійти въ практическомъ примѣненіи ко множеству ложныхъ выводовъ и очень крупныхъ ошибокъ. Теоретическое несовершенство обнаруживается яснѣе всего въ практическомъ приложеніи, и односторонность имѣетъ на практикѣ самыя нежелательныя послѣдствія.

Что касается отношенія къ идеализму и позитивизму, то мы не только противъ мистическаго и скептическаго идеализма, какъ это явствуетъ изъ нашего отношенія къ наукѣ и научной философіи, но мы считаемъ также дѣломъ первой важности очищеніе философіи отъ господствующаго въ ней въ настоящее время почти съ силою догмата утвержденія: матеріальный міръ данъ намъ, какъ фактъ нашего сознанія, и дѣйствительно реаленъ только міръ психическій. Исторія положительныхъ наукъ и ежедневный опытъ практической жизни учатъ насъ, что въ нашихъ стремленіяхъ отличить постоянное отъ измѣнчиваго, дѣйствительное отъ иллюзорнаго, объективное отъ субъективнаго мы приходимъ къ распредѣленію совокупности нашего опыта по ступенямъ, изъ которыхъ на одномъ концѣ находится наиболѣе объективное, на другомъ—наиболѣе субъективное, а между крайними концами расположены, ближе или далѣе отъ того или другого конца, остальные факты нашего опыта. И что же оказывается наиболѣе объективнымъ? Фактъ математической механики: движеніе массы. Что наиболѣе субъективно? Чувствованія, настроенія, впечатлѣнія, вкусы. Между крайностями лежатъ цвѣта, звуки, температуры, воспріятія, воспоминанія, мышленіе, фантазія, желанія. Идеалистическая философія учитъ насъ другому: сознаніе—мышленіе, чувствованіе, стремленіе—вотъ для нея наиболѣе объективное, наиболѣе постоянное содержаніе дѣйствительности. Критикой этого ученія мы займемся подробно ниже. Укажемъ здѣсь только, какъ мы себѣ представляемъ истинное положеніе вопроса.

Въ данномъ цѣломъ нашего опыта мы находимъ насъ самихъ и окружающую насъ среду — людей, животныхъ, растенія, минералы, химическія и физическія тѣла. Вслѣдствіе извѣстныхъ условій нашего существо-

*) Fouillée, Durkheim, Paulhan, Espinas, Perrier и др.

ванія, въ разборъ которыхъ мы теперь не входимъ, у насъ возникаетъ желаніе изслѣдовать этотъ найденный нами міръ, нашу среду и насъ самихъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и зависимостяхъ, въ ихъ качествахъ и измѣненіяхъ, ихъ возникновеніи и исчезновеніи. Найти наиболѣе постоянное, наиболѣе элементарное во всѣхъ данныхъ фактахъ, повторяющееся наиболѣе часто во времени и въ пространствѣ, лежащее въ основѣ другихъ, болѣе сложныхъ и болѣе измѣнчивыхъ явленій — вотъ задача, которую человѣчество себѣ постоянно ставитъ и ставило въ своихъ попыткахъ понять міръ. Для изученія взаимныхъ связей между явленіями оно постоянно беретъ простѣйшіе случаи, отвлекается отъ сложныхъ и измѣнчивыхъ комбинацій, стараясь понять таковыя именно, какъ комбинаціи простѣйшихъ фактовъ и законовъ. Такимъ образомъ возникаетъ теорія эволюціи, по которой всѣ конкретныя формы неорганическаго міра и весь органическій міръ, включая человѣка, являются продуктами безконечно длиннаго процесса развитія — ряда варіацій первоначально однороднаго вещества. Она утверждаетъ, слѣдовательно, существованіе матеріальнаго міра независимо отъ человѣка и до него, понимая его самого, какъ продуктъ матеріальныхъ процессовъ на извѣстной ступени развитія.

Наука изучаетъ далѣе самого человѣка, какъ живой организмъ и чувствующее, мыслящее, желающее и дѣйствующее существо. Она констатируетъ зависимость всего его познанія, всѣхъ элементовъ его сознательной жизни, развитія науки, философіи, религіи, искусства, нравственности, права и т. д. отъ достигнутой имъ въ процессѣ мірового развитія ступени и отъ окружающей его естественной и соціальной среды. Наука, какъ и нравственность, оказываются измѣняющимися въ исторіи, истина оказывается впослѣдствіи ошибкой, неизвѣстное становится извѣстнымъ и, наоборотъ, прежде казавшееся извѣстнымъ оказывается впослѣдствіи неизвѣстнымъ и загадкой. Ощущенія требуютъ для своего существованія извѣстнымъ образомъ дифференцированныхъ органовъ чувствъ; пространство, время, движеніе, число могутъ быть представлены только, если даны условія для отчасти извѣстныхъ уже, отчасти неизвѣстныхъ еще очень сложныхъ біологическихъ процессовъ. Идеалистическая теорія познанія дѣлаетъ изъ этого глубоко ложный выводъ, что весь матеріальный міръ является какимъ-то фантомомъ, субъективнымъ фактомъ, «нашимъ представленіемъ» и что существуетъ намъ недоступная «вещь въ себѣ», или же, по мнѣніямъ другихъ, намъ открывающаяся въ природѣ нашего духа, какъ «разумъ» или «воля». Мы же дѣлаемъ изъ этого лишь то заключеніе, что наука представляетъ изъ себя развивающееся вмѣстѣ съ человѣчествомъ цѣ-

лое, и что нашей современной задачей является въ области знанія, какъ въ области практики, подготовленіе наступленія другихъ высшихъ формъ знанія жизни. Предугадать ихъ, понять ихъ структуру мы не можемъ, потому что не можемъ перешагнуть черезъ самихъ себя, представлять себѣ науку или жизнь, которая были бы функціями другихъ, нами еще не испытанныхъ и въ насъ самихъ не данныхъ жизненныхъ процессовъ. Въ этомъ и заключаются «границы» человѣческаго знанія. Наука будущаго лежитъ внѣ сферы нашего мышленія, предугадать результаты и формы будущей науки мы можемъ только въ смыслѣ именно «предугалыванія», а не въ смыслѣ самоперенесенія въ тѣ формы мышленія, въ которыхъ эти результаты будутъ достигнуты. Можетъ быть, вѣроятно даже, что математика, механика, химія, біологія будущаго существеннѣйшимъ образомъ будутъ отличаться отъ нашихъ наукъ съ этими именами, но онѣ примутъ эту новую форму не иначе, какъ черезъ наши попытки двигать эти науки изъ тѣхъ точекъ, въ которыхъ онѣ находятся въ настоящее время. Метафизика, критикующая несовершенство науки и неспособность ея дать окончательное міросозерцаніе, сама менѣе всего къ тому способна; вмѣсто того, чтобы двигаться отъ несовершеннаго къ болѣе совершенному, она отказывается отъ добытыхъ наукою результатовъ и идетъ назадъ къ болѣе примитивнымъ ступенямъ мышленія. Задача научной философіи заключается въ томъ, чтобы найти тѣ основныя понятія, которыя являются непоколебимѣйшими основами современнаго нашего мышленія о мірѣ, положить ихъ въ основу критическаго разсмотрѣнія добытыхъ наукою результатовъ съ цѣлью исключить сдѣланныя ошибки и измѣнить пути для дальнѣйшаго совершенствованія, давая въ системѣ элементарнѣйшихъ понятій и въ конкретной систематизаціи всѣхъ добытыхъ современной наукой результатовъ міросозерцаніе, содержащее на ряду съ элементами, подлежащими, по ея мнѣнію, дальнѣйшему совершенствованію, дополненію и уясненію, также такіе элементы, которые *она* можетъ *себѣ* представить лишь, какъ непоколебимыя и вѣчныя основы бытія. Такіе элементы представляютъ, по нашему мнѣнію, понятія *постоянства, отношенія, измѣненія*. Въ приложеніи къ мышленію и волѣ получаются категоріи *тождества, причинности, противорѣчія и цѣлесообразности*. Въ мірѣ матеріальномъ имъ подчинены категоріи *вещи, качества, движенія*. Движенія представляются, какъ *развитіе и разложеніе*. Послѣднія происходятъ въ *пространствѣ и времени*. Вещи являются *величинами*. Физическіе, химическіе, органическіе, психологическіе и соціологическіе процессы являются дальнѣйшими спеціализаціями мірового

процесса, представляющагося процессомъ солидаризаціи отношеній въ диссолидарной средѣ.

Остается еще характеризовать наше отношеніе къ позитивизму. Утвержденіе непознаваемаго имѣетъ въ немъ двойной источникъ: во-первыхъ, реакцію на метафизическія спекуляціи, какъ на попытки, не лишенныя реальнаго права на существованіе, но безплодныя вслѣдствіе ограниченности человѣческаго ума; во-вторыхъ—сознаніе относительности и условнаго характера современнаго положительнаго знанія. Для насъ метафизика исторически исполняла одно время функцію, приписываемую нами и научной философіи, посредствомъ обобщенія непоколебимѣйшихъ основъ бытія изслѣдовать основы и условія дальнѣйшаго совершенствованія нашего знанія, но въ настоящее время она является и въ своихъ утвержденіяхъ абсолютнаго бытія, вещи въ себѣ, и въ своихъ методахъ ретроградной. «Вещь въ себѣ» есть съ современной точки зрѣнія плодъ неудачныхъ попытокъ примиренія положительныхъ наукъ съ результатами критики познанія. О томъ, что относительность положительныхъ наукъ указываетъ на существованіе непознаннаго, неизвѣстнаго, но не непознаваемаго—мы уже говорили выше. Но мы не только признаемъ въ созданіи положительной науки о человѣческомъ обществѣ отцомъ позитивизма О. Контомъ великій прогрессъ человѣческаго мышленія, но соглашаемся также съ существомъ его воззрѣнія на психологію и понимаемъ единство науки въ томъ же смыслѣ, какъ его понималъ онъ, а не въ той формѣ, которую придаютъ этому ученію современные метафизики *). Психологія *является для насъ особымъ, чрезвычайно важнымъ методомъ изслѣдованія біологическихъ и соціологическихъ явленій.* Признавая возможность психологическаго наблюденія и анализа и считая, конечно, френологію Галля историческимъ курьезомъ, современная экспериментальная и физіологическая психологія ставитъ себѣ задачу констатировать факты сознанія и отыскивать вмѣстѣ съ физіологіей лежащіе имъ въ основаніи біологическіе процессы.

Подъ единствомъ наукъ Фуллье понимаетъ не только всеобщую связь всѣхъ міровыхъ явленій и господство въ нихъ отчасти тождественныхъ законовъ, но и единство психической субстанціи, лежащей имъ всѣмъ въ основаніи. Мы, напротивъ, думаемъ, что никакой подобной субстанціи не существуетъ и что универсальною связью явленій, общностью имъ всѣмъ извѣстныхъ чертъ и взаимодѣйствіемъ всѣхъ областей знанія въ содѣй-

*) Напримѣръ, Фулье. См. A. Fouillée. „Le mouvement positiviste et la conception sociologique de monde", 1896.

ствіи прогрессу каждой изъ нихъ исчерпываются все содержаніе единства наукъ.

Таковы руководящія идеи нашего изслѣдованія. Онѣ уяснятся и будутъ развиты въ разборѣ проблемъ непознаваемаго и познаваемаго.

Непознаваемое.

I.

Мы исходимъ изъ факта *данности* въ исторіи философіи, теологіи и науки и въ современныхъ продуктахъ этихъ областей утвержденія о существованіи съ одной стороны «непознаваемаго», «непознаннаго», съ другой — «познаваемаго» и «познаннаго». Въ произведеніи Рихарда Авенаріуса «Критика чистаго опыта», представляющемъ неисчерпаемый источникъ плодотворнѣйшихъ мыслей, всѣ содержанія (Aussagen) нашего сознанія, совокупность высказываемыхъ человѣкомъ мнѣній разсматриваются, какъ отдѣлы зависимыхъ витальныхъ рядовъ. Витальный рядъ—это группа процессовъ въ центральномъ органѣ нервной системы, отъ котораго зависятъ факты сознанія (System C). Процессы эти возникаютъ изъ колебанія жизненнаго равновѣсія системы С внѣшними или внутренними условіями, содержащимися въ его средѣ, и во взаимныхъ отношеніяхъ его составныхъ частей.

Нарушеніе равновѣсія представляетъ первый отдѣлъ витальнаго ряда, процессы, посредствующіе между нарушеніемъ и возстановленіемъ равновѣсія, составляютъ второй отдѣлъ, процессами возстановленія витальный рядъ заканчивается. Такъ какъ отъ витальнаго ряда системы С зависитъ сознаніе, то онъ называется независимымъ витальнымъ рядомъ, сознаніе же является совокупностью зависимыхъ витальныхъ рядовъ. «Познаніе» дано какъ заключительный отдѣлъ ряда: этотъ родъ рядовъ начинается «вопросомъ», «незнаніемъ», «удивленіемъ», «испугомъ» и т. п.; посредствующіе отдѣлы даны въ попыткахъ «отвѣтить» на вопросъ, «объяснить» явленіе, «узнать» его; наконецъ, «познаніе» его, сведеніе на «знакомое», «извѣстное», «понятное», «безопасное» и т. п. заканчиваетъ витальный рядъ. Непознанное является одной изъ безчисленныхъ модификацій основныхъ процессовъ и моментовъ независимаго и зависимаго витальныхъ рядовъ, данныхъ съ варьирующими комбинаціями объективныхъ и субъективныхъ (комплементарныхъ и систематическихъ—въ терминологіи Авенаріуса) условій. Оно характеризуетъ познанный объектъ въ его состояніи до познанія его и простирается на тѣ

«проблемы», которыя хотя еще и «не разрѣшены», но представляются «разрѣшимыми», «средства для разрѣшенія» которыми даны». Точно такъ же «познаваемое» обозначаетъ совокупность содержаній нашего опыта, разсматриваемыхъ въ ихъ отношеніи къ познанію, но не какъ познанныя въ данный моментъ. Но витальный рядъ далеко не всегда приходитъ къ своему заключительному пункту. Часто рядъ посредствующихъ процессовъ не достигаетъ конечнаго пункта и другой рядъ заступаетъ его, или витальный рядъ остается незаконченнымъ, давая съ собою болѣе или менѣе серьзное поврежденіе жизненнаго сохраненія. «Непознанное», «неизвѣстное», «непонятное» можетъ упорно противостоять всѣмъ попыткамъ «познанія», «сведенія на извѣстное», «пониманія». «Средства познанія» могутъ оказаться «непригодными», «проблема»—«превышающую нашу познавательную способность», «непознаваемою». Такимъ образомъ, «непознаваемое» является продуктомъ безплоднаго напряженія разрѣшить какую-нибудь «проблему» витальнымъ рядомъ, не могущимъ быть приведеннымъ къ конечному состоянію въ данномъ направленіи. Для существованія «непознаваемаго» должна существовать *проблема,* т. е. извѣстное отношеніе между двумя содержаніями должно быть дано въ видѣ «вопроса», «задачи», требующихъ разрѣшенія. Тогда сознаніе безплодности попытокъ разрѣшить ихъ будетъ дано въ формѣ характеризованія даннаго проблематическаго отношенія «непознаваемымъ».

Очевидно, что «непознаваемое бытіе», «абсолютно неизвѣстное» и т. п. не заключаютъ въ себѣ, какъ состоянія нашего сознанія, никакого противорѣчія. Содержаніе «проблемы» объ отношеніи элемента А къ элементу В—положимъ, къ «бытію», характеризуемое «непознаваемостью», не тождественно съ «утвержденіемъ» какого либо отношенія А къ В, положимъ «бытія» В. «Непознаваемое»—это характеристика нѣкоторыхъ объективныхъ элементовъ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ «познаваемое», «познанное», «непознанное», «неизвѣстное», «прекрасное», «истинное» и т. д., и т. д. характеризуютъ разнаго рода содержанія.

На различныхъ ступеняхъ развитія, у различныхъ индивидуумовъ, въ различныхъ условіяхъ мѣста и времени самыя разнообразныя содержанія могутъ получать одинаковыя и противоположныя характеристики «непознаваемаго» и «познаваемаго», «само собой понятнаго» и «загадочнаго». Наконецъ, характеристика «непознаваемаго» можетъ совершенно отсутствовать въ системѣ зависимыхъ витальныхъ рядовъ: все можетъ быть характеризовано, какъ «познаваемое» и понятіе непознаваемаго можетъ быть характеризовано, какъ плодъ «пессимистическаго» взгляда на человѣческій

умъ», «патологическаго злоупотребленія познавательными способностями». Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ все сущее можетъ прикрыться непроницаемымъ туманомъ, оказаться совершенно недоступнымъ человѣческому уму, «дѣлающему жалкія и безплодныя попытки проникнуть въ недоступныя для него сферы истины». Абсолютный догматизмъ и абсолютный скептицизмъ суть одинаково реальныя явленія исторіи мысли. Возникаетъ въ виду этого задача *критическая*. Необходимо попытаться опредѣлить, приложимо ли понятіе непознаваемаго къ области дѣйствительности? Если оно не приложимо, то какія причины побудили утверждать его, и въ чемъ заключается ихъ недостаточность для утвержденія непознаваемаго. Если непознаваемое существуетъ, то на какія проблемы простирается оно и на какія не простирается. Не является ли часть проблемъ слѣдствіями поисковъ такихъ отношеній между элементами, которыя мы можемъ признать несуществующими и такимъ образомъ *разрѣшить* эти проблемы въ отрицательномъ смыслѣ; не окажутся ли для насъ нѣкоторыя изъ «проблемъ» вовсе не «проблемами», и невозможность ихъ разрѣшенія не заставитъ насъ прибѣгать къ непознаваемому, такъ какъ у насъ не будетъ того содержанія, или того отношенія, которое характеризуется непознаваемымъ? Или, наконецъ, не окажутся ли для насъ проблемы якобы «непознаваемыя» лишь «непознанными», но «познаваемыми»? Комбинируя всѣ эти способы исключенія непознаваемаго, намъ можетъ быть удастся растворить совокупность утверждаемаго непознаваемымъ въ «несуществующемъ» съ одной, «ясномъ» и «познаваемомъ», съ другой стороны. И можетъ быть, достигнувъ этого, мы все-таки натолкнемся на проблему, которая окажется для насъ не только непознаваемой, но и сутью и основою всѣхъ предыдущихъ утвержденій непознаваемаго и, такимъ образомъ, введемъ новую фазу въ развитіи этого понятія или поставимъ его на новую почву.

Непознаваемымъ считалось и считается разными философами слѣдующее: 1) первоначальная причина и конечная цѣль всего бытія: смыслъ физическихъ, органическихъ и историческихъ явленій; 2) сущность матеріи и силы, а также сущность психическихъ явленій (Кантъ); 3) отношеніе между движеніемъ и ощущеніемъ, между тѣломъ и душой, между бытіемъ и мышленіемъ, между необходимостью и свободой. Происхожденіе органическаго міра также причисляется нѣкоторыми къ «міровымъ загадкамъ», но большинство ученыхъ вѣритъ въ будущее объясненіе этого факта.

Мы ограничимся, пока конечно, разсмотрѣніемъ отношеній этихъ проблемъ къ непознаваемому.

1) Кантъ пытался доказать невозможность перенесенія понятія причинности на самое бытіе, взятое въ цѣломъ, примѣнимость этого понятія лишь для явленій и мыслимость господства свободы въ трансцендентальномъ мірѣ. На самомъ дѣлѣ, понятіе причинности выражаетъ неразрывную связь всѣхъ данныхъ дѣйствительности. Каждый фактъ стоитъ въ связи съ другими фактами: онъ обусловливаетъ одни изъ нихъ, бываетъ обусловленъ другими изъ нихъ; связь между ними непосредственна или посредственна, однозначно или многозначно опредѣлена и т. д. Но вопросъ о первоначальной причинѣ и является слѣдствіемъ смѣшенія цѣлаго съ частью: цѣлаго *ограниченнаго*, имѣющаго въ своей средѣ другія такія же цѣлыя, съ цѣлымъ всей дѣйствительности. Послѣднее на самомъ дѣлѣ никогда не дано и никогда не бываетъ дѣйствительнымъ объектомъ нашего мышленія, т.-е. мы не въ состояніи мыслить его сообразно признакамъ его собственнаго бытія; вмѣсто этого мы пытаемся составить о немъ понятіе, основанное на наблюденіи ограниченныхъ, относительныхъ цѣлыхъ и прилагаемъ къ нему представленія, имѣющія смыслъ лишь для этихъ послѣднихъ. Критическій умъ, открывая эту подстановку, разрѣшаетъ себѣ этимъ неразрѣшимыя иначе трудности: проблема, казавшаяся превышающею силы человѣческаго ума, оказывается иногда плодомъ злоупотребленія разума. Указавъ разуму область плодотворнаго примѣненія, критическій умъ сталкиваетъ съ себя тяжесть давившаго его непознаваемаго. Но онъ не преминетъ также констатировать фактъ этого «злоупотребленія», присутствіе въ человѣческомъ умѣ какого-то злого генія, который то и дѣло толкаетъ его на безысходную дорогу, то и дѣло подсовываетъ эмпирическому мышленію разныя трансцендентальныя проблемы, фатально неразрѣшимыя, вслѣдствіе внутренняго противорѣчія.

Укажемъ здѣсь на то, что не было замѣчено теоретиками непознаваемаго, какъ «ложно поставленной проблемы», именно на то, что существуетъ *два различнаго рода* признанія проблемы ложно поставленною. Можно, во-первыхъ, доказать, что попытки найти какое-либо отношеніе между двумя содержаніями безплодны, потому что намъ извѣстно, что эти содержанія стоятъ въ другихъ отношеніяхъ, противоположныхъ искомому: соотвѣтственная проблема оказывается безплодною. Такого рода проблемы суть: проблема квадратуры круга, perpetuum mobile, попытки алхимиковъ найти философскій камень и дѣлать золото. Мы знаемъ, что квадратъ и кругъ несоизмѣримы, слѣдовательно, нельзя найти квадратуры круга. Мы знаемъ, что всякое движеніе должно, вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ противодѣйствій, остановиться, слѣдовательно невозможно изобрѣсти

perpetuum mobile. Мы знаемъ, что жизнь, вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ условій органическаго существованія, должна прекратиться и что устройство нашего опытнаго міра исключаетъ содержаніе въ немъ вѣчнаго сохранителя индивидуальной жизни, слѣдовательно проблема философскаго камня ложно поставлена; мы знаемъ, наконецъ, что золото—химическій элементъ, слѣдовательно нельзя получить его изъ не-золота. Во-вторыхъ ,мы можемъ доказать, что попытки найти какое-либо отношеніе (положительное или отрицательное) между двумя содержаніями, изъ которыхъ одно не можетъ быть соотвѣтственно мыслимо, такъ что пытаясь мыслить о немъ, мы мыслимъ о другомъ, безплодны. Мы отрицаемъ возможность рѣшенія проблемы, не потому, что знаемъ вѣрность противоположнаго проблематическому отношенія, а потому что не видимъ возможности схватить одно изъ содержаній въ мышленіи—условіе, необходимое для правильнаго мышленія. Къ этого рода проблемамъ и этого рода отрицанію ихъ возможности принадлежатъ очевидно занимающія насъ теперь проблемы. Если, поэтому, мы приходимъ къ заключенію, что онѣ ложно поставлены, то это заключеніе равносильно признанію непознаваемаго. И если, на что укажемъ ниже, данный намъ характеръ этихъ проблемъ, не уничтожитъ для насъ, какъ для многихъ современныхъ философовъ и ученыхъ, самую ихъ проблематичность, не исключитъ данный витальный рядъ изъ нашего жизненнаго процесса, то ихъ нужно будетъ разрѣшить какъ-нибудь или впасть въ отчаянное положеніе утопающаго, не могущаго добраться до берега.

Рядомъ съ вопросомъ о первоначальной причинѣ стоитъ вопросъ о *цѣли* бытія, которою долженъ опредѣлиться и *смыслъ* всѣхъ міровыхъ процессовъ, историческій включительно.

Къ этому вопросу примѣнимо все сказанное выше. И онъ—ложно поставленная проблема. Цѣли существуютъ только для желающихъ и стремящихся существъ. Для достиженія цѣли необходимое и нужное получаетъ черезъ это «смыслъ». Спрашивать о цѣли и смыслѣ бытія значитъ мыслить его, какъ одаренную волею человѣческую личность, а міровые процессы—какъ посредствующія звенья въ осуществленіи этой цѣли. Но, мысля бытіе такимъ образомъ, мы мыслимъ его несоотвѣтственно предполагаемымъ дѣйствительнымъ принакамъ его: стремящіяся человѣческія существа являются только *частью* всего сущаго. Слѣдовательно, бытіе цѣлей имѣть не можетъ, не потому, что мы знаемъ о бытіи противное, а потому что не можемъ составить о немъ вообще адэкватнаго понятія. Бытіе, какъ цѣлое, непознаваемо. И тутъ приходится констатировать уди-

вительную настойчивость, съ которою человѣкъ не перестаетъ спрашивать и приписывать бытью цѣли и смыслъ, несмотря на отсутствіе у него всякаго примѣнимаго понятія о бытіи и даже на сознанную разумомъ недоступность этого понятія.

2) Сущность матеріи, силы и психическихъ явленій принадлежитъ къ проблемамъ того же порядка. Механика обладаетъ вполнѣ ясными понятіями «матеріи» и «силы». Сила не должна означать для нея ничего иного, кромѣ условія положительныхъ и отрицательныхъ ускореній. И со времени Юма психологическое содержаніе этого понятія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но философія не удовлетворилась этими познаніями: во-первыхъ, «матерія» оказалась комплексомъ «ощущеній» въ «субъектѣ», въ «сознаніи», и получилась задача познать производящую причину этихъ ощущеній, какъ лежащую за предѣлами чувственнаго познанія. Она же, какъ производящая причина, должна была быть абсолютнымъ прототипомъ и субстанціальнымъ содержаніемъ той «силы», которая лишь «обнаруживается» въ механическихъ явленіяхъ и лишь слабымъ отблескомъ которой должны быть наши сознательныя ощущенія напряженія. Во-вторыхъ, метафизическая мысль не могла успокоиться на *множествѣ* матеріальныхъ вещей, на разнородности свойствъ и манифестацій «матеріи» въ механическихъ, акустическихъ, оптическихъ, термическихъ, электрическихъ явленіяхъ. Субстанція должна быть едина, недѣлима, вѣчна—таковы требованія метафизической мысли.

Что касается перваго изъ поводовъ проблематизаціи сущности матеріи и силы, то онъ уничтожается въ смыслѣ познаваемости этихъ сущностей въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ крупнѣйшей и важнѣйшей ошибкой современной теоріи познанія, которой мы займемся подробно ниже, именно: со смѣшеніемъ относительныхъ степеней объективности и субъективности съ совершенною субъективностью, съ субъективаціей всего реальнаго міра, съ утвержденіемъ, что матеріальные факты суть состоянія нашего сознанія. Вещи превращаются въ «вещи въ себѣ», въ абсолютно недоступныя причины реальныхъ вещей, всѣ качества которыхъ являются свойствами «явленій» въ «сознаніи» даннаго опытнаго міра и т. п. Мы увидимъ, что эта непостижимость матеріальнаго міра есть несомнѣнная ошибка мышленія: та же самая абсолютизація относительныхъ понятій, съ которою мы уже встрѣтились выше. Качества нѣкоторыхъ *частей* познаннаго міра, именно ихъ субъективность, переносятся на все познанное и все утверждается субъективнымъ «явленіемъ». Но явленіе требуетъ «являющагося», «субъективное» имѣетъ только смыслъ

въ отличіе и въ противоположность къ «объективному». И вотъ постулируется трансцендентный міръ «вещей въ себѣ», совершенно недоступныхъ разуму, потому что все познаваемое, разумное по положенію «субъективно».

Съ открытіемъ этой ошибки исчезаетъ поводъ утверждать непознаемость матеріи и силы вслѣдствіе ихъ «субъективности». «Сущности» и «явленія», «объективное» и «субъективное» равно лежатъ внутри области познанія и должны быть опредѣлены сообразно критически разсмотрѣннымъ пріемамъ положительныхъ наукъ.

Но остается вопросъ: что такое все наше познаніе, совокупность нашего дѣйствительнаго и мыслимаго опыта? Этотъ вопросъ совпадаетъ съ тѣмъ, что есть все, что есть бытіе, какъ цѣлое, какое-то единое, недѣлимое, вѣчное, лежащее въ основѣ *всѣхъ* міровыхъ процессовъ. Этотъ вопросъ лежитъ внѣ области мыслимыхъ отвѣтовъ. Мы находимся *въ* бытіи, а не *внѣ* его, мы можемъ проникать только во взаимныя отношенія частей бытія, но не въ него, какъ цѣлое. Самое понятіе цѣлаго не примѣнимо ко всему бытію, потому что «цѣлое» предполагаетъ ограниченность и, слѣдовательно, другія существа. Но мы ставимъ все-таки вопросъ о сущности бытія, *пытаемся* несоотвѣтствующими понятіями проникнуть въ его тайны.

Съ примѣненіемъ понятія «явленія» ко *всѣмъ* даннымъ внѣшняго міра было послѣдовательно объявить связанные съ послѣдними факты нашего сознанія также лишь «явленіями», манифестаціями трансцендентнаго духовнаго существа. Но если относительно внѣшняго міра матеріальныя вещи, лишенныя всѣхъ свойствъ, признанныя «явленіями въ субъектахъ», давали мышленію о «вещи въ себѣ» постоянную опору и силу неотъемлемаго требованія, то необходимо было опираться на матеріализованное или просто удвоенное представленіе сознательныхъ фактовъ, представленіе о душѣ, чтобы и послѣдніе признать лишь «явленіями». Психическая субстанція могла быть мыслима лишь какъ тождественная или только количественно различная отъ «вещи въ себѣ», или же она должна была быть представлена въ формѣ мышленія, чувствованія и воли, т. е. въ формѣ данныхъ фактовъ сознанія. Актуалистическая теорія сознанія объявляетъ понятіе явленія непримѣнимымъ къ нему, оставляя однако это понятіе для матеріальнаго міра.

На-ряду съ этими незаконными метафизическими дедукціями непознаваемости матеріи, силы и сущности сознанія играетъ еще роль сознаніе несовершеннаго, абстрактнаго состоянія физическихъ наукъ и біологіи. Физика не можетъ обойтись пока безъ понятія силы, несмотря на то, что

съ этимъ понятіемъ она не связываетъ антропоморфическихъ признаковъ. Притяженіе и отталкиваніе, дѣйствіе и противодѣйствіе, давленіе, толчокъ, разрывчатость и т. д. и т. д.—все понятія антропологическія, и физика, отрицая антропологическій характеръ всѣхъ естественныхъ движеній, все-таки принуждена разсматривать всѣ отношенія между тѣлами такъ, какъ будто одно изъ тѣлъ было бы ощущающимъ и желающимъ существомъ. Подобное состояніе науки наводитъ на мысль, что все содержаніе послѣдней составляетъ бытіе не въ ему самому присущихъ признакахъ, а въ томъ, какъ оно является намъ. Но законный выводъ изъ этого положенія вещей заключается лишь въ предположеніи несовершеннаго состоянія соотвѣтственныхъ наукъ и относительнаго, временнаго значенія примѣняемыхъ теперь въ нихъ понятій. Такъ, уже въ настоящее время нѣкоторые выдающіеся естествоиспытатели видятъ намѣчающимися пути, по которымъ произойдетъ полное выдѣленіе понятія силы изъ механики, а вмѣстѣ съ нимъ и современныхъ методовъ систематической постройки этой науки*). Точно такъ же и понятію атома несомнѣнно предстоитъ въ будущемъ выдѣлиться изъ механики и химіи, какъ то показываютъ современные конкретныя попытки и, главное, критики теоретической несостоятельности этого понятія.

Несовершенное состояніе современныхъ физическихъ наукъ не даетъ поэтому права постулировать непознаваемость матеріальныхъ явленій. Мы имѣемъ, наоборотъ, основанія надѣяться, что будущее принесетъ съ собою въ высокой степени совершенное описаніе происходящихъ въ мірѣ движеній.

3) Послѣдняя группа проблемъ касается кажущихся непримиримыми или совершенно непонятными, вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо точекъ соприкосновенія, отношеній между противоположностями: движеніемъ и ощущеніемъ, тѣломъ и душой, бытіемъ и мышленіемъ, необходимостью и свободой.

Всѣ они являются различными сторонами одной и той же проблемы, возникающей вслѣдствіе двухъ уже указанныхъ причинъ: субъективизаціи всего опытнаго міра и стремленія къ пониманію всего сущаго, какъ качественно единаго. Въ то время, какъ всѣ явленія матеріальнаго міра не представляютъ принципіальной невозможности мыслить ихъ, какъ различныя формы движенія, это невозможно по отношенію къ нематеріальному, непротяженному ощущенію. Движеніе и ощущеніе оказываются несводи-

*) См. E. Mach. Die Mechanik in ihrer geschichtlichen Entwickelung, 1896.

мыми основными формами бытія, противостоящими всякимъ попыткамъ какого-либо отождествленія въ чемъ-либо другомъ, качественно однообразномъ. Вслѣдствіе полнаго различія между физическими и психическими качествами, взаимодѣйствіе между тѣломъ и душой становится загадкой; какъ можетъ непроницаемая, мыслящая душа, отрицаніе движенія производить движеніе, и какъ можетъ это послѣднее обусловливать ощущенія, страсти, желанія и т. д.? Далѣе, какимъ образомъ протяженное, движущееся, неодушевленное бытіе можетъ становиться объектомъ безтѣлеснаго и непротяженнаго мышленія, какимъ образомъ представленія о внѣшнихъ вещахъ могутъ проникнуть въ душу? Когда же попытка разрѣшить эту проблему приводитъ къ утвержденію, что матеріальный міръ не проникаетъ въ душу извнѣ, а является *продуктомъ* познающаго субъекта, фактомъ его сознанія, вопросъ принимаетъ другую форму: какъ должны мы представить объективное, отъ сознанія и познанія независимое бытіе, мыслимо ли оно, или нѣтъ, тождественно ли оно съ самимъ мышленіемъ или съ какимъ-нибудь другимъ фактомъ сознанія, напр., волей или чувствованіемъ, или съ даннымъ намъ, какъ явленіе, матеріальнымъ міромъ, или оно, наконецъ, не имѣетъ совершенно никакихъ аналогій съ міромъ нашего внѣшняго и внутренняго опыта? Наконецъ, обусловленность, понимаемая во всѣхъ случаяхъ, какъ принужденіе, какъ неопредолимое давленіе обстоятельствъ, совершенно исключаетъ свободу дѣйствій и выбора. Какъ примирить существованіе фатальной необходимости всѣхъ процессовъ опытнаго міра, часть котораго и мы представляемъ, съ внутренней сознаваемой нами свободой въ дѣятельности и съ нравственной отвѣтственностью за тотъ или другой образъ дѣйствія? Какъ примирить сознаніе нравственнаго долга съ совершеннымъ отсутствіемъ возможности свободной инициативы, съ необходимостью повиноваться неумолимой судьбѣ?

Ограничимся здѣсь указаніемъ на отрицаніе современною научною психологіей, теоріей познанія и этикой неразрѣшимости этихъ проблемъ.

Научная мысль не пытается свести движеніе и ощущеніе на качественно тождественное. Она не видитъ путей для такого сведенія, но не считаетъ его также нужнымъ для разрѣшенія какихъ-либо научныхъ проблемъ; еще менѣе она согласится признать въ фактѣ «взаимодѣйствія» души и тѣла необъяснимый и даже противорѣчащій качественному различію между движеніемъ и ощущеніемъ фактъ. Это «взаимодѣйствіе» представляетъ для нея только спеціальный случай разнообразныхъ отношеній и зависимостей между различными элементами нашего опыта. Теорія «психо-физическаго параллелизма», или, какъ мы охотнѣе сказали

бы, теорія зависимости сознанія отъ опредѣленныхъ физіологическихъ процессовъ, не видитъ никакихъ трудностей въ констатированіи даннаго особеннаго, чисто психологическаго отношенія, не похожаго на остальныя, нами констатируемыя, функціональныя отношенія между нѣкоторыми чувствительными и двигательными процессами въ нервной системѣ и ощущеніями, воспоминаніями, сужденіями, чувствованія и т. д. Ей достаточно только прибавить, чтобы исключить приводящее къ недоразумѣніямъ понятіе сознанія, какъ «эпифеномена», что эти нервные процессы никогда не могутъ быть приняты, какъ тождественные въ своихъ специфическихъ качествахъ съ процессами, отъ которыхъ сознаніе не зависитъ. Функціональное отношеніе представляется не менѣе и не болѣе яснымъ, чѣмъ любое констатируемое естественными науками функціональное отношеніе, напр., между химическими элементами и происходящимъ изъ нихъ химическимъ соединеніемъ, между треніемъ извѣстныхъ веществъ и ихъ электрическими свойствами и т. д.

Отношеніе между бытіемъ и мышленіемъ также не даетъ въ результатѣ для науки неразрѣшимой проблемы, если опытное, данное бытіе не отождествлять съ мышленіемъ и не смѣшивать непротяженныя чувствованія съ ихъ объективными коррелатами, напримѣръ, ощущеніе, воспріятіе, мысль, какъ «акты», какъ субъективныя явленія опредѣленнаго рода, какъ чувствованія въ широкомъ смыслѣ этого слова съ *содержаніями* ощущенія, воспріятія и т. д.—цвѣтомъ, вещью, движеніемъ и т. п. Съ уничтоженіемъ догмы о «субъективности» всего опыта исчезаетъ также понятіе трансцендентнаго бытія, а вмѣстѣ съ нимъ исчезаютъ и проблемы объ его отношеніи къ мышленію.

Наконецъ, и отношеніе свободы къ необходимости не представляетъ непреодолимыхъ затрудненій, если мы разъ навсегда отвыкнемъ отъ метафизической привычки мышленія: простирать всякое понятіе далеко за предѣлы его дѣйствительнаго примѣненія, относительное превращать въ абсолютное и постоянно перескакивать изъ перваго въ послѣднее. Фаталистическая необходимость является только частнымъ случаемъ необходимости въ неорганическомъ мірѣ; въ мірѣ органическомъ предопредѣленность становится тѣмъ менѣе однозначной, направленіе могущаго произойти тѣмъ менѣе точно опредѣлено, чѣмъ сложнѣе организмъ, чѣмъ разнообразнѣе его отношенія къ окружающей его средѣ. Детерминизмъ въ очень значительной степени теряетъ свой фаталистическій характеръ въ области человѣческой дѣятельности. Возможность разнообразныхъ формъ реакцій, данная въ сложности внутреннихъ процессовъ въ человѣческомъ

организмѣ и ихъ отношеніи къ окружающей его средѣ, даетъ основаніе возникновенію субъективнаго факта «свободы воли», окруженной, однако, со всѣхъ сторонъ тисками фаталистической необходимости. Поскольку свобода фактически дана, постольку существуетъ и нравственный долгъ и нравственная отвѣтственность. На ряду съ ними существуютъ и нравственная невмѣняемость и «смягчающія вину обстоятельства», какъ доказательства признанія существованія принужденія въ человѣческихъ поступкахъ въ такой же, если не въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ свободы.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ выводу, что всѣ проблемы, признанныя непознаваемыми, или ложно поставлены, или разрѣшимы, или не являются вовсе «проблемами» для научнаго мышленія. Въ своемъ стремленіи къ познанію совокупности міровыхъ отношеній оно не видитъ такихъ препятствій, которыя заставляли бы его *отказаться отъ постановки* проблемъ, кажущихся ему законченными. Насколько послѣднія будутъ *фактически* разрѣшены, оно предоставляетъ рѣшить будущему, не будучи въ состояніи сдѣлать это само съ какою-либо точностью.

На ряду съ этимъ мы констатировали упорство, съ которымъ человѣческое мышленіе то и дѣло ставитъ и пытается разрѣшить проблемы, для него неразрѣшимыя, вслѣдствіе невозможности для него въ дѣйствительности постигнуть самый смыслъ этихъ проблемъ.

II.

Этимъ для многихъ мыслителей и кончается вопросъ о непознаваемомъ: установивъ границы научнаго познанія и полную безплодность метафизическихъ попытокъ, они разъ навсегда отворачиваются отъ непознаваемаго, ища въ реальной дѣйствительности болѣе плодотворные объекты научнаго мышленія и видя въ нравственной дѣятельности высшую задачу человѣка, опредѣляющую также цѣли и границы его теоретической дѣятельности.

Поступимъ ли мы подобно этимъ мыслителямъ, или для насъ окажется еще существующими нѣкоторыя проблемы, требующія разрѣшенія? Дѣйствительно, такою проблемою оказывается происхожденіе и структура тѣхъ мыслительныхъ процессовъ, которые обусловливаютъ отъ начала человѣческаго мышленія до нашихъ дней постановку и попытки разрѣшенія теологическихъ и метафизическихъ вопросовъ, заставляютъ мыслителей оставлять дорогу эмпирическаго мышленія и обращаться къ мистицизму, и съ

непобѣдимою силою влекутъ къ глубочайшимъ, высшимъ и священнѣйшимъ проблемамъ.

Кантъ позналъ полную безплодность этихъ проблемъ съ научной точки зрѣнія, поставилъ вопросъ о происхожденіи «неискоренимаго метафизическаго инстинкта» и отвѣтилъ на него. Современная философія прославляетъ его за это, какъ величайшаго мыслителя новаго времени, до сего времени не превзойденнаго. Метафизическій инстинктъ, училъ онъ, имѣетъ свою основу въ имманентной данности чистаго разума въ области міра явленій. Продуктъ синтетической дѣятельности опредѣленно оформленнаго въ чувственномъ и интеллектуальномъ отношеніи разсудка надъ даннымъ безформеннымъ матеріаломъ, т. е. міръ явленій, содержитъ въ себѣ на-ряду съ пространственно-временными единичными содержаніями и отъ нихъ отвлеченными понятіями еще *трансцендентальныя идеи,* т. е. понятія, переступающія за предѣлы доступнаго намъ, ограниченнаго формами воспріятія и опытнымъ матеріаломъ познанія въ сверхчувственный, трансцендентальный міръ. Вслѣдствіе участія трансцендентальныхъ идей въ каждомъ актѣ нашего познанія, познающій субъектъ осужденъ на безпрерывныя потуги выйти за предѣлы ограничивающихъ условій чувственности (Sinnlichkeit) въ область чисто умозрительнаго бытія (intelligibles Sein), вещей въ себѣ. Критика чистаго разума обуздываетъ притязанія теоретическаго ума проникнуть въ суть вещей и указываетъ трансцендентальнымъ идеямъ ихъ истинное мѣсто и призваніе: служить основами, условіями и содержаніями нравственной дѣятельности.

Не раздѣляя гносеологической и этической точки зрѣнія Канта, мы не можемъ принять и его объясненія «метафизическаго инстинкта», и если въ результатѣ окажется, что основная мысль его философіи, возможно отвлеченная отъ конкретнаго ея развитія и обоснованія въ его системѣ, должна быть признана истинной, то это будетъ возможно только послѣ основательнаго пересмотра основъ его теоріи познанія и этики и соотвѣтственной замѣны послѣднихъ другими, болѣе современными основами гносеологіи и этики. Мы возвратимся къ этому въ концѣ настоящей главы.

Однимъ изъ характерныхъ признаковъ психологіи послѣдняго времени, связаннымъ съ очень ясными стремленіями въ общей философіи, является возвышеніе роли чувствованія и воли во всѣхъ мыслительныхъ процессахъ, не исключая самыхъ абстрактныхъ и наиболѣе отъ жизни отдаленныхъ. Человѣкъ,—учитъ современная психологія,—есть существо, главнымъ образомъ, аффективное и волитивное, а не интеллектуальное. Первое мѣсто въ духовной жизни принадлежитъ не возможно точнымъ от-

печаткамъ внѣшней дѣйствительности, а реакціямъ на внѣшнія впечатлѣнія въ смыслѣ избѣжанія страданія и достиженія удовольствія, въ смыслѣ воли къ жизни.

Какъ ни несомнѣнна справедливость этой «волюнтаристической» точки зрѣнія, большая неопредѣленность ея бросается въ глаза. Воля и чувствованія имѣютъ рѣшающее значеніе въ духовной жизни. Хорошо. Но чѣмъ же опредѣляется направленіе отдѣльныхъ хотѣній и эмоцій, которыя и составляютъ реальное содержаніе воли и чувствованія? Неужели «желаніе жизни», стремленіе къ наслажденію и страхъ передъ страданіемъ являются удовлетворительнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ? Вѣдь самыя противоположныя содержанія составляютъ предметъ удовольствія или страданія, любви или ненависти. Фактическій ходъ душевной жизни конкретныхъ личностей нисколько этимъ не опредѣляется и, указывая только на господство воли во всякой духовной жизни, психологія не даетъ болѣе конкретныхъ положеній для пониманія послѣдней, чего отъ нея можно съ правомъ требовать.

Болѣе конкретную форму принимаетъ эта теорія, если комбинировать ее съ ученіемъ объ ассоціаціи идей. Послѣднее, модифицированное въ смыслѣ психической или аффективной разноцѣнности идей, указываетъ на *общія условія теченія сознательной жизни* въ ея конкретномъ содержаніи *).

Дальнѣйшее развитіе этой точки зрѣнія необходимо приводитъ къ *біологической* точкѣ зрѣнія. Теорія ассоціаціи идей подъ руководящимъ вліяніемъ воли необходимо приводитъ къ изученію біологической структуры всякаго сознательнаго процесса, какъ это пытаются провести нѣкоторые выдающіеся современные психологи (Рибо, Джемсъ, Мюнстербергъ и др.). Въ ученіи о витальныхъ рядахъ Авенаріуса мы имѣемъ новую и, какъ намъ кажется, въ высшей степени плодотворную попытку біологическаго уразумѣнія духовной жизни.

Всякое содержаніе сознанія безъ исключенія является членомъ зависимаго витальнаго ряда. Ощущеніе, рефлекторная реакція, воспріятіе, вниманіе, желаніе, вспоминаніе, фантастическое творчество, мышленіе, цѣлесообразная дѣятельность съ ея различными моментами является цѣлью, средствами, выборомъ, колебаніемъ, обдумываніемъ, рѣшеніемъ; удоволь-

*) Попытку созданія подобной ассоціативной психологіи представляетъ—Lipps, „Die Grundthatsachen des Seelenlebens“.—Подобную же попытку представляетъ въ существенномъ и теорія „idées-forces“, развитая A. Fouillée въ его „Psychologie des idées forces“.

ствіе, страданіе, красота, вѣра, правда, мистическое стремленіе къ единенію съ божествомъ, саможертвующая любовь, отчаяніе, страхъ, гнѣвъ, гордость, тождество, разность, единство, множество, причинность, бытіе, пространство, время и т. д. и т. д. суть различные моменты зависимыхъ витальныхъ рядовъ, или цѣлыхъ системъ зависимыхъ витальныхъ рядовъ, комбинированныхъ всевозможнымъ образомъ въ различныхъ ступеняхъ, отдѣлахъ и направленіяхъ своихъ. Всѣ члены витальнаго ряда опредѣляются при данныхъ обстоятельствахъ наискорѣйшимъ, наименѣе противодѣйствующимъ путемъ приближенія къ конечному отдѣлу ряда. Содержаніе зависимыхъ витальныхъ рядовъ опредѣлено «приготовленіемъ» центральнаго органа нервной системы, непосредственно предшествовавшими и сопутствующими витальными рядами, и, наконецъ, содержаніемъ окружающей человѣка среды.

Такимъ образомъ, мы въ состояніи не только утверждать значеніе практическихъ интересовъ, стремленій, симпатій и антипатій, влеченій расчета, альтруистическихъ и диссоллидарныхъ чувствованій въ ходѣ нашего мышленія, но и проникнуть въ біологическую структуру мышленія, какъ обусловленнаго лишь своимъ предметомъ, отвлекаясь отъ всѣхъ постороннихъ опредѣлителей его теченія. Другими словами, намъ дѣлается возможнымъ разсматривать теченіе мышленія, какъ зависимый витальный рядъ *самостоятельнаго порядка*, какъ процессъ, получающій витальный характеръ не только черезъ разнородные практическіе интересы, съ которыми онъ связанъ и которымъ онъ долженъ служить, но и черезъ свое собственное содержаніе.

Когда разсматриваешь мышленіе съ этой точки зрѣнія, становится ясно *направленіе*, въ которомъ оно будетъ стремиться рѣшать предлагаемыя ему дѣйствительностью проблемы. Направленіе витальныхъ рядовъ къ наиболѣе полному, всестороннему и продолжительному устраненію колебаній жизненнаго процесса принимаетъ въ витальныхъ рядахъ, отъ которыхъ зависитъ «мышленіе», форму *постулатовъ* познанія. Истина должна быть едина, сама съ собою тождественна, постоянна, недѣлима, вѣчна. За измѣненіями должно скрываться неизмѣнное, за движеніемъ—неподвижное. Количественныя, качественныя, пространственныя измѣненія должны быть несущественны, должны принадлежать низшему міру явленій; бытіе не должно имѣть этихъ качествъ. Жизнь должна продолжаться вѣчно, быть постояннымъ расширеніемъ и утвержденіемъ высшихъ, отъ страданія наиболѣе очищенныхъ наслажденій. Страданія, борьба, неудовлетворительность органовъ чувствованія и познанія, возможность ошибокъ, ложныхъ

мнѣній, необоснованнаго или только вѣроятнаго, наконецъ, смерть суть также явленія міра кажущагося, въ дѣйствительности не существующаго. Между людьми должны господствовать вѣчно и неизмѣнно любовь и справедливость. Добро и красота суть вѣчно тѣ же, они неизмѣнны; разнообразіе удовольствія имѣетъ ту же причину, какъ и остальныя несовершенства.

Относительно всѣхъ областей мышленія, отъ самыхъ абстрактныхъ до соціологическихъ и этическихъ, задача жизненнаго сохраненія мыслящей личности, какъ мыслящей, т. е. въ тѣхъ самыхъ ея жизненныхъ моментахъ, отъ которыхъ зависитъ мышленіе, заставляетъ послѣднее стремиться къ разрѣшенію всѣхъ ему предлежащихъ проблемъ въ опредѣленномъ направленіи—наивысшей общности, неизмѣнности, объемлемости и единства всѣхъ положеній, всѣхъ содержаній, которыя ему даны. Невозможность вполнѣ удовлетворить интеллектуальныя потребности, диктуемыя жизнью, и необходимость приспособленія мышленія къ растущему познанію дѣйствительности имѣютъ слѣдствіемъ возникновеніе всевозможныхъ комбинацій между внутренними постоянно дѣйствующими наклонностями мышленія и познанными данными реальнаго міра. Рядомъ съ наукой и философіей, религія и искусство пытаются соотвѣтствующей комбинаціей потребностей, стремящейся къ полному сохраненію личности съ реальными элементами теоретической и практической жизни, болѣе удовлетворить интимнымъ и могучимъ витальнымъ требованіямъ, чѣмъ первыя.

Взглядъ на исторію религіи и философіи подтверждаетъ сказанное.

Буддизмъ считаетъ высшею ступенью человѣческой мудрости погруженіе въ необъятное бытіе, сліяніе съ нимъ, потому что этимъ будетъ достигнуто наиболѣе полное отрицаніе индивидуальнаго и преходящаго, наивысшее приближеніе къ вѣчности. Элеаты отрицали множество, измѣненіе, движеніе въ пользу единственно возможнаго, истиннаго, познаваемаго лишь разумомъ, единаго, недѣлимаго, неподвижнаго, вѣчнаго бытія; чувственный же міръ казался для нихъ міромъ чистой иллюзіи. Платонъ выдѣляетъ изъ преходящаго міра воспріятій міръ вѣчныхъ неизмѣнныхъ идей, которымъ родственна мыслящая часть нашей души, не исчезающая вмѣстѣ со своей тѣлесной оболочкой, и вѣнцомъ которыхъ является идея добра. Стоицизмъ со своимъ идеаломъ абсолютнаго долга, стоящаго надъ индивидуальною жизнью и внѣ преходящихъ чувствованій удовольствія и страданія, неоплатонизмъ со своимъ идеаломъ непосредственнаго единенія съ Божествомъ въ созерцаніи его; наконецъ, христіанство со своимъ ученіемъ царства Божія, въ которое ведутъ любовь и страданіе—суть продукты мышле-

нія стараго времени, въ которыхъ потребности совершеннаго мышленія и совершеннаго сохраненія берутъ верхъ надъ требованіями относительнаго приспособленія въ несовершенной средѣ.

Въ новое время Спиноза, Лейбницъ, Кантъ, Фихте, Шопенгауэръ, Гербартъ создаютъ философскія системы, въ которыхъ имманентныя потребности мышленія и совершеннаго сохраненія играютъ выдающуюся роль. Единая, самопричинная, всеобъемлющая, вѣчная, безконечная субстанція Спинозы, въ которой всѣ модусы являются стирающимися очертаніями ея вѣчныхъ формъ, является продуктомъ самодержавнаго творящаго сообразно своимъ абсолютнымъ требованіямъ мышленія, а стремленіе къ безграничному сохраненію высказывается въ идеалѣ «интеллектуальной любви къ Богу», стремленія личности къ отождествленію съ вѣчнымъ бытіемъ и вѣчною необходимостью. Безконечное продолженіе индивидуальной жизни, существованіе вѣчныхъ истинъ и совершенство мірозданія составляютъ основные мотивы философіи Лейбница. Кантъ пытался примирить требованія абсолютной свободы, абсолютнаго долга, абсолютной истины, индивидуальнаго безсмертія и совершенства мірозданія посредствомъ измѣненной формы платонова ученія о матеріи и идеяхъ, ограниченности послѣднихъ первою и ихъ трансцендентальнымъ существованіемъ. У Фихте всемогущество нравственной личности потенцируется до созданія ею всего опытнаго міра, какъ объекта ея дѣятельности. Это ученіе дальше развивается въ абсолютномъ идеализмѣ Шеллинга и Гегеля. Гербартъ получаетъ путемъ «исключенія противорѣчій» изъ фактовъ опыта бытіе, исключающее всякое отрицаніе и всякое отношеніе: совершенно простое и недетереминированное бытіе «реаловъ». Шопенгауэръ, наконецъ, видитъ въ избавленіи отъ жизни наивысшее сознаніе воли къ жизни; въ «нирванѣ» буддизма для него осуществляется безконечное стремленіе къ спокойствію, неподвижности, вѣчности.

Наше время ищетъ удовлетворенія основныхъ стремленій человѣческаго мышленія въ кантовой философіи, въ религіи, въ мистицизмѣ, въ пессимизмѣ, въ соціальной этикѣ, въ искусствѣ.

Въ предыдущемъ былъ сдѣланъ выводъ, что научная философія приходитъ къ критическому отрицанію метафизическихъ проблемъ и метафизическихъ рѣшеній ихъ. Только что констатированъ фактъ обоснованности продуктовъ метафизическаго и религіознаго мышленія въ самой структурѣ человѣческаго мышленія. Спрашивается, какъ удовлетворяетъ научная философія эти потребности? Мы не видимъ другого пути, кромѣ возможно точнаго выясненія природы этихъ потребностей, критическаго уста-

новленія того основного характера дѣйствительности, который даетъ поводъ къ постояннымъ попыткамъ достичь недостижимаго, и выведенія изъ этого необходимыхъ слѣдствій. Другими словами, необходимо критически установить содержаніе понятія непознаваемаго, которое, будучи окончательной попыткой обнять совокупность дѣйствительности, должно въ себѣ содержать всѣ основные элементы послѣдней. Мы видѣли, какіе вопросы стремится разрѣшить въ положительномъ смыслѣ метафизическое и религіозное мышленіе. Постоянство, исключающее всякое измѣненіе, единство, исключающее всякое отношеніе, которое требуетъ по меньшей мѣрѣ двойственности, пространство безъ времени, вещь безъ качествъ, жизнь безъ смерти, удовольствіе безъ страданія, добро безъ зла, красоту безъ безобразія, истину безъ ошибки, свободу безъ необходимости, любовь безъ ненависти, солидарность безъ конкурренціи. Сравнивая эти требованія съ идеалами *нравственными*, подвергнутыми предварительно критическому анализу ихъ болѣе постояннаго содержанія въ отличіе отъ содержанія временнаго и мѣстнаго, мы приходимъ къ заключенію, что *совокупность проблемъ долженствующихъ быть признанными неразрѣшимыми, совпадаетъ съ нравственнымъ идеаломъ, взятымъ въ абсолютной, всеобъемлющей и безусловно окончательной формѣ своего осуществленія.*

И дѣйствительно, требованіе высшаго блага для всего человѣчества включаетъ въ себѣ необходимо и высшее благо каждой отдѣльной личности. Высшее благо всего человѣчества означаетъ, поэтому, безусловно совершенную солидарность между индивидуумомъ и всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ. Но *высшее* благо не можетъ считаться достигнутымъ, пока существуетъ смерть. Послѣдняя, какъ таковая, является отрицаніемъ и солидарности, и блага. Слѣдовательно, все человѣчество на высшемъ пунктѣ достиженія нравственнаго идеала должно быть постулировано безсмертнымъ. Но безсмертіе немыслимо, пока органическій міръ имѣетъ условіемъ своего существованія современно данную структуру организмовъ и разнородную органическую и неорганическую среду. Для достиженія нравственнаго идеала необходимо поэтому мыслить прогрессивное преобразованіе органическаго и неорганическаго міра въ смыслѣ уничтоженія условій смерти, то-есть: неорганическій міръ—космическія планетныя массы, земной шаръ, минералы, жидкости и газы въ ихъ физическихъ и химическихъ свойствахъ—долженъ потерять свои настоящія качества и вмѣстѣ съ органическимъ міромъ, включая человѣчество, принять формы, исключающія взаимныя вліянія въ смыслѣ разложенія—смерти. Единственная форма, совершенно исключающая смерть какого-либо существа, а слѣдовательно и

человѣчества, это безусловная солидарность этого существа съ его средой, т. е. такое отношеніе между нимъ и средой, что всякое нарушеніе качественнаго или пространственнаго сохраненія этого существа сопровождается подобнымъ же нарушеніемъ сохраненія его среды. Слѣдовательно, *полная солидарность возможна только при полномъ равенствѣ, качественномъ и пространственномъ, существа и его среды.* Слѣдовательно, полная солидарность человѣчества возможна только черезъ превращеніе его и окружающей его космической среды во вполнѣ однородную форму.

И эта однородность не должна быть только качественною, она должна быть и пространственною, а вмѣстѣ съ тѣмъ количественною. Всякое существованіе въ пространствѣ заключаетъ въ себѣ разрозненность, существованіе въ различныхъ пунктахъ, а слѣдовательно и разнородныя отношенія каждаго изъ пунктовъ ко всѣмъ остальнымъ. Міръ долженъ поэтому представлять собою абсолютное *тождество* и, поэтому, абсолютное *единство*. А вслѣдствіе полной солидарности его онъ также долженъ быть—абсолютнымъ *постоянствомъ*.

Абсолютное постоянство безъ отношеній и безъ измѣненій является конечнымъ пунктомъ реализаціи идеала. Но оно является также, какъ мы видѣли, конечною цѣлью всего метафизическаго и религіознаго мышленія. Спрашивается, мыслимъ ли идеалъ реально существующимъ, т. е. мыслимо ли представленіе идеала, какъ реально осуществленнаго въ будущемъ. Что въ настоящемъ идеалъ существуетъ лишь, какъ субъективное состояніе сознанія, именно, какъ «идеалъ», какъ абстрактное представленіе дѣйствительно не даннаго—это обнаруживаетъ критика научной философіи различныхъ метафизическихъ теорій и вѣрованій, характерная черта которыхъ и состоитъ въ утвержденіи *реальности* идеала гдѣ-то въ бытіи, или въ какой-нибудь другой, нечеловѣческой и нечувственной области бытія и которыя, кромѣ того, никогда не имѣютъ этого нравственнаго идеала въ той абсолютной и космической формѣ, въ которой онъ получился, какъ результатъ критическаго анализа стремленій человѣческаго мышленія. Метафизика и религія пропитываютъ, напротивъ, идеалъ абсолютнаго бытія и нравственнаго мірового порядка своими повременными объективными познаніями, временными и варьирующими нравственными понятіями и иногда также чисто эгоистическими стремленіями—что и естественно слѣдуетъ изъ структуры соотвѣтствующихъ витальныхъ рядовъ. Для насъ вопросъ заключается лишь въ томъ—*мыслимъ* ли для насъ нравственный идеалъ, какъ осуществленный, не какъ «идеалъ» болѣе, а какъ реальная дѣйствительность. И съ этимъ совпадаетъ вопросъ, мыслимо ли полное

удовлетвореніе имманентныхъ стремленій нашего мышленія, осуществимъ ли идеалъ абсолютнаго и абсолютно постояннаго познанія, или же этотъ идеалъ, мыслимый, какъ объективно реализованный, какъ самое бытіе, содержитъ въ себѣ внутреннее неразрѣшимое противорѣчіе, дѣлающее немыслимымъ его совершенное осуществленіе.

Очевидно, что справедливо послѣднее, что абсолютный нравственный идеалъ неосуществимъ и что онъ,—если мы его мыслимъ осуществившимся,—представляетъ для насъ непознаваемое и не непознаваемое возлѣ другихъ непознаваемыхъ, а непознаваемое quand même, концентрацію всѣхъ неразрѣшимыхъ, но возникающихъ у человѣчества проблемъ.

Безъ понятій отношенія и измѣненія понятіе постоянства лишается всякаго содержанія. Постоянно лишь то, что остается *въ измѣненіяхъ* неизмѣннымъ. Съ уничтоженіемъ всѣхъ измѣненій исчезаетъ и всякое постоянство. Не только *понятіе* постоянства исчезаетъ—мы разсматриваемъ вопросъ не съ психологической, а съ гносеологической точки зрѣнія—но и также самое *содержаніе* постоянства. Постоянство, какъ признакъ бытія, перестаетъ быть такимъ признакомъ, если бытіе лишается признака измѣнчивости. Далѣе, безъ отношенія не существуютъ измѣненія; всякое измѣненіе предполагаетъ отношеніе между измѣняющимъ и измѣняющимся. Слѣдовательно, постоянство немыслимо безъ отношеній. Но намъ извѣстны только пространственныя и временныя отношенія. Слѣдовательно, и съ послѣдними понятіе постоянства для насъ неразрывно связано. Съ пространствомъ и временемъ даны величины, движенія, физическіе, химическіе, біологическіе и соціологическіе процессы, не представляющіе при всякомъ мыслимомъ развитіи ихъ полныхъ условій осуществленія нравственнаго идеала.

Но процессы органической эволюціи, «цѣлесообразность» послѣдней, т. е. данность въ организмахъ и средѣ условій постояннаго усложненія организаціи, сравнительнаго улучшенія способности сохраненія; біологическая структура человѣческаго организма, представляющаго высшую ступень органической эволюціи; соціологическіе процессы, представляющіе прогрессирующее развитіе солидарности между человѣческими личностями, наконецъ, данныя въ соціальномъ человѣкѣ, въ зависимости отъ структуры его организма и его соціальной среды, религіозныя и метафизическія представленія и этическіе идеалы—все это доказываетъ *существованіе въ дѣйствительности имманентной тенденціи въ направленіи осуществленія нравственнаго идеала.*

Существованіе нравственнаго идеала и данная имманентная тенден-

нія осуществленія его въ дѣйствительности, съ одной стороны, невозможность полнаго реальнаго осуществленія его—съ другой, открываютъ двѣ различныя перспективы бытія однаково глубочайшей важности и только *вмѣстѣ* дающія полную картину бытія вообще и человѣческой жизни въ частности, только вмѣстѣ представляющія основные элементы законченнаго научнаго міросозерцанія.

III.

Неосуществимость нравственнаго идеала показываетъ существованіе въ бытіи *ирраціональныхъ*, т. е. безсмысленныхъ, слѣпыхъ, разрушающихъ, антагонистическихъ тенденцій. Для краткаго систематическаго обзора разсмотримъ по порядку—ирраціональность: 1) въ механическихъ, физическихъ и химическихъ процессахъ; 2) въ органическомъ мірѣ, взятомъ, какъ цѣлое, и въ его отношеніи къ неорганическому міру; 3) въ жизни человѣчества, взятой какъ цѣлое, и въ ея отношеніи къ остальному неорганическому и органическому міру; 4) въ жизни отдѣльной человѣческой личности, взятой, какъ цѣлое, и въ ея отношеніи къ неорганическому, органическому и соціальному міру.

1) Міръ неорганическій обнаруживаетъ высшую ступень ирраціональности мірового процесса. Будучи лишены всякой сложности структуры, стоя лишь въ простѣйшихъ и неизмѣнныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, неорганизованныя тѣла являются носителями процесса, въ которомъ господствуютъ непрерывное движеніе, отталкиваніе, разрушеніе и превращеніе связей. Неумолимыми и безконечно жестокими оказываются дѣйствія этого процесса на организованныя тѣла. Пламя, вода, газы и твердыя тѣла вмигъ разрушаютъ ихъ, испепеляя, удушая, сжигая, раздавливая, раня, ослѣпляя, оглушая, калѣча, разрывая, не чувствуя ихъ страданій, не внимая ихъ воплямъ, не смягчаясь, безъ милосердія, безъ состраданія. Чувство глубочайшаго трагизма человѣческой жизни возникаетъ, если представить себѣ сотни жизней, счастливыхъ, жизнерадостныхъ, надѣющихся, любящихъ, пожираемыхъ безсмысленнымъ пламенемъ, поглощаемыхъ морскою бездною вмѣстѣ съ обломками корабля, разрываемыхъ на куски подземнымъ взрывомъ или колесами локомотива. Трагизмъ становится невыносимымъ, когда ясно представляется неумолимая фатальность и полная безсознательность этихъ губительныхъ процессовъ.

2) Органическій міръ не только подлежитъ дѣйствію ирраціональныхъ неорганическихъ силъ, но и представляетъ въ самомъ себѣ цѣлое

море ирраціональныхъ процессовъ, принимающихъ особый характеръ, вслѣдствіе большей сложности организмовъ въ сравненіи съ неорганизованными тѣлами. Борьба за пищу, за пространство, за безопасность, за свободу съ организмами одинаковой формы и съ другими видами и родами; смерть отъ голода, холода, жары, задушенія, вражескаго удара; лишеніе возможности движенія и упражненія жизненныхъ функцій; дегенерація вслѣдствіе неприспособленности, исключенія изъ естественнаго и полового подборовъ—таковы общіе моменты ирраціональности существованія всего органическаго міра.

3) Человѣчеству со своей стороны подлежитъ не только испытывать всю ирраціональность неорганическаго и остального органическаго міра, быть жертвою разрушительныхъ вліяній того и другого, но оно создаетъ въ своей жизни и новыя ирраціональности, данныя съ его высшей структурой. Всякій шагъ впередъ въ космической эволюціи сопровождается такимъ образомъ новыми разрушающими вліяніями. Въ новыхъ формахъ космическая ирраціональность получаетъ новыя выраженія. Съ образованіемъ человѣческихъ обществъ, съ возникновеніемъ языка, обычаевъ, религіознаго культа, соціальной іерархіи, брачныхъ и семейныхъ отношеній, собственности возникаетъ также борьба между расами, націями, племенами, кастами, классами, появляются факты мщенія, наказанія, взаимныхъ нарушеній правъ собственности, ревность. Далѣе возникаютъ религіозныя, политическія, юридическія, національныя, эстетическія, философскія и научныя разногласія. Цивилизованное и высоко дифференцированное общество видитъ себя такимъ образомъ окруженнымъ неисчислимыми ирраціональными факторами: неорганической и органической средой, другими человѣческими обществами самыхъ разнородныхъ ступеней развитія, начиная отъ самыхъ примитивныхъ, являющихся угрожающимъ моментомъ для всей высшей цивилизаціи и заражающихъ послѣднюю низкими продуктами своего умственнаго, нравственнаго и эстетическаго творчества, и кончая такими же высоко развитыми обществами, стоящими однако во враждебныхъ къ нему отношеніяхъ. Внутри себя оно констатируетъ безчисленное множество различій, въ отношеніи физическихъ, эстетическихъ, интеллектуальныхъ, этическихъ потребностей, различныя возможности удовлетворить каждую и всѣ эти потребности, различія богатства, образованія, убѣжденія, образовъ жизни. И между всѣми этими разнородными элементами своими это общество констатируетъ *борьбу* болѣе или менѣе острую и проявляющуюся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: въ формѣ борьбы противъ жизни и собственности членовъ общества, анар-

хическихъ покушеній, въ формѣ борьбы пролетаріата съ буржуазіей и наконецъ—борьбы религіозныхъ, философскихъ, эстетическихъ и этическихъ убѣжденій.

4) Высшей концентраціей ирраціональности мірового процесса является развитая человѣческая личность—продуктъ высоко дифференцированной соціальной жизни. Чѣмъ болѣе она выдѣляется своимъ стремленіемъ къ самостоятельной выработкѣ возможно глубокаго и объемлющаго теоретическаго и практическаго міросозерцанія, чѣмъ болѣе ея жизнь, мысль, дѣятельность, сужденія носятъ печать индивидуальности—тѣмъ болѣе объемлюща, колоссальна ея диссолидарность съ остальнымъ окружающимъ ее соціальнымъ міромъ. Ея интересы, цѣли, стремленія, реакціи дѣлятся ею съ ограниченнымъ количествомъ другихъ личностей, большей частью разсѣянныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга и отъ нея, и являются чуждыми и, поэтому, даже болѣе или менѣе враждебными интересамъ, цѣлямъ, стремленіямъ, реакціямъ окружающихъ ее человѣческихъ массъ. Для того, чтобы быть признанною, соціально цѣнною, заслуживающей уваженія со стороны ея соціальной среды, недостаточно обладать качествами, полезными для этой среды и цѣнимыми ею; соціальная среда должна также *воспользоваться* этими качествами, послѣднія должны для нея ясно обнаруживаться, прежде чѣмъ для нея станетъ возможнымъ признаніе таланта, генія. Но внутреннія условія данной личности и условія окружающей ее среды могутъ создать то, для личности глубоко отчаянное состояніе, когда она чувствуетъ себя «непризнаннымъ», «неоцѣненнымъ» геніемъ и проклинаетъ человѣчество и свою судьбу. Не разъ современники осмѣивали и преслѣдовали людей, прославленныхъ потомствомъ, и несомнѣнна гибель безчисленнаго множества нерасцвѣтшихъ и не достигшихъ зрѣлости геніевъ на разныхъ поприщахъ дѣятельности.

Съ этимъ связанъ болѣе общій фактъ, трагизмъ котораго чувствуется только развитыми личностями, фактъ недоступности другой человѣческой личности, другого человѣческаго сознанія нашему собственному сознанію. Горячая материнская, супружеская, братская, дружеская, альтруистическая любовь дѣлаютъ сознаніе непроницаемости, неотождествляемости любимаго существа источникомъ многихъ и сильныхъ страданій. Кульминаціоннымъ трагическимъ пунктомъ является смерть любимаго существа или реакція послѣдняго на любовь ненавистью.

Съ этимъ связана невозможность вполнѣ понять другое человѣческое существо, увеличивающаяся съ различіями возраста, ступени развитія,

опыта, образа жизни, формъ и содержанія мышленія, формъ и содержаній этическихъ и эстетическихъ реакцій въ словѣ и дѣйствіи.

И ко всей перечисленной диссолидарности съ внѣшней средой присоединяется возможная внутренняя диссолидарность человѣческой личности. Всевозможныя наслоенія инстинктовъ и разнородныхъ соціальныхъ вліяній въ личности дѣлаютъ ее самое центромъ разнообразныхъ и противоположныхъ чувствованій и импульсовъ, причиняютъ мучительныя колебанія, разнаго рода разлады между совѣстью и жизнью, между должнымъ и существующимъ, между различнаго рода должнымъ и между различнаго рода производимыми дѣйствіями. Раскаяніе смѣняется отчаяніемъ, послѣднее—на время удовлетворенностью, уступающею опять мѣсто отчаянію и т. д. На вопросъ: «стоитъ ли жизнь быть прожитою?» личность отвѣчаетъ при подобной внѣшней и внутренней диссолидарности отрицательно, и прибѣгаетъ къ самоубійству, какъ къ послѣднему исходу.

Поэтическій и философскій пессимизмъ всѣхъ временъ съ достаточной подробностью, краснорѣчіемъ и страстностью описалъ трагедію человѣческой и міровой жизни, и мы видимъ, что объективный философскій анализъ находитъ реальную обоснованность и относительную справедливость пессимистическаго міросозерцанія.

Но очевидно, что трагической стороной бытія не исчерпывается картина міра.

Какъ уже было выше сказано, самое существованіе органической эволюціи, витальная структура всѣхъ біологическихъ процессовъ, возникновеніе у человѣчества религіозныхъ, метафизическихъ и этическихъ идеаловъ доказываютъ существованіе въ міровомъ процессѣ условій прогрессирующей солидаризаціи космическихъ отношеній. Въ своемъ историческомъ развитіи человѣчество создало разнообразную и всестороннюю технику, которой оно стремится поставить силы природы въ свое распоряженіе и измѣнять міровыя отношенія въ смыслѣ своего сохраненія; въ положительныхъ наукахъ оно имѣетъ все совершенствующееся орудіе для достиженія этой своей цѣли. Внутри него развитіе кооперації во всѣхъ областяхъ жизни, общность языка, нравовъ, правовыхъ институтовъ, экономическихъ интересовъ, религіозныхъ вѣрованій, научныхъ и метафизическихъ понятій, эстетическихъ вкусовъ и практическихъ цѣлей создали цѣлую сѣть самымъ разнообразнымъ образомъ сплетающихся солидарныхъ отношеній. Широкая дифференціація всѣхъ родовъ и областей жизни и дѣятельности позволяетъ отдѣльной личности наслаждаться утонченной роскошью, изяществомъ и комфортомъ матеріальной жизни, переживать

произведенія геніальныхъ художниковъ во всѣхъ областяхъ искусства, испытывать высокое интеллектуальное наслажденіе, воспринимая глубокія, эстетически прекрасныя философскія концепціи, расширять свой жизненный процессъ въ тысячахъ другихъ жизней, самоотверженно любить и быть самоотверженно любимымъ.

Но доступное ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ совершенствомъ мысли и жизни, которое должно быть предполагаемо достигнутымъ въ будущемъ. Въ области мысли мы имѣемъ всѣ основанія предполагать безконечное расширеніе нашего кругозора относительно всѣхъ міровыхъ процессовъ, отъ механическихъ до соціологическихъ включительно. Взаимодѣйствіе прогресса всѣхъ областей научной мысли должно привести къ полному преобразованію каждой изъ нихъ, которое мы, однако, можемъ только предсказать, но не предвосхитить. Если наши чувства ограничиваютъ принципіально наше познаніе, то и эта граница не абсолютна: возникновеніе *новыхъ* органовъ чувствъ не стоитъ ни въ какомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что мы знаемъ объ условіяхъ возникновенія послѣднихъ и о фактическомъ ходѣ міровыхъ процессовъ. Въ настоящее время, можетъ быть, незамѣтно накопляются измѣненія въ нашей органической структурѣ, которыя на извѣстной ступени вдругъ окажутся новыми формами воспріятія и реакціи на процессы внѣшняго міра. Мы воздерживаемся отъ привлеченія магнетическихъ, телепатическихъ явленій и наблюдаемыхъ въ гипнотическихъ состояніяхъ необыкновенныхъ усиленій и измѣненій чувствительности для доказательства этой гипотезы. Но эти явленія дѣлаютъ, во всякомъ случаѣ, подобную гипотезу очень правдоподобной.

Съ усовершенствованіемъ всѣхъ мыслительныхъ процессовъ, съ высокою степенью исключенія изъ нихъ индивидуальныхъ и измѣнчивыхъ элементовъ, произойдетъ при ихъ посредствѣ объединеніе людей. Одинаковое отношеніе къ дѣйствительности станетъ могучимъ солидаризирующимъ элементомъ, и, въ связи съ предполагаемой солидаризаціей всѣхъ остальныхъ сторонъ соціальной жизни, можно предположить появленіе въ ограниченныхъ размѣрахъ новаго продукта космической эволюціи: *соціальнаго организма*, единства «человѣческихъ» личностей, достигшаго степени органическаго сліянія.

Но эти размышленія требуютъ двухъ очень важныхъ ограниченій. Во-первыхъ, возможность безконечнаго совершенствованія мірового процесса вообще, человѣческой мысли и жизни въ частности, ограничивается недостижимымъ нравственнымъ идеаломъ, т. е. постоянствомъ безъ измѣненій и отношеній. Слѣдовательно, антагонизмъ, диссолидарность, мно-

жественность, различіе должны быть мыслимы постоянными и вѣчными элементами мірового процесса, принимающими лишь новыя формы и комбинаціи. Во-вторыхъ, *мы не можемъ выйти изъ настоящаго и нашихъ предвосхищеній будущаго.* Мы рѣшительно не можемъ представить себѣ содержаніе ощущеній новаго органа чувствъ или признаки грядущаго соціальнаго организма высшаго порядка. Мы не можемъ даже представить себѣ будущее науки и общественной жизни въ ближайшее къ намъ время. Содержаніе науки съ ея несомнѣнными фактами, теоріями, гипотезами, предвидѣніями являются фактами настоящаго. Осуществленіе предвидѣннаго, провѣрка гипотезы, реализація предвосхищеннаго суть состоянія уже существенно различныя отъ состояній предвидѣнія, предположенія, предвосхищенія. «Непознанное», «непознаваемое», «недостижимое» не только перестаетъ быть непознаннымъ, непознаваемымъ и т. д., когда оно отчасти познано, оставаясь въ остальномъ именно тѣмъ, что прежде было признано непознаннымъ. Напротивъ, это совершенно другое состояніе, продуктъ другихъ отношеній и условіе другихъ процессовъ.

Задача научной философіи заключается поэтому лишь въ отысканіи путей усовершенствованія мысли и жизни, въ критикѣ ученій и практическихъ формъ, оказывающихся продуктами низшихъ ступеней развитія, и въ установленіи нормъ познанія и дѣятельности, исходя изъ *даннаго* мірового порядка. Слѣдствіемъ сказаннаго является и опредѣленное отношеніе къ метафизикѣ, религіи и искусству.

Метафизика претендуетъ на болѣе глубокое проникновеніе въ сущность бытія, но, какъ мы видѣли выше, она не только не даетъ того, что обѣщаетъ, а является рядомъ слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній и заключеній по поверхностной аналогіи, исправляемыхъ и сводимыхъ на законную почву научнымъ мышленіемъ. Она не только не указываетъ путей дальнѣйшаго прогресса знанія и реализаціи идеала, а своимъ ученіемъ объ абсолютномъ бытіи, данномъ ей помимо и независимо отъ научнаго знанія, и утвержденіемъ реальности нравственнаго мірового порядка она является существеннымъ препятствіемъ прогресса научнаго знанія и повсемѣстнаго приложенія научныхъ методовъ. Ея сущность въ томъ вѣдь и заключается, чтобы удовлетворить потребностямъ мысли къ законченности, единству и постоянству—части болѣе общей потребности неизмѣннаго витальнаго сохраненія. Но проникновеніе мышленія элементами научнаго міросозерцанія лишаетъ метафизику во все увеличивающемся количествѣ выдающихся умовъ ея біологическаго значенія. Ясное сознаніе нереальности продуктовъ метафизическаго мышленія, возникающій по-

а это приводило къ досаднымъ недоразумѣніямъ. Отчужденіе отъ общества, невниманіе къ неумѣстнымъ часто запросамъ современниковъ казалось многимъ пренебреженіемъ къ своимъ ближнимъ, превозношеніемъ надъ другими, достойными людьми, не прощавшими такого мнимаго ихъ оскорбленія, тѣмъ болѣе, что допускалось неумѣстное обзываніе цѣлаго общества именемъ толпы, черни и под. По нашему же мнѣнію необходимымъ и дѣйствительнымъ свойствомъ всякаго истиннаго художника надо признать скорѣе скромность, а никакъ не высокомѣріе; не приходится много думать о себѣ, о своихъ достоинствахъ, о своихъ отношеніяхъ къ обществу, тому, у кого почти все вниманіе поглощено своимъ дѣломъ, да притомъ человѣкъ съ тонкой и сильной впечатлительностію, изощреннымъ вкусомъ, скорѣе всякаго другого почувствуетъ и замѣтитъ малѣйшую ложь, дурной тонъ и въ своемъ поведеніи, и въ поведеніи съ нимъ другихъ лицъ. Поэтому о томъ, что будто бы людямъ свыше одареннымъ и ознаменовавшимъ себя важными заслугами въ области искусства, свойственно презирать другихъ и даже къ цѣлому обществу относиться съ пренебреженіемъ,—не приходится говорить: въ подобныхъ мнѣніяхъ больше нетерпимости и самолюбія, нежели правды со стороны тѣхъ, кто такъ думаетъ. Скорѣе, наоборотъ, грубое непониманіе, иногда же полное равнодушіе къ искусству, чѣмъ такъ нерѣдко общество награждаетъ своихъ великихъ людей, должны причинять этимъ людямъ тяжелыя минуты, сильныя огорченія. Такое явленіе, какъ можно видѣть изъ біографіи многихъ прославленныхъ лицъ,—до того обычно, что громкій и слишкомъ широкій и быстрый успѣхъ, достигнутый кѣмъ-либо на поприщѣ искусства, по всей справедливости, слѣдуетъ считать сомнительнымъ и въ значительной степени подозрительнымъ. Единственно только вѣра въ свое дѣло, въ великую его важность и необходимость для людей, можетъ закалить характеръ художника, сдѣлать его несокрушимымъ, а эта вѣра

IV.

Развитое ученіе о непознаваемомъ, о «вещи въ себѣ» можетъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ быть сравнено съ ученіемъ Канта. Для него было ясно, что реальная дѣйствительность исключаетъ и идеалъ абсолютнаго познанія, и абсолютный нравственный идеалъ. И первое, и послѣдній имѣютъ тождественный источникъ и тождественное содержаніе: постулаты чистаго разума. Но на этомъ сходство и кончается. Вещь въ себѣ является для него необходимымъ *объективнымъ* принципомъ опыта; послѣдній становится для него возможнымъ лишь черезъ существованіе *абсолютныхъ*, апріорныхъ и трансцендентальныхъ формъ; нравственность имѣетъ для него *абсолютное* содержаніе и *абсолютную* обязательность; она для него неразрывно связана съ представленіемъ Божества и съ вѣрою въ личное безсмертіе; она предполагаетъ для него *трансцендентную*, интеллигибельную свободу воли, не стоящую ни въ какой связи съ безусловнымъ детерминизмомъ опытнаго міра. Все это пункты, съ которыми не можетъ согласиться научная философія. Они имѣютъ свой источникъ въ неудовлетворительной теоріи познанія и ограниченныхъ этическихъ представленіяхъ. Основныя положенія Кантовой теоріи познанія пользуются въ современной философіи почти авторитетомъ догмъ. Реализмъ, эмпиризмъ, идеализмъ, имманентная философія—всѣ эти направленія принимаютъ, съ тѣми или другими оговорками, тезу Канта: «не вещи обусловливаютъ познаніе, а наоборотъ, познаніе обусловливаетъ вещи», «безъ субъекта нѣтъ объекта», «міръ намъ данъ, какъ фактъ нашего сознанія», «міръ есть наше представленіе»—это формулы, которыя считаются большинствомъ современныхъ философовъ неоспоримыми, и только небольшая группа мыслителей съ признаннымъ философскимъ значеніемъ—къ нимъ присоединился въ послѣднее время и Вундтъ*), не выводя однако необходимыхъ слѣдствій—рѣшительно возстаетъ противъ ихъ точности и плодотворности. Что касается этическихъ ученій Канта, то они немногими принимаются въ той абсолютной формѣ, въ которой они у него представлены, и мы думаемъ (воздерживаясь здѣсь отъ обоснованія нашей мысли), что ни одно изъ нихъ не можетъ быть вполнѣ принято.

*) Ueber kritischen und naiven Realismus; Philosophische Studien. Bd. XII.

Познаваемое.

I.

Трансцендентальный критицизмъ Канта и имманентный сознанію эволюціонизмъ содержитъ гносеологическое profession de foi большинства современныхъ философовъ. Несмотря на всю вѣскость аргументовъ, приводимыхъ противъ трансцендентализма имманентной философіей, онъ не имѣетъ основанія считать себя опровергнутымъ послѣднею, будучи въ состояніи привести противъ имманентной тезы такіе же вѣскіе аргументы. Слѣдуя по проложеннымъ Рихардомъ Авенаріусомъ путямъ, мы думаемъ, что ни та, ни другая изъ этихъ тезъ не разрѣшаютъ удовлетворительно гносеологической проблемы отношенія познанія къ бытію.

Резюмируемъ сперва критическіе доводы противъ обѣихъ тезъ, сдѣланные съ точки зрѣнія имманентной критики, а не съ достигнутой уже высшей точки зрѣнія. Мы можемъ ограничиться краткимъ формулированіемъ найденныхъ философской критикой несостоятельныхъ пунктовъ этихъ тезъ, бывшихъ въ теченіе цѣлаго столѣтія ея безпрестаннымъ объектомъ.

Трансцендентальная теза можетъ быть передана въ трехъ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) опытный міръ—физическій и психическій—есть *явленіе;* 2) основныя формы воспріятія и мышленія этого опытнаго міра существуютъ до него, предполагаются имъ и являются обязательными формами всякаго возможнаго опыта: онѣ суть a priori; 3) существуетъ вещь въ себѣ, къ которой не примѣнимы ни формы воспріятія, ни какія-либо изъ категорій. Но въ ней могутъ быть мыслимы, какъ реальные постулаты нравственной дѣятельности, свобода, абсолютный долгъ, безконечное продолженіе жизни, нравственный міровой порядокъ.

Предпосылаемъ результаты критики этой тезы: 1) неизбѣжное слѣдствіе утвержденія чистой феноменальности внѣшняго міра есть теоретическій индивидуалистическій солипсизмъ,—а это значитъ, что это утвержденіе приводитъ въ своихъ слѣдствіяхъ къ абсурду; 2) формы a priori во всемъ существенномъ подобны идеямъ Платона или же онѣ суть a posteriori, и мы возвращаемся къ точкѣ зрѣнія Юма; 3) понятіе вещи въ себѣ противорѣчиво и совершенно безсодержательно. Необходимость этого понятія для трансцендентальной теоріи познанія доказываетъ несостоятельность послѣдней.

Нѣтъ нужды долго распространяться объ этихъ положеніяхъ. Фихте, Гегель и Шопенгауэръ вывели необходимое солипсистическое слѣдствіе чистаго феноменализма. «Существую только я; міръ есть продуктъ моей нравственной воли»,—говоритъ первый. «Внѣ понятія нѣтъ бытія, существуетъ лишь развитіе мышленія»,—говорилъ второй. «Міръ есть иллюзія, ничто; истинное бытіе не имѣетъ ничего общаго съ пространственно-временнымъ»,—говорилъ третій. Отрицаніе существованія другихъ человѣческихъ существъ, органическаго и неорганическаго міра—таковы абсурдныя слѣдствія утвержденія: міръ есть фактъ моего сознанія.

Что касается a priori, то оно должно быть мыслимо существующимъ или *временно до* опыта, или лишь въ абстракціи, т. е. какъ существующее *въ* опытѣ, но съ особыми ему присущими качествами: быть имманентнымъ условіемъ всякаго опыта. Въ первомъ случаѣ никакой фактъ опыта не кроется въ самомъ бытіи апріорныхъ формъ: реальные процессы суть продукты воплощенія этихъ формъ въ матеріалъ опыта, а абстрактныя понятія образовались черезъ психическую обработку реальныхъ процессовъ. Формы a priori являются необходимо реальными коррелатами абстрактныхъ понятій пространства, времени, качества, количества, отношенія, модальности—Платоновыми идеями. И дѣйствительно, Кантъ утверждалъ существованіе трансцендентныхъ идей, которыя не могутъ быть познаны, вслѣдствіе отсутствія «интеллектуальнаго созерцанія». Шопенгауэръ прямо возвращается къ Платону въ своемъ ученіи объ идеяхъ, какъ объектахъ искусства, а Гегель превращаетъ логическій процессъ движенія понятій въ частный случай онтологическаго развитія абсолютнаго разума. Если же a priori существуетъ не до опыта, а лишь въ опытѣ и вмѣстѣ съ нимъ, то теряется его трансэмпирическій, принудительный для опыта характеръ, и мы возвращаемся къ теоріи образованія необходимыхъ истинъ a posteriori. Лишь большее постоянство и общность ихъ въ опытѣ обусловливали бы ихъ необходимость: послѣдній могъ бы и лишить ихъ этого качества.

Понятіе вещи въ себѣ, наконецъ, лишено смысла, разъ независимая отъ сознанія пространственно-временная матеріальная вещь обозначена какъ явленіе. Наши органы чувствъ и аффицирующія ихъ вещи улетучиваются въ критическомъ умѣ въ область «трансцендентально-идеальныхъ и эмпирически-реальныхъ» явленій, и на ихъ мѣсто приходится предположить вещь въ себѣ, для которой однако не находится никакихъ опредѣленій и приписывать которой какія-либо функціи—значитъ противорѣчить

теоріи, утверждающей чисто феноменальный характеръ причинности и тождества.

Этическія теоріи, связанныя съ ученіемъ о вещи въ себѣ, выходятъ изъ области теоріи познанія, и мы можемъ ихъ здѣсь не касаться.

II.

Таковы соображенія, которыми руководствовалось дальнѣйшее развитіе критицизма, приведшее многихъ современныхъ философовъ къ имманентной тезѣ теоріи познанія. Она можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: 1) Субъектъ и объектъ неразрывно связаны: безъ одного нѣтъ другого. Сознаніе, опытъ въ своихъ родовыхъ признакахъ является единственнымъ непосредственно даннымъ фактомъ. Онъ ни къ чему не сводимъ и къ нему примѣнимо скорѣе понятіе вещи въ себѣ, чѣмъ явленія. 2) Всѣ индивидуальные факты внѣшняго и внутренняго опыта подлежатъ причинному объясненію съ точки зрѣнія эволюціоннаго естествознанія и физіологической психологіи. Всѣ понятія имѣютъ своимъ источникомъ физически и физіологически обусловленный опытъ. Эти два положенія могутъ быть обозначены, какъ общепринятыя среди теоретиковъ познанія, взявшихъ исходной точкой своего мышленія кантовскій критицизмъ. Относительно возможности сведенія субъекта и объекта къ абсолютному единству мнѣнія расходятся. Одни (напр., Natorp, Riehl, Liebmann) видятъ здѣсь предѣльную границу познанія. Всякая попытка растворить матеріальный объектъ въ психическій фактъ неизбѣжно осуждена на неудачу,—говорятъ они. Другіе (напр., Schuppe, Rehmke, Schubert-Soldern), наоборотъ, утверждаютъ необходимость признанія абсолютнаго сознанія, въ которомъ объектъ существуетъ не внѣ и независимо отъ сознанія, какъ то имѣетъ мѣсто въ индивидуальныхъ фактахъ опыта, а совпадаетъ съ субъективнымъ фактомъ представленія. Міръ,—говорятъ они,—есть всеобъемлющее сознаніе, внѣ котораго ничего не существуетъ. Третьи, наконецъ (напр., Wundt, Fouillée, Paulsen), видятъ въ *волѣ* универсальную основу космическаго бытія, источникъ, изъ котораго и надъ которымъ вытекаетъ противоположеніе субъекта и объекта.

Предпосылаемъ результаты критическаго разбора этихъ положеній: 1) съ утвержденіемъ неразрывнаго отношенія между субъектомъ и объектомъ *никоимъ образомъ* не можетъ быть соглашена эволюціонная точка зрѣнія на міръ и человѣка; 2) отличеніе отъ индивидуальнаго сознанія и

опыта, сознанія и опыта вообще (Bewusstsein, Erfahrung überhaupt) и утвержденіе апостеріорности перваго и априорности второго такъ же подобно платоновской подстановкѣ абстрактныхъ понятій, какъ и априорныя формы Канта; 3) агностическое отрицаніе основы субъекта и объекта ведетъ къ чистому феноменализму, т. е. солипсизму; 4) метафизическая подстановка абсолютнаго сознанія есть дальнѣйшее развитіе платоновскаго идеализма въ теоріи познанія и не болѣе состоятельна, чѣмъ концепціи Шеллинга и Гегеля на основѣ философіи Канта; 5) подстановка воли, какъ сущности мира, противорѣчива и произвольна.

1) Теорія эволюціи, космической и органической, утверждаетъ, что міръ существовалъ безчисленное множество лѣтъ до появленія не только человѣка, но и органической жизни вообще. Она утверждаетъ, что механическіе процессы, предполагающіе пространство, время и массу, изъ имманентныхъ имъ условій создали дифференціацію первоначальной матеріи, обусловили образованіе планетной системы, опредѣлили эволюцію земли и усложнились наконецъ въ тѣ химическіе процессы и органическія формы, которые характеризуютъ жизнь. Въ органическомъ мірѣ эволюція пошла болѣе быстрымъ шагомъ: возникли растительный и животный міръ, возникъ человѣкъ и съ нимъ—высшая форма соціальной жизни. Съ общественно живущимъ человѣкомъ появились языкъ, религіозный культъ, нравственность, техника, далѣе—абстрактныя понятія математики и философіи, эмпирическія науки, искусство.

Въ полномъ противорѣчіи съ этой теоріей имманентная философія утверждаетъ: сознаніе, или познаніе, или опытъ не только не есть продуктъ развитія космической матеріи, но обусловливаетъ, включаетъ въ себѣ существованіе послѣдней. Причинность, тождество, пространство, время, масса суть продукты абстракціи изъ непосредственныхъ данныхъ сознанія; они являются коренными признаками всякаго сознанія вообще, суть въ этомъ смыслѣ a priori. Пусть естественныя науки объясняютъ эволюціоннымъ путемъ всѣ проявленія сознанія въ индивидуальныхъ, тѣлесныхъ личностяхъ; радикальный философскій анализъ покажетъ коренное единство опыта, тождество его съ сознаніемъ, эфемерный характеръ самостоятельности и предшественности механическихъ процессовъ.

Несмотря на почти всеобщее признаніе имманентными философами эволюціонной теоріи (какъ извѣстно, не безусловно совпадающей съ дарвинизмомъ или эволюціонной формулой Спенсера), мы утверждаемъ *пол-*

ную непримиримость эволюціонной и имманентной тезы, необходимость отказаться отъ той или отъ другой.

По нашему мнѣнію, стоитъ только ясно формулировать эти точки зрѣнія, чтобы увидѣть ихъ непримиримость. Или сознаніе существовало до эволюціи, предшествовало развитію—тогда оно не является продуктомъ послѣдняго; или же сознаніе не существовало до эволюціи, развитіе предшествовало ему во времени—тогда пространство, время, масса, движеніе существуютъ независимо отъ сознанія, ранѣе его и обусловливаютъ его появленіе, если признать послѣднее обусловленнымъ. Далѣе, или теорія эволюціи есть игра иллюзій, которая происходитъ внутри сознанія, разсматривающаго свои формы и содержанія въ извѣстномъ порядкѣ, но которой не соотвѣтствуютъ ничто реальное, или эволюція есть реальный процессъ, происходящій внѣ сознанія, независимо отъ него и начавшійся за безконечныя времена до его появленія. Но, можетъ быть, эволюціонная теорія передаетъ если не реальный, независимый отъ сознанія процессъ, то и не чисто субъективную иллюзію, а символизируетъ въ терминахъ врожденныхъ сознанію формъ и принциповъ, воспріятія и мышленія какой-нибудь процессъ, въ своей непосредственной сущности недоступный? Это было бы исходомъ изъ антиноміи. Но, къ сожалѣнію, эта попытка примиренія рушится въ самомъ началѣ критическаго разбора ея. Если пространство, время, масса, движеніе, процессъ, развитіе являются опредѣленіями нашего опыта, нашего сознанія, то эволюціонная теорія не можетъ быть символомъ реальнаго *процесса,* реальнаго коррелата пространственно-временнаго *развитія.* Эволюція оказывается неизбѣжно субъективной иллюзіей, которой въ ея собственномъ, внутреннемъ содержаніи ничто объективно не можетъ соотвѣтствовать.

Другой выходъ: можетъ быть, можно признать на-ряду съ субъективными формами воспріятія и мышленія имъ соотвѣтствующіе трансцендентные коррелаты. Можетъ быть, наше сознаніе точно отражаетъ независимо отъ него существующій реальный міръ, и, такимъ образомъ, теорія эволюціи можетъ все-таки имѣть реальное значеніе.

Но и этотъ выходъ, принимаемый нѣкоторыми современными философами, несомнѣнно неудовлетворителенъ. Разъ анализъ пространства, времени, категорій привелъ къ отрицанію ихъ транссубъективнаго характера; разъ опредѣленія этихъ содержаній приводятъ къ отнесенію ихъ къ основнымъ владѣніямъ сознанія, отъ него неразрывнымъ, то этимъ самымъ и сдѣлано невозможнымъ утвержденіе ихъ транссубъективной реальности. Стоять на точкѣ зрѣнія апріоризма и утверждать трансцендентную ре-

альность пространства и времени—значитъ подкапывать почву подъ ногами, не сходя съ мѣста.

Итакъ, мы не видимъ выхода изъ антиноміи: или эволюціонизмъ, или имманентная философія; или бытіе существуетъ до сознанія и создаетъ послѣднее, или бытіе существуетъ лишь въ сознаніи, неразрывно съ послѣднимъ и является его опредѣленіемъ. Отъ чего отказаться? Если эволюціонизмъ кажется всякому научному философу неотрицаемымъ результатомъ современной научной мысли, то неразрывность субъекта и объекта считается имъ непоколебимой аксіомой теоріи познанія. Для неокончательно предубѣжденнаго ума ясное проникновеніе этимъ противорѣчіемъ должно привести или къ новому просмотру гносеологической проблемы отношенія познанія къ бытію, или же—если традиціонный результатъ кажется непоколебимымъ—къ скептическому воззрѣнію на возможность для человѣческаго ума достигнуть ясности относительно основныхъ вопросовъ человѣческой мысли.

2) Но имманентная философія предлагаетъ еще другой выходъ изъ диллемы: различеніе между конкретнымъ, индивидуальнымъ сознаніемъ и сознаніемъ вообще. Эволюціонизмъ,—говоритъ она,—поставилъ бы себѣ совершенно невозможную задачу, если бы онъ хотѣлъ объяснить возникновеніе сознанія въ его родовыхъ признакахъ. Сознаніе—фактъ первичный и предполагаемый эволюціонной теоріей во всѣхъ ея элементахъ. Но задачей послѣдней является объясненіе *временной данности* всякой индивидуальной формы, человѣка съ его конкретнымъ сознаніемъ включительно. Такимъ образомъ, эволюціонизмъ исполняетъ свою функцію, не противорѣча, а включаясь въ высшую тезу: всѣ опредѣленія бытія суть опредѣленія сознанія.

Это рѣшеніе кажется на первый взглядъ удовлетворительнымъ. Его придерживаются всѣ сторонники имманентной философіи. Но несостоятельность его ясна для всякаго, окончательно искоренившаго платоновскую привычку представлять абстрактныя понятія въ формѣ реальныхъ основъ и двигателей конкретныхъ фактовъ, отъ которыхъ они отвлечены. Сознаніе вообще, сознаніе въ его родовыхъ признакахъ—ощущеніяхъ, чувствованіяхъ, образахъ, мысляхъ—отвлечено отъ признаковъ, общихъ индивидуальнымъ сознаніямъ. Какъ *всякое абстрактное понятіе*, сознаніе вообще не имѣетъ объективнаго коррелата—также и въ смыслѣ существованія его *въ* конкретномъ объектѣ (какъ это утверждаетъ логикъ школы Шуппе) *). Не существуетъ рядомъ съ индивидуальными сознанія-

*) См. ниже.

ми родового, и родовые признаки сознанія даны въ каждомъ индивидуальномъ сознаніи не въ формѣ абстрактнаго понятія сознанія вообще, а въ формѣ признаковъ, ничѣмъ не отличающихся въ данномъ конкретномъ случаѣ отъ другихъ видовыхъ и индивидуальныхъ признаковъ. Сознаніе, какъ абстрактное понятіе, существуетъ, слѣдовательно, не ранѣе и не независимо отъ индивидуальнаго сознанія, а послѣ и какъ одинъ изъ фактовъ, одно изъ абстрактныхъ понятій послѣдняго. Но индивидуальное сознаніе признается подлежащимъ эволюціонному объясненію, слѣдовательно, и сознаніе вообще подлежитъ послѣднему и не существуетъ какъ условіе и основа эволюціоннаго процесса. Мы опять оказываемся лицомъ-къ-лицу передъ дилеммой: или эволюція, или имманентность бытія въ сознаніи.

«Однако,—возразитъ имманентный философъ,—нужно условиться о смыслѣ термина «объясненіе». Если понимать подъ нимъ сведеніе одного содержанія на другое, то индивидуальное сознаніе такъ же мало, какъ и сознаніе вообще, можетъ быть объяснено эволюціонной теоріей, исходящей изъ чисто механическихъ фактовъ. Между движеніемъ и ощущеніемъ, чувствованіемъ, мыслью остается непроходимая пропасть. Если же эволюціонная теорія хочетъ лишь черезъ изслѣдованіе механики мозга и его взаимодѣйствія съ внѣшнимъ міромъ открыть законы сосуществованія и послѣдовательности психическихъ фактовъ, то эта задача совершенно различная и нисколько не противорѣчащая гносеологическому изслѣдованію априорныхъ и апостеріорныхъ формъ познанія дѣйствительности и констатированію имманентности послѣдней въ трансцендентальномъ, родовомъ сознаніи. Отвѣчаемъ на это слѣдующее: мы считаемъ какой-либо фактъ «объясненнымъ», «яснымъ», если мы разложили его на сумму намъ извѣстныхъ элементарныхъ частей, или если мы познали его, какъ необходимое слѣдствіе намъ извѣстныхъ условій. Въ первомъ случаѣ комплексъ элементовъ отличенъ отъ каждаго отдѣльнаго элемента, и синтезъ не можетъ предшествовать анализу, т. е. мы не можемъ въ мысли создавать изъ элементовъ соединенія, которыхъ мы не встрѣтили въ природѣ, не можемъ представить себѣ чисто синтетическимъ путемъ совершенно новыя, неиспытанныя качества. Всѣ качественныя различія міра являются поэтому констатированными фактами, *въ* которыхъ мы открываемъ знакомые намъ болѣе общіе элементы, но которыхъ мы не можемъ конструировать a priori. Во второмъ случаѣ дѣло идетъ о нахожденіи условій даннаго факта, *въ немъ не содержащихся*, ему предшествующихъ и существующихъ въ другихъ комбинаціяхъ независимо отъ него. Въ этомъ случаѣ еще менѣе, чѣмъ въ

первомъ, можно говорить о качественномъ сведеніи одного факта на другой, потому что качественное различіе условій отъ обусловленнаго лежитъ уже въ самомъ понятіи условій, какъ *обусловливающихъ* данный фактъ, съ ними не тождественный, съ ними не данный, за ними слѣдующій. Само собою разумѣется, что фактъ долженъ быть уже данъ, для того чтобы можно было отыскивать его условія. Какъ нельзя конструировать не данныя качества a priori, точно также нельзя отыскивать условія къ не данному и не представляемому факту.

Послѣдній случай и есть случай эволюціонной теоріи. Она пытается отыскать условія данныхъ формъ. Констатируя фактъ сознанія, она пытается найти *условія его возникновенія, ему предшествовавшія*. Въ этомъ заключается punctum saliens всего вопроса. Эволюціонная теорія видитъ въ пространственно-временныхъ механическихъ процессахъ условіе, *предшествовавшее* возникновенію сознанія. Сознаніе должно было быть дано для того, чтобы можно было изслѣдовать условія его возникновенія; но эти условія, по самому ихъ понятію, констатируются, какъ существовавшія ранѣе сознанія. И далекая отъ того, чтобы предпочитать изслѣдованіе индивидуальнаго сознанія, эволюціонная теорія ставитъ себѣ сперва сравнительно болѣе легкую задачу: изслѣдовать условія возникновенія родовыхъ признаковъ сознанія: она какъ разъ стремится объяснить «сознаніе вообще»!

Итакъ, если пространство, время, движеніе суть опредѣленія сознанія, не существуютъ внѣ и независимо отъ него, то должно признать попытку эволюціонизма или невозможной, или иллюзорной. Различеніе между индивидуальнымъ сознаніемъ и сознаніемъ вообще не измѣняетъ положенія. Сознаніе, вообще взятое, какъ реальное, внѣ и до индивидуальнаго сознанія, есть реализація абстрактнаго понятія и исключаетъ эволюціонную задачу нахожденія условій послѣдняго.

III.

Очевидное несовершенство гносеологической точки зрѣнія имманентной философіи имѣетъ слѣдствіемъ рядъ другихъ несостоятельныхъ утвержденій. Если объектъ данъ лишь съ субъектомъ, не существуетъ до и независимо отъ него, то должно существовать, въ основѣ дуалистическаго отношенія между обоими, бытіе, изъ котораго истекаетъ тотъ и другой. Чистый феноменализмъ отрицаетъ такое бытіе, философія сознанія (собственно

такъ называемая имманентная философія) видитъ его въ абсолютномъ, всеобъемлющемъ сознаніи, волюнтаризмъ видитъ его въ волѣ.

Чисто феноменалистическая точка зрѣнія не имѣетъ у современныхъ ея представителей характера субъективнаго идеализма Бэркли или Фихте. Напротивъ, характерной чертой первыхъ является ихъ склонность къ эволюціонизму, механическому міропониманію и ихъ энергическая защита реальности феноменальнаго міра. Утверждая реальное существованіе объектовъ естественныхъ наукъ, признавая научный характеръ за гипотезами и теоріями послѣдней, они еще болѣе противорѣчатъ «критическому» принципу своей теоріи, чѣмъ философы сознанія и волюнтаристы. Если реальный міръ является лишь фактомъ человѣческаго сознанія, существующимъ лишь для этого сознанія, то, повторяемъ еще разъ, невозможно никакое объясненіе возникновенія сознанія изъ реальнаго міра, какъ существовавшаго до него. *Необходимое, неизбѣжное* логическое послѣдствіе чистаго феноменализма—это субъективизмъ, отрицаніе независимаго человѣческаго и нечеловѣческаго бытія и уничтоженіе принципа, изъ котораго исходитъ идеализмъ,—принципа абсолютной и непосредственной реальности сознанія: сознаніе другой человѣческой личности, въ родовыхъ признакахъ сходное съ собственнымъ сознаніемъ чистаго феноменалиста, должно быть признано послѣднимъ несуществующимъ непосредственно и независимо отъ его собственнаго сознанія. Но если сознаніе другой человѣческой личности не можетъ быть признано непосредственно даннымъ фактомъ, то и собственное сознаніе, даже въ его родовыхъ признакахъ, не является непосредственно даннымъ фактомъ: *результатъ мышленія изъ исходной точки идеализма есть ея отрицаніе*. Принимая поэтому научный характеръ, феноменалистическая теорія познанія показываетъ мощь, съ которою традиціонная гносеологическая догма пробивается, какъ результатъ критическихъ размышленій надъ человѣческимъ познаніемъ, несмотря на фатальную непримиримость ея съ результатами прогрессирующаго научнаго знанія.

4) Идеалистическая теорія познанія, пришедшая къ отрицательному результату въ критикѣ теоріи трансцендентальныхъ апріорныхъ формъ и вещи въ себѣ и принявшая имманентную форму, принуждена была искать a priori въ имманентныхъ формахъ человѣческаго сознанія вообще. Независимо отъ индивидуальнаго, возникающаго и исчезающаго, конкретнаго и перемѣннаго сознанія, она принимаетъ существованіе «сознанія вообще», транссубъективныя формы котораго и представляютъ собой необходимыя формы всякаго мыслимаго бытія. Это сознаніе вообще удовлетво-

ряетъ всѣмъ требованіямъ, которыя ставятся абсолютному субстрату феноменовъ. Оно едино, безпричинно, вѣчно и т. д. И дѣйствительно, имманентная философія приходитъ къ опредѣленію бытія, какъ единаго и всеобъемлющаго сознанія, въ которомъ представленіе и вещь, познаніе и объектъ совпадаютъ, представляя собою опредѣленныя и вѣчныя модификаціи его, подобныя безконечнымъ модусамъ Спинозы. Конкретныя вещи и конкретныя сознанія истекаютъ изъ абсолютнаго сознанія; какимъ образомъ и на основаніи какихъ мотивовъ въ абсолютномъ сознаніи—оказывается недоступнымъ пониманію первичнымъ фактомъ, констатированіемъ котораго приходится ограничиться.

Но, спросимъ мы, для чего, если не для объясненія познанія опытнаго міра и его внутренняго содержанія изобрѣтено гносеологическое и метафизическое понятіе сознанія вообще? Имъ должны быть объяснены законы нашего мышленія, ихъ примѣнимость и значеніе для познанія реальнаго міра, наконецъ, сама качественная структура послѣдняго, включающаго и индивидуальныя сознанія. Однако первая же попытка уясненія отношенія его къ реальному міру наталкивается на полную невозможность перехода отъ абсолютнаго, единаго, вѣчно тождественнаго сознанія, въ которомъ дуализмъ субъекта и объекта совершенно отсутствуетъ, къ міру измѣнчивыхъ, разнообразныхъ и многочисленныхъ, переходящихъ и обусловленныхъ фактовъ, къ индивидуальнымъ понятіямъ съ ихъ психо-физіологической обусловленностью, къ индивидуальнымъ сознаніямъ съ ихъ эмпирическимъ бытіемъ. Сознаніе вообще оказывается непригоднымъ къ объясненію какого бы то ни было факта, будь то познаніе или реальная дѣйствительность. Послѣднія остаются сами по себѣ, а оно само по себѣ: два царства, раздѣленныя недоступнымъ океаномъ и соединенныя лишь ложно направленнымъ мышленіемъ. И это нисколько не удивительно, если вспомнить, что сознаніе вообще есть не что иное, какъ абстрактное понятіе, подставленное на мѣсто реальныхъ процессовъ. Такъ же мало, какъ идеи Платона и субстанція Спинозы, можетъ оно быть послѣдовательно продумано, какъ реальная основа бытія.

5) Остается еще теорія развивающейся и приходящей къ самосознанію воли, какъ абсолютнаго субстрата феноменальнаго міра. Эта теорія опирается на три слѣдующихъ аргумента: а) Основной фактъ непосредственно даннаго сознанія, изъ котораго развиваются всѣ сложные факты послѣдняго, суть стремленія и чувствованія. Они-то и должны быть послѣдними психическими элементами мірового бытія и развитія. b) Различіе между субъектомъ и объектомъ, распаденіе первоначально единаго опыта

въ «я» и «не я» предполагаетъ существованіе воли. Черезъ нее рѣзко противополагается міръ произвольнаго дѣйствія, измѣненія и устраненія отъ міра противодѣйствія, отъ неустранимаго волевымъ актомъ, причиняющаго боль и отвращеніе бытія. Слѣдовательно, воля лежитъ въ основѣ матеріальнаго и психическаго бытія. c) Объективный коррелатъ волевыхъ актовъ въ человѣческомъ организмѣ—это движеніе. Во всѣхъ случаяхъ движенія должно принять существованіе внутренняго коррелата, болѣе или менѣе соотвѣтствующаго сознаваемымъ нами волевымъ фактамъ.

Первые два аргумента могутъ быть приводимы въ пользу метафизики воли лишь на основаніи гносеологической предпосылки: все непосредственно данное есть фактъ сознанія, слѣдовательно, нѣтъ независимаго отъ сознанія бытія. Но эта предпосылка противорѣчитъ, какъ мы видѣли, эволюціонной теоріи, и, если послѣдняя имѣетъ объективное значеніе, метафизическіе выводы изъ этой предпосылки необходимо должны быть несостоятельны. И дѣйствительно, что значитъ примать воли надъ интеллектуальными фактами и ея значеніе въ опредѣленіи и направленіи самосознанія? Это не значитъ, что интеллектуальные факты въ послѣднемъ анализѣ оказываются волевыми фактами. Никогда ощущенія не могутъ быть сведены въ своемъ внутреннемъ содержаніи на стремленіи. Воля не есть также обусловливающая причина слѣдующихъ за нею ощущеній, представленій, понятій. Ей недостаетъ для того, чтобы быть причиной, во-первыхъ, необходимаго постоянства, пребыванія во времени въ тождественномъ сознаніи, во-вторыхъ — независимо отъ нея существующаго факта, на который она могла бы оказывать причинное вліяніе. Стремленія и чувствованія даны въ сознаніи въ безпрестанномъ теченіи и измѣненіи, и кромѣ нихъ въ сознаніи имѣются лишь факты, представленія и мысли, которыя по предположенію должны быть обусловлены волей, вытекать изъ нея. Очевидно, примать воли заключается лишь въ ея, къ тому еще гипотетическомъ, временномъ предшествіи интеллектуальнымъ фактамъ. Условія же ея, также какъ и послѣднихъ, лежатъ во взаимодѣйствіи нашей физіологической организаціи съ окружающей ее средой, являющемся, согласно эволюціонной теоріи, дѣйствительнымъ субстрактомъ и воли, и мысли.

Точно такъ же и распаденіе непосредственнаго опыта на «я» и «не я» при посредствѣ воли не только не доказываетъ метафизическаго характера воли, но совершенно ясно показываетъ неизбѣжность предположенія матеріальнаго міра для всякаго изслѣдованія сознанія въ его условіяхъ, развитіи и содержаніяхъ. Недифференцированная масса первоначальнаго

опыта,—говорятъ волюнтаристическіе психологи,—распадается подъ вліяніемъ противодѣйствія, оказываемаго вещами внѣшняго міра волевымъ попыткамъ индивидуума: оно скоро научаетъ послѣдняго отличать свое тѣло, мысли, воспоминанія, желанія отъ тѣлъ другихъ людей и отъ остальныхъ вещей. Но не заключаетъ ли эта психогенетическая теорія неизбѣжнаго признанія существованія независимыхъ отъ нашего сознанія матеріальнаго міра и физіологической организаціи, отъ которыхъ зависитъ существованіе и развитіе сознанія? Воля не самодѣятельно производитъ внѣшній міръ, какъ объектъ своего дѣйствія, а является лишь посредственнымъ членомъ въ признаніи его существованія и далекая отъ того, чтобы самой расчлениться на прежде не существовавшіе объективный и субъективный міры, она является функціей процессовъ объективнаго міра, отъ которыхъ зависитъ сознаніе, функціей одареннаго нервной системой организма, сохраняющагося во-внѣ его находящейся, ограничивающей его сохраненіе средѣ.

Наконецъ, распространеніе воли на всѣ матеріальныя тѣла является совершенно произвольнымъ и безсодержательнымъ расширеніемъ факта одушевленія. Воля является коррелатомъ не движенія вообще, а движенія, имѣющаго своимъ источникомъ процессъ иннерваціи мышцъ. Отсюда по аналогіи можно сперва вывести существованіе воли у всѣхъ одаренныхъ нервной системой существъ. Распространять эту аналогію на всѣ самодѣятельно производящія движеніе существа, на всѣ организмы является уже отчасти дѣломъ научной цѣлесообразности, отчасти дѣломъ личнаго вкуса. При достаточно объективномъ понятіи процесса сохраненія организма, въ отличіе отъ простой косности неорганизованныхъ существъ, гипотеза сознательности низшихъ организмовъ и растеній не имѣетъ никакой научной цѣнности. Во всякомъ случаѣ «душа» низшихъ животныхъ и растеній должна быть признана совершенно отличною отъ нашего сознанія. Но если мы отвлечемся въ мышленіи объ этой душѣ отъ всѣхъ признаковъ нашего сознанія, то что же мы будемъ мыслить подъ этой душой? Очевидно, абсолютный x. Совершенно неизвѣстное же не можетъ имѣть никакого объяснительнаго значенія, и предполагать или не предполагать его будетъ совершенно безразлично. На самомъ дѣлѣ остаются для опредѣленія низшаго сознанія исключительно объективные признаки, какъ «чувствительность», т. е. фактъ реакціи на внѣшнія раздраженія, которая не сопровождается ни ощущеніями, ни чувствованіями—чисто физіологическое явленіе.

Гипотеза одушевленія теряетъ всякое научное значеніе, какъ только она переносится за предѣлы органическаго міра, въ міръ неорганическій.

Здѣсь всякая аналогія съ объективными фактами, сопровождающими сознаніе, исчезаетъ. Основной признакъ органической реакціи—самодѣятельность и самоопредѣленіе—отсутствуютъ въ механическихъ явленіяхъ. Безусловная смерть, безусловное отсутствіе всякихъ признаковъ сознательной жизни характеризуютъ неорганическій міръ.

Не научныя потребности, а мистическій пантеизмъ и интеллектуально утонченный, приспособленный къ современнымъ научнымъ требованіямъ анимизмъ идеалистической метафизики создали теорію всемірнаго одушевленія. Современные волюнтаристы утверждаютъ однако чисто логическую необходимость приписыванія гипотетической субстанціи естественныхъ наукъ—атому—психическаго качества стремленія.

Во-первыхъ,—говорятъ они,—если мы не предположимъ въ самомъ началѣ матеріальной эволюціи также исходнаго пункта эволюціи психической, появленіе на извѣстной ступени перваго луча сознанія останется для насъ необъяснимымъ чудомъ. Параллельно съ эволюціей первоначально однородной матеріи посредствомъ дифференціаціи и интеграціи должна была идти эволюція психическихъ атомовъ. Въ противномъ случаѣ мы принуждены принять точку зрѣнія грубаго матеріализма. утверждать происхожденіе духа изъ матеріи. Во-вторыхъ,—продолжаютъ они,—самый фактъ развитія непонятенъ безъ предположенія въ развивающемся центрѣ стремленія къ самосохраненію, воли къ жизни. Безъ послѣдней непонятны борьба за существованіе, естественный и половой подборы, приспособленіе и наслѣдственность, однимъ словомъ, непонятна вся органическая эволюція.

Но и тотъ и другой доводъ не могутъ имѣть характера логической необходимости, которая имъ приписывается, уже потому, что логика не должна требовать предположенія, какъ объясняющаго фактора, намъ совершенно неизвѣстнаго и непредставляемаго, какимъ является для насъ сознаніе атома. Но и по существу нѣтъ никакой необходимости дѣлать такое предположеніе. Какъ уже было выше указано, объясненіе посредствомъ установленія условій не только не требуетъ тождества условій съ обусловленнымъ или сводимости обусловленнаго на условія, но исключаетъ и то. и другое. Эволюціонная теорія преслѣдуетъ только этотъ родъ объясненія. Она ищетъ пути возникновенія матеріальныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ сознаніе. Она не думаетъ отождествлять его съ какимъ-нибудь комплексомъ матеріальныхъ атомовъ, ни разложить его на комплексъ атомовъ психическихъ. Таковъ несомнѣнно характеръ въ исторіи науки возникшей эволюціонной теоріи. Можно постулировать еще параллельную теорію эво-

люціи психическаго міра изъ однородныхъ психическихъ элементовъ, но эта теорія отличалась бы отъ космогонической и біологической теоріи развитія. Имѣетъ ли подобная теорія смыслъ—осталось бы открытымъ вопросомъ. Для насъ онъ былъ бы рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ фактическимъ ходомъ развитія человѣческаго знанія и отсутствіемъ у психическихъ фактовъ всѣхъ логически необходимыхъ признаковъ субстратовъ эволюціонныхъ процессовъ.

Такъ же мало, какъ для объясненія возникновенія сознанія, гипотеза психическихъ атомовъ необходима для пониманія процессовъ органической эволюціи. Стремленіе къ самосохраненію, воля къ жизни имѣютъ субъективный, психическій характеръ; опредѣленная структура космическихъ отношеній между элементарными основами эволюціи и организація центровъ развитія, обусловливающая реакціи ихъ на воздѣйствія среды въ смыслѣ интегральнаго сохраненія формы, суть факты объективные, имѣющіе біомеханическій характеръ. Но лишь послѣдніе констатируются и обозначаются понятіями борьбы за существованіе, приспособленія, усовершенствованія. Всюду, гдѣ предположеніе психической жизни имѣетъ сколько-нибудь опытную основу, преобладающее значеніе воли къ жизни въ психическихъ процессахъ является слѣдствіемъ зависимости сознанія отъ біологической организаціи, характернымъ признакомъ которой является структура реакцій ея, какъ процессовъ, направленныхъ на возстановленіе колеблющагося равновѣсія. Психическій фактъ стремленія къ самосохраненію является лишь функціей тѣхъ матеріальныхъ процессовъ, отъ которыхъ зависитъ сохраненіе организма и данность которыхъ въ элементарныхъ формахъ является необходимымъ условіемъ космической и органической эволюціи.

Итакъ, ни одинъ изъ эмпирическихъ аргументовъ въ пользу первичной данности воли въ міровомъ процессѣ не кажется намъ состоятельнымъ. Но мы оставались до сихъ поръ въ области научнаго, естественнаго и психологическаго знанія: дѣло шло не объ отрицаніи самостоятельности и независимости матеріальнаго міра, а лишь объ утвержденіи равной самостоятельности и одинаковой первичности міра психическаго. Метафизическій же волюнтаризмъ претендуетъ въ высшемъ философскомъ синтезѣ, основанномъ на гносеологическомъ утвержденіи непосредственной данности сознанія и лишь феноменальнаго значенія матеріальнаго міра, утвердить теорію воли, какъ абсолютнаго, единственно реальнаго субстрата космической и психической эволюціи. Что эта теорія основана на рядѣ противорѣчивыхъ и противорѣчащихъ мотивовъ—не трудно доказать. Не-

реальность матеріальнаго міра, фактъ эволюціи отъ безсознательнаго къ сознательному, господство воли въ психической жизни и опредѣленіе познанія волевыми актами аперцепціи—вотъ главные изъ этихъ мотивовъ. Но лишь феноменальное существованіе матеріальнаго міра непримиримо съ теоріей эволюціи. Кромѣ того, переходъ отъ воли къ объективному сознанію такъ же мало понятенъ, какъ переходъ отъ абсолютнаго сознанія къ сознаніямъ индивидуальнымъ. Волюнтаристическая метафизика такъ же мало состоятельна, какъ и философія сознанія или чистый феноменализмъ, и имманентная философія, такъ же, какъ и трансцендентальная, наталкиваются въ своихъ гносеологическихъ утвержденіяхъ на непреодолимыя препятствія къ достиженію яснаго и цѣльнаго міровоззрѣнія.

IV.

Изъ предыдущаго, надѣемся, слѣдуетъ по меньшей мѣрѣ необходимость новаго просмотра основныхъ посылокъ традиціонной теоріи познанія. По нашему мнѣнію, разнородныя и разнообразныя попытки рѣшить проблемы познанія, не прекращающіяся по настоящее время и причиняющія основтельнымъ мыслителямъ столь большія умственныя напряженія, имѣютъ въ своей основѣ *ложную исходную точку гносеологическаго мышленія*, принимаемую за аксіоматически очевидную, примиреніе которой съ данными научнаго опыта и представляетъ не разрѣшимую задачу, открывающую этимъ самымъ возможность неисчерпаемыхъ модификацій формъ, въ которыхъ предполагается ея разрѣшеніе. Въ этомъ лежитъ оправданіе предпринятой Авенаріусомъ радикальной реформы исходныхъ точекъ теоріи познанія. Основныя положенія новой точки зрѣнія мы и намѣрены здѣсь изложить, въ совершенно самостоятельной формѣ.

Прежде всего должно раскрыть нѣкоторую тавтологію, играющую немаловажную роль въ кажущейся очевидности господствующаго гносеологическаго догмата. Въ познаніи, опытѣ, сознаніи даны въ формахъ воспріятій, представленій, понятій, сужденій всѣ элементы познанія. Наше мышленіе о пространственныхъ формахъ, движеніяхъ, космическихъ образованіяхъ дано въ понятіяхъ и представленіяхъ, въ сужденіяхъ и заключеніяхъ—въ фактахъ нашего сознанія. Отсюда непосредственно слѣдуютъ лишь тавтологическія положенія: *все содержаніе нашего познанія есть содержаніе нашего познанія, или: познаніе неразрывно связано съ познаніемъ, или: внѣ познанія не существуетъ познаннаго, или: знаніе предполагаетъ фактъ знанія.*

Но подъ руками гносеологіи эти положенія превращаются въ слѣдующія, будто бы неспоримыя, утвержденія: весь внѣшній міръ, всѣ объекты естествознанія суть содержанія нашего сознанія, не существуютъ внѣ и безъ послѣдняго, суть явленія въ сознаніи, или: объектъ неразрывно связанъ съ субъектомъ; внѣ и независимо отъ субъекта не существуетъ объекта, такъ какъ всякая попытка мыслить независимый объектъ предполагаетъ уже существованіе мыслящаго субъекта, или: бытіе есть знаніе, сознаніе.

Никто не будетъ утверждать, что первыя положенія тождественны со вторыми или что послѣднія могутъ быть непосредственно выведены изъ первыхъ Несомнѣнно, мы знаемъ внѣшній міръ лишь посредствомъ нашихъ воспріятій, представленій и понятій. Мы обозначаемъ воспринятое, анализируемъ его, сравниваемъ съ другими намъ извѣстными содержаніями, констатируемъ близкія и отдаленныя сходства и различія—въ этомъ состоитъ наше знаніе. Но изъ этого *непосредственно не слѣдуетъ, что лишь воспріятія существуютъ, что,* разъ бытіе намъ доступно лишь при посредствѣ воспріятій, *единственно воспріятія и остальные факты сознанія имѣютъ непосредственную реальность.*

Сужденіе объ отношеніи знанія или болѣе широкаго понятія—сознанія къ бытію должно явиться слѣдствіемъ нашихъ размышленій надъ взаимнымъ отношеніемъ этихъ двухъ содержаній, размышленій, ничѣмъ, кромѣ своего предмета, не отличающихся отъ размышленій надъ взаимнымъ отношеніемъ какихъ-либо другихъ содержаній дѣйствительности, и рѣшеніе вопроса въ смыслѣ тождества или различія и причиннаго отношенія между бытіемъ и сознаніемъ можетъ имѣть мѣсто лишь на основаніи болѣе содержательныхъ посылокъ, чѣмъ вышеприведенныя тавтологическія положенія.

Тавтологія, заключающаяся въ утвержденіи имманентности познанія познанію, навряд ли остановила на себѣ вниманіе гносеологовъ. Иначе они не утверждали бы указанныхъ параллельно идущихъ содержательныхъ и ложныхъ гносеологическихъ положеній, стоящихъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ теоріями и методами естествознанія и психологіи. Мы утверждаемъ поэтому, что истинны лишь эти тавтологическія положенія. Они имѣютъ значеніе для установленія основного *методологическаго* требованія теоріи познанія, по которому изслѣдованіе познанія должно предполагать существованіе познанія, т. е.: *теорія познанія должна, какъ всякая наука, предполагать существованіе своего предмета, какъ отъ познанія его, науки о немъ, отличнаго.* Въ сущности и это положеніе есть тавтологія:

теорія познанія есть теорія познанія, но важность его формулировки заключается въ противоположеніи имъ теоріи познанія естественнымъ наукамъ, не предполагающимъ существованія познающаго человѣка, какъ объекта изслѣдованія. «Познающій субъектъ» предполагается лишь наукой, изслѣдующей его самого, не наукой, изучающей «познанный объектъ». И мы утверждаемъ *ложность* утвержденій неразрывности познанія и вещи, сознанія и бытія, опыта и міра.

Прослѣдимъ развитіе гносеологической ошибки отъ самаго возникновенія ея до дальнѣйшихъ ея развитій въ нынѣ господствующихъ теоріяхъ.

V.

Локкъ, изслѣдуя объективное значеніе ощущеній, слѣдуетъ, въ своемъ раздѣленіи ихъ на первичныя и вторичныя качества, современному ему теченію въ области основныхъ положеній физики. Первичныя качества протяженности, непроницаемости, числа, движенія свойственны самимъ вещамъ, вторичныя—цвѣта, звуки и т. д.—являются символами первичныхъ качествъ, стоящими съ послѣдними въ неизмѣнныхъ закономѣрныхъ отношеніяхъ.

Но его послѣдователи, изъ которыхъ одинъ руководится теологическими воззрѣніями, другой—антипатіей къ схоластической метафизикѣ и раціональной теологіи, перешагнули черезъ границу приспособленія теоріи познанія къ пріемамъ положительныхъ наукъ. Бэркли, развивая далѣе психологическую сторону локковской теоріи, имѣющей главнымъ образомъ гносеологическій характеръ, вывелъ критическія слѣдствія новаго психологическаго открытія. Пространство, матерія, движеніе,—нашелъ онъ,—даны также лишь въ ощущеніяхъ, какъ и цвѣта, запахи и т. п.; мы не имѣемъ никакихъ другихъ способовъ проникнуть въ сущность бытія, кромѣ нашихъ ощущеній; бытіе, намъ доступное, есть фактъ нашего воспріятія: esse est percipi. Дальнѣйшее заключеніе изъ этого познанія состоитъ для него въ томъ, что весь матеріальный міръ есть субъективная иллюзія, нисколько не подобная истинному бытію. Послѣднее же есть міръ духовъ—созданій Творца.

Юмъ, въ свою очередь, имѣетъ въ виду опроверженіе теоріи метафизическихъ сущностей и гипотезы о человѣкоподобныхъ дѣятеляхъ въ механической природѣ. Но онъ идетъ гораздо далѣе, выводя всѣ слѣдствія изъ

направленія своей гносеологической мысли. Послѣдняя ярко характеризуется преслѣдуемой имъ задачей: *анализировать совокупность даннаго въ непосредственномъ чувственномъ воспріятіи, внѣшнемъ и внутреннемъ, не прибѣгая ни къ какимъ побочнымъ гипотезамъ и вспомогательнымъ понятіямъ*. Имѣющееся въ послѣдовательныхъ моментахъ предо мною зрительное поле не содержитъ въ себѣ ничего другого, кромѣ комплекса воспринимаемыхъ и воспроизводимыхъ зрительныхъ, осязательныхъ, обонятельныхъ, вкусовыхъ и т. д. ощущеній, внутреннихъ состояній удовольствія, страданія, голода, удовлетворенія и т. п. Я констатирую временную послѣдовательность и пространственную связь между этими различными содержаніями, сходства ихъ и ихъ связей съ другими мнѣ извѣстными, вспоминаемыми содержаніями. Въ этомъ матеріалѣ непосредственнаго опыта и лежитъ основа всѣхъ отвлеченныхъ понятій, между прочимъ и понятій субстанціи и причинности. Такъ какъ непосредственный чувственный опытъ является единственнымъ закономѣрнымъ источникомъ отвлеченныхъ понятій, то субстанція не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ тѣми качествами въ комплексѣ ощущеній, называемомъ вещью, которыя отличаются бо́льшимъ постоянствомъ, которыя остаются неизмѣннымъ субстратомъ появляющихся и исчезающихъ качествъ. Точно такъ же, въ основѣ понятія причинности можетъ лежать лишь послѣдовательность ощущеній во времени, и убѣжденіе въ неизбѣжномъ слѣдованіи одного факта за другимъ основано лишь на много разъ *испытанной* послѣдовательности между этими двумя фактами, а не на проникновеніи во внутреннюю природу одного изъ нихъ, какъ необходимо производящаго другой. Наконецъ, духовной сущностью оказывается связка представленій (a bundle of perceptions), какъ единственно данный въ опытѣ фактъ. Результатъ этого анализа Юмъ видитъ въ необходимости ограничиться въ вопросахъ о существованіи и закономѣрности внѣшняго міра, о безсмертіи души и бытіи Божіемъ практической увѣренностью. Мудрое устройство жизни должно быть направлено на созданіе полезнаго и достиженіе счастья; для него достаточна практическая увѣренность относительно этихъ вопросовъ; отъ недостижимой же теоретической увѣренности должно отказаться.

Попытаемся немедленно установить истинную цѣнность этихъ теорій, въ которыхъ безъ сомнѣнія кроются причины необыкновенной трудности удовлетворительнаго разрѣшенія гносеологическихъ вопросовъ. Мы откроемъ основную ошибку Бэркли и Юма, если послѣдуемъ по тому пути, который приводитъ ихъ къ отрицанію данной реальности внѣшняго міра. Источники образованія всѣхъ общихъ понятій (или, для Бэркли, общихъ обозна-

ченій), говорятъ они, лежатъ въ впечатлѣніяхъ нашихъ чувствъ. Въ непосредственно данномъ опытѣ должны мы искать основу всѣхъ элементовъ отвлеченнаго мышленія. Но легко замѣтить, что *непосредственность* чувственнаго опыта является таковою лишь въ сравненіи съ отвлеченными отъ него общими понятіями. Послѣднія посредственны въ отношеніи перваго, первый непосредственъ въ отношеніи послѣднихъ. Непосредственность оказывается относительнымъ признакомъ явленій, обусловленное болѣе сложною цѣпью причинъ характеризуется какъ посредственное по отношенію къ данному при менѣе сложной комбинаціи условій: послѣднее изъ непосредственнаго превращается въ посредственное при сравненіи съ еще болѣе элементарно и повсемѣстно даннымъ фактомъ. Такъ и наши впечатлѣнія оказываются, по признанію всѣхъ теоретиковъ познанія въ началѣ ихъ изслѣдованія, обусловленными внѣшними процессами, возбуждающими наши органы чувствъ, и природой послѣднихъ. Бэркли и Юмъ, утверждая, что пространство, матерія, движеніе суть наши ощущенія, *предполагали дѣйствительность пространства, матеріи движенія независимо отъ нашего ощущенія.*

Что слѣдуетъ изъ этого познанія? Традиціонная гносеологія и видитъ главную заслугу этихъ философовъ въ томъ, что, по неизбѣжной необходимости исходя изъ точки зрѣнія наивнаго воззрѣнія на міръ, они радикальнымъ образомъ опровергли ее, установивъ разъ навсегда исходныя точки философскаго изслѣдованія познанія. Предположенныя дѣйствительными пространство, матерія, движеніе оказываются для философскаго анализа отвлеченными изъ данныхъ въ непосредственномъ опытѣ ощущеній понятіями, и утвержденіе ихъ независимой отъ субъекта сверхопытной дѣйствительности является уже требующей обстоятельнаго обоснованія и даже мало вѣроятной, метафизической гипотезой.

Иначе смотритъ на это эмпиріокритицизмъ, основанный Авенаріусомъ. Онъ рѣшительно отказывается признать опровергнутою точку зрѣнія естественно-научнаго наивнаго реализма, по меньшей мѣрѣ поскольку послѣдній признаетъ за *первичными* качествами значеніе независимо отъ субъекта и его познанія существующаго бытія. Онъ обосновываетъ свою точку зрѣнія, во-первыхъ, имманентной критикой гносеологическаго феноменализма, доказывая, какъ это сдѣлано нами выше, необходимое отрицаніе въ результатѣ гносеологическаго изслѣдованія исключительной феноменальности матеріальнаго міра, т. е. отрицаніе того самаго «критическаго результата», который феноменализмъ и признаетъ непоколебимымъ достояніемъ философіи. Во-вторыхъ, онъ доказываетъ положительнымъ изслѣдо-

ваніемъ необходимость для теоріи познанія исходить изъ анализа положенія, содержанія и развитія познанія въ рамкахъ реальнаго міра, существующаго, съ точки зрѣнія естествознанія, независимо и раньше познанія и являющагося объектомъ послѣдняго. Это онъ дѣлаетъ слѣдующимъ образомъ.

VI.

Кромѣ воспріятій, представленій, понятій, сужденій, чувствованій, желаній существуетъ еще воспринимаемое, представляемое, мыслимое бытіе, возбуждающее чувствованія, вызывающее желанія. Оно не совпадаетъ ни съ однимъ изъ этихъ фактовъ, оно не связано неразрывно ни съ однимъ изъ нихъ; оно существуетъ независимо отъ нихъ, ранѣе ихъ; оно обусловливаетъ ихъ появленіе. Никакой критическій анализъ даннаго опыта не можетъ свести бытіе къ какому-либо факту познанія или воли, потому что понятіе бытія радикальнымъ образомъ противорѣчитъ понятіямъ ощущенія, воспріятія, вообще понятіямъ всѣхъ фактовъ сознанія. Все, что есть сознаніе, не есть бытіе; все, что есть бытіе, не есть сознаніе. Этотъ отрицательный признакъ бытія не есть плодъ философской теоріи, которой можетъ быть противопоставлена другая философская теорія. Онъ коренится въ сознаніи всего мыслящаго и инстинктивно опредѣляющаго человѣчества.

Въ воспріятіи бытіе не входитъ въ сознаніе, а *констатируется,* какъ воспринятое въ своемъ независимомъ отъ сознанія бытіи. «Воспріятіе» обозначаетъ тѣ характерныя органическія ощущенія, которыя даны съ функціонированіемъ нашихъ органовъ чувствъ. «Воспринимать» значитъ «видѣть», «слышать», «осязать» и т. д. Зрѣніе ни въ какомъ смыслѣ не походитъ на свѣтъ и цвѣта, осязаніе—на непроницаемыя твердыя или мягкія массы и т. д. Вещь опредѣленной формы, опредѣленнаго аггрегативнаго состоянія, стоящая въ опредѣленномъ положеніи къ другимъ окружающимъ ее вещамъ и т. д., воспринимается во всѣхъ своихъ качествахъ, какъ внѣ и независимо отъ насъ существующая.

За всякимъ воспріятіемъ слѣдуетъ актуально или потенціально воспроизведеніе воспринятаго содержанія, внутреннее представленіе его. Оно не совпадаетъ съ послѣднимъ; рѣзкое отличіе его заключается при нормальномъ состояніи, въ ясномъ сознаніи недѣйствительности представляемаго содержанія, неданности его внѣ сознанія, въ окружающей средѣ. Но

всѣ качественные элементы воспринятаго даны, въ менѣе интенсивной формѣ, также и въ представленіи.

Въ мышленіи отдѣльные признаки воспринятаго бытія получаютъ самостоятельное существованіе; констатируются ихъ отношенія и связи съ другими признаками, ихъ сходства и различія и т. д. Но всѣ содержанія мышленія, какъ таковыя, ярко характеризуются своей недѣйствительностью въ окружающей средѣ, своимъ лишь субъективнымъ характеромъ, своей зависимостью отъ сложныхъ условій отвлеченнаго мышленія.

Еще далѣе идетъ субъективность и зависимость чувствованій и желаній. Имъ присуще полное отсутствіе постоянства, повторенія въ тождественныхъ признакахъ и связяхъ. Ихъ условія постоянно даны въ другихъ комбинаціяхъ и въ измѣнчивыхъ формахъ. Совершенно тождественныхъ чувствованій и желаній въ различные моменты времени не существуетъ.

И въ области воспріятія критическая мысль находитъ уже въ самомъ началѣ ея упражненія измѣнчивые, субъективные, зависящіе отъ измѣнчивыхъ и преходящихъ условій элементы. Весь міръ свѣтовыхъ переливовъ и цвѣтовыхъ эффектовъ, весь міръ звуковъ и гармоній оказываются несуществующими для лишеннаго какого-либо изъ существенныхъ условій зрѣнія или слуха. Но и для зрячаго цвѣта имѣютъ тотъ или другой характеръ въ зависимости отъ измѣнчивыхъ и индивидуальныхъ условій точки зрѣнія, освѣщенія, непосредственно передъ этимъ видѣннаго, часто случающихся недостатковъ въ зрительномъ аппаратѣ; интенсивность и характеръ звука зависятъ отъ отдаленія, тонкости слуха и степени акустическаго упражненія слушающіго. Въ области вкусовъ и запаховъ индивидуальныя различія почти такъ же велики, какъ въ области чувствованій; ощущенія тепла и холода зависятъ отъ очень измѣнчиваго физіологическаго нулеваго пункта, возможна и полная анэстезія къ ощущеніямъ температуры. Наконецъ, въ области осязанія—ощущенія давленія, твердости, мягкости и т. п. различаются у различныхъ индивидуумовъ, на различныхъ мѣстахъ тѣла, въ различные моменты, при различныхъ предшествовавшихъ ощущеніяхъ.

Также и воспріятіе вещи въ ея пространственномъ отдаленіи и положеніи, въ ея индивидуальныхъ качествахъ и отношеніяхъ, оказывается зависимымъ отъ ряда субъективныхъ факторовъ. Направленіе вниманія, предшествовавшій опытъ, ассоціаціи чувствительныхъ возбужденій съ двигательными напряженіями опредѣляетъ самый фактъ воспріятія въ данный моментъ данной вещи съ данными признаками въ данныхъ качественныхъ и пространственныхъ отношеніяхъ сходства, различія, положенія, отдале-

нія. Констатируются обманы глазомѣра, т. е. ложныя оцѣнки величины и отдаленія, иллюзіи, и, наконецъ, чисто субъективными процессами воспроизводится въ галлюцинаціяхъ реальная вещь, какъ совершенно независимый объектъ воспріятія.

Эти факты заставляютъ подвергнуть содержанія нашего опыта, въ особенности содержанія воспріятія, критическому анализу съ цѣлью отличенія элементарнаго, всюду и всегда даннаго, независимаго отъ какихъ-либо измѣнчивыхъ, преходящихъ содержаній бытія, данныхъ ограниченно во времени и пространствѣ, отъ содержаній, данныхъ лишь вслѣдствіе *взаимоотношеній* между элементами бытія: между послѣдними—взаимоотношеній, данныхъ постоянно и повсемѣстно, отъ отношеній временно и пространственно ограниченыхъ, между послѣдними въ особенности—взаимоотношеній между организаціей человѣка въ его видовыхъ признакахъ и остальными элементами и комбинаціями бытія отъ отношеній послѣднихъ къ опредѣленнымъ эпохамъ человѣческаго развитія, къ отдѣльнымъ человѣческимъ группамъ, наконецъ—къ отдѣльнымъ человѣческимъ личностямъ въ индивидуальной организаціи, подготовкѣ, средѣ и въ послѣдовательныхъ моментахъ ихъ жизни.

Что на ряду съ содержаніями, зависимыми въ различной степени, существуетъ совершенно независимое бытіе—это является основнымъ предположеніемъ всей критической задачи, безъ котораго она теряетъ и смыслъ, и содержаніе. Задача критическаго анализа опыта заключается не въ томъ, чтобы установить, существуетъ ли бытіе и познаваемо ли оно: эти вопросы являются слѣдствіемъ трудности для мышленія несомнѣннаго отличенія бытія отъ совокупности іерархически расположенныхъ ступеней фактовъ, зависимыхъ отъ взаимодѣйствій комплексовъ элементовъ бытія—явленій. Лишь вслѣдствіе фактической данности и содержимости въ опытѣ бытія, мышленіе могло себѣ задать противорѣчивый вопросъ о существованіи бытія и его познаваемости. Задача критическаго анализа заключается на самомъ дѣлѣ въ установленіи того, *что* есть бытіе, *что*—явленіе, *что*—явленіе болѣе объективное, что—менѣе объективное ,что—субъективное.

Такимъ образомъ, совокупность данныхъ опыта распадается на два ряда фактовъ: 1) рядъ независимый—общераспространенные, всегда данные элементы съ ихъ общераспространенными и всегда данными элементарными отношеніями и соотношеніями, въ различныхъ степеняхъ пространственно и временно ограниченными, въ различныхъ степеняхъ сложными и 2) рядъ зависимый—содержанія, никогда не тождественныя съ независимыми элементами, но имѣющія своимъ условіемъ различныя по

структурѣ и распространенности комбинаціи независимыхъ элементовъ, стоящія съ послѣдними въ неразрывной закономѣрной связи, являющіяся *символами, явленіями* ихъ.

Зависимый рядъ можетъ быть констатируемъ въ человѣческомъ сознаніи и, отчасти, въ сознаніи животныхъ. Всѣ остальныя содержанія суть различныя комбинаціи и взаимодѣйствія независимыхъ элементовъ. Зависимый рядъ можетъ быть потому названъ также субъективнымъ или сознательнымъ рядомъ. Изученіемъ независимаго ряда въ совокупности его элементовъ и ихъ отношеній занимаются естественныя науки, онѣ же, въ связи и при помощи логической критики, устанавливаютъ основные признаки независимаго бытія. Изслѣдованіе независимаго ряда въ его качественныхъ содержаніяхъ, качественныхъ и временныхъ связяхъ этихъ содержаній и ихъ зависимости отъ независимаго ряда является задачей психологіи.

Наука о сознаніи, или о зависимомъ рядѣ опыта, или о субъективномъ, опирается необходимо на результаты добытаго естественными науками познанія независимаго ряда, такъ какъ ея конечная задача и заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ отысканіи неразрывныхъ функціональныхъ отношеній между совокупностью зависимыхъ и независимыхъ данныхъ. Теорія эволюціи учитъ ее пониманію происхожденія тѣхъ органическихъ формъ, отъ которыхъ, какъ она констатируетъ, непосредственно зависитъ сознаніе; теорія жизненныхъ функцій посвящаетъ ее въ сложный механизмъ динамическихъ отношеній между организмомъ и его средой, а анализъ содержанія, качественныхъ и временныхъ связей фактовъ сознанія даетъ направленіе и основу для гипотезъ о характерѣ и связяхъ независимыхъ процессовъ, непосредственно еще недоступныхъ морфологическому и экспериментальному изслѣдованію.

Изученіе сознанія и его условій включаетъ изслѣдованіе основъ, происхожденія и развитія нашихъ воспріятій пространственно-временнаго матеріальнаго міра во всѣхъ тѣхъ качествахъ послѣднихъ, которыя обусловлены отношеніемъ окружающей человѣческій организмъ среды къ его специфической, сложной структурѣ; затѣмъ—нашихъ представленій объ этомъ мірѣ, нашихъ понятій и сужденій о субстанціяхъ, свойствахъ, причинахъ, конкретныхъ причинныхъ связяхъ, познаніи, волѣ. Отвлеченное понятіе о существованіи, совершенно независимомъ отъ нашего бытія, является, какъ понятіе, фактомъ нашего сознанія, и открытъ совокупность его условій въ другихъ фактахъ сознанія и въ независимыхъ процессахъ, лежащихъ въ основѣ сознанія, составляетъ также одну изъ задачъ психологическаго изслѣдованія.

Объяснительнымъ принципомъ сознательныхъ процессовъ служилъ до послѣднихъ десятилѣтій исключительно законъ ассоціаціи идей или представленій въ духѣ англійской эмпирической школы или Гербарта. Вундтомъ введенъ въ психологію новый объяснительный принципъ—принципъ господства воли надъ теченіемъ сознательной жизни въ обусловливающемъ всѣ факты сознанія синтетическомъ принципѣ аперцепціи. На-ряду съ психологическимъ объясненіемъ сознанія современная психологія, вооружившись психологическимъ экспериментомъ, стремится отыскать также идущіе параллельно сознанію физіологическіе процессы.

Рихарду Авенаріусу психологія обязана теоріей сознанія, *какъ зависимаго витальнаго ряда.* Какъ члены зависимыхъ витальныхъ рядовъ, какъ моменты въ сохраненіи опредѣленнаго развитіемъ органическаго міра, наслѣдственностью, совокупностью предшествовавшихъ естественныхъ и соціальныхъ условій человѣческаго организма въ окружающей его средѣ—содержанія сознательной жизни получаютъ совершенно новое освѣщеніе, становятся совсѣмъ иначе понятны, чѣмъ при помощи неопредѣленныхъ тезисовъ: «воля господствуетъ надъ интеллектомъ», или «вниманіе движется по линіи наибольшаго удовольствія», или: «аперцептивная реакція опредѣляется прошедшимъ сознанія и настоящимъ объектомъ».

Для пониманія исторіи философіи интересно раздѣлить витальные ряды на *объемлющіе и частичные.* Витальный рядъ происходитъ или въ ограниченной части центральной нервной системы: дѣло идетъ о возстановленіи равновѣсія какой-нибудь или нѣсколькихъ частичныхъ отдѣловъ системы при посредствѣ ограниченнаго ряда моторныхъ и нутритивныхъ измѣненій организма или произведенія имъ ограниченныхъ измѣненій въ средѣ,—или же витальный рядъ можетъ охватить *всю* систему, и измѣненія направлены на сохраненіе системы во всѣхъ ея частяхъ. Зависимый рядъ независимаго частичнаго ряда можетъ быть названъ *практическимъ;* зависимый рядъ независимаго объемлющаго ряда—*метафизическимъ.* Въ исторіи философіи на всемъ ея протяженіи мы встрѣчаемъ представителей того и другого типа мышленія. Софисты и Платонъ, Локкъ и Спиноза, Юмъ и Бэркли, Контъ и Кантъ являются характерными представителями обоихъ типовъ. Эмпирикъ и позитивистъ обращаетъ главное свое вниманіе на рѣшеніе временныхъ и относительныхъ задачъ человѣчества въ смыслѣ подчиненія силъ природы послѣднему и увеличенія счастья всего человѣчества и единичной личности. Онъ отказывается отъ недостижимой увѣренности вѣчнаго продолженія личной жизни, неограниченной свободы самоутвержденія, объективнаго существо-

ванія всемогущей справедливости. Онъ указываетъ на ограниченность нашихъ знаній, на относительное лишь значеніе нашихъ вѣрованій въ объективное бытіе и закономѣрность природы, на невозможность абсолютнаго познанія; онъ проповѣдуетъ постоянную опытную провѣрку и усовершенствованіе при помощи растущаго опыта нашихъ знаній, при отсутствіи абсолютныхъ внутреннихъ критеріевъ истины и недостижимости абсолютнаго познанія.

Метафизикъ, напротивъ, исходитъ изъ безусловнаго требованія безграничнаго сохраненія жизни и счастья, безграничной свободы, неограниченнаго господства нравственнаго закона въ объективномъ мірѣ. Первой и основной преградой для осуществленія этихъ требованій является тѣлесный, чувственный міръ неодушевленнаго, нецѣлесообразнаго, обманчиваго и противорѣчиваго, преходящаго и низменнаго бытія. Въ послѣднемъ видитъ онъ принципъ, противоположный духовному міру—міру разума и цѣлесообразной дѣятельности. Если эмпирикъ поспѣшилъ вывести изъ данныхъ въ воспріятіяхъ внѣшняго міра субъективныхъ элементовъ лишь феноменальный характеръ всего пространственно-временнаго міра подъ вліяніемъ своего стремленія подчеркнуть относительность и обусловленность всего человѣческаго знанія и человѣческой дѣятельности, то метафизикъ спѣшитъ объявить этотъ міръ лишь иллюзіей или явленіемъ для того, чтобы завоевать свободное поле для воплощенія своихъ стремленій къ неограниченному господству духа въ понятіяхъ о бытіи. Если Юмъ сдѣлалъ изъ своей гносеологической критики утилитаристическій и позитивный выводъ, и Милль и Контъ въ существенномъ приняли и первый и второй, то Бэркли поставилъ на мѣсто разрушеннаго матеріальнаго міра міръ духовъ, созданный Благимъ Началомъ, и германскій критическій исеализмъ пошелъ по тому же пути.

VII.

Итакъ, Бэркли и Юмъ погрѣшили противъ основного предположенія человѣческаго мышленія, предположенія существованія независимаго отъ сознанія и мышленія бытія, и «критически» доказали иллюзорность и недоступность подобнаго бытія. Это положеніе стало непоколебимымъ догматомъ всей послѣдующей философіи и привело мышленіе къ тѣмъ «неразрѣшимымъ» проблемамъ, которыя до настоящаго времени не перестаютъ быть предметомъ усиленной умственной работы.

Значеніе гносеологическихъ ученій Бэркли и Юма усиливалось пси-

хологической цѣнностью ихъ теорій, въ особенности теорій послѣдняго. Наши сужденія объ отдаленности предметовъ опредѣляются по теоріи Берклі ассоціированными съ зрительными ощущеніями, ощущеніями движенія или напряженія, потребнаго для приближенія и осязанія предмета. Въ связи съ его гносеологической теоріей это познаніе, принятое и современной психологіей, служитъ основой для вывода чистой субъктивности пространства.

Еще важнѣе заслуги Юма предъ психологіей. Различіе вещи отъ качества, обусловленное бо́льшимъ постоянствомъ нѣкоторыхъ изъ объективныхъ состояній сознанія въ сравненіи съ болѣе измѣнчивыми состояніями; зависимость нашей вѣры въ закономѣрную связь явленій отъ повторенія испытанной послѣдовательности ихъ и отъ образованія тѣсныхъ ассоціацій между ними; наконецъ, уничтоженіе психической субстанціи, подобной вещи—всѣ эти ученія принадлежатъ Юму. Но ни понятіе объективной субстанціи, ни понятіе безусловной закономѣрности естественныхъ явленій не уничтожены его критикой, такъ какъ *постоянство* нѣкоторыхъ изъ ощущеній, лежащее въ основѣ отличенія вещи отъ качества, предполагается имъ, какъ *объективное условіе* образованія понятія вещи, а повтореніе и связь между представленіями, дающія основу понятіямъ причинъ, имѣютъ для него условіемъ *объективное закономѣрное отношеніе* между послѣдовательностью, повтореніемъ и связью впечатлѣній и вѣрованіемъ въ ихъ причинную связь. Въ основѣ анализа образованія понятій вещи и причинности у него лежитъ предположеніе объективной реальности человѣка и окружающей его среды.

Но мнимое уничтоженіе реальности послѣднихъ дѣлаетъ также *психологическіе* результаты его изслѣдованій шаткими и безпочвенными. Наши ощущенія и представленія лишены всякаго постоянства: они безпрерывно измѣняются въ потокѣ сознанія; существуя сами лишь моментально, они не могутъ быть условіями какихъ-либо другихъ процессовъ. Поэтому выведеніе вещи изъ постоянства ощущеній лишено смысла; поэтому теорія ассоціаціи идей, теорія памяти, и, въ особенности, теорія упражненія, привычки, висятъ у Юма совершенно въ воздухѣ. У него отсутствуетъ физіологическая точка зрѣнія, которая одна изученіемъ вліянія внѣшнихъ раздраженій на безпрестанно измѣняющійся въ своей воспріимчивости организмъ можетъ привести къ надежнымъ результатамъ относительно образованія нашихъ представленій о вещи, пространствѣ, времени, причинности и т. д. Но эту ступень психологическаго познанія достигаемъ мы лишь въ настоящее время. Юму и его современникамъ она была недоступ-

на, и при ея помощи произошла въ наше время эмансипація отъ гносеологической ошибки, которая казалась до сего времени хотя и непримиримой съ методами положительныхъ наукъ, но непоколебимой «философской» истиной. Отъ Юма же философская мысль двинулась къ Канту.

Кантъ былъ пробужденъ Юмомъ отъ «догматической дремоты» Вольфовой философіи. Вѣра въ неограниченную компетентность разума въ дѣлѣ автономнаго разрѣшенія вопросовъ о происхожденіи и сущности бытія разрушилась предъ неотразимымъ сознаніемъ несравнимости субъективныхъ понятій съ бытіемъ и невозможности выйти за предѣлы опытнаго познанія. Оставались для рѣшенія вопроса о природѣ познанія: 1) фактъ существованія чисто дедуктивныхъ наукъ, требующихъ полной общепризнанности и необходимости своихъ результатовъ, какъ математика и математическое естествознаніе; 2) фактъ существованія метафизическихъ изслѣдованій, переступающихъ всякій возможный опытъ, о причинахъ, структурѣ, цѣляхъ бытія и о вѣчномъ продолженіи жизни; наконецъ, 3) принятое, какъ неоспоримая аксіома, ученіе Локка и Юма объ образованіи всѣхъ отвлеченныхъ понятій изъ впечатлѣній, дѣлаемыхъ внѣшнимъ міромъ на наши чувства, изъ «опыта», не дающаго никакихъ вѣчныхъ, общераспространенныхъ и общеобязательныхъ истинъ. Изъ этихъ предпосылокъ слѣдовала подлежащая разрѣшенію проблема: всѣ понятія образуются изъ чувственнаго опыта, не гарантирующаго ни общеобязательности, ни общепризнанности; существуетъ рядъ понятій, претендующихъ на общепризнанность и общеобязательность, рядъ сужденій о бытіи, не только не опирающихся на опытъ, но имѣющихъ для него законодательный характеръ. *Откуда эти свойства понятій, откуда синтетическія сужденія a priori?*

Два пути открывались для рѣшенія вопроса. Первый состоялъ въ критикѣ юмовской теоріи опыта и открытіи лежащей въ ея основѣ аксіомы о существованіи независимаго отъ опыта бытія, обусловливающаго появленіе и содержанія опыта. Анализъ основныхъ элементовъ независимаго бытія и познаніе неизбѣжной данности ихъ во всякомъ опытѣ объяснилъ бы ихъ законодательный характеръ для опыта, проявляющійся въ отвлеченныхъ отъ опыта понятіяхъ, а дальнѣйшее изслѣдованіе менѣе общихъ содержаній воспріятія и мышленія руководилось бы взаимодѣйствіемъ сложныхъ комбинацій элементовъ бытія съ человѣческимъ организмомъ.

Или же можно было согласиться съ Юмомъ, что независимый отъ сознанія міръ намъ недоступенъ ни въ своемъ существованіи, ни въ своихъ качествахъ, и объяснить законодательный характеръ математическихъ, механическихъ и метафизическихъ сужденій гипотезой опредѣленія опыта

трансцендентальной дѣятельностью познавательной способности. Нашъ опытъ потому не растворяется въ хаосѣ несвязанныхъ, преходящихъ, измѣнчивыхъ и субъективныхъ ощущеній, что, согласно этому рѣшенію, какъ извѣстно, созданному Кантомъ, въ основѣ нашего воспріятія и мышленія, въ познавательной способности лежатъ чистыя *формы* созерцанія и мышленія опытнаго міра. Нашъ опытъ есть продуктъ творчества трансцендентальнаго субъекта, включающаго безпорядочный матеріалъ ощущеній въ чистыя созерцанія пространства и времени и навязывающаго ему основныя опредѣленія своего мышленія. Отсюда сверхопытный и въ то же время объективный характеръ математики, теоретическаго естествознанія и метафизики. Понятія и созерцанія переступаютъ опытъ, потому что въ опытѣ они являются лишь отблесками необходимыхъ основъ послѣдняго.

Такъ возникъ послѣ усиленной и богатой результатами работы мысли трансцендентальный апріоризмъ Канта съ свойственными ему на почвѣ критицизма неразрѣшимыми противорѣчіями: безсодержательнымъ и противорѣчивымъ понятіемъ вещи въ себѣ, отрицаемою, но необходимо слѣдующею иллюзорностью пространственно-временнаго міра, неизбѣжною субъективностью апріорныхъ формъ, претендующихъ быть объективными основами опыта, наконецъ, чисто миѳологическимъ характеромъ апріорныхъ понятій и формъ, какъ платоновскихъ идей и чистыхъ формъ созерцанія, существующихъ, какъ формы созерцанія, *раньше* наполненныхъ опытнымъ матеріаломъ пространственно-временныхъ созерцаній и отвлеченныхъ отъ нихъ научныхъ понятій пространства и времени.

Послѣдующая критическая философія стремилась очистить критицизмъ отъ этихъ противорѣчій. Какъ мало ей это удалось относительно вещи въ себѣ и чистаго феноменализма—мы видѣли выше. Разсмотримъ теперь попытку психическаго (волюнтристическаго) эволюціонизма устранить платоновскій и миѳологическій характеръ ученія о категоріяхъ, формахъ созерцанія и трансцендентальной синтетической дѣятельности апперцепціи, и попытку имманентной философіи обосновать объективный, сверхъ-индивидуальный характеръ апріорныхъ формъ.

VIII.

Психическій эволюціонизмъ выводитъ апріорное значеніе категорій и формъ воспріятія изъ внутренняго условія всякаго опыта—сознанія. Развитіе психическихъ волевыхъ элементовъ міра,—учитъ онъ,—привело къ возникновенію той комбинаціи ихъ, которая дана въ человѣческомъ созна-

ніи съ его единствомъ, ограниченнымъ полемъ воспріятія и вниманія (перцепціи и апперцепціи), съ руководящимъ значеніемъ воли въ формѣ внимательности и стремленія надъ всѣмъ ходомъ психической жизни. Изъ данной, синтетической и волевой, соединяющей и дифференцирующей структуры сознанія слѣдуютъ съ необходимостью категоріи тождества, противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія, а также и формы воспріятія—пространство и время.

Вундтъ и Фулье, главные представители этого направленія, вполнѣ солидарны относительно этой дедукціи апріорныхъ формъ. Апперцепція для одного, воля къ жизни для другого являются источникомъ всѣхъ основныхъ, такъ же какъ и частныхъ представленій о мірѣ не только въ психологическомъ смыслѣ реальныхъ основъ появленія представленій и понятій въ индивидуальномъ сознаніи, но и «въ послѣднемъ анализѣ» онѣ являются условіемъ существованія самыхъ основныхъ признаковъ опытнаго міра.

Но эта дедукція несостоятельна. Кромѣ того, что субективизмъ категорій, долженствующихъ, по своему понятію, быть наиболѣе объективными основами опыта, въ ней выступаетъ еще рѣзче, чѣмъ въ трансцендентальной дедукціи Канта, она, такъ же какъ и дедукція Юма и Канта, неизбѣжно предполагаетъ дѣйствительный міръ, изъ котораго эти категоріи отвлечены, безъ котораго, при исключительной данности сознанія, онѣ не существовали бы, и выводитъ ихъ изъ структуры сознанія, послѣ того, какъ она по поверхностной аналогіи приписала сознанію объективныя опредѣленія. «Единство», «узость», «синтетическая дѣятельность« сознанія суть не что иное, какъ аллегорическія перенесенія на сознаніе количественныхъ и пространственныхъ понятій, предположенныхъ уже данными. Точно также эта дедукція предполагаетъ тождество и причинность, вещь и качество, которыя она якобы выводитъ изъ единства сознанія. Ясно, что вещи, качества, количества и т. д. должны быть признаны *объективными, независимо и до сознанія существующими содержаніями бытія.*

Имманентная философія Шуппе, Ремке и др., представляющая наиболѣе совершенную и современную попытку примиренія кантовскаго критицизма съ данными положительныхъ наукъ и съ дѣйствительными процессами мышленія, вполнѣ ясно сознала эту истину. Всякая попытка растворить основныя объективныя опредѣленія бытія—тождество, причинность, пространство, время, вещь—въ субъективныхъ состояніяхъ сознанія приводитъ къ несообразностямъ и противорѣчіямъ. Естественное представленіе о мірѣ (die natürliche Weltansicht) не можетъ быть потрясено. Философскій анализъ можетъ лишь въ отвлеченныхъ терминахъ устано-

вить совокупность констатируемыхъ отношеній. Но для имманентной философіи безусловной исходной точкой теоріи познанія является неразрывность субъекта и объекта. Всякое бытіе есть для нея фактъ сознанія. «Sein ist Bewusstsein». Въ естественномъ представленіи о мірѣ, «я» дано въ неразрывной связи съ объектомъ; какъ далеко бы мы ни закладывали объектъ до насъ, мышленіе, «я» постоянно также даны. Указанная прежде тавтологія, заключающаяся въ данности опыта въ опытѣ, мышленія въ мышленіи, появляется здѣсь въ формѣ неоспоримой «аксіомы» имманентности всего бытія сознанію.

Эти предпосылки опредѣляютъ рѣшеніе имманентной философіей вопросовъ о объективныхъ и необходимыхъ основахъ опыта и о роли субъекта въ процессѣ познанія.

Тождество и причинность, пространство и время, вещь и ея качества,—говоритъ она,—потому даны намъ въ объективной формѣ, внѣ и независимо отъ насъ, какъ неизбѣжныя содержанія воспріятія и безусловныя исходныя точки мышленія міра, что они составляютъ *видовые признаки всякаго сознанія*. Они, вмѣстѣ съ абсолютно неразложимымъ и абсолютно единымъ «я», составляютъ опредѣленія сознанія вообще, т. е .существенные признаки отвлеченнаго понятія сознанія. Но бытіе, объективная основа познанія и мышленія, не можетъ быть, по ученію имманентной философіи, ни чѣмъ инымъ, какъ опредѣленіемъ сознанія вообще въ отличіе отъ индивидуальнаго сознанія. Объективное—это совокупность бытія и познанія индивидуальнаго сознанія, существующее независимо отъ послѣдняго, какъ опредѣленіе *сознанія вообще*. Такимъ образомъ, высшія категоріи познанія, сведенныя имманентной философіей къ двумъ—тождеству и причинности,—удовлетворяютъ одновременно обоимъ требованіямъ апріорныхъ принциповъ: онѣ суть объективныя, до опыта существующія условія опыта и все-таки не перестаютъ быть функціями познающаго субъекта.

Но если, какъ мы уже указали выше, сознаніе вообще есть лишь отвлеченіе видовыхъ признаковъ индивидуальнаго сознанія, какимъ образомъ можетъ оно лежать въ основѣ возникновенія послѣдняго и исполнять функцію болѣе объективнаго принципа, чѣмъ само индивидуальное сознаніе, частичнымъ опредѣленіемъ котораго оно является? Имманентная философія отвѣчаетъ на это оригинальнымъ ученіемъ о понятіяхъ. Всякое понятіе,—говоритъ она, заранѣе утвердивъ свое положеніе, что всякое бытіе не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ фактомъ сознанія вообще,—содержится въ объектѣ прежде, чѣмъ оно отвлекается отъ послѣдняго индивидуальнымъ мышленіемъ. Геометрическое понятіе треугольника дано во

всякомъ въ природѣ встрѣчающемся треугольникѣ, и вслѣдствіе его имманентной данности въ предметѣ возможно его отвлеченіе. То же самое имѣетъ мѣсто относительно другихъ понятій. Сознаніе вообще не тождественно съ отвлеченнымъ понятіемъ о немъ; оно дано во всякомъ индивидуальномъ сознаніи во всякій моментъ данности послѣдняго, оно существуетъ въ немъ объективно, и понятіе о немъ въ индивидуальномъ сознаніи есть слѣдствіе этой его объективной данности.

Изъ этого слѣдуетъ также присутствіе мышленія во всякомъ актѣ сознанія, во всякомъ воспріятіи. Послѣднія возможны лишь при посредствѣ данныхъ въ нихъ *видовыхъ* элементовъ сознанія, при помощи ихъ собственныхъ общихъ признаковъ, ихъ понятій. Роль разума въ опредѣленіи всякаго мыслимаго опыта и въ образованіи индивидуальнаго опыта опредѣляется имманентной философіей одинаково съ критицизмомъ Канта. Но она придала категоріямъ опыта и вообще общимъ понятіямъ тотъ объективный характеръ, который является основнымъ требованіемъ всякаго побѣдоноснаго апріоризма, и придала имѣющимъ у Канта лишь гипотетическій характеръ «постулатамъ» практическаго разума строго теоретическій смыслъ. Правда, она достигла этого лишь возвращеніемъ къ точкѣ зрѣнія до-кантовскаго догматизма: къ Платону и Аристотелю, Спинозѣ и Беркли. Ложная исходная точка съ роковой необходимостью приводитъ мышленіе къ отжитымъ и опровергнутымъ точкамъ зрѣнія, заставляетъ его кружиться около своихъ инстинктивно дѣйствующихъ потребностей безъ возможности возвышенія къ познанію ихъ дѣйствительнаго мѣста въ бытіи и къ ограниченію ихъ другими равноправными потребностями. Имманентная философія, несмотря на ея рѣзкую критику субъективизма и глубокую логическую оцѣнку значенія отвлеченныхъ понятій для человѣческаго знанія, совершенно несостоятельна въ психологическомъ и гносеологическомъ отношеніяхъ.

IX.

Попытаемся теперь опредѣлить, съ эмпиріокритической точки зрѣнія независимаго отъ сознанія бытія, истинное значеніе отвлеченныхъ понятій для познанія и ихъ отношеніе къ дѣйствительности.

Со времени Локка положеніе о возникновеніи всѣхъ понятій въ теченіи индивидуальной жизни, подъ вліяніемъ внѣшнихъ возбужденій и при усиленныхъ, не общераспространенныхъ попыткахъ отвлеченнаго мышленія, пользуется общимъ признаніемъ гносеологовъ. Мы держимся этого положенія безъ всякихъ оговорокъ, отрицая удачность поправокъ со сто-

роны Лейбница и Канта. Всѣ отвлеченныя понятія суть медленно образующійся продуктъ опыта, возникающій у различныхъ индивидуумовъ въ весьма разнообразныхъ степеняхъ отвлеченности и обширности. Запасъ абстрактныхъ понятій человѣка, лишеннаго научнаго образованія, не превышаетъ понятій о вещахъ и опытахъ обыденной жизни; болѣе или менѣе отсутствуютъ математическія и физическія понятія, отсутствуютъ философскія понятія, отсутствуютъ философія и теологическія опредѣленія. Сосредоточенная работа мысли создала систему математическаго познанія, анализировала основныя механическія отношенія и заключила ихъ въ отвлеченныя формы, пыталась установить существенные признаки мышленія, нравственности, бытія. Но и теоретическая наука, и философія остались продуктами индивидуальныхъ жизненныхъ процессовъ, не являющимися условіями ни пространственно-временнаго независимаго, ни субъективнаго и зависимаго бытія. Онѣ предполагаютъ существованіе послѣднихъ, какъ условіе своего возникновенія.

Пониманіе значенія отвлеченныхъ понятій для познанія и дѣятельности и роли, которую они играли въ исторіи философіи отъ Платона и Аристотеля до Спинозы, Лейбница, Канта, Гегеля и Шуппе, достигается изслѣдованіемъ *условій ихъ возникновенія*. Условія эти заключаются, во-первыхъ, въ существованіи пространственно и временно *повторяющихся* формъ, отношеній и измѣненій среды; во-вторыхъ—въ воспріимчивости нашей организаціи къ повтореніямъ вступающихъ съ нею во взаимодѣйствіе формъ, отношеній и измѣненій среды, *въ упражняемости, приспособляемости, установляемости нашей организаціи повторяющимися въ средѣ процессами*. Эти два ряда условій лежатъ въ основѣ всей космической эволюціи. Только на основѣ повторяемости формъ, измѣненій и отношеній въ средѣ развивающихся однородныхъ системъ и однозначной опредѣляемости развитія послѣднихъ повторяющимися содержаніями возможны образованіе и сохраненіе опредѣленныхъ *формъ* развитія, тогда какъ отсутствіе постоянства внѣшнихъ процессовъ и внутренняго приспособленія обусловливаютъ непрекращающуюся постепенную варіацію и исчезновеніе возникшихъ формъ. Человѣческая организація является продуктомъ скрещиваній въ теченіе безконечнаго времени повторяющихся формъ, отношеній и измѣненій съ вновь возникающими формами, отношеніями и измѣненіями, въ свою очередь повторяющимися и въ свою очередь вновь измѣняемыми. Въ ея формахъ, отношеніяхъ и измѣненіяхъ отражены наиболѣе повторяющіеся процессы той пространственно и временно объемлющей системы, изъ взаимодѣйствія элементовъ которой она возникла. Органы

чувствъ, ихъ связь съ моторнымъ аппаратомъ, система ассоціаціи и репродукціи сенсорныхъ и моторныхъ возбужденій, дифференціація и централизація первыхъ и вторыхъ, далѣе, для насъ второстепенныя опредѣленія скелета, кровообращенія, дыханія, пищеваренія, испражненія—суть эти конкретныя опредѣленія человѣческой организаціи.

Ею и окружающей ее средой опредѣляется всякій фактъ нашего сознанія. Каждый отдѣльный фактъ ощущенія и воспріятія, представленія и мышленія, чувствованія и воли опредѣленъ совокупностью внутреннихъ и внѣшнихъ условій жизни человѣческаго организма. На основаніи врожденной конституціи нервной системы, окружающая послѣднюю среда безпрерывно производитъ въ ней измѣненія структуры двигательнаго и воспринимающего аппарата. Чѣмъ чаще извѣстныя формы, отношенія и измѣненія повторяютъ свое упражняющее дѣйствіе на нервную систему и чѣмъ болѣе собственная структура послѣдней облегчаетъ полное отраженіе въ ней первыхъ, тѣмъ глубже и отчетливѣе напечатлѣваютъ они свои собственныя качества въ ней, тѣмъ болѣе опредѣляютъ они своими качествами ея реакціи. «Непосредственное» воспріятіе какого-нибудь объекта зависитъ отъ совокупности возбужденныхъ имъ въ нервной системѣ ассоціативныхъ, сенсорныхъ и моторныхъ процессовъ, изъ которыхъ наибольшей живостью пользуются наиболѣе упражненные, наиболѣе позже предшествовавшіе и наиболѣе соотвѣтствующіе внѣшнему возбужденію. Подробный психологическій анализъ процесса познанія выходитъ за предѣлы этого очерка основаній теоріи познанія. Но сказаннаго достаточно для уясненія основныхъ положеній эмпиріокритической теоріи понятій.

Понятія суть зависимыя тѣхъ процессовъ въ нервной системѣ, которые опредѣлены вліяніемъ на послѣднюю повторяющихся въ ея средѣ формъ, отношеній и измѣненій. Послѣднія, опредѣливъ въ процессѣ развитія самую структуру нервной системы, находятъ въ ней въ теченіе человѣческой жизни подготовительныя условія реакціи на ихъ повторяемость, на ихъ болѣе постоянныя свойства,—реакціи, отличающейся отъ реакцій на болѣе измѣнчивыя вліянія. Ранѣе всего образуются понятія вещей обыденнаго опыта и основныхъ категорій человѣческой воли и человѣческаго мышленія и чувствованія. Развитіе способности отвлеченія болѣе сложныхъ, менѣе постоянныхъ, повторяющихся въ измѣнчивыхъ комбинаціяхъ процессовъ и процессовъ наиболѣе общихъ, повторяющихся въ наибольшемъ количествѣ случаевъ, данность которыхъ предполагается сама собой и не нуждается въ особомъ указаніи, является дѣломъ медленнаго процесса прогрессивной дифференціаціи и интеграціи понятій. Расчлене-

ніе понятій и выдѣленіе на степень отвлеченности частныхъ формъ, отношеній и измѣненій идетъ рука объ руку съ возникновеніемъ понятій о самыхъ объемлющихъ, постоянныхъ, во всѣхъ содержаніяхъ человѣка и его среды данныхъ признакахъ.

Понятія пространства, времени, числа, бытія, цѣли, познанія, чувства, разума, воли различныхъ наиболѣе важныхъ объектовъ человѣческой среды и содержаній человѣческой жизни появляются уже на первыхъ ступеняхъ развитія человѣческаго мышленія. Въ исторіи науки и философіи совершается дальнѣйшее расчлененіе частныхъ понятій и объединеніе опытнаго міра въ его общихъ формахъ, отношеніяхъ и измѣненіяхъ. Всякій прогрессъ мышленія опредѣляется уже въ процессѣ дѣйствія окружающей человѣческій организмъ среды въ ея общихъ и частныхъ опредѣленіяхъ на послѣдній и противодѣйствія его ея вліяніямъ въ смыслѣ постепеннаго приспособленія своихъ реакцій къ ея качествамъ и измѣненія ея въ смыслѣ своего сохраненія—достигнутою ступенью развитія и окружающей средой. Измѣненія, съ которыми дано отвлеченное понятіе, подготовляются средой постепенно; повторяющимся воздѣйствіемъ пролагаетъ она себѣ пути къ конечному отраженію въ человѣческомъ организмѣ и, параллельно, въ сознаніи повторяющейся формы взаимодѣйствія ея съ организмомъ. Но если отъ *подготовительныхъ* измѣненій не зависитъ еще само данное понятіе, то отъ нихъ зависятъ факты сознанія, въ которыхъ это понятіе оказывается впослѣдствіи, когда измѣненія, отъ которыхъ оно зависитъ, окончательно подготовлены и даны «предчувствованнымъ», «неясно сознаннымъ», «безсознательно предположеннымъ» и т. п. Наличныя условія развитія заставляютъ предполагать возникновеніе—въ процессѣ прогрессирующаго расчлененія реакцій человѣка на разнообразныя и разнородныя вліянія среды и прогрессирующаго стремленія къ наибольшему постоянству и устойчивости всѣхъ отношеній его къ послѣдней—одновременно наиболѣе расчлененной и наиболѣе объемлющей системы понятій, которая, вслѣдствіе невозможности достиженія абсолютнаго постоянства человѣческаго организма и безпрестанной измѣнчивости его отчасти въ смыслѣ высшаго приспособленія, была бы также наиболѣе измѣнчивой, наименѣе противодѣйствующей всякимъ совершенствующимъ вліяніямъ.

Достиженіе наиболѣе расчлененныхъ, наиболѣе объемлющихъ и наиболѣе измѣнчивыхъ понятій является задачей научнаго познанія. Наука, какъ и мышленіе вообще, есть функція сохраненія частичныхъ системъ нашего организма, всего организма и организма высшаго порядка—общества. Ея цѣль постоянно и всюду заключается въ дѣйствіи—въ опредѣле-

ніи нашихъ реакцій на воздѣйствія неорганической, отъ насъ различной, намъ подобной соціальной среды и въ воздѣйствіи на насъ самихъ, въ опредѣленіи нашей воли и мысли. Нахожденіе независимыхъ моментовъ бытія, являющихся условіями всѣхъ явленій и сложно комбинированныхъ процессовъ, съ одной стороны, познаніе всѣхъ конкретныхъ усложненій, въ которыя независимыя элементарныя отношенія бытія вступаютъ въ дѣйствительности, съ другой стороны; далѣе, познаніе ограниченности имѣющихся въ данное время понятій для полнаго исчерпывающаго познанія бытія и стремленіе къ высшей пластичности приспособленія, къ наибольшей измѣнчивости въ совершенствованіи стремленія къ полному сохраненію—являются поэтому высшими нормами всего научнаго изслѣдованія. Познаніе общихъ законовъ бытія даетъ человѣку господство надъ природой; познаніе совокупности міровыхъ отношеній необходимо для совершеннаго предвидѣнія результатовъ своихъ дѣйствій и возникающихъ въ природѣ явленій; познаніе границъ познанія и сохраненія служитъ основой стремленія къ непрерывному совершенствованію, основой прогресса и сознательнаго, философскаго отношенія къ неизбѣжнымъ преградамъ нашихъ стремленій.

Отсюда тройное значеніе общихъ понятій: 1) ихъ содержанія отражаютъ болѣе или менѣе повторяющіяся, независимыя, основныя формы, отношенія, измѣненія человѣческаго опыта; 2) основной слой образовавшихся понятій и общіе, повторяющіеся процессы среды являются, *черезъ посредство независимыхъ процессовъ въ нервной системѣ*, условіями всякаго воспріятія, всякаго изслѣдованія, всякаго образованія теорій и гипотезъ о бытіи; 3) все содержаніе науки состоитъ изъ отвлеченныхъ понятій и только они, т. е. отраженія общихъ моментовъ бытія, могутъ быть положены въ основу цѣлесообразной практики.

Въ этомъ тройномъ значеніи общихъ понятій и въ смѣшеніи послѣднихъ съ ихъ независимыми основами, данными или во всякомъ бытіи, или въ человѣческой средѣ, или въ человѣческомъ организмѣ, лежитъ объясненіе роли, которую они играли въ исторіи философіи и играютъ въ настоящее время. Идеи Платона, энтелехіи (цѣлестремительности, формы) Аристотеля, понятія субстанціи и аттрибутовъ Декарта и Спинозы, апріорныя формы Канта, знаніе и понятіе Фихте и Гегеля, сознаніе вообще Шуппе—всѣ эти метафизическія понятія имѣютъ основой сознаніе причиннаго, обусловливающаго значенія общихъ элементовъ бытія, открывающихся въ понятіяхъ, и выдающагося значенія послѣднихъ для нравственной дѣятельности. Въ ученіи Платона о познаніи, какъ вспоминаніи идей, въ ученіи

Лейбница объ опытѣ, какъ возведеніи къ сознанію врожденныхъ понятій, и о развитій представленій изъ темнаго къ ясному сознанію, наконецъ, въ апріорныхъ формахъ опыта Канта отражается нерасчлененное сознаніе процесса постепеннаго развитія понятій въ зависимости отъ повторяющихся процессовъ бытія и измѣняющихся предрасположеній нервной системы и сознаніе безусловной данности общихъ, неизмѣнныхъ опредѣленій всякаго бытія въ каждомъ процессѣ мышленія, какъ основы и критерія послѣдняго. Наконецъ, изъ этого неяснаго сознанія вытекаетъ и одностороннее утвержденіе, что индукція есть лишь обращенная дедукція и что нравственность должна руководиться абсолютными понятіями, выходящими за предѣлы опыта и единственно могущими опредѣлить истинно нравственную дѣятельность. Вѣрная основа этихъ ученій лежитъ за ихъ предѣлами, внѣ нихъ. Послѣдніе критеріи всякаго мыслимаго бытія и всякаго возможнаго опыта—общія, независимыя, данныя во всѣхъ содержаніяхъ человѣческой жизни и во всѣхъ содержаніяхъ и комбинаціяхъ человѣческой среды опредѣленія бытія лежатъ въ основѣ всякаго познанія. Понятія, представленія суть только зависимые символы происходящихъ въ нервной системѣ процессовъ—истинныхъ условій познанія. Всякая система понятій должна быть исправлена и модифицирована опытомъ. Индукція должна давать больше дедуктивнаго предположенія; послѣднее должно быть возможно обширно, обще и наиболѣе пластично по отношенію къ измѣненію прогрессирующимъ опытомъ. Нравственная дѣятельность не можетъ быть опредѣляема абсолютными понятіями; въ ея основѣ должна лежать система нормъ, основанныхъ одновременно на познаніи совокупности наиболѣе общихъ и наиболѣе частныхъ и сложныхъ содержаній бытія и на познаніи границъ нравственной дѣятельности и задачъ нравственнаго совершенствованія.

Теорія познанія позитивнаго эволюціонизма страдаетъ основной неясностью. Она игнорируетъ существованіе независимаго бытія, какъ основы всѣхъ явленій, какъ неизбѣжнаго даннаго, изъ комбинацій котораго произошла космическая эволюція, образовались сложныя взаимоотношенія между системами, обусловливающія рядъ извѣстныхъ намъ въ сознаніи зависимыхъ—ощущеній, воспріятій, представленій, понятій, чувствованій, желаній. Она утверждаетъ возникновеніе въ процессѣ развитія пространственныхъ и временныхъ представленій и отвлеченныхъ категорій сущаго, забывая отличить отъ этихъ представленій самое пространство, время и объективныя содержанія категорій. Объективный субстратъ развитія оказывается «непознаваемымъ», и апріоризмъ совершенно правъ, указывая

эволюціонизму, что онъ предлагаетъ въ самомъ началѣ развитія то самое, что онъ хочетъ объяснить возникновеніемъ въ процессѣ развитія. Въ рукахъ апріоризма эволюціонизмъ превращается въ психическую метафизику и имманентную теорію познанія, въ корнѣ противорѣчащія основнымъ положеніямъ послѣдняго. Объективный субстратъ развитія не познаваемъ и не лежитъ въ трансцендентальныхъ апріорныхъ категоріяхъ, а въ объективно данныхъ, отъ сознанія и понятій независимыхъ содержаніяхъ нашихъ высшихъ понятій о бытіи.

X.

Въ предыдущемъ мы часто имѣли случай критически разбирать различныя современныя направленія теоріи познанія и указывать, въ какомъ смыслѣ эмпиріократизмъ является дальнѣйшимъ развитіемъ послѣдней и рѣшеніемъ проблемъ, на почвѣ традиціонныхъ ученій неразрѣшимыхъ. Но будетъ не лишнимъ прямо противопоставить и сравнить точку зрѣнія эмпиріокритицизма съ основными чертами другихъ утвердившихся направленій. Теорія познанія противополагаетъ догматизму критицизмъ, эмпиризму—апріоризмъ, матеріализму—идеализмъ. Остановимся на отношеніи эмпиріокритицизма къ каждой изъ этихъ трехъ паръ.

Отцы главныхъ современныхъ направленій теоріи познанія—Локкъ и Кантъ—единогласно установили исходную точку теоріи познанія: критическое изслѣдованіе познавательной способности, съ цѣлью установленія происхожденія возможныхъ содержаній и границъ познанія. Оба они противопоставляютъ задачу теоріи познанія, какъ критическую, пріемамъ догматическаго мышленія, смѣло берущагося за рѣшеніе вопросовъ, далеко выходящихъ за предѣлы положенныхъ мышленію границъ и берущаго несомнѣнными исходными точками положенія, нуждающіяся въ обоснованіи или совершенно ложныя. Несмотря на очень существенныя различія въ направленія и предпосылкахъ ихъ мышленія, оба мыслителя приходятъ къ существенно одинаковымъ *критическимъ* результатамъ изслѣдованія познанія: послѣднее не компетентно рѣшать вопросъ о началѣ и конечной цѣли бытія, ему недоступна абсолютная истина, данная въ познаніи абсолютнаго бытія. Дальнѣйшее развитіе эмпирической теоріи познанія привело къ утвержденію недоступности и непознаваемости внѣшняго міра, ограниченности нашего знанія ощущеніями и изъ нихъ образованными понятіями. Кантъ утверждалъ идеальный, субъективный характеръ пространства, времени и общихъ опредѣленій опытнаго міра.

Принимая послѣднее ученіе, какъ неоспоримый результатъ критики познавательной способности, послѣдующая гносеологія противопоставляетъ философскій критицизмъ, для котораго внѣшній міръ есть лишь гипотеза, а всѣ эмпирическія опредѣленія бытія—лишь факты сознанія, наивному реализму обыденной жизни, или догматическому утвержденію реальности внѣшняго міра.

Но сомнѣніе въ истинности этого «критическаго» результата философіи заставляетъ воздержаться отъ смѣшенія общихъ понятій догматизма и критицизма съ совокупностью историческихъ системъ критической философіи. Догматизмъ—это принятіе, какъ истинныхъ, ученій, преданій, чужихъ утвержденій и мгновенныхъ данныхъ нашихъ чувствъ безъ провѣрки ихъ опытомъ и источниками ихъ происхожденія, безъ изслѣдованія условій ихъ возникновенія и безъ различенія условій объективныхъ и постоянныхъ отъ условій субъективныхъ и случайныхъ. Критицизмъ же есть установленіе истины и мнѣнія, вѣроятнаго и невѣроятнаго, *на основаніи твердыхъ и непоколебимыхъ критеріевъ*. Безъ безусловно истинныхъ, неоспоримыхъ исходныхъ точекъ мышленія невозможно *критическое* принятіе или отверженіе какого-либо ученія, утвержденія, воспріятія; согласіе или противорѣчіе послѣднихъ съ первыми опредѣляютъ критическую оцѣнку. Отрицаніе подобныхъ критеріевъ есть дѣло уже не критицизма, а абсолютнаго скептицизма, для котораго различенія истины и ошибки теряютъ всякій смыслъ.

Но традиціонный философскій критицизмъ, какъ развито подробно выше, зашелъ слишкомъ далеко. Въ своемъ стремленіи свести всѣ человѣческія сужденія и понятія къ ихъ первоисточникамъ, провѣрить непосредственныя данныя чувствъ болѣе твердыми и объективными критеріями объективной дѣйствительности, онъ дошелъ до отрицанія реальности самихъ этихъ критеріевъ. Пространство, время и движеніе, причинная связь объективныхъ данныхъ сведены были имъ къ познавательнымъ функціямъ субъекта и лишены независимаго объективнаго значенія. Правда, неустранимая потребность безусловныхъ критеріевъ знанія, объективныхъ исходныхъ точекъ мышленія привела и критицизмъ къ утвержденію «эмпирической реальности» формъ созерцанія и категорій мышленія; или же онъ возвращается къ точкамъ зрѣнія разбитой имъ догматической метафизики, въ формѣ ли метафизическаго идеализма, въ существѣ тождественнаго съ ученіями Платона, Спинозы, Лейбница, или же въ формѣ метафизическаго матеріализма, тоже отрекающагося отъ добытыхъ критицизмомъ результатовъ.

Истинно критическимъ ученіемъ, не отказывающимся отъ критическаго метода и критическихъ результатовъ ни на какой точкѣ изслѣдованія—ни промежуточной, ни конечной—оказывается эмпиріокритицизмъ. Онъ прежде всего стремится, при помощи анализа повседневнаго мышленія, въ его неметодическомъ употребленіи, и мышленія научнаго въ исторіи наукъ, установить тѣ принципы, которые являются руководящими свѣточами критическаго анализа мнѣній и случайныхъ чувственныхъ опытовъ. Онъ находитъ эти принципы въ ученіяхъ и идеалахъ наукъ математическихъ и физическихъ и, слѣдуя шагъ за шагомъ за добытыми въ его время познаніями, онъ старается установить систему общихъ и частныхъ законовъ бытія, проникнуть въ полное пониманіе содержаній и развитія познанія посредствомъ проникновенія въ характеръ независимыхъ процессовъ, отъ которыхъ оно зависитъ, и на этой почвѣ установить высшія задачи и конкретныя нормы научнаго изслѣдованія во всѣхъ областяхъ опыта.

Не такъ рисуется эмпиріокритицизмъ въ глазахъ традиціоннаго критициста. «Какъ!—скажетъ онъ,—вы претендуете на критичность, отрицая непоколебимыя завоеванія философскаго критицизма: субъективность пространства, времени, ощущеній, законовъ природы и основныхъ опредѣленій опыта, необходимо послѣднимъ предполагаемыхъ и лежащихъ въ его основѣ? Не подтверждаютъ ли всѣ біологическія и психофизіологическія изслѣдованія положеніе о зависимости всѣхъ нашихъ пространственныхъ представленій отъ нашей индивидуальной, возникшей въ процессѣ развитія, измѣнчивой организаціи? Не имѣемъ ли мы право думать, что пространство трехъ измѣреній нашего опыта есть лишь частный случай множества возможныхъ пространствъ, данныхъ, можетъ быть, животнымъ съ другой структурой зрительнаго и ассоціативнаго аппаратовъ, или обитателямъ другихъ планетъ? Не говоритъ ли въ пользу кантіанства новѣйшее движеніе въ геометріи—геометрія не-эвклидова, старающаяся критически ограничить самыя аксіомы нашихъ пространственныхъ представленій? А факты неточности глазомѣра, ошибки въ оцѣнкѣ отдаленій, величинъ, формъ, опыты оперированныхъ слѣпорожденныхъ?

«Приблизительно то же должно сказать о времени. И оно оказывается зависящимъ отъ опредѣленнаго физіологическаго аппарата, отъ всей нашей психофизіологической структуры. Оцѣнка промежутковъ незначительныхъ и болѣе значительныхъ, опредѣленія настоящаго, прошедшаго и будущаго оказываются подверженными большимъ колебаніямъ въ зависимости отъ сложныхъ и многочисленныхъ условій сознательной жизни. Объ

ощущеніяхъ же и говорить не стоитъ. Научное мышленіе сказало здѣсь свое послѣднее слово. Утверждать объективный характеръ ощущеній значитъ возвращаться къ самому грубому до-научному наивному реализму. Наконецъ, законы природы и категоріи опыта суть несомнѣнно сужденія и понятія—факты сознанія, которымъ не соотвѣтствуетъ ничто реальное. Утверждать противоположное значитъ впадать въ платонизмъ, возвращаться къ несостоятельнѣйшимъ изъ прежнихъ формъ мышленія».

Если критицистъ послѣ подобной побѣдоносной аргументаціи еще не потерялъ способности внимать чему-нибудь другому, то эмпиріокритикъ скажетъ ему приблизительно слѣдующее:

«Прежде всего изъявляю принципіальное согласіе принять всѣ несомнѣнные, научно установленные факты и одобрить всѣ оказавшіеся плодотворными пріемы и предположенія. Затѣмъ прошу изслѣдовать дѣйствительное содержаніе тѣхъ фактовъ и положеній, о которыхъ идетъ рѣчь, и тѣ методы и предположенія, которые служили руководящей нитью ихъ открытія и установленія. Не являются ли всѣ изслѣдованія о развитіи и зависимости пространственныхъ представленій результатамъ стремленія отличить объективныя и независимыя опредѣленія пространства, употребляемыя, какъ неизбѣжные термины самаго процесса эволюціи, т. е. самаго процесса возникновенія тѣхъ преходящихъ и индивидуальныхъ формъ организаціи, отъ которыхъ зависятъ всѣ представленія, отъ его субъективныхъ и зависимыхъ опредѣленій? Не будетъ ли наиболѣе и единственно соотвѣтствующимъ фактамъ—констатировать стремленіе математики и физики исключить изъ описанія независимыхъ отношеній и признаковъ пространства и тѣлъ всѣ субъективныя содержанія, отношенія и конфигураціи воспріятій, чѣмъ объявить, вопреки всѣмъ утвержденіямъ математики, физики, біологіи и соціологіи, субъективность самого пространства и всего внѣшняго міра въ его независимыхъ признакахъ?

«То же самое относительно времени. Не уничтоженіе объективности времени слѣдуетъ изъ психофизіологическихъ изслѣдованій, а отличеніе субъективныхъ представленій продолжительности отъ объективнаго понятія времени. Объективное время, такъ же какъ и объективное пространство, кладутся въ основу всѣхъ изслѣдованій пространственныхъ и временныхъ представленій. Ведите понятіе субъективнаго такъ далеко, какъ этого требуетъ логическое мышленіе, но вы неизбѣжно запутываетесь въ неразрѣшимыя противорѣчія, какъ только начинаете отрицать существованіе объективнаго времени и пространства; вообще ваши разсужденія о внѣшнемъ мірѣ, о процессѣ эволюціи, о зависимости психическихъ явленій отъ физіо-

логической организаціи, возникшей въ процессѣ развитія и измѣняющейся въ ней, ваши объясненія возникновенія понятій причинности, тождества, вещи и т. д. будутъ запечатлѣны фатально неясностью относительно тѣхъ предположеній, которыя вы дѣлаете на каждомъ шагу въ ходѣ вашего мышленія, которыя вы утверждаете по существу въ то самое время, когда отрицаете ихъ на словахъ.

«Въ этомъ заключается также и разница въ отношеніи эмпиріокритицизма и критицизма къ ученію о субъективности ощущеній. Первый признаетъ вполнѣ законной научную критику объективнаго и независимаго характера цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ, вкусовъ и ощущеній температуры, аггрегатныхъ состояній и формъ противодѣйствія вещей нашимъ соприкосновеніямъ. Онъ оставляетъ за физикой неограниченное право цѣлесообразнаго опредѣленія матеріи, аггрегатныхъ состояній объема, тяжести, движенія, противодѣйствія и т. д. Но онъ утверждаетъ то, что дѣлаетъ задачу физики возможной, ея пріемы не произвольными операціями субъекта надъ своими представленіями, не имѣющими объективнаго значенія и не могущими достигнуть природу объективнаго бытія: *онъ утверждаетъ непосредственно объективный, пространственно внѣшній характеръ вещи во всѣхъ ея опредѣленіяхъ, зрительныхъ такъ же, какъ и осязательныхъ*. Понятіе объективнаго и независимаго, критическое отличеніе субъективныхъ признаковъ вещи отъ объективныхъ возможны лишь потому, что вещь, объектъ въ непосредственномъ опытѣ даны, какъ внѣ и независимо отъ насъ существующіе. На почвѣ внѣшней данности вещи съ ея качествами возникаетъ процессъ установленія объективныхъ субстанцій и ихъ отличенія отъ субъективныхъ содержаній воспріятій».

Для эмпирическаго и апріористическаго критицизма, напротивъ, вещь съ ея качествами является комплексомъ ощущеній, данныхъ *въ сознаніи*, субъективнымъ символомъ недоступнаго сознанію внѣшняго міра. Всѣ ощущенія, изъ которыхъ оказывается сложенною вещь, не исключая ея пространственныхъ опредѣленій, оказываются «внутренними фактами», «психическими состояніями»; «сознаніе» считается исключительнымъ непосредственнымъ даннымъ, а «объективное бытіе»—или совершенно непознаваемымъ, или самимъ сознаніемъ въ какой-либо формѣ.

Такимъ образомъ, подъ руками критицизма научная теорія субъективности ощущеній принимаетъ совершенно антинаучный характеръ. Результаты научнаго изслѣдованія, «эмпирическія субстанціи» положительныхъ наукъ получаютъ лишь подготовительное значеніе къ «высшему синтезу»

философіи, открывающей на основѣ гносеологическаго анализа истинное содержаніе міра, его «психическую» сущность.

Новѣйшій критицизмъ нѣсколько видоизмѣнилъ традиціонную теорію «внутренности» ощущеній. Различіе внутренняго и внѣшняго «я» и «не я»,—говоритъ онъ,—является продуктомъ развитія сознанія. Первоначально психическій фактъ ни объективенъ, ни субъективенъ, ни внѣ, ни внутри; лишь дальнѣйшее развитіе производитъ съ помощью воли, реагирующей различно на содержанія собственной жизни организма и на воздѣйствія его среды, распаденіе непосредственнаго опыта на объективную и субъективную части.

Въ этомъ видоизмѣненіи критицизма объективное содержаніе воспріятія хотя и признается, какъ данное внѣ «я», внѣ субъекта, но оказывается не чѣмъ инымъ, какъ опредѣленнымъ выраженіемъ процессовъ сознанія на одной изъ ступеней развитія его, но никакъ не чѣмъ-нибудь отъ сознанія различнымъ; единственнымъ *непосредственно* даннымъ фактомъ оказывается все-таки лишь сознаніе, и научное различеніе объективныхъ субстанцій отъ субъективныхъ состояній является лишь результатомъ отвлеченія отъ непосредственнаго опыта, которое не доходитъ до объемлющихъ понятій о совокупности и истинномъ характерѣ послѣдняго.

Эта теорія смѣшиваетъ психогенетическую точку зрѣнія съ логической и влагаетъ два разныхъ содержанія въ понятіе индифферентности къ раздѣленію опыта на субъектъ и объектъ.

Сложность условій опредѣленія положенія, формы, величины предметовъ, обозначенія ихъ, различенія ихъ составныхъ частей и сходствъ съ другими предметами, постепенное возникновеніе этихъ условій въ теченіи жизни рода и индивидуума заставляютъ предполагать значительное различіе первоначальныхъ состояній сознанія у дѣтей и структуры сознанія у нижеорганизованныхъ животныхъ отъ сознанія взрослаго человѣка.

Вмѣсто расчлененныхъ пространственныхъ и временныхъ, количественныхъ и качественныхъ представленій, мы предполагаемъ неопредѣленныя состоянія, въ которыхъ среда и организмъ не противоположены, взаимоотношенія между содержаніями отсутствуютъ, послѣднія не различены одно отъ другого. Это примитивныя состоянія не только не тождественны съ *основой* объективнаго и субъективнаго міровъ, но и не являются даже условіями образованія расчлененныхъ *представленій* объ объективномъ и субъективномъ мірахъ. Послѣдніе, взятые въ своей совокупности, составляютъ все содержаніе бытія; они не могутъ имѣть еще какую-либо другую основу внѣ себя. Элементарныя отношенія между элементами

независимаго бытія лежатъ въ основѣ сложныхъ комбинацій этихъ элементовъ; послѣднія лежатъ въ основѣ зависимыхъ или субъективныхъ содержаній. Психогенетическое изслѣдованіе сознанія предполагаетъ существованіе организаціи опредѣленной ступени развитія и стоящей съ ней во взаимодѣйствіи среды. Непродолжительное воздѣйствіе среды на организмъ обусловливаетъ нерасчлененныя состоянія сознанія; болѣе продолжительное воздѣйствіе имѣетъ слѣдствіемъ появленіе расчлененныхъ состояній сознанія. Не предшествовавшія нерасчлененныя сознанія обусловили появленіе состояній сознанія, болѣе расчлененныхъ: они лишь уступили послѣднимъ мѣсто, исчезая въ самый моментъ появленія послѣднихъ, а постепенное измѣненіе нервной системы было обусловлено продолжающимися и повторяющимися вліяніями ея среды.

Такимъ образомъ, существованіе объективнаго и субъективнаго міровъ не только не получается, какъ слѣдствіе развитія сознанія, а является необходимымъ условіемъ самого этого развитія, и изслѣдованіе послѣдняго можетъ имѣть мѣсто лишь при данности понятій о томъ и другомъ. Но занимающая насъ теорія влагаетъ два различныхъ содержанія въ понятіе нерасчлененнаго, ни субъективнаго, ни объективнаго сознанія. Подъ нерасчлененнымъ сознаніемъ она понимаетъ не только тѣ гипотетическія состоянія, въ которыхъ различіе объекта и субъекта, «внѣ» и «внутри» отсутствуетъ, но и состоянія сознанія непосредственнаго опыта взрослыхъ людей. Она утверждаетъ, что непосредственныя воспріятія не содержатъ въ себѣ различія объективнаго и субъективнаго. Это различіе является, по ея мнѣнію, лишь слѣдствіемъ отвлеченія нѣкоторыхъ признаковъ непосредственнаго опыта, какъ объективныхъ субстратовъ субъективныхъ процессовъ—дѣломъ отвлеченнаго мышленія, а не непосредственнаго опыта. Отсюда она заключаетъ объ эфемерности физическихъ субстанцій и метафизической всесущности сознанія. Но ложность этого утвержденія бросается непредубѣжденному въ глаза. Въ непосредственномъ воспріятіи нормальнаго взрослаго человѣка объектъ данъ, какъ вещь опредѣленной величины и формы, на опредѣленномъ разстояніи отъ него, въ опредѣленномъ положеніи къ нему и къ другимъ окружающимъ вещамъ. «Я вижу вправо на разстояніи десяти шаговъ человѣка средняго роста»—заключаетъ въ себѣ полное сознаніе субъекта и объекта, внутренности и внѣшности. Лишь на основаніи этой непосредственной данности объективнаго бытія возможно научно-критическое установленіе его существенныхъ признаковъ, т. е. признаковъ, которымъ постоянно и въ полной независимости отъ человѣка и его сознанія присуще объективное бытіе.

Этимъ устраняется также упрекъ въ платоновскомъ гипостазированіи отвлеченныхъ законовъ, который можно сдѣлать эмпиріокритизму. Какъ выше было указано, ошибочная исходная точка критицизма приводитъ его во всѣхъ его направленіяхъ къ гипостазированію отвлеченныхъ понятій. Эмпиріокритицизму же, признающему независимое отъ сознанія бытіе, нѣтъ необходимости гипостазировать отвлеченныя понятія и формулы естественныхъ процессовъ для того, чтобы вѣрно уразумѣть значеніе понятій и мышленія въ познаніи и дѣятельности.

Понимая бытіе, какъ относительное и измѣняющееся, какъ образующее постоянно новыя комбинаціи и постоянно лишь въ ограниченной степени отражающееся въ системахъ человѣческихъ понятій, эмпиріокритицизмъ достигаетъ той ступени критическаго отношенія къ человѣческимъ познаніямъ и нормамъ, до которой не удалось возвыситься традиціонному критицизму. Высшій результатъ послѣдняго состоитъ въ недоступности познанію «вещи въ себѣ», въ ограниченности объективнаго значенія понятій пространственно-временными опытными созерцаніями и въ опредѣленіи всѣхъ возможныхъ объектовъ познанія, какъ явленій. Но подобный критицизмъ нисколько не выясняетъ условій прогресса научнаго знанія, не указываетъ путей, которыми достигается совершенствованіе относительныхъ и преходящихъ представленій о мірѣ. Не уничтоженіе познаваемости «вещи въ себѣ», а выясненіе ея относительнаго характера является первой и основной задачей критицизма, потому что въ бытіи лежатъ критеріи истиннаго познанія и условія болѣе полнаго достиженія послѣдняго. Въ противоположность кантіанству, эмпиріокритицизмъ утверждаетъ познаваемость и даже познанность независимыхъ, всегда и всюду данныхъ признаковъ дѣйствительности, «вещей въ себѣ» и постоянно ограниченное, подлежащее вѣчному измѣненію и совершенствованію познаніе конкретныхъ законовъ комбинацій бытія, законовъ явленій. Этимъ онъ кладетъ основу для всесторонней критики всѣхъ законовъ, теорій, гипотезъ въ наукѣ, всѣхъ формъ, принциповъ и нормъ взаимоотношеній между людьми. Ставя высшую достижимую измѣняемость понятій основной нормой научнаго мышленія на-ряду съ ихъ высшимъ достижимымъ постоянствомъ и высшей достижимой объемлемостью, онъ выдвигаетъ наименѣе препятствій проникновенію въ научное сознаніе еще непознанныхъ сторонъ явленій, новыхъ теорій ихъ взаимоотношеній, новыхъ законовъ дѣйствительности. Въ своихъ основныхъ критеріяхъ онъ имѣетъ охраняющія силы противъ вторженія въ научную мысль продуктовъ суевѣрія, слабомыслія и легковѣрія; въ расчлененности своихъ понятій онъ имѣетъ аппа-

рать, точно ощущающій отклоненіе отъ использованныхъ путей и легко ассимилирующій новую форму во всемъ ея своеобразіи.

Эмпиріокритизмъ далекъ отъ того, чтобы остаться слѣпымъ къ современнымъ теченіемъ въ геометріи, механикѣ, біологіи и психологіи. Но вмѣсто того, чтобы видѣть въ нихъ уничтоженіе основъ научнаго міровоззрѣнія, онъ находитъ въ нихъ болѣе или менѣе удачныя попытки глубже проникнуть въ сложные законы явленій, преобразовать современную систему измѣненій бытія въ направленіи большей связи и большей цѣльности этихъ понятій.

XI.

Будучи продолженіемъ эмпирическаго или позитивистическаго направленія въ философіи, эмпиріокритицизмъ во многомъ существенно отличается отъ эмпиризма и позитивизма, какъ они даны въ исторіи философіи. Отличаясь въ основныхъ воззрѣніяхъ отъ апріоризма, онъ ассимилируетъ тѣ изъ положеній послѣдняго, которыя оказываются соотвѣтственными описаніямъ опыта или законнымъ выраженіемъ человѣческихъ требованій въ области познанія и дѣятельности. Вмѣстѣ съ эмпиризмомъ онъ утверждаетъ зависимость понятій и вѣрованій отъ болѣе или менѣе относительныхъ и преходящихъ впечатлѣній, необходимость безпрерывной провѣрки дедуктивныхъ заключеній безпристрастнымъ опытомъ, возможность полнаго преобразованія нашихъ научныхъ понятій о структурѣ и законахъ явленій. Съ позитивизмомъ эмпиріокритицизмъ утверждаетъ невозможность сведенія мірового процесса къ телеологическимъ и идеалистическимъ началамъ, неосуществимость конечнаго теоретическаго и нравственнаго идеаловъ, невозможность окончательнаго уничтоженія противорѣчій въ мысли и жизни, неизбѣжность смерти. Но на мѣсто субъективизма, сенсуализма и скептицизма онъ ставитъ объективизмъ, біологизмъ и критицизмъ въ выше подробно развитыхъ смыслахъ. На мѣсто агностицизма, матеріализма и пессимизма эмпиріокритицизмъ ставитъ господство разума надъ всѣми человѣческими дѣйствіями, прогрессивный эволюціонизмъ и безконечное преодолѣніе повременно существующихъ противорѣчій въ высшихъ формахъ мысли и жизни.

Съ апріоризмомъ эмпиріокритицизмъ признаетъ выдающееся значеніе мышленія въ пріобрѣтеніи познанія и въ нравственной дѣятельности; вмѣстѣ съ нимъ онъ видитъ въ разумѣ и его господствѣ надъ чувственнымъ опытомъ и чувственными стремленіями высшее орудіе и мѣрило соціаль-

наго прогресса. Но онъ рѣшительно возстаетъ противъ не ограниченнаго познаніемъ основныхъ чертъ всего бытія и законовъ дѣятельности разума безсознательнаго творчества послѣднимъ, на основаніи безпрерывно ограничиваемыхъ дѣйтвительностью внутреннихъ стремленій его, идеаловъ теоретическихъ и практическихъ. Онъ возстаетъ противъ претензій на уже достигнутое *абсолютное* познаніе бытія и безпредѣльное опредѣленіе сущности послѣдняго этимъ уже достигнутымъ, въ дѣйствительности ограниченнымъ познаніемъ. Онъ считаетъ также препятствующимъ прогрессу знанія установленіе идеаловъ науки, игнорирующихъ непреодолимыя границы послѣдней и отвлекающихъ отъ односторонняго идеала всеобъемлющаго, всезнающаго сознанія недостаточныя методологическія нормы научнаго изслѣдованія.

Въ области практики эмпиріокритицизмъ считаетъ отчасти безплодными, отчасти препятствующими дѣйствительному совершенствованію нравственной жизни установленіе абсолютныхъ нравственныхъ идеаловъ, неразрывно связанныхъ съ постулатами ихъ полнаго осуществленія и неограниченной возможности стремленія къ осуществленію ихъ. Онъ утверждаетъ относительную цѣнность и множественный характеръ высшихъ нравственныхъ нормъ, ограниченое осуществленіе нравственныхъ идеаловъ въ дѣйствительности и ограниченную возможность стремленія къ ихъ осуществленію. Но въ установленіи нравственныхъ нормъ онъ въ методологическомъ и качественномъ отношеніяхъ значительно отклоняется отъ эмпирической этики утилитаризма или натурализма.

Мы убѣждены, что объемлющая система эмпиріокритицизма со временемъ положитъ конецъ основнымъ разногласіямъ философскихъ воззрѣній. Вопреки распространенному предразсудку разнообразія и противорѣчивости философскихъ системъ, философская мысль нашего времени показываетъ далеко идущее и все увеличивающееся единогласіе мнѣній. Мышленіе имѣетъ за собой уже достаточно продолжительное и плодотворное прошлое, чтобы была достигнута полная ясность относительно его основъ и исходныхъ точекъ въ теоріи и практикѣ. Различія темпераментовъ и направленій, теоретическихъ и практическихъ чувствованій, игравшія до сихъ поръ такую значительную роль въ опредѣленіи результатовъ философскаго творчества, должны быть исключены изъ области общеприложимой истины, логическаго мышленія и должны обнаружиться въ тѣхъ областяхъ творчества, въ которыхъ индивидуальныя различія и наклонности имѣютъ неограниченную возможность и законное право къ обнаруженію и упражненію.

Эмпиріокритицизмъ навряд ли избѣжитъ также упрека въ матеріа-

лизмѣ. Онъ проповѣдуетъ, скажутъ, грубый матеріализмъ: господство слѣпого, ирраціональнаго начала надъ раціональнымъ, первенство чувственнаго надъ разумнымъ, біологическаго надъ соціальнымъ, эгоизма надъ нравственностью. Но уже традиціонный матеріализмъ, не сумѣвшій дать ни удовлетворительную психологію, ни систему нормъ мышленія и изслѣдованія, ни систему этическихъ понятій, не перестаетъ утверждать полную чуждость свою всякимъ антираціональнымъ и безнравственнымъ ученіямъ. Теоретическій матеріализмъ также хорошо допускаетъ практическій идеализмъ, какъ теоротическій идеализмъ не исключаетъ низкаго практическаго реализма. Но доэволюціонный матеріализмъ можно было упрекнуть въ томъ, что между его ученіями и нравственными нормами не оказывается внутренней логической связи; матеріализмъ, дѣлающій этическіе выводы, упрекали въ непослѣдовательности. Однако уже матеріалистическій эволюціонизмъ совершенно свободенъ отъ этого упрека. Онъ утверждаетъ необходимость прогрессивнаго роста нравственности въ человѣчествѣ; онъ видитъ въ нравственной жизни подчиненіе высшимъ тенденціямъ эволюціи.

Еще менѣе этотъ упрекъ имѣетъ смысла по отношенію къ эмпиріокритицизму, ставящему высшей нормой жизни *совершенствованіе въ познаніи и жизни,* прогрессивное возвышеніе господства разума надъ чувствами, чувствованіями, страстями, инстинктами въ теоретическомъ пониманіи міра и въ воплощеніи нравственныхъ нормъ въ жизни. Отрицая трансцендентное существованіе нравственнаго идеала, полную осуществимость его въ дѣйствительности и, вслѣдствіе этого, утверждая нецѣлесообразность и невозможность руководства имъ въ дѣйствительной жизни, эмпиріокритицизмъ вводитъ нравственные идеалы въ самый потокъ жизни, требуя, чтобы жизнь была нравственной, чтобы безпрестаннымъ побужденіямъ чувственныхъ инстинктовъ и страстей была противопоставлена растущая въ своей мощи нравственная воля. Подвергая разрушающей критикѣ теоретическій идеализмъ, онъ на мѣсто послѣдняго ставитъ міровоззрѣніе, въ которомъ элементы практическаго идеализма представлены въ большей интенсивности и съ большей мощью, чѣмъ въ немъ.

Задачи и методъ философіи.

Введеніе.

Философія есть область человѣческой мысли. Каковы ея отличительные признаки и ея задача? Каковы ея отношенія къ другимъ областямъ мысли и ея методъ?

I. Съ точки зрѣнія положительной науки, мышленіе возникаетъ на почвѣ ощущеній, воспріятій, представленій и состоитъ въ отвлеченіи и опредѣленіи. Оно развивается въ обоихъ этихъ направленіяхъ, которыя прямо противоположны. Отвлеченіе удаляется отъ конкретнаго, опредѣленіе приближается къ нему. Всякій шагъ впередъ въ отвлеченіи подготовляетъ шагъ впередъ въ опредѣленіи. Всякій шагъ впередъ въ опредѣленіи подготовляетъ шагъ впередъ въ отвлеченіи. Крайняя граница опредѣленія лежитъ для мышленія постоянно въ содержаніи высшаго отвлеченія. Крайняя граница отвлеченія лежитъ для него въ конкретнѣйшемъ содержаніи опредѣленія.

Мышленіе въ своемъ развитіи обогащается во всѣхъ направленіяхъ. Образуются разнообразныя системы сужденій съ самостоятельными высшими отвлеченіями, съ самостоятельнымъ движеніемъ опредѣленій, стоящія въ сложныхъ связяхъ и взаимодѣйствіяхъ, переплетающіяся, развѣтвляющіяся, соединяющіяся въ новыхъ теченіяхъ мыслей, въ новыхъ системахъ сужденій. Возлѣ мышленія, обыденно-эмпирическаго и техническаго, возникаетъ мысль религіозная, законодательная, эстетическая, научная, философская. Отличительный признакъ мысли философской—*мышленіе совокупности мірового процесса въ его отвлеченныхъ признакахъ.*

Философія возникаетъ съ вопросомъ: что есть сущее, что лежитъ въ основѣ *всего*, повторяется во *всемъ*, опредѣляетъ совокупность въ своемъ разнообразіи уже отличенныхъ содержаній міра человѣческаго и вещественнаго, духовнаго и физическаго? Древніе и новые философы сходятся

въ признаніи за Ѳалесомъ названія отца философіи, потому что онъ первый, намъ извѣстный, поставилъ вопросъ о *принципѣ* сущаго, въ отличіе отъ космогоническихъ ученій, интересующихся антропоморфическимъ *созданіемъ* разнообразія вещественнаго и человѣческаго міра. Пиѳагоръ, Элеаты, Гераклитъ, Демокритъ, Платонъ ставятъ философскую проблему, стремясь постичь *дѣйствительно сущее*, и этимъ отличаются отъ врачей, законодателей, жрецовъ, астрономовъ, риторовъ. Аристотель, первый сосредоточившійся на изученіи частныхъ областей дѣйствительности, внѣ фантастическихъ созданій религіознаго творчества и метафизическихъ умозрѣній, отдѣлилъ послѣднія подъ именемъ «первой философіи» съ особенной задачей изученія принциповъ всего сущаго. Въ новое время Декартъ, Спиноза, Лейбницъ отдѣляются отъ Коперниковъ, Галилеевъ, Ньютоновъ *универсальностью* своего мышленія, направленіемъ послѣдняго на разрѣшеніе проблемы бытія. Содержаніе философской проблемы осталось тѣмъ же и по наше время. Критицизмъ Канта послужилъ введеніемъ къ системамъ Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Гербарта. Англійскій эмпиризмъ и французскій сенсуализмъ XVII и XVIII вв. послужили основой эволюціонизму Спенсера, позитивизму Конта. Скептическія, эмпирическія, гносеологическія направленія имѣютъ мѣсто въ исторіи философіи, лишь поскольку они являются, во-первыхъ, критическими реакціями на повременныя рѣшенія философской проблемы, во-вторыхъ, хотя и отрицательными и косвенными, но все же размышленіями о ней же, наконецъ — поскольку они расширяютъ кругозоръ и измѣняютъ постановку вопросовъ послѣдующихъ философій.

Въ послѣднемъ отношеніи исторія философіи не представляетъ той солидарности, которая господствуетъ относительно проблемы ея. Въ зависимости отъ развитія науки и общественной жизни, отъ мысли религіозной и эстетической, измѣнялись, противопоставлялись, боролись за господство различныя воззрѣнія на сущность мірового процесса. Атомизмъ, монадизмъ, сенсуализмъ; дуализмъ, монизмъ, плюрализмъ; матеріализмъ, идеализмъ; детерминизмъ, индетерминизмъ; позитивизмъ, эволюціонизмъ, критицизмъ — въ послѣдовательныхъ проведеніяхъ и въ разнообразныхъ комбинаціяхъ группируютъ и различаютъ еще по наше время школы мыслителей. Критическій періодъ, переживаемый современной философіей, характеризуется однако существованіемъ утонченнаго скептицизма по отношенію къ философскимъ системамъ, столько же, сколько и ихъ побѣдоноснымъ переживаніемъ. И на ряду съ послѣдними, конецъ XIX в. показываетъ (особенно во Франціи) возрожденіе философской мы-

сли: твердое убѣжденіе въ высшемъ назначеніи философіи для руководства общественною и индивидуальною жизнью, увѣренность въ плодотворности все новыхъ попытокъ разрѣшенія проблемы бытія и вѣру въ возможность полученія новыхъ, еще неизвѣстныхъ результатовъ.

Опытъ самостоятельнаго изслѣдованія философской проблемы долженъ поэтому тщательно исключить изъ послѣдней всѣ частныя историческія постановки ея и всѣ предпосылки, вытекающія изъ какого-нибудь опредѣленнаго разрѣшенія, или уже содержащія послѣднее. Необходимо поставить проблему во всей ея чистотѣ, и взять ее критеріемъ, какъ для установленія ея отношенія къ другимъ проблемамъ и рѣшеніямъ ихъ, такъ и для критики ея рѣшеній. Философія есть мышленіе о совокупности сущаго въ его отвлеченныхъ признакахъ. Всякая проблема, не относящаяся къ отвлеченнымъ признакамъ совокупности сущаго, лежитъ внѣ философіи. Разрѣшеніе ея не есть разрѣшеніе проблемы философской. Всякое философское ученіе будетъ признано нами удовлетворительнымъ, если оно будетъ простираться на отвлеченные признаки совокупности сущаго. Оно будетъ отвергнуто, если найдемъ, что оно не удовлетворяетъ нашему основному требованію.

II. На основаніи этого критерія современное состояніе мысли научной и философской позволяетъ отдѣлить философію отъ наукъ математическихъ и естественныхъ, психологическихъ и соціальныхъ, отъ логики, этики, эстетики.

1) Наука о величинахъ, числахъ и пространственныхъ формахъ имѣетъ объектъ самостоятельный по отношенію къ философіи. Величинамъ и числамъ свойственна *общеприложимость*, но не *общность* въ отношеніи къ совокупности мірового процесса. Различнымъ областямъ дѣйствительности общи не ихъ численность и величина. Послѣднія не могутъ быть разсматриваемы, какъ сущность матеріальныхъ вещей, движенія, силъ и т. д. Такъ же и пространство. Ученіе Пиѳагора о числахъ, какъ сущности всѣхъ вещей, намъ кажется почти невозможнымъ по своей наивности. Оно становится понятнымъ при возстановленіи современнаго Пиѳагору состоянія отвлеченнаго мышленія, какъ частное приложеніе закона взаимнаго ограниченія, отвлеченія и опредѣленія. Числа оказались тогда отличенными въ своемъ собственномъ содержаніи отъ хаоса воспринимаемыхъ вещей. Они представлялись Пиѳагору единственнымъ содержаніемъ, могущимъ удовлетворить отвлеченное мышленіе о сущности бытія.

Однако и послѣдующее философское мышленіе не переставало при-

писывать математикѣ выдающееся философское значеніе. Платонъ, Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, Гербартъ видятъ въ математикѣ самое могущественное орудіе философскаго мышленія, ключъ къ разрѣшенію философскихъ проблемъ. И дѣйствительно, ученія этихъ мыслителей находятся въ сильной зависимости или непосредственно отъ математики, или отъ теоретическаго естествознанія, на основаніи послѣдней построеннаго.

Математика представляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней критической философіи Канта, и по настоящее время пространство и время являются излюбленной темой философовъ. Метагеометрическія умозрѣнія математиковъ оживили въ самое послѣднее время общій интересъ философовъ къ математикѣ.

Въ виду этого не лишнимъ является прямое указаніе на разнородность проблемы философской и проблемъ математическихъ. *Наука величинъ, чиселъ и пространственныхъ формъ въ своихъ проблемахъ и методахъ различна и независима отъ философіи.*

2) Наука о матеріи, движеніи и силахъ не есть наука о сущемъ вообще. Матерія, движеніе, силы не тождественны съ величинами, числами, пространствомъ; они предполагаютъ послѣднія. Обобщеніе ихъ, какъ основы мірового процесса, опять таки предполагаетъ, что они представляютъ повременную границу спеціализаціи мышленія. Таковой границей является въ строгомъ смыслѣ атомистика древности. Въ новое время матеріализмъ не представляетъ безусловно чистаго и послѣдовательнаго міровоззрѣнія. Ученія Гассенди, Гоббса, энциклопедистовъ проникнуты сенсуалистическими и волитивными элементами. Спенсеръ кладетъ законъ сохраненія энергіи въ основу философіи, но придаетъ энергіи пантеистическій и мистическій характеръ.

Однако философское значеніе физическихъ наукъ еще слишкомъ сильно для того, чтобы энергическое отграниченіе ихъ проблемъ, методовъ и объектовъ отъ философіи было излишнимъ. Нѣкоторые позитивисты возводятъ методы этихъ наукъ въ единственно законный методъ философіи. Въ Англіи физика до сихъ поръ носитъ названіе «natural philosophy». «Матеріалистическія» теоріи проникаютъ въ общественную науку, въ психологію и этимъ показываютъ жизненность матеріалистической метафизики. Итакъ, *наука о матеріи, движеніи и силахъ отлична и независима отъ философіи въ своихъ проблемахъ и методахъ.*

3) Наука о жизни не имѣетъ своимъ объектомъ отвлеченныхъ признаковъ сущаго. Жизнь предполагаетъ неорганическій міръ въ его физическихъ и геометрическихъ опредѣленіяхъ. Ея специфическія свой-

ства не свойственны послѣднему. Она не тождественна въ своихъ общихъ признакахъ и съ величинами и числами.

Однако прогрессъ біологическихъ наукъ въ XIX ст. имѣлъ своимъ слѣдствіемъ возведеніе жизни въ роль центральнаго понятія міровоззрѣнія. Жизненный процессъ пытаются положить въ наше время въ основу объясненія психической и общественной жизни, мышленія, нравственности, творчества. Философскія системы, идейныя теченія вообще пытаются «понять», какъ моменты глухой работы къ самосохраненію. Пытаются распространить схему жизни и на міръ неорганическій: понять его, какъ процессъ динамическаго равновѣсія. Противъ подобныхъ смѣшеній біологіи и философіи слѣдуетъ настаивать, во имя общности философской проблемы и частнаго характера факта жизни, на ихъ разнородности. *Наука о жизни различна и независима отъ философіи въ своихъ проблемахъ и методахъ.*

4) Для Декарта, Спинозы и Лейбница, для Локка, Беркли, Юма, Кондильяка, Ст. Милля существеннѣйшими проблемами философскаго мышленія являются отношенія между матеріей и духомъ, между внѣшнимъ міромъ и ощущеніемъ: происхожденіе, содержаніе, законы и границы познанія. Теорія познанія оказывалась для англійской эмпирической школы послѣднимъ и самымъ общимъ угломъ зрѣнія на совокупность сущаго. Происхожденіе метафизики «объяснялось» изъ опыта; несуществованіе въ послѣднемъ сущностей и идей метафизики было достаточнымъ основаніемъ для «скептическаго» отрицанія ея. Этимъ ограничивалась задача эмпирической философіи.

Въ настоящее время психологія окончательно образовалась, какъ самостоятельная наука съ собственными объектами и методами. Метафизическіе вопросы о взаимодѣйствіи субстанцій стоятъ совершенно внѣ ея области, такъ какъ она изучаетъ данные факты въ ихъ внутреннихъ качествахъ, въ ихъ развитіи, въ ихъ данныхъ отношеніяхъ. Она опирается на естествознаніе, заимствуетъ у послѣдняго методы, модифицируетъ ихъ соотвѣтственно своему предмету, изучаетъ зависимость послѣдняго отъ процессовъ органическихъ, соціальныхъ, физическихъ, и не отождествляетъ стремленій, чувствованій, ощущеній, представленій, сужденій, въ ихъ разнообразныхъ содержаніяхъ, съ предметами наукъ математическихъ, физическихъ, біологическихъ. Психическіе факты лишь недавно стали объектами отвлеченнаго мышленія. Ихъ философское значеніе не было сознано до недавняго времени. Несомнѣнный частный характеръ объектовъ психологіи исключаетъ ихъ для насъ изъ вѣдѣнія философіи. *Наука о психи-*

ческихъ фактахъ различна и независима отъ философіи въ своихъ предметахъ и методахъ.

5) Критическая философія Канта является попыткой устраненія философской проблемы бытія, какъ неразрѣшимой для человѣческаго ума, и отождествленія философіи съ проблемами научной методологіи, нравственнаго долга, эстетическаго сужденія. Проблемы методологическая, этическая и эстетическая энергично различаются Кантомъ отъ проблемъ психологическихъ и метафизическихъ. Послѣднія оказываются для него въ своихъ содержаніяхъ не основами, а слѣдствіями мышленія логическаго и этическаго.

Однако Кантъ отождествилъ ученія субстанціалистической метафизики такъ называемаго догматизма съ сущностью философской проблемы вообще, и устранить послѣднюю ему не удалось. Напротивъ, его отрицательное рѣшеніе возможности *познать* «вещи въ себѣ» стоитъ еще на почвѣ той же догматической метафизики, имѣя своимъ постулатомъ *существованіе* вещей въ себѣ. Какъ мало ему удалось устранить проблему сущности мірового процесса показываетъ расцвѣтъ философіи на новой, имъ заложенной основѣ. Факты мышленія, нравственной воли, творческаго сужденія стали центральными содержаніями грандіозныхъ міровоззрѣній. Солидарность и проникновеніе человѣческихъ сознаній: «объективный духъ»; оригинальность субъекта и субъективной жизни; необходимость, вытекающая изъ мышленія и распространяющаяся въ безконечномъ процессѣ на все обширнѣйшіе круги фактовъ, примиряя, преобразовывая, концентрируя ихъ; творческое возникновеніе міровъ въ кажущемся пассивнымъ актѣ созерцанія—всѣ эти частные, оригинальные факты, только что отличенные въ ихъ специфической особенности, охватываютъ совокупность уже опредѣленныхъ фактовъ съ отвлеченіями, ими ограниченными, преобразовываютъ послѣднія и возводятся на степень сущности самаго бытія.

Лучшія попытки современнаго философскаго мышленія движутся въ этомъ же направленіи. Исходя изъ самостоятельности и несводимости данныхъ психологіи и соціологіи, изъ реальности разума, нравственнаго идеала и свободнаго творчества прекраснаго, онѣ заключаютъ о соотвѣтствіи дѣйствительности съ нашими высшими вожделѣніями, въ противоположность механическому пониманію ея, какъ неотвратимаго процесса слѣпыхъ и разрушающихъ силъ.

Мы не имѣемъ здѣсь задачей критику идеализма и укажемъ лишь на различіе философской проблемы отъ проблемъ соціологическихъ, логическихъ, этическихъ. Послѣднія *сосуществуютъ* съ проблемами математиче-

скими, естественно-научными, психологическими. Онѣ не *поглощаютъ* ихъ. Отвлеченные признаки совокупности сущаго не суть признаки соціологическіе, логическіе, этическіе или эстетическіе.

Резюмируя намѣченныя выше положенія, имѣемъ слѣдующій результатъ: *философская проблема не совпадаетъ ни съ одною изъ частныхъ научныхъ проблемъ. Послѣднія самостоятельны отъ нея въ своихъ проблемахъ и методахъ.*

III. Но остается ли въ такомъ случаѣ вообще объектъ для философіи, и имѣетъ ли она какое-либо значеніе, какую-либо плодотворность? Не получимъ ли мы, исключивъ всѣ спеціальныя научныя проблемы изъ вѣдѣнія философіи, совершенно неопредѣленное понятіе бытія или мыслимаго, какъ единственное ея содержаніе?

Эти опасенія не трудно разсѣять. Философская проблема оказалась для насъ неустранимой и незамѣнимой какой-либо спеціальной наукой или совокупностью спеціальныхъ наукъ, не объединенныхъ отвлеченными признаками, свойственными совокупности ихъ объектовъ. Въ совершенномъ согласіи съ этимъ результатомъ находится историческій фактъ, по которому всякая философія оказывается именно міровоззрѣніемъ, ученіемъ о сущности мірового процесса, проникающимъ все спеціальное мышленіе, руководящимъ имъ, опредѣляющимъ его дальнѣйшее развитіе. Одно міровоззрѣніе смѣнялось другимъ, вслѣдствіе новаго прогресса мышленія въ направленіи спеціализаціи: прежняя высшая абстракція оказывалась недостаточно общей и должна была уступить мѣсто другой, вытекающей изъ послѣднихъ установленныхъ опредѣленій.

Именно въ этомъ и заключается наше утвержденіе о самостоятельности философіи отъ нынѣ установившихся наукъ. Философія новаго времени развивалась во взаимодѣйствіи съ лишь возникающими физическими, біологическими, психологическими, соціологическими, логическими, этическими, эстетическими науками. Конецъ XIX ст. характеризуется въ научной области положительнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ содержаній соціальной жизни—нравовъ, учрежденій, религій, философскихъ, научныхъ, политическихъ, экономическихъ идей—такъ же, какъ и общихъ законовъ взаимодѣйствій между сознательными личностями. Психологія, логика, этика развиваются во все болѣе ясномъ сознаніи своихъ проблемъ и методовъ.

Болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствуется потребность объединяющаго міровоззрѣнія, оправдывающаго *всѣ* законныя стремленія, охватывающаго *всѣ* конкретныя содержанія мысли, уясняющаго ихъ взаимныя отношенія,

границы и смыслъ цѣлаго, которому они должны подчиниться. Господствующія міровоззрѣнія не удовлетворяютъ этой потребности. Они не достаточно объемлющи и поэтому не достаточно общи. Они распространяютъ одну какую-либо частную точку зрѣнія, частное содержаніе или частный законъ на совокупность мірового процесса. Сознаніе этого несовершенства приводитъ къ установленію самостоятельности философіи по отношенію ко всѣмъ существующимъ наукамъ. Отрицать возможность подобной самостоятельной философіи—значитъ лишь не видѣть ея возможнаго содержанія. Считать ее безплодной значитъ не имѣть ея еще. Объективно, возможность и плодотворность философіи гарантированы ея историческимъ прошлымъ, закономъ взаимной зависимости и взаимнаго слѣдствія прогрессовъ опредѣленія и прогрессовъ отвлеченія въ мышленіи. Наконецъ, проблема отвлеченныхъ признаковъ совокупности сущаго существуетъ и вызывается на каждомъ шагу методологическаго, научнаго и этическаго мышленія. Существованіе же проблемы является залогомъ ея разрѣшенія. Разрѣшить ее значитъ объединить и освѣтить всѣ области мышленія.

Проблема всякой данной области мышленія опредѣляетъ специфическій методъ послѣдней. Если дѣло идетъ о какой-нибудь спеціальной области мышленія, то общій методъ ея изслѣдованія опредѣляется цѣлымъ рядомъ положеній изъ областей, болѣе общихъ, чѣмъ она, представляющихъ промежуточную сферу между нею и самыми общими опредѣленіями познаваемаго сущаго. Конечнымъ звеномъ методическаго мышленія постоянно оказывается специфическое содержаніе проблемы, единственно заключающее ключъ къ ея рѣшенію. Изъ самостоятельности спеціальныхъ областей мысли по отношенію къ философіи въ ихъ проблемахъ, мы могли поэтому прямо заключать о самостоятельности послѣднихъ къ ней и по отношенію къ ихъ методу. Методъ философіи опредѣляется ея проблемой. Между послѣдней и содержаніемъ самыхъ общихъ опредѣленій познаваемаго сущаго не существуетъ никакихъ промежуточныхъ звеньевъ. Философское мышленіе опирается, слѣдовательно, непосредственно на внутреннее содержаніе своей проблемы и ищетъ ея разрѣшенія въ предлежащемъ разнообразіи частныхъ содержаній мышленія. Отношеніе ея къ послѣднимъ не можетъ быть тождественно съ отношеніемъ къ нимъ спеціальныхъ наукъ. Задача установленія отвлеченныхъ признаковъ *совокупности* сущаго ведетъ съ неуклонной послѣдовательностью мышленіе въ направленіи высшей отвлеченности, заставляетъ его игнорировать всѣ для него частныя опредѣленія, оставлять за собой всѣ частныя обобщенія и останавливаться лишь на признакахъ, которые для него оказываются наиболѣе отвлеченными, раз-

рѣшающими поставленную задачу. Методъ философіи, опредѣленный ея проблемой, есть методъ высшаго отвлеченія.

Условія происхожденія философской истины въ живомъ процессѣ мышленія должны опредѣлять и ходъ объективнаго философскаго изслѣдованія. Прогрессъ философіи происходитъ въ мышленіи поколѣній мыслителей въ продолженіе вѣковъ надъ ея неизмѣнной проблемой, при посредствѣ исторической и соціальной солидарности послѣднихъ, при посредствѣ педагогической передачи добытыхъ результатовъ и взаимодѣйствія философіи съ развивающимися остальными областями мысли. Всякое историческое обновленіе философіи возникло изъ ассимиляціи и критики предлежащихъ философскихъ ученій орудіемъ болѣе спеціализированнаго научнаго, методологическаго и этическаго мышленія. Мыслитель обращался къ *вещамъ*, провѣряя состоятельность *теорій* и обновляя послѣднія на основаніи изслѣдованія первыхъ.

Изъ предыдущаго слѣдуютъ двѣ задачи философскаго изслѣдованія: 1) критика предлежащихъ философскихъ ученій и 2) положительный анализъ сущаго, съ цѣлью отвлеченія его общихъ признаковъ. Критическая часть имѣетъ подвергнуть испытанію современныя направленія философіи—резюмирующія въ высшихъ формахъ и данныя въ историческомъ прошломъ направленія—относительно соотвѣтствія ихъ рѣшенія основной проблемѣ философіи и удовлетворительности этого рѣшенія въ виду настоящихъ запросовъ мышленія. Конкретное же опредѣленіе задачи положительнаго изслѣдованія неразрывно связано съ содержаніемъ ученія, представляющаго для изслѣдователя разрѣшеніе философской проблемы.

Значеніе того или другого отвѣта на философскую проблему для постановки взаимоотношеній и рѣшеній проблемъ остальныхъ областей мысли, другими словами: значеніе *общаго міровоззрѣнія* для всей духовной жизни обязываетъ философію, если не поглотить въ себѣ всѣ тѣ проблемы—что невозможно, вслѣдствіе самостоятельности и отличія ихъ отъ философіи—то указать вліяніе, которое должно имѣть данное пониманіе совокупности сущаго на ихъ структуру, содержаніе, развитіе. Критическая и положительная задача философіи пополняется прикладной задачей, представляющей послѣднюю и заключительную часть философскаго изслѣдованія.

Позитивизмъ, эволюціонизмъ и критицизмъ.

I

Позитивизмъ.

1. Позитивная философія О. Конта представляетъ попытку гармонизаціи разнородныхъ и разноцѣнныхъ элементовъ мышленія при ясномъ сознаніи ихъ разнородности и разноцѣнности и при сохраненіи ихъ первоначальныхъ существенныхъ чертъ. Отсюда ея глубокое пониманіе будущности человѣчества, ея изумительная интеллектуальная мощь и совершеннѣйшее самопониманіе, но и ея окончательная неудовлетворительность. Критическая оцѣнка позитивизма обязана не упускать изъ виду первостепеннаго значенія, приписываемаго имъ задачѣ координаціи и *объединенія* человѣческаго знанія и непреклонной настойчивости, съ которой отстаивается самостоятельность методовъ, проблемъ и содержаній различныхъ областей теоретической мысли, такъ же, какъ и проблемъ практическихъ и эстетическихъ. Но она не должна также умалять значенія, приписываемаго Контомъ наукамъ математическимъ, какъ содержащимъ наиболѣе общія, слѣдовательно, наиболѣе объединяющія опредѣленія сущаго и представляющимъ въ методологическомъ отношеніи образецъ для обработки высшихъ областей знанія. Признавая полученіе все болѣе общихъ понятій существеннѣйшимъ признакомъ мышленія и ставя философіи именно задачу объединенія разнообразія содержаній мысли въ общихъ понятіяхъ, критика позитивизма должна изслѣдовать внутреннюю цѣнность элементовъ, взятыхъ позитивизмомъ, какъ объектъ объединенія, и объединяющая цѣнность понятій, признанныхъ имъ для самого объединенія. Оказывающіяся противорѣчія и неудовлетворительность позитивизма должны быть объяснены изъ ихъ источника: изъ опредѣленныхъ и частныхъ положеній, вошедшихъ составными частями въ это ученіе. Недостатки позитивизма должны быть локализованы. Ихъ открытіе не должно

повести за собой затемнѣнія ни ряда глубоко вѣрныхъ, плодотворныхъ и руководящихъ ученій, ни самой объединяющей философской задачи, поставленной позитивизмомъ впервые внѣ метафизическихъ предположеній и частно-психологическихъ или частно-естественнонаучныхъ изслѣдованій. Общеизвѣстныя теоріи позитивной философіи могутъ быть формулированы, какъ введеніе къ критикѣ, въ слѣдующихъ положеніяхъ.

1) Позитивная философія есть завершеніе эволюціи человѣческаго ума въ направленіи полнаго господства позитивнаго состоянія послѣдняго, при помощи созданія положительной науки объ обществѣ и установленія, такимъ образомъ, полнаго логическаго и научнаго единства человѣческаго знанія. Позитивному состоянію ума предшествуетъ состояніе метафизическое, вытекающее, въ свою очередь, изъ теологическаго состоянія ума. Позитивный духъ прогрессируетъ отъ наиболѣе общихъ и элементарныхъ опредѣленій дѣйствительности къ наиболѣе частнымъ и сложнымъ. Каждый прогрессъ позитивнаго мышленія сопровождается вытѣсненіемъ мышленія теологическаго и переходнаго, метафизическаго, изъ области, ставшей его объектомъ. Науки математическія—анализъ, геометрія, механика, астрономія, физико-химическія, біологическія, соціологическія науки — вотъ ходъ развитія позитивнаго ума.

2) Методъ, свойственный позитивному мышленію во всѣхъ его областяхъ, состоитъ изъ двухъ слѣдующихъ положеній: а) Познанію недоступны абсолютные субстраты, первыя причины и конечныя цѣли явленій, оно относительно, т. е. простирается исключительно на качественно разнообразныя явленія, стоящія въ отношеніяхъ съ другими явленіями, возникающія и исчезающія въ связи съ другими явленіями. б) Всѣ, безъ исключенія, явленія подчинены неизмѣннымъ законамъ. На существованіи послѣднихъ основаны предвидѣніе и возможность господства надъ природой, представляющія характерную черту знанія.

3) Въ основѣ объединенія человѣческаго знанія, согласно требованіямъ положительнаго метода и при исключеніи изъ содержанія знанія всѣхъ теологическихъ и метафизическихъ элементовъ, лежитъ математика. Она имѣетъ своимъ объектомъ самыя общія и элементарныя опредѣленія дѣйствительности. Она является необходимымъ подготовленіемъ къ изученію всѣхъ другихъ наукъ. Она первая поднялась надъ антропоморфическими фантазіями религій. Она должна, наконецъ, лечь въ основу раціональнаго преподаванія положительныхъ наукъ.

Надъ математикой поднимаются, по степени уменьшающейся общности и увеличивающейся сложности ихъ объектовъ· физика и химія,

біологія и соціологія. Традиціонная схоластическая логика не имѣетъ мѣста въ системѣ положительныхъ наукъ потому, что принадлежитъ метафизической стадіи развитія ума: она имѣетъ дѣло съ сущностями (entités), безсодержательными съ точки зрѣнія позитивной философіи. Методы наукъ неразрывны съ объектами послѣднихъ. Они могутъ быть познаны лишь при посредствѣ углубленія въ конкретныя проблемы тѣхъ наукъ. Психологія также исключается изъ положительной философіи. Такъ называемое внутреннее наблюденіе химерично вслѣдствіе тождества въ данномъ случаѣ субъекта и объекта. Факты чувствительности, воображенія, вниманія, отвлеченія принадлежатъ біологіи, будучи объектами научнаго изслѣдованія лишь въ данныхъ анатоміи и физіологіи, съ ними связанныхъ. Собственно человѣческое же мышленіе можетъ быть познано лишь въ исторически данномъ ходѣ его развитія, представляющемъ объектъ соціологіи.

4) Независимо отъ логическаго единства, введеннаго позитивнымъ методомъ въ человѣческое мышленіе, развитіе положительныхъ наукъ показываетъ стремленіе къ единству научному, т. е. къ единству содержанія знанія въ положеніяхъ, примѣнимыхъ ко всѣмъ областямъ послѣдняго.

Теорія и практика, несмотря на тѣсную связь, независимы и различны одна отъ другой. Науки раздѣляются на абстрактныя и конкретныя.

Первыя изслѣдуютъ общіе законы явленій, вторыя — приложенія этихъ законовъ къ опредѣленнымъ тѣламъ. Конкретныя науки не могутъ быть поглощены абстрактными. Послѣднія представляютъ *іерархію*, въ которой каждая ступень предполагаетъ и включаетъ предыдущую, но *не сводима на нее*. Стремленіе къ единству, представляющее общій законъ мышленія, ограничивается въ каждой области мысли установленіемъ самыхъ общихъ признаковъ, *исключительно ей свойственныхъ*. Онтологическое объединеніе знанія въ принципѣ, формулирующемъ *тождество* всѣхъ формъ дѣйствительности, должно быть признано химеричнымъ. Геометрія вводитъ въ математическій анализъ пространственныя данныя, въ послѣднемъ не содержащіяся. Механика прибавляетъ фактъ движенія. Астрономія изучаетъ среду космическихъ измѣненій. Физика представляетъ нѣсколько совершенно оригинальныхъ формъ явленій—свѣтъ, теплоту, звукъ, электричество, тяготѣніе—могущихъ быть еще умноженными съ развитіемъ нашихъ органовъ чувствъ, или при предположеніи у насъ развитія обонятельныхъ и вкусовыхъ органовъ, подобнаго развитію его у нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ. Преобладаніе математическаго мышленія стало, наконецъ, *вредно* для механики, астрономіи, физики. Чисто дедуктивные ме-

тоды становятся безплодны въ этихъ областяхъ, гдѣ главную роль должны играть наблюденіе и эксперименты. Физика, подъ вліяніемъ узко математическихъ и механическихъ пріемовъ мышленія, искаженныхъ въ свою очередь метафизическими наклонностями, наводнена представленіями о фантастическихъ флюидахъ, представляющихъ попытку поглощенія ея высшихъ областей въ корпускулярной физикѣ, въ дѣйствительности примѣнимой лишь къ явленіямъ тяготѣнія.

Въ химіи существенную роль начинаетъ играть точка зрѣнія *синтетическая*, изслѣдованіе качественныхъ различій и разноцѣнностей по отношенію къ средѣ. Іерархія химическихъ соединеній, ихъ растущая самоопредѣляемость въ реакціяхъ на воздѣйствія окружающаго міра дѣлаютъ химію ближайшею ступенью къ біологіи. Изученіе органическаго міра съ особенною ясностью открываетъ намъ новую сторону феноменальнаго міра: *гармонію*, систематическое единство, подчиненіе частей цѣлому, взаимодѣйствіе функцій и органа, *совершенно чуждыя* міру неорганическому. Раздѣленіе органическаго міра на растительный и животный сдѣлало возможнымъ приложить къ послѣднему въ обширныхъ размѣрахъ принципъ іерархической классификаціи при помощи сравнительнаго метода. Біологія является введеніемъ къ изученію высшей ступени органическаго міра—человѣчества, со свойственнымъ лишь ему интеллектуальными и моральными фактами. Соціологія прибавляетъ къ совокупности научныхъ методовъ—методъ историческій.

Между тѣмъ науки о самыхъ общихъ опредѣленіяхъ явленій—науки математическія съ ихъ высшей ступенью, механикой, начинаютъ вырабатывать понятія и законы, имѣющіе уже не только ограниченное приложеніе къ ихъ специфическимъ объектамъ, а простирающіеся на совокупность доступныхъ познанію явленій. Таковы въ настоящее время механическія понятія равновѣсія и движенія, приложенныя также и къ явленіямъ біологическимъ, поскольку послѣднія подчинены законамъ, общимъ для всѣхъ тѣлъ, какъ таковыхъ. Таковы, въ особенности, основные законы механики: 1) законъ инерціи, имѣющій самое общее приложеніе, если его формулировать, какъ стремленіе всякаго существа къ пребыванію въ разъ данномъ состояніи, пока какая-нибудь внѣшняя причина не выведетъ его изъ этого состоянія; 2) законъ независимости и сложенія (параллелограммъ) силъ; 3) законъ равенства дѣйствія и противодѣйствія. Раціональная механика, несомнѣнно, выработаетъ и рядъ другихъ законовъ съ болѣе или менѣе общимъ содержаніемъ.

Позитивная философія характеризуется, наконецъ, преобладаніемъ

соціологическаго духа надъ математическимъ и связаннымъ съ первымъ духомъ общности и объемлемости. Она неразрывна отъ высокаго нравственнаго подъема духа и способствуетъ развитію эстетическихъ стремленій. Она должна лечь въ основу новой организаціи общественной жизни, потрясенной въ своихъ теологическихъ устояхъ французской революціей, и должна руководить устройствомъ и соподчиненіемъ учрежденій семейственныхъ и воспитательныхъ, промышленныхъ и государственныхъ, научныхъ и художественныхъ.

Таковы общія черты ученія О. Конта. Постараемся установить и локализовать его слабыя стороны.

II. На основаніи предыдущаго обзора позитивизма объектомъ философской критики его являются: 1) законъ трехъ стадій, 2) понятіе положительнаго метода: относительность познанія и всеобщность неизмѣнныхъ законовъ, 3) классификація наукъ, 4) ученіе о научномъ единствѣ человѣческаго знанія, независимомъ отъ единства логическаго и сосуществующемъ съ несводимостью различныхъ научныхъ единицъ, со множествомъ и разнообразіемъ теоретическихъ и практическихъ точекъ зрѣнія.

1) Законъ трехъ стадій былъ подвергнутъ различными писателями разнообразной критикѣ. Его опровергали, осмѣивали даже. Указывали на его эмпирическій характеръ, на его недостаточную общность, на его схематичность, на его несоотвѣтствіе дѣйствительному историческому развитію мысли; оспаривали логическое верховенство позитивной точки зрѣнія надъ теологической и метафизической. Однако большинство критиковъ врядъ ли не приписывало этому закону значенія, котораго Контъ ему никогда не придавалъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, что онъ не считалъ его основнымъ закономъ *человѣческаго мышленія вообще*. Косвенно это доказывается другимъ закономъ—развитія мысли, изъ закона трехъ стадій никоимъ образомъ не выводимымъ: закономъ развитія положительныхъ наукъ въ порядкѣ общности и простоты ихъ объектовъ. Контъ безпрестанно употребляетъ въ описаніи развитія мысли и взаимоотношеній ея элементовъ *соотношеніе между движеніемъ обобщающаго и спеціализирующаго мышленія*. Этотъ дѣйствительно общій и основной законъ всякаго мышленія имъ нигдѣ не формулированъ въ его объемлющемъ значеніи. Онъ, въ связи съ еще болѣе общимъ закономъ увеличенія многозначности и однозначности отношеній, непрерывности и измѣнчивости содержаній, приложенномъ къ развитію мышленія, а не законъ трехъ стадій долженъ быть положенъ въ основу пониманія эволюціи мышленія и оцѣнки прошедшихъ и повременныхъ содержаній науки и философіи. Значеніе этого закона

ясно Конту въ одномъ лишь отношеніи: въ пониманіи объединяющей задачи мышленія, единства, связи, гармоніи всѣхъ его содержаній, не исключающей, а сосуществующей съ задачами развѣтвленія, прогрессивной спеціализаціи его и не включающей какого-либо *матеріальнаго, неизмѣннаго* принципа человѣческаго знанія или бытія.

Законъ трехъ стадій, слѣдовательно, не есть общій законъ мышленія и если Контъ и не считалъ его таковымъ, тѣмъ не менѣе онъ поставилъ его на вершину пониманія эволюціи человѣческаго мышленія,—что соотвѣтствуетъ лишь дѣйствительно самому общему закону послѣдняго,—не подчиняя его закону болѣе общему и не сообразуясь съ его спеціальнымъ характеромъ въ выводахъ логическаго и догматическаго свойства.

И именно послѣдніе дѣлаютъ этотъ законъ совершенно несостоятельнымъ. Контъ формулировалъ его согласно догматическимъ теоріямъ своей позитивной философіи. Онъ не только утверждалъ связь между развитіемъ математическихъ наукъ и развитіемъ теологіи и метафизики, ихъ взаимодѣйствіе, ихъ антагонизмъ, ихъ разнообразныя комбинаціи, попытки компромиссовъ между ними на разныхъ ступеняхъ развитія,—*но и разсматривалъ историческое возникновеніе математики, физики, химіи, біологіи и соціологіи, какъ прогрессивное выдѣленіе совокупности классовъ міра явленій, какъ неизмѣнныхъ и окончательныхъ содержаній познанія положительнаго, т. е. освобожденія его отъ всякихъ антропоморфическихъ примѣсей познанія разъ на всегда данной человѣчеству объективной и относительной дѣйствительности.*

Если соціологическое пониманіе развитія мысли учитъ исторической обусловленности всѣхъ человѣческихъ понятій ступенью развитія человѣческаго ума и этимъ указываетъ на первенствующее значеніе соціологической точки зрѣнія въ міровоззрѣніи, то оно исключаетъ точку зрѣнія позитивную: существованіе *неподвижной* іерархіи явленій, становящейся постепенно объектомъ познанія въ ея неизмѣнности и окончательности. Въ первый разъ мы наталкиваемся на *основное и непримиримое противорѣчіе математическихъ и соціологическихъ теорій позитивизма.* Признаніе математическихъ данныхъ наиобщими опредѣленіями дѣйствительности въ позитивномъ смыслѣ заставляетъ Конта выдѣлить ихъ развитіе, какъ и развитіе остальныхъ «положительныхъ наукъ» изъ развитія теологіи и метафизики. Постепенное развитіе наукъ изображается на подобіе проникновенія свѣта во тьму, представляется тропинкой прогресса истины въ дебряхъ незнанія. На самомъ дѣлѣ *математика существовала также,*

какъ примитивная метафизика, подобно атомизму естествознанія, онтологіи элейцевъ и Платона, или гилозоизму Аристотеля.

Человѣческое мышленіе имѣетъ еще незначительное прошлое за собою. Разнообразныя, накопившіяся міропониманія лишь слабо вліяли одно на другое; они мало сталкивались, мало расширялись и видоизмѣнялись и образовывали лишь неустойчивыя и мало объемлющія гармонизирующія комбинаціи. Возникающіе новые элементы мышленія, исключающіе элементы имъ предшествующіе, не имѣли достаточной силы ни для уничтоженія послѣднихъ, ни для ихъ преобразованій. Они приспособлялись къ нимъ и приспособляли ихъ къ себѣ, вызывая на первый взглядъ представленіе даже солидарности и неразрывной связи между ними. Однако дальнѣйшее развитіе этихъ элементовъ, столкновеніе съ другими элементами вскрывали непримиренныя противорѣчія, разрушали, преобразовывали старыя комбинаціи, выдвигали новыя.

Пропитанный анимистическими и матеріалистическими представленіями образовавшаго его примитивнаго человѣчества языкъ служилъ орудіемъ мышленія естественно-научнаго и философскаго, математическаго и соціологическаго. Слова лишь отчасти подчинялись приписываемымъ имъ значеніямъ. Въ ихъ структурѣ—корняхъ, оборотахъ, связяхъ—таится другое значеніе, другое міровоззрѣніе. Послѣднее служило невидимой нитью болѣе, чѣмъ одного философскаго умозрѣнія. Современные изслѣдователи въ области лингвистики первобытной культуры открыли удивительныя сходства между первобытными воззрѣніями и аргументаціями и проблемами Элейцевъ, Сократовъ, Платоновъ. Такое же внутреннее противорѣчіе таится и таилось не только между воззрѣніями религіозными и метафизическими съ одной стороны и математическими съ другой, *но и между ариѳметикой и алгеброй, между анализомъ и геометріей, между математикой и логикой, между геометріей и механикой, между механикой и физикой, между физикой и химіей, между химіей и біологіей, между психологіей и соціологіей, между соціологіей и этикой.* Каждое изъ этихъ содержаній представляетъ само по себѣ *цѣлое міровоззрѣніе.* Сущность математики заключается въ утвержденіи, что *все* есть число, или величина, или пространство, или движеніе; для физики существуютъ *лишь* массы и ихъ силы, для химіи существуютъ *лишь* качественныя соединенія и т. д. Эти науки возникли не одновременно. Каждая изъ нихъ господствовала одно время и въ нѣкоторыхъ мозгахъ, какъ единое міропониманіе. Возникая одна за другую, онѣ не могли вытѣснить своихъ предшественницъ. И столкновеніе не уничтожало ихъ, а вызывало лишь попытки ихъ примиренія при по-

средствѣ фиктивныхъ объединеній въ понятіяхъ, отдающихъ преобладающее значеніе одному изъ нихъ не исключая другого. На этой почвѣ выросли различенія бытія и явленія, матеріи и формы, первичныхъ и вторичныхъ качествъ, матеріи и духа, непространственной монады и пространственныхъ атомовъ, необходимости и свободы, непрерывности и раздѣльности, дѣлимости и недѣлимости, элементарнаго и сложнаго, абстрактнаго и конкретнаго, раціональнаго и эмпирическаго, познаваемаго и т. д. Попытки примиренія разнообразныхъ элементовъ мысли брали исходной точкой то высшій достигнутый элементъ міровоззрѣнія, то низшій изъ нихъ, то посредствующій, то ихъ совокупность. Міровоззрѣніе выходило идеалистическимъ или догматическимъ, или критическимъ, или позитивнымъ. Философія О. Конта и является попыткой «координаціи» всѣхъ добытыхъ человѣчествомъ міровоззрѣній, включая религіозныя и метафизическія, въ единую систему. Критицизмъ Канта представляетъ попытку логической и этической философіи; эволюціонизмъ комбинируетъ физико-химическія теоріи съ біологическими требованіями въ міровоззрѣніе; идеализмъ, наконецъ, береть психологію, соціологію, этику и эстетику опредѣляющими моментами міровоззрѣнія.

Законъ трехъ стадій включаетъ въ себя догматическое утвержденіе удовлетворительности и окончательности для нашего времени позитивной координаціи знанія и связанное съ ними выдѣленіе развитія элементовъ этой координаціи изъ другихъ содержаній развитія въ прошедшемъ. Не признавая перваго, приходится отвергнуть и второе. Развитіе положительныхъ наукъ и развитіе метафизики не представляетъ болѣе существенныхъ отличій, чѣмъ развитіе различныхъ метафизическихъ ученій и религіозныхъ вѣрованій между собой. «Положительнымъ наукамъ» не присуща никакая особенная внутренняя и абсолютная цѣнность, радикально отличающая ихъ отъ метафизики. Развитіе наукъ психо-и соціо-логическихъ требуетъ, по нашему мнѣнію, съ одинаковой настойчивостью преобразованія основныхъ понятій естественныхъ наукъ, имѣющихъ характеръ общаго міровоззрѣнія такъ же, какъ и понятій логическихъ и метафизическихъ. Міровоззрѣніе, объединяющее гармонически совокупность настоящаго міропознанія, не будетъ ни теологическимъ, ни метафизическимъ, ни позитивнымъ. Оно должно будетъ содержать въ себѣ всѣ исторически данныя формы мышленія, но включая ихъ, оно не отождествится съ ними, съ ихъ угломъ зрѣнія на совокупную дѣйствительность. Резюмируемъ замѣчанія о законѣ трехъ стадій. 1) Этотъ законъ не есть общій законъ мышленія и не долженъ быть положенъ въ основу опредѣленія задачъ философіи, какъ то

сдѣлалъ Контъ. Общій законъ мышленія есть соотношеніе между содержаніемъ и развитіемъ отвлеченія и опредѣленія, абстракціи и спеціализаціи; онъ подчиняется еще болѣе общему закону увеличенія однозначности и многозначности, непрерывности и измѣнчивости сущаго. 2) Онъ неразрывно связанъ съ догматическимъ ученіемъ позитивизма, выдѣляя развитіе «положительныхъ наукъ» изъ развитія другихъ элементовъ мышленія, какъ развитіе элементовъ съ *неизмѣнною и самостоятельною объективною цѣнностью*. 3) Непримиримость соціологической точки зрѣнія исторической обусловленности возникновенія математическихъ понятій съ утвержденіемъ универсальнаго характера ихъ содержаній, какъ общихъ опредѣленій всякаго бытія, заставляетъ усомниться въ объективной удовлетворительности позитивизма. 4) Неудовлетворительность догматической точки зрѣнія позитивизма и соображенія объ общемъ законѣ мышленія въ связи съ ходомъ развитія послѣдняго заставляютъ отвергнуть законъ трехъ стадій, удѣляющій положительнымъ наукамъ исключительное положеніе въ развитіи человѣческой мысли. 5) Объединеніе человѣческой мысли въ міровоззрѣніи, удовлетворяющемъ требованіямъ современной мысли, не можетъ произойти ни на почвѣ положительной науки, ни на почвѣ метафизики и теологіи; но оно должно включать въ себѣ всѣ данныя точки зрѣнія.

2) Изслѣдуемъ теперь основные принципы позитивнаго метода: относительность познанія и неизмѣнность законовъ явленія.

Относительность познанія имѣетъ для Конта четыре слѣдующихъ значенія. 1) Теологическимъ и метафизическимъ понятіямъ абсолютныхъ основъ, причинъ и цѣлей не присуще никакое объективное значеніе. 2) Совокупность доступнаго познанію міра относительна. Каждый данный фактъ стоитъ въ *отношеніяхъ* къ другимъ фактамъ; совершенно независимаго факта не существуетъ. Это положеніе доказывается во всей своей обширности установленною безусловною относительностью явленій *міра неорганическаго*. 3) Біологическіе факты, къ которымъ Контъ причисляетъ и факты психическіе до примитивной теологической ступени, имѣя послѣдніе главнымъ образомъ въ виду при установленіи относительности *познанія*, относительны къ взаимодѣйствію организма, его органовъ чувствъ и нервной системы со средой. 4) Существуетъ абсолютная непознаваемая дѣйствительность. Къ ней относятся внутренняя природа явленій, ихъ первыя причины и ихъ конечныя цѣли.

Каково взаимное отношеніе этихъ значеній относительности познанія, ихъ отношенія къ другому принципу позитивнаго метода и къ положительнымъ ученіямъ позитивизма?

Отрицаніе объективной цѣнности теологическихъ и метафизическихъ понятій вполнѣ гармонируетъ съ утвержденіемъ относительности всего сущаго. Познаніе въ своемъ историческомъ развитіи приходитъ къ убѣжденію невозможности пониманія дѣйствительности, какъ однороднаго, вездѣсущаго содержанія, какъ подчиненнаго одной опредѣленной цѣли или вытекающаго изъ одной опредѣленной причины, представленныхъ къ тому по образу и подобію человѣка Оно видитъ себя вынужденнымъ признать *множество разнообразныхъ содержаній дѣйствительности*, съ разнообразными исходными точками возникновенія, съ разнообразными теченіями и переходами въ другія содержанія. Относительность сущаго включаетъ необходимо *качественное разнообразіе его содержаній, измѣненій и причинъ*. Она означаетъ, собственно, взаимодѣйствіе между разнообразными содержаніями сущаго, не могущими быть во взаимодѣйствіи, иначе какъ будучи разнообразными. Взаимодѣйствіе включаетъ въ себя и *взаимное дѣйствіе, измѣненіе* стоящихъ въ отношеніяхъ разнообразныхъ содержаній. Далѣе, возникновеніе содержаній изъ взаимныхъ воздѣйствій или предшествующихъ содержаній, стоящихъ въ отношеніяхъ одно къ другому, дѣлаетъ необходимымъ *внутреннюю качественную связь* между стоящими въ отношеніяхъ и взаимно измѣняющими содержаніями. Міровой процессъ долженъ быть опредѣленъ постоянной качественностью его основъ. Понятіе относительности сущаго, включая качественное разнообразіе и измѣнчивость всѣхъ содержаній послѣдняго, включаетъ, какъ частный случай, и качественную своеобразность и измѣнчивость *познанія*. Непознаваемое окажется для познанія стоящимъ съ нимъ въ отношеніяхъ, качественно своеобразнымъ содержаніемъ, внутренняя качественная связь котораго съ *познаніемъ* не идетъ далѣе подчиненности его общимъ для познанія сущаго, какъ познаннаго, такъ и непознаннаго, опредѣленіямъ качественности, относительности и измѣнчивости. Существованіе непознаваемаго никоимъ образомъ не дастъ повода ни къ установленію относительности познанія, какъ особой и совершенно оригинальной формы относительности, ни къ характеристикѣ непознаваемаго, какъ абсолютнаго. Два другихъ значенія относительности познанія у Конта стоятъ слѣдовательно въ противорѣчіи съ двумя первыми значеніями. Одновременное употребленіе всѣхъ четырехъ значеній заставляетъ его искажать характеръ каждаго изъ нихъ. Постулатъ неизмѣнныхъ законовъ всего сущаго и опредѣленіе понятій математики, какъ самыхъ общихъ опредѣленій, являются дальнѣйшимъ слѣдствіемъ и выраженіемъ противорѣчивой комбинаціи элементовъ позитивизма.

Біологическая относительность познанія имѣетъ законный смыслъ лишь, если отличить біо-психологическія содержанія познанія—ощущенія, воспріятія, представленія—отъ историческихъ содержаній познанія—религіозныхъ, философскихъ, научныхъ и, въ частности, біологическихъ и гносеологическихъ теорій—съ одной стороны; отъ среды и отъ организма, *какъ реальныхъ данныхъ, отличныхъ отъ того и другого рода познанія,* съ другой. Тогда взаимодѣйствіе среды, организма и съ организмомъ связанныхъ психическихъ фактовъ обусловитъ данные факты познанія—феноменальныя содержанія внѣшняго міра—отличающіеся какъ отъ ихъ условій, такъ и отъ научнаго познанія ихъ, хотя и включенные въ послѣднее. Относительность познанія окажется не относящеюся къ его содержанію, а къ *условіямъ:* къ содержаніямъ, изъ взаимодѣйствія которыхъ оно возникаетъ. Непознаваемость физической среды и жизни окажется результатомъ не изслѣдованія познанія, а *отрицательнымъ результатомъ* попытки понять цѣликомъ факты органическіе и неорганическіе при посредствѣ намъ данныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ опытовъ. Не такъ понимаетъ относительность познанія и непознаваемость сущаго сенсуализмъ, къ которому Контъ примыкаетъ въ теоріи воспріятія внѣшняго міра. Для него естествонаучное познаніе среды и организма (методами математики и физики) *тождественно съ самой средой и организмомъ.* Вслѣдствіе этого признаніе относительности ощущеній и воспріятій является основой для утвержденія «субъективности» послѣднихъ («вторичныя качества», «явленія», «символы» и т. п) въ виду «объективности» основныхъ понятій естествознанія (автомовъ. силъ, пространства, времени). Но дальнѣйшее изслѣдованіе происхожденія научныхъ понятій приводитъ къ убѣжденію происхожденія всѣхъ ихъ изъ біологически обусловленнаго чувственнаго опыта, къ невозможности тождества ихъ съ ихъ реальными условіями. Такъ какъ этотъ результатъ не приводитъ къ реформѣ естествонаучныхъ понятій, которыя предполагались тождественными съ объективной дѣйствительностью, а лишь къ убѣжденію ихъ примѣнимости лишь къ міру явленій, то недоступная познанію дѣйствительность мыслится именно, какъ *абсолютный субстратъ* міра явленій съ признаками непроницаемости, непрерывности, причинности и т. д .Она понимается тогда или въ прямомъ соотвѣтствіи съ вещественнымъ міромъ—матеріалистически, или на подобіе психическихъ фактовъ—монадологически. Кантъ перенесъ вопросъ на другую почву и открылъ новую эру философіи, не закончившуюся еще и по настоящее время.

Что касается Конта, то онъ принялъ послѣдствія сенсуализма—суще-

ствованіе абсолютной непознаваемой дѣйствительности на подобіе дѣйствительности математическаго естествознанія, при исключеніи изъ нея качественнаго разнообразія «явленій»—на-ряду съ отрицаніемъ метафизики и теологіи и утвержденіемъ относительности сущаго въ соотвѣтствіи со своей соціологической теоріей развитія познанія. Противорѣчія позитивизма во всѣхъ его утвержденіяхъ вытекаютъ изъ этого основного противорѣчія его принциповъ. Соціологическая точка зрѣнія требуетъ несводимаго качественнаго разнообразія, основной относительности и измѣнчивости сущаго. Математическая точка зрѣнія требуетъ качественной индифферентности, абсолютной сбоснованности и неизмѣнности сущаго. Соціологическая точка зрѣнія требуетъ разнообразія, измѣнчивости, непрерывности *законовъ* въ зависимости отъ внутреннихъ качественныхъ связей явленій, ихъ непосредственнаго развитія одно изъ другого, ихъ сложныхъ взаимодѣйствій. Математическая точка зрѣнія требуетъ однообразія, неизмѣнности, качественной односторонности законовъ явленій. Контъ пытается удовлетворить обоимъ требованіямъ. Онъ утверждаетъ неизмѣнность законовъ, но и ихъ многочисленность. Онъ различаетъ динамическую точку зрѣнія отъ статической, но утверждаетъ полную опредѣленность процессовъ эволюціи, возможность полнаго предсказанія ея содержаній на основаніи неизмѣнныхъ законовъ. Онъ энергически отстаиваетъ несводимость различныхъ основныхъ качествъ феноменальной дѣйствительности и самостоятельное значеніе конкретныхъ наукъ и въ то же время утверждаетъ общность математическихъ опредѣленій и доступность для науки лишь «отношеній» сходства и послѣдовательности. Онъ утверждаетъ, наконецъ, химеричность надеждъ на пониманіе міра, какъ матеріальнаго единства, и чисто логическій характеръ свойственнаго мышленію требованія объединенія знанія общими положеніями и указываетъ на чисто механическія положенія, безъ натяжекъ оказывающіяся приложимыми ко всѣмъ остальнымъ областямъ знанія, и предсказываетъ умноженіе подобныхъ положеній съ прогрессомъ математической механики. Сказанное о позитивномъ методѣ резюмируется въ слѣдующихъ положеніяхъ. 1) Ученіе Конта объ относительности познанія носитъ противорѣчивый характеръ. 2) Оно примиримо съ постулатомъ универсальнаго существованія неизмѣнныхъ законовъ лишь въ той формѣ, въ которой оно дополняется ему противорѣчащимъ ученіемъ о существованіи непознаваемаго *абсолютнаго*. 3) Противорѣчивыя утвержденія объ относительности познанія и постулатъ неизмѣнныхъ законовъ вытекаетъ изъ признанія Контомъ одновременно математическихъ

опредѣленій общими опредѣленіями сущаго и его соціологическими воззрѣніями на познаніе, жизнь и неорганическую среду.

3) Знаменитая классификація наукъ Конта располагаетъ науки въ хическомъ порядкѣ по степени общности и элементарности ихъ объектовъ, предполагая *совпаденіе* общности и элементарности и кладя математику въ основу іерархіи, какъ науку, имѣющую своимъ объектомъ наиболѣе общія и элементарныя опредѣленія сущаго. Здѣсь, по нашему мнѣнію, лежитъ больной пунктъ не только позитивизма, но и всякой философіи, считающейся, какъ съ непоколебимыми данными, съ теоріями т. н. положительныхъ наукъ на ихъ математической основѣ.

Что такое элементъ и комплексъ? Возьмемъ ли мы вещь обыденнаго опыта, состоящую изъ дѣлимыхъ частей и составляющую цѣлое по отношенію къ нимъ, или пространственную фигуру, разлагаемую на поверхности, плоскости и линіи, или систему механическихъ силъ, или химическое тѣло, элементы котораго намъ извѣстны, или организмъ съ системами органовъ, органами и клѣтками, какъ его составными частями: возьмемъ ли сознаніе, какъ цѣлое ощущеній, представленій, чувствованій, стремленій, понятій, сложныхъ міровоззрѣній, или общество, какъ цѣлое составляющихъ его человѣческихъ личностей, семейственныхъ, экономическихъ, правовыхъ, политическихъ, религіозныхъ, научныхъ, эстетическихъ и т. д. единицъ—*понимаемъ ли мы подъ элементомъ и комплексомъ качественныя опредѣленія содержаній, обозначаемыя этими понятіями? Свойственно ли элементамъ и комплексамъ, какъ таковымъ, какое-либо качественное значеніе?* Мы отвѣчаемъ на оба эти вопроса: нѣтъ, и оказываемся этимъ отвѣтомъ въ противорѣчіи съ основными пріемами математическаго естествознанія. Послѣднее основано на понятіяхъ *числа, геометрической точки и атома.* Общее понятіе величины—отношеніе равенства, ставимое Контомъ и въ особенности новѣйшими критиками математики *) въ основѣ математическихъ понятій—не можетъ имѣть въ *настоящей системѣ математики* количественнаго и собственно математическаго значеніе иначе, какъ будучи переведено въ число. Понятіе числа, какъ единства вообще, болѣе обще, чѣмъ понятіе величины; оно заключаетъ въ себѣ послѣднее. Стремленіе лишить число его основнаго значенія въ системѣ математики основано на сознаніи *неудовлетворительности этого*

*) См. B. Russel: An Essay on the Foundations of geometry. London 1897 того же автора: On the Relations of Number and Quantity въ Mind. т. VI № 23 и Couturat въ Revue de metaphysique et de morale. 1898.

понятія вообще, необходимости его совершеннаго устраненія и замѣны понятіемъ болѣе удовлетворительнымъ. Оно останавливается на полдорогѣ, если подчиняетъ понятіе числа понятію величины, исторически на первомъ построенному. Критика современной математики должна поэтому разсматривать число, геометрическую точку и атомъ (въ связи съ силой) какъ ея основныя понятія.

Современное естествознаніе приписываетъ понятіямъ элемента и комплекса качественное содержаніе. Оно ставитъ себѣ задачей *свести* сложное на ея элементы. *конструировать* величины изъ чиселъ, пространственныя формы—изъ точекъ, тѣла—изъ атомовъ, физическіе и химическіе процессы—изъ группировокъ атомовъ и результатовъ ихъ «силъ». Качественныя различія въ химическихъ превращеніяхъ исключаются, какъ необоснованныя въ количественныхъ комбинаціяхъ качественно совершенно однородныхъ атомовъ. Различія физическихъ свойствъ тѣлъ, ихъ аггрегатныхъ состояній, упругости и т. д. должны имѣть своимъ объективнымъ основаніемъ комбинаціи, группировки, количественныя умноженія, или уменьшенія атомовъ и ихъ силъ. Біологическіе процессы должны быть сведены на физико-химическіе процессы, т. е въ послѣднемъ счетѣ—на процессы движенія атомовъ въ пространствѣ. Психическая жизнь есть «функція» біологическихъ процессовъ, т. е. сводится въ концѣ концовъ на группировки все тѣхъ же атомовъ! Числа, точки и атомы царятъ надъ міромъ!

Но естествознанію никогда не удалось спокойно работать надъ осуществленіемъ своего «идеала». Съ самаго начала попытки яснаго пониманія опытныхъ данныхъ при помощи математическихъ предположеній приводили въ отчаяніе естествоиспытателей. На каждомъ шагу они наталкивались на непроницаемыя тайны. Все казалось окружено мракомъ, все было чудомъ. Дѣйствіе на отдаленіи, промежутки между тѣлами, возможность движенія, непрерывность пространства представляли рядъ необъяснимыхъ фактовъ для Ньютона и его послѣдователей. Безконечность и безконечная дѣлимость пространства и времени, непроницаемость и совершенная упругость атома, его недѣлимость и безконечная дѣлимость, конечность числа и безпрерывность всѣхъ пространственныхъ и временныхъ процессовъ — всѣ эти антиноміи математическое естествознаніе не перестаетъ влачить за собою до настоящаго времени. Къ тому же физика и химія не перестаютъ выставлять требованія, не удовлетворимыя атомистической механикой. Первая принуждена выдумывать разнообразные «эѳиры», какъ объективные субстраты разнородныхъ физическихъ явленій. Движеніе не тождественно ни съ атомомъ, ни съ силой,

ни съ пространствомъ. Законъ сохраненія энергіи требуетъ понятія потенціональной энергіи, не сводимой ни на массовое, ни на молекулярное движеніе. Химія учитъ совершенной качественной разнородности «элементовъ» и соединеній, исчезновенію первыхъ при образованіи соединенія и ихъ опредѣленной качественности. Надежда разложить всѣ извѣстные элементы на одинъ общій не имѣетъ характера подкрѣпленія атомизма: основной химическій элементъ долженъ оказаться имѣющимъ опредѣленныя качества и его соединенія должны будутъ стоять къ нему въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ стоятъ извѣстныя намъ соединенія къ ихъ извѣстнымъ уже элементамъ, т. е. быть качественно разнородными, а не представляться лишь численно и геометрически различными группировками качественно индифферентныхъ атомовъ. Эта необходимость гарантируется аналитическими методами, которые химія употребляетъ для разложенія сложныхъ тѣлъ.

Атомистическое естествознаніе, опирающееся на математику точки и числа, представляетъ далѣе непреодолимыя препятствія научнымъ требованіямъ біологіи и психологіи. Первая имѣетъ въ ея современномъ состояніи рядъ непоколебимыхъ постулатовъ. Это 1) происхожденіе органической жизни изъ неорганической среды, при образованіи химическихъ тѣлъ высшей сложности; 2) примѣненіе общихъ физическихъ и химическихъ законовъ и къ явленіямъ физіологическимъ, какъ частнымъ случаямъ послѣднихъ; 3) несводимость, оригинальность жизни и ея специфическихъ формъ и процессовъ по отношенію къ неорганической средѣ: ея іерархическое отношеніе къ послѣдней. Но атомистичская теорія физико-химическихъ процессовъ исключаетъ какъ первое, такъ и послѣднее изъ этихъ требованій. Она лишаетъ специфическіе признаки физико-химическихъ процессовъ всякаго объясняющаго и самостоятельнаго значенія. Какимъ чудомъ изъ качественно индифферентныхъ атомовъ и ихъ движеній возникаетъ міръ качествъ, формъ, органическихъ единствъ? И не только міръ неодушевленный, но и міръ живой, самостоятельно реагирующій, сложно организованный, чувствующій? И на какой почвѣ могутъ утверждаться самостоятельность, внутреннее качественное единство міра органическаго, какъ отличнаго отъ міра неорганическаго? Вѣдь «сущность» жизни представляютъ въ концѣ концовъ все тѣ же однообразные атомы, ихъ движенія и накопленія! Психологія съ своей стороны имѣетъ своей основой рядъ предположеній, безсмысленныхъ съ точки зрѣнія атомистической теоріи и исключающихъ ее. Она предполагаетъ закономѣрную связь между психическими и органическими процессами, совершенную

качественную самостоятельность и разнородность первыхъ по отношенію ко вторымъ, возможность анализа психическихъ данныхъ, изслѣдованія ихъ развитія изъ низшихъ психическихъ фактовъ, экспериментальнаго изслѣдованія ихъ внутреннихъ закономѣрностей и ихъ отношеній къ физической средѣ и организму Но теорія числа, точки и атома, какъ основъ естествознанія и какъ наиобщихъ качественныхъ опредѣленій сущаго, запутываетъ тѣ предположенія въ неразрѣшимыя противорѣчія и безсмыслицы. Связь психическихъ и біологическихъ процессовъ превращается въ ихъ тождество, такъ какъ послѣдніе суть не что иное, какъ механическіе процессы; а механическіе процессы считаются общими признаками всего сущаго. Анализъ психическихъ данныхъ на ихъ составныя части превращается въ отождествленіе сложныхъ фактовъ съ ихъ элементами, такъ какъ съ понятіемъ элемента связано атомистическое представленіе *о качественномъ субстратѣ* сложнаго. Генетическое изслѣдованіе психической жизни превращается въ атомистическое представленіе о *сведеніи* высшихъ продуктовъ эволюціи на низшіе. Наконецъ, экспериментальное изслѣдованіе психическихъ данныхъ опять таки якобы предполагаетъ примѣненіе къ нимъ чиселъ, пространственныхъ измѣреній и противоположеній, атомистическихъ пріемовъ мышленія, такъ какъ числа, точки и атомы считаются общими и качественными опредѣленіями сущаго!

Всѣ эти противорѣчія вызывали въ теченіи исторіи мысли разнообразныя метафизическія, агностическія, критическія и позитивистическія реакціи. Качественный элементъ возстановляется при помощи спиритуалистическихъ теорій конечныхъ цѣлей, идеалистическихъ ученій о самостоятельномъ отъ эмпирической дѣйствительности существованіи іерархіи идей, агностическихъ теорій непознаваемости *сущности* вещей и познаваемости лишь *отношеній*, критическихъ ученій объ обусловленности познанія формами ума и воспріятія, позивистическихъ ученій о разнообразіи и несводимости явленій. Но всѣ эти реакціи не только не устраняли математическихъ пріемовъ мышленія, но обосновывали свои собственныя утвержденія именно непоколебимостью математическихъ основъ естествознанія, образцовой точностью и всеобщностью математическаго мышленія, господствомъ надъ природой при помощи точныхъ наукъ. Но эти философскія поправки, въ свою очередь, представляютъ неразрѣшимыя противорѣчія и тормозятъ еще развитіе психологическихъ и соціологическихъ наукъ, какъ онѣ недавно еще тормозили процессъ наукъ біологическихъ.

Необходимо поэтому устранить источникъ дисгармоническаго состоянія современной науки и философіи: ученіе о совпаденіи общности и эле-

ментарности въ математико-механическихъ понятіяхъ числа, геометрической точки и атома! Понятія элемента и комплекса или совершенно должны быть исключены изъ обихода научнаго мышленія, или должны означать лишь *отношенія между качественными содержаніями сущаго и измѣненіями послѣднихъ*. Элементъ и комплексъ означали бы лишь отношеніе между качественно однородными или разнородными, въ своихъ качественныхъ содержаніяхъ данными и извѣстными содержаніями въ болѣе обширномъ цѣломъ отношеніи. Линія есть элементъ треугольника, поскольку она стоитъ въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ другимъ его линіямъ. Треугольникъ есть опредѣленный комплексъ линій, поскольку онъ стоитъ въ отношеніямъ къ другимъ линіямъ и фигурамъ. Какъ таковые, линія и треугольникъ не суть ни элементы, ни комплексы, а имѣютъ каждый оригинальное качественное содержаніе. Тѣло есть комплексъ въ отношеніи къ другимъ внѣ него находящимся тѣламъ и въ отношеніи къ однородными или разнородными частямъ, изъ которыхъ оно состоитъ. Качественно тѣло и его части не суть ни элементы, ни комплексы, а качественныя содержанія: камень, столъ, дерево. Такъ называемые химическіе элементы суть таковые не поскольку они суть опредѣленныя качества. водородъ, азотъ и т. д., а поскольку они стоятъ во взаимодѣйствіяхъ съ другими качествами, производящими ихъ взаимное измѣненіе и возникновеніе новаго качества. Химическій процессъ включаетъ неразрывно три термина: 1) качественно разнообразныя тѣла, 2) ихъ взаимодѣйствіе, 3) измѣненіе въ этомъ взаимодѣйствіи этихъ тѣлъ въ возникшемъ новомъ тѣлѣ. Химическое «соединеніе» не «содержитъ» въ себѣ «элементовъ» ни первичныхъ, ни производныхъ. Оно возникаетъ лишь при исчезновеніи ихъ. Между нимъ и элементами существуютъ лишь генетическія отношенія. Неразрывность отношенія отъ измѣненій и качественныхъ содержаній отношенія выступаетъ съ особенной ясностью при химическихъ процессахъ. Поэтому-то, при инстинктивномъ употребленіи, слова элементъ и комплексъ означаютъ то качественное содержаніе, то отношеніе, то измѣняющее и измѣненіе. Счастливое употребленіе этихъ словъ въ соотвѣтствіи съ внутреннею потребностью хода изслѣдованія, то въ томъ, то въ другомъ смыслѣ даетъ психологическій типъ ученаго позитивиста, для котораго всевозможныя метафизическія и логическія затрудненія отсутствуютъ. Концентрація нашего вниманія на опредѣленномъ значеніи слова приводитъ къ разнообразнымъ затрудненіямъ логическихъ и метафизическихъ критиковъ науки. Математическое естествознаніе не различаетъ отношенія отъ содержанія, содержанія отъ измѣненія. Элементъ и комплексъ суть синонимы един-

ства и множества, точки и пространства, атома и тѣла. Совершенно безплодно утверждать, что числа, точки и атомы *суть* отношенія въ ихъ связи съ содержаніями и измѣненіями. Они не содержатъ въ себѣ послѣднихъ понятій. Они возникли, когда эти понятія не существовали еще, и имѣютъ свои внутреннія требованія, содержанія и движеніе. Математика не допускаетъ компромиссовъ. Все или ничего! Или сущее *есть* число, пространство, тѣло и движеніе, или математика представляетъ примитивное міровоззрѣніе человѣчества, пережившее себя на высшихъ ступеняхъ его развитія, тормозящее послѣднее, приспособляющее къ себѣ новыя содержанія. Въ послѣднемъ случаѣ оно должно было во что бы то ни стало исключено изъ объективнаго міропознанія человѣчества. Пусть не говорятъ объ удивительномъ удобствѣ математики, ея совершенной примѣнимости ко всему міру. Собственно математическіе элементы играютъ при этомъ лишь фиктивную роль и причиняютъ къ тому ощутительнѣйшія потрясенія экономіи и движенія мысли въ ея высшихъ областяхъ. Естествознаніе и практическое приложеніе его отъ этого не потеряютъ. Они освободятся лишь отъ тормозящихъ ихъ прогрессъ понятій.

Въ основу классификаціи наукъ должны лечь общія опредѣленія сущаго, допускающія непротиворѣчивое приложеніе ко всѣмъ областямъ научной мысли и устраняющія основныя математическія понятія, со свойственнымъ имъ смѣшеніемъ элементарнаго и общаго, изъ объективной системы мышленія. Классификація О. Конта должна быть измѣнена въ смыслѣ устраненія изъ классификаціи точки зрѣнія элементарности и исключенія традиціонной математики (въ особенности анализа и аналитической механики) изъ системы наукъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ онъ устранилъ изъ классификаціи схоластическую логику, раціональную психологію, космологію и теологію.

4) Единство научное Контъ отдѣляетъ отъ единства логическаго и основываетъ ихъ на принципахъ, хотя и гармоническихъ, но разнородныхъ. Послѣднее дано въ единствѣ основного метода: относительности доступныхъ познанію явленій и неизмѣнности законовъ, господствующихъ въ различныхъ областяхъ явленій. Единство методологическое дѣлаетъ позитивную философію однородной, но не однообразной: каждая изъ наукъ имѣетъ самостоятельную специфическую группу явленій, собственную конститутивную единицу. Единство же научное должно образоваться при помощи положеній, имѣющихъ всеобщее примѣненіе, открывающихъ внутреннюю структуру феноменальнаго міра, какъ цѣлаго. Подобныя положенія должны имѣть механическій характеръ, такъ какъ движеніе основывается

непосредственно на математическихъ опредѣленіяхъ и является посредствующимъ членомъ при примѣненіи къ болѣе сложнымъ областямъ явленій.

Выше было указано, что противорѣчивыя ученія Конта о положительномъ методѣ вытекаютъ изъ непримиримости математической и соціологической точекъ зрѣній, изъ утвержденія общности математическихъ понятій, въ связи съ отрицаніемъ ихъ обобщающаго значенія для другихъ абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ. Эта дисгармонія обнаруживается въ отдѣленіи логическаго отъ научнаго единства и въ характерѣ послѣдняго по Конту. Логическое единство заключается въ примѣненіи нѣкоторыхъ общихъ положеній ко всякому научному изслѣдованію. Но эти положенія не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ опредѣленіями признаковъ, общихъ всему сущему, въ отличіе отъ признаковъ, специфическихъ для различныхъ отдѣловъ его. Принципы формальной логики — тождество, достаточное основаніе и т. д.—не имѣютъ другого значенія. Если эти принципы теряютъ свой онтологическій характеръ, вытѣсняясь метафизическими, гносеологическими или позитивными принципами, то они теряютъ свой raison d'être, что однако не значитъ, что они тотчасъ же и исчезаютъ изъ обихода мышленія. Относительность и постоянство — принципы позитивнаго метода — имѣютъ несомнѣнно характеръ общихъ признаковъ сущаго. Но Контъ не могъ видѣть въ нихъ содержанія научнаго единства вслѣдствіе неразрывной связи между относительностью и измѣнчивостью и ихъ неподчинимости математическимъ и механическимъ понятіямъ, представляющимъ основу опредѣленія всеобщаго постоянства. Соціологическая и іерархическая точки зрѣнія требовали другихъ обобщающихъ принциповъ, чѣмъ механическіе. Математическая точка зрѣнія не оставляетъ мѣста для относительности, измѣнчивости въ общемъ міропониманіи.

По нашему мнѣнію, механическіе законы и понятія не только не являются общими для всего сущаго, но ихъ устраненіе изъ системы научной мысли вообще безусловно необходимо для установленія гармоническаго міропониманія и обоснованія въ тождественныхъ принципахъ логическаго и научнаго единства современной мысли.

Контъ указываетъ, какъ на годныя для установленія научнаго единства понятія въ современной механикѣ, на понятія равновѣсія и движенія. Общеприложимыми законами являются, по его мнѣнію, три основныхъ закона Ньютоновой механики: 1) законъ косности, 2) законъ независимости и сложенія (параллелограммъ силъ), 3) законъ равенства дѣйствія и противодѣйствія. Но приложимость этихъ понятій и «законовъ» очевидна

лишь при необыкновенно поверхностномъ и предубѣжденномъ взглядѣ на дѣйствительныя данныя. Равновѣсіе относительно къ движенію: оно означаетъ данность прямо противоположныхъ движеній, взаимно уничтожающихся. Сведеніе движенія на равновѣсіе, предпринятое d'Alambert'омъ, предполагаетъ данность движенія и характеризуетъ лишь стремленіе математическаго естествознанія замѣнить разсмотрѣніе реальнаго движенія геометрическимъ изслѣдованіемъ положеній точекъ, тѣлъ, силъ. Но движеніе не приложимо ни къ измѣненіямъ психической жизни, ни къ качественнымъ измѣненіямъ тѣлъ въ химическихъ процессахъ, ни къ морфологическимъ и конститутивнымъ измѣненіямъ въ органическомъ и соціальномъ мірахъ. Движеніе не вездѣсуще, все не сводится къ движенію, все не есть движеніе! Постулатъ механическаго міропониманія ни необходимъ, ни объективно обоснованъ, ни неизбѣженъ, какъ неустранимое требованіе нашего ума. Онъ представляетъ просто опредѣленное содержаніе исторической мысли, возникшее и проходящее во времени. Онъ противорѣчитъ усиливающимся требованіямъ новаго міропониманія. Онъ долженъ быть устраненъ.

Законъ косности и равенства дѣйствія и противодѣйствія теряетъ всякій смыслъ, когда дѣло идетъ о сложныхъ содержаніяхъ: организмахъ, психическихъ фактахъ, обществахъ. Измѣненія структуры, отношеній и направленій сложныхъ тѣлъ зависятъ въ растущей съ ихъ сложностью степени отъ ихъ собственнаго существованія. Независимость отъ среды является однимъ изъ характерныхъ признаковъ организмовъ и обществъ. Но содержаніе закона косности состоитъ въ утвержденіи полной зависимости измѣненій содержанія отъ его среды. Его собственная «активность» въ лучшемъ случаѣ считается принятой во вниманіе въ понятіи «среды», «окружающихъ» условій, включающемъ удѣленіе содержанію центральнаго мѣста въ системѣ взаимодѣйствій его съ другими содержаніями. Но *разнородность и разнокачественность* реагирующихъ центровъ игнорируются законами косности и равенства (или пропорціональности) дѣйствія и противодѣйствія. Эти законы не могутъ быть положены въ основу общаго пониманія дѣйствительности. Они не примѣнимы къ дѣйствительности; они не представляютъ отвлеченныхъ формулъ конкретнаго процесса, въ дѣйствительности подчиненнаго еще другимъ противоположнымъ формуламъ, какъ то утверждаютъ нѣкоторые современные защитники ихъ, такъ какъ они *исключаютъ* существованіе имъ прямо противоположнаго: *внутренней* измѣнчивости содержаній, *неравенства* между дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ.

Законъ независимости и сложенія движеній (или силъ) не можетъ быть общеприложимъ, поскольку *движеніе* является его составною частью. Гдѣ нѣтъ движенія — тамъ не можетъ быть независимыхъ отклоненій и равнодѣйствующихъ движенія.

Движеніе же исторіи, или представленій, или органической жизни есть для современной мысли—метафора, остатокъ міровоззрѣнія, въ которомъ антропоморфически одушевленныя тѣла были единственнымъ содержаніемъ міровоззрѣнія.

Такимъ образомъ механическіе законы не вносятъ научнаго единства въ наше міропониманіе. Въ ихъ буквальномъ содержаніи они или совершенно не обобщаютъ совокупности частныхъ законовъ различныхъ наукъ, хотя бы и съ односторонней, отвлеченной точки зрѣнія, или въ своихъ терминахъ вовсе неприложимы къ совокупности содержаній сущаго.

Но имѣютъ ли эти законы безусловно необходимое содержаніе въ области механики? Наврядъ ли кто сомнѣвается, что они являются попытками обобщенія эмпирическихъ данныхъ на извѣстной ступени развитія мысли. До Галилея и Ньютона эти законы наврядъ ли были извѣстны. Лишь послѣдній положилъ ихъ, въ ихъ совокупности, въ основу механики. Но во время Ньютона не существовало еще ни научной химіи, ни біологіи, ни психологіи, ни соціологіи. Физика сдѣлала съ тѣхъ поръ значительные прогрессы. Неужели отвлеченія Галилея и Ньютона—формулы, вышедшія изъ работы мышленія, подверженной условіямъ рѣчи, отвлеченія и опредѣленія—являются непоколебимыми, неизмѣнными выраженіями доступной человѣчеству истины? Въ этомъ позволительно усомниться. Все заставляетъ думать, что математическо-механическія основы естествознанія въ близкомъ времени будутъ подвергнуты коренной реформѣ.

Основные законы механики рѣшительно не могутъ быть далѣе признаны удовлетворительными формулировками основныхъ чертъ нашего мірового опыта. Законъ косности *противорѣчитъ* общепризнанной непрерывности измѣненій въ тѣлахъ и ихъ постояннаго измѣняющаго взаимодѣйствія. Онъ утверждаетъ постоянство *опредѣленнаго состоянія* тѣла, какъ свойственнаго *этому состоянію,* и происхожденіе измѣненія его лишь изъ внѣшней среды. Но въ этой формѣ онъ не дополняется положеніемъ объ измѣнчивости каждаго состоянія, какъ такового, а исключаетъ его. Законъ равенства дѣйствія и противодѣйствія утверждаетъ не уравнивающее вліяніе одного тѣла на другое, а *равенство или фактическое соотвѣтствіе противодѣйствія дѣйствію.* Въ этой формѣ онъ *исключаетъ* равноцѣнное положеніе о неравенствѣ и растущихъ разнообразіяхъ и разноцѣнностяхъ

дѣйствій и противодѣйствій, представляющееся въ настоящее время несомнѣннымъ.

Что касается закона равнодѣйствующихъ, то его недостаточность открываетъ настоящую необходимость преобразованія основныхъ понятій механики: массы, пространства, движенія. Этотъ законъ открываетъ всю неясность этихъ понятій въ традиціонной наукѣ, необыкновенную близость послѣдней къ вульгарному опыту и антропоморфическому міропониманію Движеніе на самомъ дѣлѣ не образуетъ равнодѣйствующихъ; послѣднія суть составныя части *геометрическихъ* фигуръ, относятся къ пространству, не къ движенію. Направленіе движенія есть въ дѣйствительности направленіе *движущагося тѣла*. Движеніе отлично отъ пространства, имъ пробѣгаемаго, какъ отъ тѣла, которое движется. «Сила», измѣняющая направленіе движенія, не тождественна съ послѣднимъ. Она дѣйствуетъ на *тѣло*, а не на движеніе, и предполагаетъ, какъ первое, такъ и пространство.

Но естествознаніе принуждено исключить дѣйствительное движеніе изъ своихъ изслѣдованій и подставить взамѣнъ его пространство, такъ какъ движеніе не поддается ни измѣренію, ни даже несомнѣнному констатированію. Оно выражается въ измѣненіяхъ взаимныхъ положеній тѣлъ и въ ихъ качественныхъ измѣненіяхъ. Пространство и подставленная подъ движеніе, какъ факторъ качественныхъ измѣненій, сила тѣлъ представляютъ неподвижныя данныя для изслѣдованія движенія и его результатовъ. Подобное положеніе приводитъ къ неразрѣшимымъ на почвѣ этихъ понятій противорѣчіямъ. Сила должна различаться отъ движенія, но ей чуждо всякое другое опытное содержаніе. Пространство не можетъ быть разсматриваемо, какъ независимый субстратъ совершающихся въ немъ процессовъ. Его безконечность противорѣчитъ его значенію границы, его непрерывность исключаетъ его безконечную дѣлимость. Атомъ не включаетъ въ себя движенія и пространства. Его непроницаемость противорѣчитъ его недѣлимости. Его неизмѣнность и однообразіе исключаетъ измѣненія разноцѣнности тѣлъ.

Изъ закона равнодѣйствующихъ должны быть исключены его геометрическія, атомистическія и механическія опредѣленія, какъ противорѣчивыя и безсмысленныя. Математика и механика должны выработать новыя основныя понятія. Тогда ихъ законы будутъ имѣть общее приложеніе. Тогда ими будетъ дано научное и методологическое единство знанія, не исключающее, а требующее безпрерывнаго умноженія спецефическихъ законовъ и методовъ въ изслѣдованіи безконечнаго разнообразія частныхъ опредѣленій дѣйствительности. Таковъ результатъ нашей критической оцѣнки позитивнаго ученія о научномъ и логическомъ единствѣ знанія: позитивизмъ разъ-

единяетъ единства логическое и научное, онъ не достигаетъ ни того, ни другого, потому что видитъ это единство даннымъ въ положеніяхъ, не только не имѣющихъ общаго примѣненія, но и противорѣчащихъ вообще требованіямъ современной мысли и долженствующихъ быть исключенными во имя требованій гармоніи, философскаго объединенія методовъ и принциповъ наукъ.

Ш. Критическая оцѣнка позитивизма находитъ, слѣдовательно, слабую сторону этого ученія въ *математико-механическомъ пониманіи общихъ опредѣленій сущаго*, хотя и ограниченномъ противоположными принципами. Соціологическое пониманіе развитія человѣческой мысли, исторической обусловленности и постепенной измѣнчивости всѣхъ ея содержаній въ ихъ взаимодѣйствіи; опредѣленіе мышленія стремленіемъ къ общности въ соотношеніи со стремленіемъ къ спеціализаціи; іерархическое міровоззрѣніе; глубокое пониманіе относительности всѣхъ содержаній сущаго и относительности человѣческаго прогресса къ его знанію, солидарности и свободѣ; пониманіе несводимости различныхъ теченій, принциповъ и методовъ мышленія: теоретическаго, практическаго, эстетическаго; множество глубокихъ указаній на истинные принципы научнаго изслѣдованія, противополагаемые матеріалистическимъ стремленіямъ естествознанія—представляющіе основной мотивъ Контова предубѣжденія противъ эволюціонныхъ и механическихъ «сведеній» на элементарные законы и формы—даютъ позитивизму мѣсто среди геніальнѣйшихъ философскихъ системъ XIX ст. Лежащее въ его основѣ и до конца философской дѣятельности Конта окончательно не исключенное, примитивное математическое міровоззрѣніе искажаетъ значеніе этихъ положеній, парализуетъ ихъ вліяніе на теченіе мышленія, ведетъ и вело къ матеріалистическимъ извращеніямъ всего ученія, къ фаталистическому детерминизму, къ утилитаристическимъ и низменнымъ толкованіямъ позитивной морали.

Но математическіе элементы міровоззрѣнія содержатся и въ другихъ философскихъ системахъ современности. Положительно и при посредствѣ реакціи на ихъ логическія послѣдствія вліяютъ они на образованіе міропониманія, направляютъ мышленіе на ложные пути, заставляютъ прибѣгать къ противоположнымъ крайностямъ, запираютъ мышленію возможность безпрепятственнаго движенія въ направленіи, предписываемомъ высшими продуктами его развитія. Изученіе позитивизма лучше всего выясняетъ это антагонистическое положеніе математики въ современномъ міровоззрѣніи, такъ какъ въ немъ отсутствуютъ другіе отжившіе элементы мышленія, и радикальная непримиримость математическаго мышленія съ

мышленіемъ относительнымъ, эволюціоннымъ и качественнымъ выступаетъ на каждомъ шагу, тормозя, парализуя, смущая, оставляя интеллектуальную неудовлетворенность и пессимистическій взглядъ на способности человѣческаго ума.

II.

Эволюціонизмъ.

I. Въ то время какъ позитивизму, при совершенномъ пониманіи запросовъ современной мысли, не удалось найти основу для гармоническаго объединенія ея, эволюціонизмъ въ понятіи *развитія* открылъ дѣйствительно объединяющій принципъ философскаго мышленія. Въ связи съ вліяніемъ Лапласа, Лайеля, Ламарка, Дарвина, Гердера, Гегеля, Кондорсэ, Конта эволюціонная теорія Спенсера стала руководящимъ методологическимъ принципомъ для всѣхъ областей мысли. Однако сущность эволюціоннаго метода и его философскія основы еще совершенно не выяснены. Спиритуализмъ, критицизмъ, матеріализмъ, позитивизмъ, мистицизмъ, агностицизмъ находятъ свои ученія въ самомъ сердцѣ эволюціонныхъ изслѣдованій. Теорія Спенсера выросла изъ взаимодѣйствія настоящаго хаоса противоположныхъ, родственныхъ, перекрещивающихся, взаимно уничтожающихся вліяній изъ умозрѣній о существованіи и сущности Божества, критическихъ теорій о неразрывности субъекта и объекта познанія (Гамильтона и Манзеля), эмпирическихъ теорій возникновенія понятій изъ воздѣйствій среды, механико-атомистическаго міровоззрѣнія въ связи съ современнымъ общимъ принципомъ сохраненія энергіи, позитивнаго ученія о несводимости различныхъ областей знанія, о существованіи во всѣхъ ихъ непзмѣнныхъ законовъ, о непознаваемости абсолютнаго и о его существованіи. Новый и плодотворный принципъ эволюціи какъ бы *потопленъ* въ этой смѣси прежнихъ принциповъ, его по существу исключающихъ и отрицающихъ. Необходимо показать невозможность обоснованія эволюціи, какъ основной черты мірового процесса, тѣми принципами, которые кладетъ въ ея основу Спенсеръ, и уяснить ея истинное значеніе.

Общая теорія Спенсера въ ея *антиэволюціонномъ характерѣ* (съ самымъ ученіемъ объ эволюціи у Спенсера связанъ цѣлый рядъ интересныхъ и глубокихъ изслѣдованій, которыхъ мы здѣсь не касаемся), имѣетъ слѣдующее содержаніе: 1) Познанію доступны лишь отношенія. Его основныя понятія суть: пространство, время, матерія, движеніе, сила. Сущность этихъ понятій намъ непознаваема: мы не можемъ ихъ мыслить абсолютны-

ми, вещами въ себѣ, не впадая въ неразрѣшимыя антиноміи (указанныя Кантомъ). Но абсолютное должно существовать, такъ какъ относительное—въ данномъ случаѣ содержаніе корреляціи субъекта и объекта—не можетъ быть мыслимо безъ существованія абсолютнаго. Далѣе существованія опредѣленіе абсолютнаго идти не можетъ, такъ какъ ему не присущи ни физическіе, ни психическіе признаки; абсолютное непознаваемое. 2) Высшій принципъ нашего міропониманія есть *сила*. Непознаваемое должно быть мыслимо, какъ сила, откровеніями которой и являются всѣ содержанія опытнаго міра. 3) Вездѣсущность, сохраненіе непознаваемой въ себѣ силы, эквивалентность всѣхъ ея формъ, неизмѣнность ея суммы, вѣчный круговоротъ ея откровеній въ нарушеніяхъ равновѣсія и стремленіяхъ къ нему является основнымъ принципомъ научнаго объясненія. Сложныя формы должны быть сведены на комбинаціи атомовъ и движеній. Психическій міръ движется параллельно съ физическимъ, зависитъ отъ послѣдняго непосредственно, отъ непознаваемой силы—въ послѣдней инстанціи. Стремленіе къ окончательному равновѣсію въ мірѣ физическомъ, къ полному соотвѣтствію психическихъ содержаній съ физическими процессами въ мірѣ сознанія является конечнымъ направленіемъ міровой эволюціи. Окончательное равновѣсіе не можетъ продолжаться вѣчно, и круговоротъ міровой эволюціи долженъ начаться съизнова, опять съ конечной тенденціей окончательнаго равновѣсія и т. д. 4) Эволюція принимаетъ различныя формы въ различныхъ этажахъ опытнаго міра. Въ мірѣ неорганическомъ она есть интеграція матеріи и разсѣяніе движенія; въ мірѣ органическомъ—переходъ отъ однороднаго къ разнородному (формула Бэра), или дифференціація и интеграція органовъ и функцій; въ мірѣ соціальномъ дифференціація и интеграція соціальныхъ органовъ и функцій принимаетъ характеръ прогресса. Эволюція сопровождается всюду—соотвѣтственно верховному закону сохраненія энергіи—диссолюціей: разложеніемъ неорганическихъ тѣлъ, смертью, упадкомъ цивилизаціи.

Отсутствіе соотвѣтствія между этими положеніями бросается въ глаза. Посмотримъ, какъ согласуются они съ понятіемъ эволюціи.

1) Спенсеръ въ теоріи познанія не оригинальный мыслитель. Онъ соединяетъ въ неустойчивый аггрегатъ матеріалистическую точку зрѣнія абсолютной реальности первичныхъ качествъ, критическую точку зрѣнія значенія естествонаучныхъ понятій, лишь какъ *понятій*, и лишь въ примѣненіи къ явленіямъ, а не къ вещамъ въ себѣ, имманентную точку зрѣнія отрицанія вещи въ себѣ и абсолютнаго, какъ остатковъ догматически-матеріалистическаго мышленія. Критическая точка зрѣнія преобразуется у

него въ непознаваемость *сущности* пространства, времени, матеріи, движенія, силы. Имманентная точка зрѣнія амальгамируется съ теоріями ассоціаціонной психологіи (Бэна), по которымъ мы воспринимаемъ не состоянія, а лишь *разницы* между состояніями, въ странное ученіе о доступности мышленію *лишь* отношеній. Критическая и матеріалистическая точка зрѣнія вступаютъ въ союзъ противъ имманентной для защиты абсолютной вещи въ себѣ, какъ необходимой основы, корреляціи субъекта и объекта—явленій.

Въ результатѣ получается рядъ несообразностей. Если нашему познанію доступны лишь отношенія, какимъ образомъ можемъ мы *мыслить* абсолютное! И какимъ образомъ можно мыслить какое-либо частное отношеніе, совершенно не зная о *членахъ* этого отношенія? Абсолютное исключаетъ отношенія. Оно не можетъ быть ихъ трансцендентальной основой. Для эволюціи необходимы измѣняющіеся члены отношеній. Она не мыслима въ абсолютномъ, и послѣднее не мыслимо, какъ ея основа. Теорія существованія абсолютнаго, какъ основы отношеній, исключаетъ самостоятельное значеніе относительныхъ содержаній и ихъ измѣненій. Она исключаетъ самое *существованіе* отношеній и измѣненій. Какъ выходитъ Спенсеръ изъ этихъ затрудненій? Очень просто. Мышленіе происходитъ не въ чистыхъ отношеніяхъ, а въ терминахъ пространства, времени, матеріи, движенія и силы, кладущихся въ основу сознанія и вторичныхъ качествъ. Относительность тѣхъ терминовъ означаетъ ихъ данность въ соотношеніи между субъектомъ и объектомъ, Абсолютное, лежащее въ ихъ основѣ, должно быть источникомъ всѣхъ качественныхъ содержаній опыта. Это абсолютное должно *производить* явленія, быть силой. Оно вытекаетъ изъ требованій объясненія сущаго реальными атомами и ихъ силами. Полная противорѣчій теорія абсолютнаго у Спенсера имѣетъ своимъ высшимъ теоретическимъ мотивомъ *матеріалистическое міровоззрѣніе*. Но какъ уже было указано выше, понятія механики исключаютъ всякое дѣйствительное измѣненіе, и движеніе сводится на рядъ пространственныхъ положеній неподвижныхъ и неизмѣнныхъ тѣлъ. Теорія эволюціи, какъ *реальнаго* измѣненія, *дѣйствительнаго возникновенія новыхъ содержаній*, невозможна на почвѣ механическаго естествознанія. Послѣднее вызываетъ представленіе абсолютнаго, уже не только отрицательно препятствующаго теоріи эволюціи, но *положительно исключающаго*. А мышленіе абсолютнаго въ связи съ относительнымъ міромъ приводитъ къ пониманію его, какъ *силы*, производящей послѣдній, и этимъ вводитъ въ самое ученіе эволюціи то самое понятіе, которое это ученіе всего энергичнѣе отрицаетъ: теологическій креаціонизмъ.

2) Въ біологіи и соціологіи, въ космологіи и психологіи понятіе эволюціи вводилось, какъ отрицаніе теологическихъ представленій о твореніи міровъ растеній и животныхъ, человѣческой души и человѣческаго общежитія. Цѣлесообразность организаціи и реакціи, высокія способности мышленія и воли должны были быть объяснены не присутствіемъ цѣлевой дѣятельности разумнаго предопредѣленія въ природѣ, не вмѣшательствомъ въ ходъ явленій сверхъестественныхъ произвольныхъ силъ; возникновеніе высшихъ формъ жизни и мысли должно быть, согласно эволюціонной теоріи, объяснено медленно происходящимъ *постепеннымъ* процессомъ развитія высшихъ формъ изъ низшихъ, процессомъ механически происходящей координаціи частей, ихъ взаимнаго приспособленія, ихъ расчлененія, подъ вліяніемъ механически дѣйствующей окружающей среды. Собственная задача теоріи эволюціи состояла въ глазахъ Ламарковъ и Дарвиновъ въ исключеніи божественнаго произвола изъ пониманія органическаго міра и человѣка, какъ онъ былъ уже исключенъ Галилеемъ, Коперникомъ и Ньютономъ изъ міра неорганическаго.

Но къ чему сводится значеніе эволюціи въ *философской* системѣ эволюціонизма, понимающаго всѣ содержанія опытнаго міра, какъ откровенія непознаваемой силы? Послѣдняя должна *содержать* въ себѣ въ скрытомъ состояніи потенціально все, появляющееся въ процессѣ эволюціи на свѣтъ. Она должна на подобіе субстанціи Спинозы содержать въ себѣ въ безконечной формѣ всѣ модусы, всѣ явленія. Подобно монадамъ Лейбница, въ ней должны быть заложены основы всѣхъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ формъ бытія. Она должна быть *цѣлевой причиной* вѣчнаго процесса сущаго. Эволюція исполняетъ лишь заранѣе предназначенный во всѣхъ частяхъ планъ творенія. Таковъ необходимый выводъ изъ предположенія непознаваемой силы, какъ основы феноменальнаго міра. Едва ли нужно говорить, что Спенсеръ не сдѣлалъ его. Матеріалистическіе, критическіе и собственно эволюціонные взгляды оградили его отъ этого. Но остается несомнѣннымъ, что основы его системы включаютъ и телеологическіе элементы. Эволюціонизмъ въ дѣйствительности и не вытѣснитъ ни спиритуалистическихъ, ни теологическихъ воззрѣній. Основаніемъ къ тому является отсутствіе въ немъ дѣйствительныхъ теоретическихъ основъ эволюціоннаго міровоззрѣнія и полное погруженіе послѣдняго въ рядъ совершенно противоположныхъ формъ мышленія. Изъ нихъ болѣе еще, чѣмъ абсолютистическіе и спиритуалистическіе, матеріалистическіе элементы эволюціонизма компрометтируютъ и искажаютъ содержаніе этого ученія.

3) Эволюціонизму свойственны всѣ гипотезы механическаго міровоз-

зрѣнія современнаго естествознанія. Онъ признаетъ и сводимость всѣхъ высшихъ формъ дѣйствительности на комбинаціи движущихся атомовъ, и полную зависимость психическихъ фактовъ отъ процессовъ сохраненія индивидуальнаго организма въ окружающей средѣ: чисто біологическое значеніе познанія по отношенію къ неизмѣнной и неподвижной дѣйствительности. Наконецъ, въ основу эволюціи онъ кладетъ законъ сохраненія энергіи, какъ собственно философскій принципъ міровоззрѣнія. Но сущность эволюціонной теоріи заключается какъ разъ въ устраненіи фатальной альтернативы: или отождествлять высшее съ низшимъ, или утверждать сверхъестественное происхожденіе и абсолютное значеніе перваго. Матеріализмъ и спиритуализмъ, эмпиризмъ и критицизмъ устраняются при введеніи ученія о постепенномъ развитіи жизни, сознанія и мышленія въ ихъ специфическихъ признакахъ и требованіяхъ, подъ вліяніемъ исключительнаго дѣйствія естественныхъ силъ при *качественномъ различіи* продуктовъ развитія отъ ихъ предшествующихъ основъ и ихъ *іерархическомъ* верховенствѣ надъ послѣдними. Въ какомъ же смыслѣ эволюціонизмъ можетъ признавать возможность сведенія высшихъ ступеней эволюціи на низшія и утверждать теоретическую необходимость пониманія высшихъ ступеней, какъ усложненныхъ комбинацій по существу одинаковыхъ процессовъ? Не противорѣча своему принципу, онъ можетъ это утверждать лишь, понимая подъ низшими ступенями не какія-либо опредѣленныя *ступени* эволюціи, которыя, какъ таковыя, отрицаются по существу во всѣхъ другихъ высшихъ или ры, какъ таковыя, отрицаются по существу во всѣхъ другихъ высшихъ или низшихъ ступеняхъ, а *общіе признаки процесса эволюціи*, которые должны быть присущи *всѣмъ* ступенямъ ея, будучи ея общимъ, философскимъ выраженіемъ. Но Спенсеръ утверждаетъ сводимость всѣхъ формъ эволюціи на основныя понятія и процессы механики. Эти же понятія и процессы не только не формулируютъ общихъ признаковъ эволюціи, а исключаютъ реальное развитіе и на нихъ не сводимы фактически и теоретически всѣ высшія области дѣйствительности, какъ то уже показалъ съ непобѣдимою убѣдительностью Контъ. Какъ у послѣдняго его механическое міропониманіе исказило ученіе о единствѣ науки и возможность непротиворѣчиваго пониманія этого единства, такъ искажаетъ и парализуетъ оно объединеніе міровоззрѣнія въ понятіи эволюціи и преграждаетъ дорогу къ удовлетворенію требованій высшихъ формъ мышленія.

И психологическое ученіе о стремленіи сознанія и познанія къ полному соотвѣтствію съ окружающей средой противорѣчитъ эволюціонному принципу. Это ученіе предполагаетъ *разъ на всегда данную, неизмѣнную среду* и организмъ собственно не развивающійся, а приспособляющійся, не

дифференцирующійся, а нивеллирующійся. Возникновеніе новыхъ біологическихъ формъ, новыхъ формъ мышленія, чувствованія и воли объясняется *конкретными условіями среды*, въ общей формулѣ не принимаемыми во вниманіе,—на подобіе и въ соотвѣтствіи съ формулами и пріемами математической механики. Результатомъ эволюціи оказывается поэтому вовсе не разнообразіе конкретныхъ формъ, не постоянное движеніе органическаго міра отъ одной достигнутой формы къ новой, высшей; не движеніе ко все новымъ *формамъ*, *ступенямъ* мысли, воли, солидарности, а движеніе въ смыслѣ растущаго равновѣсія, неизмѣнности, приспособленности. И этотъ законъ не является отвлеченнымъ указаніемъ одной стороны или фактора мірового развитія; онъ принимается—подобно основнымъ законамъ механики—за существенную черту, за опредѣляющій законъ процесса, по отношенію къ которому всѣ противоположныя черты суть лишь внѣшнія относительныя и измѣнчивыя отклоненія.

Подобное пониманіе еще болѣе противорѣчитъ основнымъ требованіямъ эволюціоннаго пониманія развитія мысли и общества, чѣмъ требованіямъ эволюціонной біологіи. Въ послѣдней процессы дифференціаціи и интеграціи даны съ слишкомъ большой наглядностью, измѣненія видовъ происходятъ съ слишкомъ большой для нашихъ средствъ констатированія медленностью, чтобы точка зрѣнія стремленія къ сохраненію приводила физіолога къ значительнымъ ошибкамъ. Не такъ въ исторіи Здѣсь всякая форма мысли и воли, всякая форма солидарности въ ихъ специфическихъ качественныхъ признакахъ, въ ихъ распространеніи, интенсивности, соотношеніяхъ и судьбахъ имѣетъ самостоятельное значеніе, несводимое внутреннее содержаніе въ процессѣ міровой эволюціи. Приспособленность или неприспособленность органовъ къ органическому цѣлому, индивидуума къ соціальной и не соціальной средѣ становится точкой зрѣнія въ высшей степени *второстепенной*. Вопросъ заключается въ томъ, *какіе* органы *къ какому* органическому цѣлому, *какіе* индивидуумы *къ какой* соціальной средѣ оказались приспособленными или неприспособленными. Ступень развитія, которую представляютъ различныя содержанія личной и общественной жизни, является первостепенной точкой зрѣнія при изслѣдованіи исторической жизни, а не степень ихъ солидарности и диссолидарности при отвлеченіи отъ ихъ качественнаго содержанія.

Но именно психологическія и соціологическія изслѣдованія эволюціонной школы грѣшатъ противъ этого требованія. Въ психологіи для нея важна степень кординаціи между ощущеніями и движеніями, легкость и цѣлесообразность реакціи—вообще *связь* между психическими и физическ-

ми явленіями, качественныя различія послѣднихъ игнорируются одинаково по отношенію къ первымъ, какъ и ко вторымъ. Они приписываются разнообразію «среды», «условіямъ существованія» и т. п. Въ соціологіи опять-таки предполагается неподвижность психической структуры, основныхъ потребностей и формъ ихъ удовлетворенія, игнорируется качественная сторона соціальной жизни, и опять руководящими принципами изслѣдованія оказываются: «приспособленіе», «сохраненіе», «борьба» со «средой».

Всѣ эти антиэволюціонныя черты современнаго эволюціонизма находятъ свое выраженіе въ принципѣ сохраненія энергіи—общей основѣ эволюціоннаго міропониманія. Этотъ принципъ является основой всѣхъ руководящихъ ученій о «стремленіи» къ равновѣсію, о приспособленіи, о качественной сводимости всѣхъ продуктовъ эволюціи на механическіе процессы, о параллельно эволюціи идущемъ движеніи разложенія, о равноцѣнности всѣхъ элементовъ эволюціи, о приспособленіи, какъ конечномъ идеалѣ, соціальномъ и космическомъ.

Законъ сохраненія энергіи выросъ изъ стремленія къ выдѣленію изъ основъ теоретическаго естествознанія всякаго качественнаго разнообразія и всякаго дѣйствительнаго измѣненія. Изъ него слѣдуетъ не «стремленіе» къ сохраненію и равновѣсію, а дѣйствительная неподвижность и безпрерывное равновѣсіе. Понятіе энергіи, связывающее законъ сохраненія энергіи съ процессами реальныхъ измѣненій, совершенно непримиримо съ понятіемъ сохраненія. Позволительно думать, что естествознаніе въ недалекомъ будущемъ положитъ въ свою основу болѣе удовлетворительныя ученія. Во всякомъ случаѣ этотъ законъ, какъ *міровой* законъ, радикально противоположенъ закону эволюціи. Дѣйствительность измѣненія должна вести за собою «стремленіе» мірового процесса къ безпрерывному измѣненію на-ряду со стремленіемъ къ сохраненію, вытекающимъ изъ дѣйствительности сохраненія.

Такимъ образомъ, матеріалистическіе элементы эволюціонизма находятся въ радикальномъ противорѣчіи съ теоріей эволюціи. Въ системѣ Спенсера они ограничиваются на-ряду съ элементами критическими и телеологическими еще элементами позитивизма, причемъ противорѣчивыя потребности системы заставляютъ Спенсера заимствовать у Конта какъ разъ антиэволюціонные элементы позитивизма: *неподвижность* іерархіи явленій и отсутствіе между ними реальнаго единства.

4) Формула эволюціи тѣсно примыкаетъ къ повторяющимся въ различныхъ областяхъ дѣйствительности процессамъ. Эмбріологическія, историческія и физическія формулы лежатъ въ ея основѣ. Методъ Спенсера со-

стоитъ въ указаніи *приложимости* ко всѣмъ даннымъ явленіямъ его формулы, въ *иллюстрированіи ея примѣрами* изъ различныхъ областей знанія. Самыя же явленія онъ разсматриваетъ, какъ разнообразныя и несводимыя откровенія непознаваемой силы, получающей такимъ образомъ, какъ было указано выше, спиритуалистическій, телеологическій характеръ. Дѣйствительное *возникновеніе* однихъ содержаній изъ другихъ, *развитіе* опредѣленныхъ содержаній, какъ постепенный переходъ одной ступени въ другую, исключается изъ основъ системы. Различныя ступени дѣйствительности даны и въ нихъ повторяются процессы развитія и разложенія, жизни и смерти, прогресса и упадка. Кромѣ данныхъ содержаній, эволюціонизмъ, какъ и позитивизмъ, не признаетъ другихъ содержаній. Процессъ возникновенія формъ въ дѣйствительности намъ не доступенъ, какъ таковой. Эти формы возникаютъ не одна изъ другой, а какъ откровенія вѣчной, единой абсолютной Силы. Поэтому соціальный прогрессъ состоитъ для эволюціонизма, какъ и для позитивизма, не въ возникновеніи *новыхъ* формъ общежитія съ *новыми* раціональными телеологическими элементами, а въ болѣе совершенной реализаціи *уже данныхъ* стремленій къ сохраненію, счастью, солидарности.

Этотъ позитивистическій характеръ эволюціонизма обнаруживается во всѣхъ направленіяхъ современныхъ эволюціонныхъ изслѣдованій. Какъ въ основу эволюціи вообще кладутся неизмѣнные и вѣчные субстраты, лишь различно «комбинирующіеся», лишь принимающіе новыя «формы», въ сущности же вездѣ тождественные—атомы,—такъ и эволюція сознанія, или рѣчи, или государства, или религіи, или нравственности изучается какъ имѣющая неизмѣнный субстратъ, лишь принимающій различныя формы, именно: какое-либо опредѣленіе сознанія, рѣчи, государства, религіи, нравственности. Эволюція распространяется на «виды», «роды», на индивидуальные видовые и родовые признаки понятія. Основные признаки понятія предполагаются неустранимыми *основами* эволюціи, внѣ ея стоящими.

Подобное отношеніе къ эволюціи искажаетъ философское значеніе этого понятія и приводитъ съ необходимостью къ совершенно противоположнымъ предположеніямъ. Такъ, напр., остроумная оригинальная теорія Тарда, кладущая въ основу мірового процесса *повтореніе, противоположеніе и приспособленіе*, понимая послѣднія какъ основы *измѣненія*, принуждена прибѣгнуть къ метафизической теоріи монадъ, развивающихся изъ безконечно малаго къ объемлющимъ и высшимъ формамъ бытія и содержащихъ въ потенціальномъ состояніи всѣ будущія формы. И это обоснованіе мировой эволюціи вѣчно данной телеологіей вытекаетъ изъ предположенія

данности эволюціи всѣхъ формъ дѣйствительности, какъ ея приложеній, примѣровъ. Оно вытекаетъ, другими словами, изъ сохраненія механическихъ и математическихъ пріемовъ мышленія въ областяхъ мышленія отрицающихъ эти пріемы, стремящихся замѣнить ихъ своими.

5. Итакъ, идея эволюціи, какъ объединяющій принципъ міровоззрѣнія, ни достаточно обоснована, ни послѣдовательно проведена въ системѣ Спенсера. Она не совмѣстима съ понятіями и пріемами механическаго естествознанія и не можетъ быть основана на традиціонныхъ гносеологическихъ и метафизическихъ теоріяхъ. Эволюціонное міровоззрѣніе не признаетъ никакихъ абсолютныхъ субстратовъ—механическихъ, или логическихъ, или метафизическихъ. Для нея существуютъ лишь ступени, ихъ взаимодѣйствія и ихъ постепенныя и непрерывныя измѣненія въ этихъ взаимодѣйствіяхъ. Съ непрерывностью измѣненія связано постоянство ступеней и ихъ опредѣляющее значеніе въ качественной структурѣ ступеней, изъ ихъ взаимодѣйствія и измѣненія вытекающихъ. Опредѣляющее значеніе каждой изъ ступеней для процесса эволюціи не простирается на совокупность этого процесса, существуетъ лишь съ существованіемъ и лишь въ продолженіи существованія и вліянія этой ступени.

III.

Криципизмъ.

Философія Канта выросла изъ стремленій примирить принципы математическаго естествознанія Ньютона и онтологической логики Вольфа съ эмпирическими теоріями Юма—примирить требованія свѣтскаго, основаннаго на юридическихъ началахъ государства и религіозно-нравственныя ученія христіанства съ индивидуалистическими теоріями въ политикѣ и гедоническими теоріями въ философіи нравственности. Раціонализмъ и эмпиризмъ, требованія нравственнаго долга и государственнаго закона и требованія счастья и личной пользы получаютъ въ системѣ критицизма свое ограниченное признаніе и соотвѣтственное мѣсто, не сталкиваясь и не уничтожая другъ друга. Раціональное познаніе покоится на непоколебимыхъ основахъ, но оно имѣетъ своимъ объектомъ лишь міръ доступныхъ человѣку явленій и не распространяется на міръ вещей въ себѣ. Опытъ есть единственный источникъ знанія, но онъ создается лишь при активномъ содѣйствіи познающаго субъекта, содержитъ въ себѣ необходимо общія формы созерцанія и мы-

шленія послѣдняго. Нравственный долгъ обязателенъ независимо и даже вопреки всякимъ утилитарнымъ соображеніямъ, но его опытное осуществленіе постоянно ограничено внѣшними и внутренними условіями чувственнаго міра; послѣдній не можетъ быть мыслимъ безусловнымъ осуществленіемъ нравственнаго закона, и идеалъ постоянно остается идеаломъ, т. е. не осуществленнымъ. Требованія свободы, нравственнаго мірового порядка, безсмертія, вытекающія изъ существованія нравственнаго закона, не могутъ быть теоретически обоснованы, но они удовлетворяются самимъ фактомъ нравственной дѣятельности и вѣрою, съ ней неразрывной. Утилитаризмъ и гедонизмъ устраняются отъ руководящаго значенія въ государственной жизни и нравственной дѣятельности, но признаются неустранимыми слѣдствіями чувственной природы человѣка.

Это примиреніе достигается критическимъ ученіемъ о происхожденіи, границахъ, содержаніи и нормахъ познанія и нравственности. Опытъ есть синтетическій процессъ воплощенія воздѣйствій вещей въ себѣ въ формы созерцанія и мышленія. Изъ хаотическаго матеріала ощущеній возникаетъ, при активномъ участіи познающаго субъекта, пространственно-временной міръ воспріятій съ неисчезающими вещами, съ качествами вещей, съ ихъ сходствами, сосуществованіями и причинными связями. Пространство и время суть формы внѣшняго и внутренняго воспріятія: все воспринятое или протяженно и продолжительно, или лишь продолжительно (внутренній опытъ). Формы мышленія суть категоріи количества (единство, множество, общность), качества (бытіе, небытіе, ограниченіе опредѣленнаго бытія), отношенія (субстанція—аттрибутъ, причина—слѣдствіе, взаимодѣйствіе) и модальности (дѣйствительность, возможность, необходимость). Онѣ суть апріорныя основы опыта, т. е. являются необходимыми *субъективными условіями* его, какъ таковыя ему предшествующими, во всякомъ опытѣ данными, не нуждающимися для своего отвлеченія ни въ какомъ *частномъ* опытѣ. Онѣ являются поэтому основами синтетическихъ сужденій a priori, т. е. основами раціональнаго познанія, необходимо примѣнимаго къ объективной дѣйствительности. Необходимое содержаніе раціональной науки о дѣйствительности состоитъ, такимъ образомъ, изъ математическихъ аксіомъ, какъ вытекающихъ изъ природы нашихъ созерцаній пространства и времени,—аксіомъ о числахъ и величинахъ, трехмѣрномъ пространствѣ, его дѣлимости, непрерывности, безконечности и т. д.: изъ принциповъ механики, слѣдующихъ изъ приложенія свойствъ общей формы созерцанія—времени—къ категоріямъ разсудка; изъ принциповъ неразрушимости субстанціи явленій, ихъ ненару-

шимой причинной связи и непрерывнаго взаимодѣйствія между совокупностью явленій.

Но необходимость и общеприложимость раціональнаго естествознанія получается не иначе, какъ цѣной признанія его отвлеченнаго, разсудочнаго содержанія и его примѣненія лишь въ предѣлахъ субъективнаго человѣческаго опыта. Какъ только пространство и время разсматриваются не какъ субъективныя формы воспріятія, а какъ свойства вещей въ себѣ; какъ только принципы естествознанія разсматриваются не какъ отвлеченныя понятія разума, а какъ независимо отъ человѣка и мышленія существующія вещи въ себѣ,—возникаютъ неразрѣшимыя противорѣчія, противоположныя положенія, одинаково вѣроятныя. Таковы положенія объ ограниченности и неограниченности міра во времени и пространствѣ, о безконечной дѣлимости и непрерывности тѣлъ, о безусловной причинной обусловленности и безусловной свободѣ всѣхъ содержаній, о необходимости причины міра и невозможности внѣміровой причины. Эти антиноміи разрѣшаются различеніемъ отвлеченныхъ понятій отъ конкретныхъ, чувственныхъ воспріятій и невозможностью другого познанія, кромѣ чувственнаго. Для познанія вещей въ себѣ, понятія должны были бы быть содержаніями интеллектуальнаго созерцанія (intellektuelle Anschauung), т. е. быть тождественными съ вещами въ себѣ, въ то время, какъ они являются функціями субъективнаго сознанія. Попытки метафизическаго мышленія связаны съ апріорнымъ характеромъ формъ мышленія, съ ихъ трансцендентальнымъ значеніемъ по отношенію къ опыту. Метафизика является поэтому необходимымъ содержаніемъ опыта такъ же, какъ и раціональная наука. Критическая задача по отношенію къ метафизикѣ состоитъ, подобно ея отношенію къ наукѣ, не въ устраненіи или опроверженіи, а въ указаніи *истиннаго значенія и мѣста* ея въ системѣ міровоззрѣнія: ограничить и, ограничивъ, обосновать. Объективный характеръ содержанія науки заставилъ понять ее, какъ субъективное выраженіе непознаваемыхъ вещей въ себѣ. Антропологическій и телеологическій характеръ метафизики указываетъ ея значеніе, какъ основы раціональной человѣческой дѣятельности, не какъ ученія разума теоретическаго, а какъ постулата разума практическаго. Свобода и справедливость являются необходимыми основами нравственнаго закона, имѣющаго именно законность своимъ общимъ содержаніемъ, какъ необходимость и причинность оказались необходимыми основами математической науки, имѣющей своимъ содержаніемъ движеніе и сцѣпленіе. Въ мірѣ явленій свобода и справедливость ограничены, поэтому необходимо предположить сверхчувственный міровой порядокъ и неогра-

ниченную сверхчувственную свободу. А для ихъ существованія для человѣка необходимо и его сверхчувственное переживаніе.

Наконецъ, изъ постоянной ограниченности теоретической и практической дѣятельности человѣка внутренней и внѣшней чувственной природой слѣдуетъ чисто формальное и регулятивное значеніе апріорныхъ принциповъ познанія и воли, возможность и необходимость безконечнаго прогресса науки и нравственности. Никакая система науки не можетъ включить въ себя окончательное *объективное* содержаніе міровой причинности и необходимости, такъ какъ никакое эмпирическое содержаніе не имѣетъ раціональныхъ гарантій своего *абсолютнаго* постоянства. Причинность постоянно остается *формой, требованіемъ* пониманія явленій. Самыя явленія произвольно вытекаютъ изъ чуждой человѣку, совершенно неограниченной дѣйствительности. Они въ разныхъ степеняхъ подчиняются раціональному требованію причинности и необходимости, оставляя иногда совершенно не исчерпаемую область знанія эмпирическаго, область возможнаго и вѣроятнаго, случайнаго и непридвидѣннаго. Аналогично и значеніе нравственнаго закона въ практической жизни. И здѣсь констатируется рядъ *приближеній* къ его безусловному господству, невозможность послѣдняго и неисчерпаемость мотивовъ для непрерывнаго прогресса къ его реализаціи. Эмпирическое знаніе превращается понемногу въ раціональное, утилитарная дѣятельность уступаетъ мѣсто нравственной; но граница лишь отодвигается, а не устраняется. Идеалъ вѣчно остается идеаломъ. Его существованіе связано съ существованіемъ чувственности, и приближеніе къ нему связано съ его неосуществимостью.

Критицизмъ сталъ исходной точкой плодотворной и богатой результатами работы философской мысли. Какъ попытки критической реакціи или какъ дальнѣйшее развитіе, изъ него выросли эмпирическая, физіологическая и аперцептивная психологія Бенеке, Іог. Мюллера, Гельмгольца, Вундта, абсолютный идеализмъ Фихте и Гегеля, пантеизмъ Шеллинга, реализмъ Гербарта, волюнтаризмъ и пессимизмъ Шопенгауэра, спиритуализмъ Лотце. Почти всѣ эти направленія, однако, считаютъ основныя положенія критицизма непоколебимыми основами гносеологіи, относительно которыхъ не существуетъ разногласій. На фундаментѣ критицизма можно воздвигать разнообразныя теоріи. Относительно послѣднихъ возможны и даже неизбѣжны разногласія, но самый фундаментъ считается непоколебимымъ. Реакція на ученія абсолютнаго идеализма привела въ послѣдней четверти столѣтія къ призыву: «назадъ къ Канту!», и критицизмъ господствуетъ въ настоящее время какъ въ пріемахъ постановки философскихъ

вопросовъ, такъ и въ философскомъ преподаваніи. Причина этого неоспоримаго господства критицизма заключается, по нашему мнѣнію, во всеобщемъ признаніи теорій математическаго естествознанія и традиціонной логики. Критицизмъ оказывается оружіемъ противъ матеріалистическихъ выводовъ естествознанія и противъ догматической метафизики субстанцій и причинъ. На почвѣ его ученія объ автономіи и центральномъ значеніи субъекта въ познаніи и дѣятельности воздвигаются идеалистическія и спиритуалистическія, феноменалистическія и пантеистическія теоріи.

Однако раздаются голоса, требующіе радикальной реформы критической философіи. Они исходятъ изъ наукъ математическихъ и естественныхъ, находящихся въ сильномъ броженіи, изъ наукъ историческихъ и соціальныхъ, изъ біологіи и психологіи, наконецъ изъ самой философіи. Критицизмъ долженъ быть подвергнутъ основательной реформѣ и обновленію вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніемъ, безусловную необходимость котораго онъ взялся обосновывать.

Начнемъ съ того, что каждому изъ основныхъ положеній критицизма можно противопоставить другія, противоположныя положенія, которыя мы считаемъ истинными. Кантъ утверждаетъ совершенную неопредѣленность вещи въ себѣ. Мы считаемъ возможнымъ опредѣлить «вещь» въ себѣ, какъ измѣняющійся членъ отношенія. Кантъ утверждаетъ существованіе неизмѣнныхъ пространственно-временныхъ формъ человѣческаго содержанія. Мы отрицаемъ существованіе подобныхъ формъ и утверждаемъ медленное развитіе воспріятій изъ ощущеній, историческое возникновеніе математики и ея неизбѣжное превращеніе въ науку съ другимъ содержаніемъ. Въ послѣдней математическія положенія будутъ не оспариваться или считаться лишь приблизительно достовѣрными; они будутъ признаны лишенными объективнаго содержанія и значенія историческими содержаніями человѣческаго знанія. Кантъ утверждаетъ присутствіе во всякомъ опытѣ категорій количества, качества и причинности. Мы отрицаемъ подобное присутствіе и вообще—объективное значеніе категорій. Воспріятіе вещественнаго міра вѣроятны уже для высшихъ животныхъ до возникновенія рѣчи. Съ возникновеніемъ послѣдней вещи воспринимаются анимистически, фетишистически, обозначаются, употребляются въ дѣйствіе. Математическое мышленіе является довольно поздно въ исторіи. За нимъ слѣдуетъ возникновеніе языкознанія и логики, и лишь съ послѣдними возникаютъ понятія частей рѣчи, категорій и сужденій. Логика такъ же мало, какъ и математика, присуща въ каждомъ опытѣ. Возникши въ процессѣ историческаго развитія, математика и логика должны въ немъ же и исчезнуть,

уступая мѣсто высшимъ формамъ мысли. Кантъ признаетъ принципы сохраненія субстанціи, причинности и взаимодѣйствія необходимыми принципами человѣческаго міропознанія. Мы отрицаемъ подобную необходимость. Этимъ принципамъ предшествовали противоположные принципы и они, въ свою очередь, должны въ историческомъ развитіи быть вытѣснены другими принципами. Кантъ утверждаетъ невозможность догматической метафизики въ связи съ ея неизбѣжностью для человѣческаго ума и ея этическимъ значеніемъ. Судьбы его же собственной философіи показываютъ возможность полнаго исключенія догматической метафизики, возникновенія новыхъ, Кантомъ не предвидѣнныхъ, метафизическихъ системъ съ претензіями на объективную истинность. А связь этики съ религіозными вѣрованіями, необходимость *абсолютной* свободы, справедливости и личнаго безсмертія для нравственной жизни могутъ быть безусловно оспариваемы.

Далѣе Кантъ утверждаетъ существованіе безусловно-общаго и чисто-формальнаго нравственнаго закона. Это опровергается соціологическими изслѣдованіями о происхожденіи нравственности, существованіемъ разнообразныхъ нравственныхъ принциповъ и лишь кажущейся формальностью закона однозначности нравственнаго правила для всѣхъ членовъ общества. Наконецъ, Кантъ утверждаетъ чисто формальный и регулятивный характеръ логическихъ и этическихъ принциповъ при ихъ реальной неосуществимости и неизмѣнности. Мы отрицаемъ значеніе идеаловъ за недостижимыми цѣлями, оспариваемъ существованіе идеаловъ *неподвижныхъ и абсолютныхъ* и требуемъ, наконецъ, для науки и нравственности *другихъ* идеаловъ и регулятивныхъ принциповъ, чѣмъ идеалъ математическаго естествознанія, правового государства и аскетической святости.

Но подобнаго чисто отрицательнаго отношенія къ критицизму, разумѣется, недостаточно для его опроверженія тамъ, гдѣ онъ утверждается, или для поколебанія его значенія. Мы укажемъ еще на основныя, *внутреннія* и неустранимыя противорѣчія критицизма и попытаемся понять ихъ изъ самой внутренней структуры этого ученія.

Первое основное, внутреннее и неустранимое изъ системы противорѣчіе критицизма заключается въ *непримиримости математико-механическихъ основъ науки съ чисто-субъективнымъ и раціональнымъ происхожденіемъ принциповъ науки.* Если принципы науки суть понятія, а не вещи, то они должны имѣть своимъ содержаніемъ идеальность, разумъ, должны представлять собою принципы психическіе, сознательные. Но количество, вещь, причинность суть прямое отрицаніе нематеріальной, орга-

ической, измѣняющейся психической жизни, фактовъ мысли, воли, творчества, солидарности. Альтернатива неизбѣжна: или принципы, которыми мы характеризуемъ доступное намъ сущее, имѣютъ характеръ механическій, — тогда они являются прямыми отрицаніями сущности познающаго субъекта и ни въ какомъ смыслѣ не происходятъ изъ него, будучи болѣе общи, чѣмъ онъ, и прилагаясь въ частности и къ нему, — или же эти принципы суть идеи, понятія, акты мышленія и воли. Въ такомъ случаѣ они являются отрицаніями субстанціи, числа, пространства, причинности.

Критицизмъ утверждаетъ, однако, и математико-механическій характеръ принциповъ науки, и ихъ апріорное значеніе. Разумъ теоретическій имѣетъ своими прямыми опредѣленіями содержанія современной Канту науки, логики и метафизики. Собственное содержаніе психическихъ фактовъ еще совершенно неясно Канту. Его психологія имѣетъ чисто-механическій характеръ съ одной стороны, и примитивно-атропоморфическій характеръ—съ другой. Изъ его послѣдователей непримиримость объективнаго характера и психической сущности принциповъ науки взяли исходной точкой дальнѣйшаго развитія критицизма Гербартъ и Лотце. Первый приходитъ къ требованію «реалистическаго» міропониманія и послѣдовательно превращаетъ самую психическую жизнь въ механику «реаловъ» въ ихъ взаимодѣйствіяхъ. Второй признаетъ необходимымъ установленіе *спиритуалистическихъ* принциповъ объективныхъ процессовъ, возстановляетъ Лейбницову монадологію. Необходимость монадологическаго міропониманія, хотя бы и примиряемаго съ монизмомъ, признаетъ и цѣлый рядъ другихъ современныхъ мыслителей.

Такимъ образомъ, критицизмъ не устранилъ ни матеріалистической, ни лейбниціанской метафизики и принуждаетъ къ несообразному утвержденію психическаго и раціональнаго характера механическихъ процессовъ.

Современный критицизмъ пытается устранить эту несовмѣстимость, причисляя математико-механическія понятія къ эмпирическому и апостеріорному содержанію познанія и утверждая, какъ принадлежащую разуму, «синтетическую функцію единства» понятія. Однако это видоизмѣненіе нисколько не улучшаетъ положенія. «Единство» есть чисто математическое опредѣленіе, и понятіе этимъ нисколько не характеризовано. Сущность послѣдняго состоитъ въ *общности, въ извѣстной высотѣ объема* разнообразныхъ содержаній. Это іерархическое положеніе понятія по отношенію къ воспріятіямъ и представленіямъ нисколько не уясняется терминомъ

«единства», и современный критицизмъ такъ же, какъ и Канта, считаетъ математическія и механическія понятія принципами всякой науки и даже ставитъ психологіи условіемъ научности «объективацію» психическихъ фактовъ, сведеніе ихъ на физіологическіе процессы, т. е. возвращается назадъ къ матеріализму *).

Второе основное, внутреннее и неустранимое изъ системы противорѣчіе критицизма заключается *въ утвержденіи логическихъ принциповъ, какъ общихъ основъ опытнаго міра.* Логическіе принципы должны быть таковыми, т. е. принципами *мышленія*, возникающаго на почвѣ опыта, развивающагося и представляющаго одинъ изъ продуктовъ развитія, одно изъ содержаній опытнаго міра. Они не должны превратиться въ принципы *метафизическіе*, въ общія опредѣленія познаваемаго сущаго, или же должно отказаться отъ пониманія основъ мірового процесса, какъ принциповъ *логическихъ*, при энергичномъ отстаиваніи именно ихъ логическаго, т. е. субъективнаго, формальнаго, отвлеченнаго, а не метафизическаго характера. Характерная черта критицизма и заключается въ этомъ странномъ положеніи: онъ отрицаетъ объективное значеніе естествознанія, логики и метафизики и утверждаетъ, что въ ихъ субъективномъ содержаніи они для субъекта и представляютъ исключительныя и неизбѣжныя формы *объективнаго* міропониманія. Но разъ субъекту возможно отличить субъективное отъ объективнаго, иллюзію отъ дѣйствительности, то невозможно будетъ остановиться на точкѣ зрѣнія критицизма. Онъ приводитъ необходимо или къ пессимистическому взгляду относительно человѣческаго познанія, къ послѣдовательному иллюзіонизму, или же въ понятіи *субъекта* открываетъ новую область для метафизическаго мышленія, ему въ сущности недоступную. Логическія основы опытнаго міра лишаются субъективнаго и формальнаго характера и возводятся въ дѣйствительную, объективную и конкретную сущность развивающагося міра,—какъ то сдѣлали Фихте и Гегель,—или же онѣ переносятся за предѣлы индивидуальной человѣческой личности во всеобъемлющее міровое сознаніе «вообще»,—какъ то дѣлаютъ сторонники имманентной философіи и чистаго феноменализма. Въ послѣднемъ случаѣ все конкретное и индивидуальное, все развивающееся и становящееся оказывается безусловно иллюзорнымъ въ видѣ вѣчныхъ и неподвижныхъ формъ сознанія вообще, въ которыхъ возникаютъ и исчезаютъ безъ самостоятельнаго значенія и безъ прогресса ихъ индивидуальныя выраженія.

---

*) См. Natorp. eitung Einl in die Physiologie nach kritischer Methode.

Современные критицисты, энергично отрицающіе возможность и значеніе трансцендентальной метафизики, пытаются примирить субъективный характеръ формъ мышленія съ ихъ объективно-научнымъ значеніемъ, различая психологическіе вопросы о генезисѣ понятій отъ критическихъ вопросовъ объ ихъ *объективной цѣнности*. Изслѣдованіе происхожденія и условій логическаго или этическаго факта не замѣняетъ и не предрѣшаетъ отвѣта на вопросъ объ истинности или дѣйствительномъ нравственномъ значеніи послѣднихъ. Апріорныя формы утверждаются основами всякаго опыта не въ смыслѣ ихъ *существованія* до опыта, въ противоположность психическому ученію объ ихъ происхожденіи изъ опыта, а въ смыслѣ ихъ *внутренняго значенія*, какъ общихъ понятій всего существующаго, *по ихъ возникновеніи*. Однако, эта аргументація можетъ служить прекраснымъ орудіемъ именно противъ *критицизма*, занимающаго ее у теорій, его дѣйствительно внутренно отрицающихъ. Несомнѣнно, каждый продуктъ развитія, всякая ступень бытія имѣетъ свое собственное внутреннее содержаніе и внутреннюю цѣнность, отличныя отъ источниковъ и условій ихъ происхожденія. Представленіе и понятіе, вульгарный опытъ и научная теорія, внѣшнее принужденіе и сознаніе долга, личное наслажденіе и любовь къ ближнему и т. д.—представляютъ различныя, разноцѣнныя содержанія дѣйствительности, хотя они могли развиться одно изъ другого. Но изъ этого слѣдуетъ также и то, что *ни одна изъ ступеней развитія, ни одно изъ конкретныхъ содержаній дѣйствительности не можетъ быть положено*, съ точки зрѣнія ихъ генетическаго пониманія, *въ основу самого процесса развитія*. Если критицистъ признаетъ психологическое происхожденіе и историческое значеніе *логическихъ*, *математическихъ и метафизическихъ* истинъ, то онъ не можетъ положить ихъ въ основу своего міропониманія. Познаніе обусловленности и относительности всякихъ понятій дѣйствительно не должно вести къ отрицанію за понятіями, за истинами ихъ внутренняго значенія; оно, словомъ, не должно помѣшать выработкѣ объективнаго міровоззрѣнія. Но въ основу міровоззрѣнія не могутъ быть положены логическія понятія, апріорныя формы познающаго субъекта, а теоріи, включающія и конкретное разнообразіе дѣйствительныхъ формъ, и ихъ измѣнчивость, и ихъ относительность. Критицизмъ не перестаетъ класть абсолютные термины въ основу міровоззрѣнія послѣ того, какъ онъ сознаетъ ихъ субъективность. Поэтому онъ, въ частности, не устраняетъ, а какъ бы освящаетъ имъ самимъ открытыя антиноміи; поэтому онъ, вообще, со всѣхъ сторонъ ведетъ къ собственному отрицанію: къ догматической метафизикѣ, къ иллюзіонизму, къ метафизическому идеализму и релятивизму.

Несостоятельность критицизма въ другой формѣ обнаруживается въ его ученіи о прогрессѣ. Между формальностью и регулятивностью, между недостижимостью и приближаемостью, между абсолютностью и неосуществимостью идеала существуютъ непримиримыя противорѣчія. Регулятивнымъ, руководящимъ можетъ быть лишь *содержаніе* идеала. Идеалъ вообще не преслѣдуется и не можетъ быть достижимъ. Сознательно или безсознательно какое-нибудь опредѣленное состояніе, или отношеніе, или движеніе представляетъ содержаніе идеала. Но для критицизма качество *формальности* тождественно съ самой идеальностью. Идеалъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ *формой*. Всякое содержаніе содержитъ въ себѣ ирраціональные элементы и слѣдствія. Оно не можетъ быть отождествлено съ самимъ идеаломъ. Но, подобно своему теоритическому ученію, критицизмъ, не ставя на мѣсто признанныхъ имъ субъективными и ограниченными теорій и нормъ другихъ, болѣе совершенныхъ, признаетъ тѣ же теоріи и нормы при полномъ сознаніи ихъ неудовлетворительности. Не придавая идеалу никакого новаго значенія и лишь утверждая его формальность, критицизмъ принимаетъ по существу исторически предлежащія, юридическія и нравственныя нормы и не указываетъ никакого высшаго критерія для оцѣнки послѣднихъ. И здѣсь критицизмъ не устраняетъ, а освящаетъ признанное неудовлетворительнымъ и своею сознательною приверженностью къ иллюзорному и несправедливому уничтожаетъ внутреннія основы для стремленія къ устраненію послѣднихъ.

Такъ же мало примиримы недостижимость идеала и возможность приближенія къ нему. Приближеніе къ идеалу значитъ именно его прогрессивное осуществленіе, непрерывное преобразованіе дѣйствительности въ смыслѣ подобія ея идеалу. Идеалъ, по отношенію къ данной дѣйствительности совершенно недостижимый, не есть идеалъ по отношенію къ ней. Идеалъ не можетъ быть совершенно отличнымъ отъ дѣйствительности, въ которой онъ долженъ быть реализованъ: послѣдняя не должна выказывать радикальнаго противодѣйствія его осуществленію, иначе онъ необходимо перестаетъ быть идеаломъ. Болѣе того: достиженіе идеала предполагаетъ уже его существованіе въ дѣйствительности въ формѣ опредѣленнаго идеала. Осуществленіе идеала продполагаетъ уже его существованіе, и лишь относительно *существующихъ* идеаловъ можно утверждать, что они осуществимы или осуществлены. Идеалъ является самъ наиболѣе существеннымъ условіемъ, *производящей силой* своей реализаціи въ остальной дѣйствительности. Не дѣйствуя, онъ перестаетъ существовать; преобразовывая дѣйствительность въ своемъ собственномъ направленіи, онъ осуществляет-

ся. Недостижимый идеалъ, это—идеалъ, не оказывающій вліянія на дѣйствительность, идеалъ, къ которому дѣйствительность не приближается. Безусловно недостижимый идеалъ немыслимъ и есть лишь перенесеніе въ абсолютное относительныхъ ступеней: самая фантастическая мечта, самое безсильное стремленіе являются, поскольку они существуютъ, факторами измѣненія въ смыслѣ ихъ существованія въ остальной дѣйствительности, какъ бы ни было ничтожно ихъ вліяніе.

Наконецъ, между абсолютностью теоретическихъ и практическихъ нормъ, и ихъ неосуществимостью, ихъ идеальностью существуетъ непримиримое противорѣчіе. Причинность и свобода, какъ руководящіе принципы мышленія, не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ предположеніями реальнаго существованія опредѣленнаго неизмѣннаго мірового порядка и безусловной свободы въ сущности вещей, къ которымъ всѣ частичныя и несовершенныя причинныя связи или свободныя существованія не стоятъ ни въ какомъ прямомъ, ни въ какомъ внутреннемъ отношеніи. Прогрессъ научнаго познанія и нравственности двойственно иллюзоренъ, потому что, во-первыхъ, конечный идеалъ уже существуетъ, и потому что, во-вторыхъ, его осуществленіе въ эмпирической мысли и волѣ совершенно невозможно, исключено самой сущностью послѣднихъ. Послѣдовательное развитіе этого результата и привело къ пессимизму Шопенгауэра съ его отрицаніемъ всякаго познанія и всякаго прогресса, къ пониманію міра, какъ слѣпого, неразумнаго стремленія.

V. Всѣ эти противорѣчія критицизма содержатся въ корнѣ его исходной задачи: *изслѣдованіемъ познанія, какъ самостоятельно-существующаго факта установить основные принципы сущаго, не содержащіе въ себѣ никакихъ опредѣленій познанія, какъ особаго факта сущаго.* Познаніе для критицизма и для всей современной гносеологіи опредѣляется исключительно *объективнымъ содержаніемъ* міровоззрѣнія: математико-механическимъ, логическимъ и метафизическимъ. Сознаніе отличности познанія отъ остального бытія, характеризующее критицизмъ, совершенно парализуется смѣшеніемъ и отождествленіемъ познанія съ бытіемъ, понимаемымъ въ историческихъ формахъ міровоззрѣнія, не содержащихъ въ себѣ познанія оригинальности и іерархическаго положенія познанія въ сущемъ. Изученіе критицизма приводитъ къ выводу о необходимости устраненія традиціонной исходной точки философіи—«сознанія»—и съ нею неразрывно связанной логической онтологіи міровоззрѣнія. Философія есть мышленіе о *сущемъ* черезъ критику *ученій* о сущемъ и съ помощью болѣе удовлетворительнаго, болѣе истиннаго *познанія его.* Она не предполагаетъ

«догматически» существованія лишь вещей и движеній или лишь сознанія съ его апріорными формами. Она исходитъ изъ признанія существованія *всѣхъ* данныхъ содержаній дѣйствительности въ ихъ оригинальномъ, самостоятельномъ, внутреннемъ характерѣ. Въ особенности она настаиваетъ на самостоятельной реальности фактовъ знанія, нравственности и искусства. Но этимъ самымъ она исключаетъ признаніе объективной истины за міровоззрѣніями матеріалистическими, логическими и метафизическими.

Новѣйшая французская метафизика.

(Анри Бергсонъ).

I.

Современная французская философія занимается главнымъ образомъ вопросомъ о свободѣ. Основныя точки зрѣнія въ этой проблемѣ могутъ быть опредѣлены, какъ детерминизмъ и индетерминизмъ .Эта альтернатива опредѣляетъ метафизическія, гносеологическія, психологическія изслѣдованія, и результаты ихъ толкуются въ смыслѣ детерминистическомъ или индетерминистическомъ. Главный представитель детерминизма—Альфредъ Фуллье; Ренувье, Лашелье, Бутру учатъ индетерминизму. Книга Анри Бергсона: Essai sur les donnees immediates de la conscience, вышедшая въ 1889 году, посвящена Лашелье. Гносеологическимъ изслѣдованіемъ о сущности пространства и времени онъ пытается перевести вопросъ о свободѣ на новую почву и окончательно преодолѣть детерминизмъ, указывая границы его приложимости.

Мы мыслимъ въ словахъ съ рѣзко ограниченными, установившимися общими значеніями. Міръ отдѣльныхъ, пространственно ограниченныхъ вещей является самымъ соотвѣтственнымъ содержаніемъ для нашего мышленія, и естественная наука въ согласіи съ наивнымъ разумомъ житейскаго человѣка удаляетъ изъ объективнаго понятія о мірѣ все расплывающееся, текучее, фиксируетъ его въ однородномъ пространствѣ, какъ непроницаемыя единства, опредѣляемыя числомъ и мѣрой. Она старается замѣнить дѣйствительное, такъ называемое абсолютное движеніе относительнымъ движеніемъ, т. е. отношеніями положеній неподвижныхъ точекъ. Точно также она исключаетъ дѣйствительную длительность, замѣняя ее періодически повторяющимися движеніями. Всякую разнородность, всѣ качественныя опредѣленія стремится она замѣнять количественными и однородными. И эта матеріализація понятій не ограничивается однимъ внѣшнимъ міромъ. Та же практическая и соціальная косность, которая привела

къ исключенію изъ объективнаго понятія о мірѣ всѣхъ непространственныхъ моментовъ, способствуетъ и овеществленію самихъ непространственныхъ качественныхъ элементовъ. Пространство, которое должно быть опредѣлено, какъ пустая однородная среда, дѣлаетъ возможнымъ существованіе строго опредѣленнаго противопоставленія и ограниченія, удобнаго взаимнаго пониманія и общепризнанныхъ нормъ. Очень вѣроятно, что животныя не имѣютъ представленія объ однородномъ пространствѣ и руководятся въ своихъ реакціяхъ чисто качественными ощущеніями. Образованіе пространственнаго представленія у человѣка слѣдуетъ въ такомъ случаѣ разсматривать, какъ предпосылку рѣчи и соціальной жизни.

Наклонность овеществлять должна была, такимъ образомъ, привести къ тому, что психическія состоянія—ощущенія, чувства, воспоминанія, поступки—стали заключаться въ схематическія общія понятія, и что съ ними начали обращаться, какъ со строго опредѣленными единствами, которыя могутъ противопоставляться другъ другу и вступать между собою въ отношенія. Словомъ, наклонность эта должна была привести къ созданію механики представленій, какъ развивала ее англійская ассоціаціонная психологія безъ математически-механическаго аппарата Гербарта.

Съ психическими состояніями обращаются при этомъ, какъ съ величинами, включаютъ въ своего рода пространство сознанія и подчиняютъ опредѣленнымъ причиннымъ законамъ.

Необходимо, стало-быть, раскрыть это засореніе подлинно-даннаго состоянія практическими привычками мышленія и возстановить его въ чистотѣ. А достигается это совершеннымъ отвлеченіемъ отъ данныхъ внѣшняго міра и глубокимъ погруженіемъ въ собственный внутренній міръ. Психическіе факты оказываются тогда *лишенными всякихъ количественно-численныхъ и пространственныхъ опредѣленій, они являются чистымъ качествомъ, безграничнымъ взаимнымъ проникновеніемъ, чистой длительностью.*

II.

Психологическая наука въ согласіи съ житейскимъ человѣческимъ разумомъ, не задумываясь, говоритъ о большей или меньшей интенсивности психическихъ состояній—боли, аффекта, напряженія, ощущенія,—а психо-физика пытается даже измѣрять ее и давать числовые точные результаты. Измѣрить количество значитъ сравнить его съ другимъ. Точное измѣреніе дано посредствомъ наложенія измѣряемой величины и единицы

мѣры. Но такое положеніе возможно лишь въ пространствѣ. Утверждать величинныя отношенія въ психическихъ состояніяхъ, значитъ разсматривать ихъ, какъ пространственныя величины. Это недопустимо. Необходимо, слѣдовательно, тщательнѣе изслѣдовать то фактически данное состояніе, которое опредѣляется, какъ психическая величина, и найти, такимъ образомъ, что именно называется интенсивностью и что измѣряетъ психо-физика.

Состоянія сознанія имѣютъ два полюса. Одинъ соприкосается посредствомъ тѣла со внѣшнимъ міромъ. Это—ощущенія. Другой достигается въ глубокихъ чувствахъ, не сопровождаемыхъ никакими внѣшними тѣлесными проявленіями. Сюда относятся такъ называемыя духовныя чувства радости и грусти, эстетическія и этическія чувства. Между обоими полюсами находятся хотѣнія и аффекты.

При тщательномъ изслѣдованіи этихъ состояній оказывается, что то, что̀ называютъ интенсивностью состоянія, означаетъ двоякое. Или это—большее или меньшее разнообразіе качественно различныхъ неразложимыхъ состояній, сгущенныхъ воедино, и это именно большее или меньшее разнообразіе и называется интенсивностью,—или же рѣчь идетъ о внѣшнихъ причинахъ интенсивности, сила которыхъ оцѣнивается въ интенсивности ощущеній. И оба эти момента—качественное разнообразіе и отношеніе къ пространственной причинѣ—тѣснѣйшимъ образомъ переплетаются между собою и вызываютъ иллюзію роста и ослабленія психическихъ состояній.

Состояніе печали есть суженіе нашей духовной жизни, уходъ послѣдней отъ будущаго и погруженіе назадъ въ прошлое. Чѣмъ глубже это погруженіе, тѣмъ большее разнообразіе пережитыхъ состояній воскресаетъ и разнообразно окрашиваетъ чувство печали. Это качественное различіе чувства печали въ его насыщеніи прошлымъ есть то, что называютъ интенсивностью его.

Состояніе радости, напротивъ того, является расширеніемъ душевной жизни, обращеніемъ ея къ будущему. Большее или меньшее разнообразіе освобожденныхъ, приведенныхъ въ движеніе психическихъ силъ напряженія называютъ интенсивностью радости.

Сущность эстетическаго чувства состоитъ во внушеніи художественнымъ произведеніемъ того сложнаго творческаго состоянія души, которое породило данное произведеніе. Всѣ отдѣльные моменты сами по себѣ мы не въ состояніи пережить: индивидуальности для этого слишкомъ различны, мы должны были бы совершенно отождествиться съ художникомъ въ состояніи

его творчества. Но постичь художественное произведеніе, значитъ не что иное, какъ войти въ то содержаніе и въ ту окраску чувствъ, изъ которыхъ оно вышло. Чѣмъ совершеннѣе это удается намъ,—а это зависитъ какъ отъ насъ самихъ, такъ и отъ техническаго и идейнаго совершенства художественнаго произведенія—тѣмъ богаче наше чувство, тѣмъ насыщеннѣе его качественная окраска. И это опять-таки называютъ интенсивностью его.

И моральное чувство состраданія открываетъ различныя качественныя наслоенія. Такъ называемый подъемъ его есть, въ сущности, присоединеніе къ чисто эгоистической непріятности отъ страданія ближняго стремленія активно облегчить эти страданія, а къ этому стремленію присоединяется еще готовность, преданность, самопожертвованіе.

Во вспыхивающихъ аффектахъ точно также количество приведенныхъ въ движеніе состояній является эквивалентомъ такъ называемой интенсивности.

Если мы обратимся теперь къ периферіи, то мы натолкнемся на знаменитое чувство усилія (sentiment de l'effort). До оригинальнаго и поразительнаго изслѣдованія Джемса (The sentiment of effort) господствовала теорія Вундта, по которой дѣло идетъ здѣсь о центральномъ ощущеніи иннерваціи, о чувствѣ употребляемой силы. Но Джемсъ обратилъ наше вниманіе на возможность объяснить всѣ чувства усилія периферическими ощущеніями въ мышцахъ, связкахъ и сочлененіяхъ даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ они на первый взглядъ кажутся исключенными. Напримѣръ, онъ показалъ, что въ случаѣ, когда ампутированный членъ ощущаетъ движеніе, неампутированный членъ въ самомъ дѣлѣ всегда въ это время производитъ движеніе, такъ что въ данномъ случаѣ дѣло заключается въ ошибочной локолизаціи периферическихъ ощущеній, а не въ чисто центральныхъ ощущеніяхъ. Изъ этого слѣдуетъ объясненіе такъ называемой интенсивности чувствъ усилія. Оно будетъ состоять въ томъ, что большее или меньшее количество мускульныхъ группъ приводится въ движеніе. И въ самомъ дѣлѣ, попробуйте сжать кулакъ какъ можно сильнѣе. Сначала вы воспримите лишь растущее ощущеніе напряженія въ кулакѣ. Но при болѣе внимательномъ отношеніи вы замѣтите, что чѣмъ сильнѣе вы сжимаете кулакъ, тѣмъ дальше распространяется напряженіе. Оно постепенно перейдетъ и на руку до плеча, затѣмъ и на все тѣло. Тотъ же опытъ можно установить, сжимая сильно губы.

Обратимся теперь къ периферическимъ ощущеніямъ вѣса, температу-

ры, звука, свѣта. На первый планъ выступаетъ здѣсь въ оцѣнкѣ интенсивности психическихъ состояній другой факторъ: отношеніе ощущенія къ физической причинѣ. Между тѣмъ какъ при ощущеніяхъ вѣса и температуры принимается еще во вниманіе количество и протяженіе захваченныхъ мускульныхъ группъ и поверхностей тѣла, — подъ ощущенія звука и свѣта подставляются соотвѣтствующія имъ движенія съ ихъ числовыми отношеніями. Самое ощущеніе звука и свѣта показываетъ по всѣмъ направленіямъ лишь качественныя опредѣленія, будь то ощущеніе такъ называемой высоты тона, или оттѣнка звука, или насыщенности и оттѣнка цвѣта. Различные оттѣнки сѣраго цвѣта, начиная съ бѣлаго до чернаго, такъ же мало могутъ быть названы различными степенями интенсивности одного и того же цвѣта, какъ и такъ называемые смѣшанные цвѣта спектра,—напр., оранжевый цвѣтъ по отношенію къ красному и желтому. То, что при этомъ слабѣетъ или усиливается—это физическій источникъ свѣта Мы же взамѣнъ неопредѣлимой качественной разнородности означенныхъ психическихъ состояній подставляемъ физическую, однородную пространственную среду свѣта и звука, и заключаемъ всѣ безчисленные оттѣнки непосредственнаго даннаго состоянія въ однообразныя и измѣряемыя отношенія степеней однороднаго субстрата. Но точно такъ же, какъ сила сводится физиками къ отношенію массы и разстоянія, интенсивность въ области психики должна быть сведена къ чистой качественности и множественности. Иллюзія интенсивности имѣетъ своимъ началомъ общее явленіе тѣснаго соприкосновенія и эндосмоса психическихъ и пространственныхъ фактовъ. Въ физическій міръ вошли изъ психическаго—сила, качество, движеніе и время; а психическому міру пришлось принять въ себя число и величину, пространственное противопоставленіе и опредѣленность. Но между тѣмъ какъ естественная наука тщательно исключила изъ себя чуждые ей элементы и этимъ достигла большаго совершенства, психологія лишена способности подвергать научному изслѣдованію свои непосредственныя данныя. Самое большее, что она въ состояніи сдѣлать, это путемъ напряженнаго отвлеченія уловить свои непосредственныя данныя. Но какъ только они уловлены, установлены—они уже исчезли, и мы держимъ ихъ окостенѣлый, пространственный трупъ. Въ состояніи грезъ, когда мы безъ всякой реакціи предоставляемъ жизни течь, и событія громоздятся, взаимно сливаются, перескакиваютъ черезъ пространство и тождество,—мы больше всего достигаемъ невыразимаго, неуловимаго факта психической жизни, чистой длительности. Интенсивность и, какъ мы ниже увидимъ, единовременность являются какъ бы точкой пересѣ-

ченія между пространствомъ и временемъ, между количествомъ и качествомъ.

Согласно этому слѣдуетъ разсматривать и попытки психологіи точно измѣрять психическія величины. Ея всеобщій постулатъ заключается въ томъ, что психическіе факты могутъ быть разсматриваемы, какъ единства. Необходимо, стало-быть, точнѣе провѣрить примѣненіе числа въ области психологіи. Но изъ предыдущаго уже ясно, что Бергсонъ энергично отвергаетъ этотъ постулатъ. Однако, онъ не желаетъ отрицать примѣняемости закона, подобнаго закону Веберъ—Фехнера, въ виду того, что психологія не можетъ уловить непосредственно данное сознаніе—чистое бываніе,—а изслѣдуетъ лишь наступившее—факты сознанія, установленные уже понятіемъ, обобщенные, вызванные въ памяти. И эти факты сознанія должны быть разсматриваемы по аналогіи съ пространствомъ, какъ одновременныя и опредѣленныя величины, между которыми могутъ быть установлены закономѣрныя отношенія. Но не слѣдуетъ смѣшивать научныя фикціи съ живымъ дѣйствительнымъ потокомъ психическаго процесса Кто это дѣлаетъ, тотъ хочетъ уравнять косность и движеніе, бытіе и бываніе, однимъ словомъ, пространство и время. И въ этомъ именно повинны классическая асоціаціонная психологія и традиціонный детерминизмъ.

III.

Въ числѣ слѣдуетъ различать двоякое: во-первыхъ, прогрессирующій въ неопредѣленное рядъ прерывныхъ единствъ; во-вторыхъ, математическія дѣйствія умноженія, дѣленія и т. п. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ чистый нераздѣльный актъ воспріятія, во второмъ—дробимое до безконечности, произвольно опредѣляемое единство реальнаго числа. Послѣднему не недостаетъ ни непрерывности, ни завершенности. Но непрерывность и законченное соединеніе единствъ не мыслимы безъ отношенія къ пространству. Въ дѣйствительности мы замѣчаемъ, что математическія дѣйствія совершаются всецѣло на основаніи пространственнаго созерцанія надъ многообразіемъ отдѣльныхъ единствъ, образующихъ сомкнутые сопоставленные отдѣлы. А непроницаемость матеріи въ пространствѣ и сущность геометрическихъ точекъ иначе нельзя и понять, какъ при посредствѣ прерывнаго единства числа въ непрерывномъ пространствѣ. Ибо отъ атома не остается ничего дѣйствительнаго, если отнять отъ него ощущенія противодѣйствія, зрительныя ощущенія и т. д. И геометрическая фигура

исчезаетъ, если основательно абстрагировать отъ всѣхъ качествъ въ пространствѣ. Отъ пространства остается одно лишь однородное пустое пространство. Кантъ былъ, слѣдовательно, правъ, когда онъ училъ чистому созерцанію пространства, совершенно отличному отъ вещей и предшествующему имъ. Вмѣсто того, чтобы конструировать пространство изъ непространственныхъ качественныхъ ощущеній, какъ старается дѣлать эмпирическая теорія пространства, — вѣрнѣе изслѣдовать, какимъ образомъ разъ возникшее созерцаніе пространства способствовало тому, что разнородныя, чисто качественныя ощущенія были истолкованы, какъ знаки мѣста и положенія. Лишь эндосмотическимъ взаимодѣйствіемъ между однороднымъ пространствомъ и разнородными психическими состояніями можно объяснить одновременность различныхъ содержаній въ пространствѣ и ихъ взаимодѣйствіе.

Слѣдуетъ, стало-быть, отличать численное многообразіе въ пространствѣ, характерными свойствами котораго являются непроницаемость и противопоставляемость,—отъ многообразія психическихъ состояній во времени. Характерными свойствами послѣднихъ являются проницаемость, организованность, солидарность. Психическія состоянія растутъ со временемъ, сгущаютъ въ себѣ все большее количество элементовъ, и элементы эти образуютъ всегда одно цѣлое. Въ психической жизни осуществлено міровое состояніе Анаксагора. Все во всемъ: безостановочное движеніе впередъ и видоизмѣненіе, сгущеніе всѣхъ результатовъ во все болѣе объединенныя содержанія, безъ послѣдовательности, безъ противопоставленія отдѣльныхъ переходныхъ моментовъ—вотъ то невыразимое фактически данное состояніе, которое ускользаетъ отъ насъ въ тотъ самый моментъ, когда, казалось, мы уловили его, ибо, уловивъ, мы этимъ самымъ уже превратили его въ пространственное явленіе, мы уже разсматриваемъ время, какъ линію съ частями, отдѣлами, переходами.

Основы всѣхъ антиномій и неизбѣжныхъ альтернативъ лежитъ въ смѣшеніи пространственнаго символа времени съ самимъ временемъ, въ замѣнѣ пространствомъ, въ которомъ все обособленно и сосуществуетъ, чистаго бываніе, котораго нѣтъ нигдѣ и которое совершенно недѣлимо. Даже Кантъ смѣшивалъ время съ пространствомъ и разсматривалъ психическіе факты, какъ явленія, которыя должны быть объяснены механически. Свободу же онъ вынужденъ былъ перевести въ интеллигибельный міръ, который неизвѣстно какъ и какимъ посредствомъ попадаетъ въ міръ явленій, такъ какъ и внутренній, и внѣшній міръ одинаково мало ему соотвѣтствуютъ.

И антиноміи безконечности и движенія были лишь мнимо разрѣшены, и возраженія Зенона Элейскаго противъ движенія скорѣе съ пренебрежительнымъ превосходствомъ оставлены безъ вниманія историками философіи, чѣмъ дѣйствительно опровергнуты.

А возраженія эти разрѣшаются, если понять радикальную разнородность движенія и разстоянія. Движеніе — поступательный ходъ, духовный синтезъ, не существующій безъ сознательнаго зрителя. Оно не дѣлимо, ибо оно не протяженно, оно — чистый процессъ. Разстояніе, проходимое движеніемъ есть, напротивъ, одновременно данное пространство съ безконечнымъ множествомъ точекъ. Аргументы элеатовъ основаны на смѣшеніи проходимаго разстоянія съ самимъ движеніемъ. Шагъ черепахи и шагъ Ахиллеса должны быть сравнены между собою, а не съ пространствомъ. Ахиллесъ движется скорѣе— слѣдовательно онъ по истеченіи нѣкотораго времени догонитъ и обгонитъ черепаху. Разстояніе же, которое они проходятъ, вообще не движется, такъ что безразлично, одинаковой ли, или разной оно величины при каждомъ изъ шаговъ. Еще очевиднѣе это смѣшеніе въ аргументѣ одновременнаго пребыванія въ разныхъ мѣстахъ. При этомъ наивно отождествляется движеніе съ пространствомъ, бытіе съ бываніемъ, а затѣмъ доказывается невозможность движенія, въ виду того, что оно не пространство, не вещь.

И какъ элеаты не могли изъ бытія получить движенія, точно такъ же психологи не могутъ изъ овеществленнаго сознанія получить свободу. Они смѣшиваютъ символъ времени съ самимъ временемъ, смѣшиваютъ внѣшнее, пространственное и «такъ называемое соціальное» «я» съ внутреннимъ глубокимъ «я» сознанія,—и этимъ запираютъ себѣ путь къ пониманію поступковъ и мучаются надъ неразрѣшимыми, ибо безсмысленными проблемами. На самомъ же дѣлѣ собственно свободные поступки вытекаютъ какъ разъ изъ глубокаго «я», т. е. того «я», которое изживается въ неотраженномъ, необъективируемомъ процессѣ индивидуальнаго сознанія. Лишь тотъ поступаетъ свободно, кто проломляетъ кору общепринятаго, нивеллирующаго, привычнаго и внушеннаго поведенія, и накладываетъ на свои дѣйствія печать своей единственной и внутреннѣйшей индивидуальности— individuum'a ineffabile. Свобода состоитъ не въ независимости отъ побужденій, а въ сильномъ подъемѣ, прорывающемъ внѣшнія роковыя узы установившагося, привычнаго и общепринятаго,—въ творческомъ поворотѣ на новые пути. Но подобная концентрація совершается лишь въ серьезные жизненные моменты и у болѣе сильныхъ личностей. Быва-

ютъ люди, которые никогда свободно не поступаютъ. Но исключительно свободный поступокъ потому только возможенъ, что потокъ жизни никогда не пресѣкается, никогда не отдыхаетъ ни въ какомъ окончательно установившемся состояніи. Необходимо открыть истинное время подъ символомъ его, глубокое «я»—подъ внѣшнимъ соціальнымъ «я», бываніе—подъ бытіемъ, чтобы вѣрно понять сущность свободы и покончить съ безконечнымъ споромъ между детерминизмомъ и индетерминизмомъ. Но присмотримся ближе къ этому спору, чтобы подтвердить сказанное.

IV.

Отрицаніе свободы въ человѣческихъ поступкахъ коренится не въ познаніи неизмѣнныхъ законовъ природы, а въ психологической теоріи. Это не трудно доказать. Ибо прежде всего естественная наука совсѣмъ не оспариваетъ сложности и идущей рука-объ-руку съ ростомъ ея неопредѣляемости дѣйствительно происходящаго. Механика исходитъ при этомъ изъ абстрактнаго закона и подвергаетъ его видоизмѣненію со стороны вновь являющихся ей сложныхъ факторовъ въ зависимости отъ ихъ сложности, между тѣмъ какъ динамика, исходя изъ сложныхъ фактическихъ данныхъ, приводитъ путемъ редуцированія ихъ къ абстрактному закону. Обѣимъ имъ не приходитъ въ голову растворять дѣйствительность въ законѣ. Да и будто бы детерминистическій выводъ изъ закона сохраненія энергіи—лишь кажущійся. Въ настоящее время склонны приписывать этому закону такое значеніе, которое даже съ точки зрѣнія естественно-научной кажется преувеличеннымъ. Ибо въ сущности онъ утверждаетъ не больше, чѣмъ формальный пустой законъ мышленія: все есть то, что оно есть, и: ничто не происходитъ изъ ничего: бытіе не можетъ исчезнуть въ небытіи. Ни сумма реальной энергіи, ни формы ея видоизмѣненія не даны въ законѣ и не могутъ быть изъ него выведены. И, наконецъ, онъ находитъ примѣненіе лишь въ области физики среди различныхъ формъ движенія. Онъ не предрѣшаетъ даже возможности, что, напр., въ областяхъ сознанія происходитъ ростъ и уничтоженіе психической жизни.

Детерминизмъ поступковъ коренится въ дѣйствительности въ другихъ мотивахъ. Онъ лежитъ въ психологіи, которая разсматриваетъ психическія состоянія, какъ постоянныя опредѣленныя величины, могущія вступать другъ съ другомъ въ борьбу и во взаимодѣйствіе. Это—психологія, ко-

торая подставляетъ взамѣнъ психической жизни ея отчужденные продукты, которая замѣняетъ становящееся уже наставшимъ, которая, словомъ, растворяетъ время въ пространствѣ. Взглядъ на детерминистическіе доводы подтвердитъ сказанное.

Во-первыхъ, утверждаютъ, что въ случаѣ нерѣшительности въ выборѣ, послѣдній опредѣляется сильнѣйшимъ изъ мотивовъ. Но какой же мотивъ является *сильнѣйшимъ?* Конечно тотъ, который именно и опредѣлилъ поступокъ. Но вѣдь рѣшеніе должно быть опредѣлено взвѣшиваніемъ мотивовъ, независимо отъ того, какимъ оно оказалось. До рѣшенія же мы имѣемъ путаницу мотивовъ, всѣ они между собою во взаимодѣйствіи и всѣ питаются однимъ общимъ источникомъ силъ. Какимъ же способомъ намъ опредѣлять силу того или другого мотива самого по себѣ? Способомъ этимъ является только поступокъ. Другого способа нѣтъ. Но разъ поступокъ совершенъ послѣ предшествовавшаго ему выбора, индетерминистъ будетъ подчеркивать, что поступающій выбиралъ и могъ поступить и иначе, а детерминистъ возразитъ ему, что поступокъ долженъ былъ быть такимъ, какимъ онъ получился, и что выборъ опредѣленъ сильнѣйшимъ мотивомъ. Но послѣдній говоритъ этимъ лишь: поступокъ совершенъ; ибо вывести его изъ сильнѣйшаго мотива онъ смогъ лишь послѣ того, какъ поступокъ совершился, и онъ изъ поступка же и узналъ, какой мотивъ самый сильный. Что же скрыто за этой настойчивостью? отождествленіе повторяющейся и общей схемы поступковъ съ фактическимъ душевнымъ процессомъ, пріостановка времени!

Во-вторыхъ, болѣе скромно утверждаютъ,—поступокъ долженъ съ необходимостью вытекать изъ предшествовавшаго состоянія, какъ бы сложно оно ни было. Но и эта аргументація не многаго стоитъ. Или поступокъ уже совершенъ. Тогда не остается ничего другого, какъ войти во все предшествующее поступку состояніе, что возможно лишь при отождествленіи себя съ поступающимъ, и смѣло поступать. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ предшествующія положенія опредѣляютъ слѣдствіе, когда оно уже не нуждается въ этомъ, т. е. когда оно уже существуетъ.

Но детерминизмъ приходитъ съ дальнѣйшими доводами. Мы не рождаемся вновь каждый день. Мы часто попадаемъ въ одни и тѣ же положенія и имѣемъ опредѣленныя унаслѣдованныя и прирожденныя наклонности, которыя называются характеромъ. Наши поступки могутъ быть предвидѣнны, ибо они повторяются. Сила мотивовъ и предпосылки извѣстныхъ поступковъ все-таки могутъ быть и опредѣлены и могутъ быть основой для предвидѣнія, и, значитъ, отнюдь не являются лишними. Но и здѣсь важ-

нѣе всего различить—хотятъ ли только утверждать постоянство, однородность, пространство, или же хотятъ отрицать измѣненіе, разнородность, чистое время. Астрономія предвидитъ на тысячи и милліоны лѣтъ. Но изъ-за этого какъ разъ она абстрагируетъ отъ реальнаго времени. Она замѣняетъ время пространственными символами его и ея предвидѣнія относятся не столько къ реальному будущему, сколько къ пространственнымъ отношеніямъ въ томъ будущемъ, которыя, въ качествѣ пространственныхъ, одновременно-безвременны. И характеръ личности есть собственно то, что личность есть, онъ пребываетъ въ настоящемъ. Слѣдующіе изъ него и уже знакомые поступки—внѣ времени. Они—совершившееся, наставшее, они вступили въ область одновременности, совмѣстности. Будущее остается неодолимымъ, оно становится, оно не есть Можно вступить въ него, но нельзя уловить его,—такъ же, какъ и прошлое.

Подъ конецъ взываютъ еще къ закону причинности для защиты детерминизма. Но ясно, что на этой почвѣ ничего нельзя было бы привести противъ свободы, если бы не смѣшивали чистой длительности съ трупомъ ея, съ одновременостью. Ибо за предѣломъ простого слѣдованія во времени, каковымъ причинность является нашему воспріятію, можно разсматривать ее лишь съ двухъ сторонъ. Или требованіе дѣйствительнаго происхожденія слѣдствія изъ причины ведетъ къ наивозможно полному качественному сведенію слѣдствія къ причинѣ. Это направленіе математическаго-естествознанія. Она стремится свести все многообразіе явленій природы, по возможности, въ одну формулу, въ которой исключены были бы не только всѣ качественныя, но и всѣ временныя и пространственныя опредѣленія. Идеаломъ ея является не сводимая далѣе формула равенства. Или вся причинность мыслится по аналогіи съ цѣлесообразной человѣческой дѣятельностью, и, какъ необходимое содержаніе всякаго причиннаго отношенія, предпосылается хотя бы самое зачаточное и неопредѣленное отношеніе созиданія причиной слѣдствія. Но оба эти взгляда, не исключающіе, впрочемъ, другъ друга, не говорятъ ничего противъ свободы. Воззрѣніе равенства должно допускать извѣстный произволъ вплоть до самыхъ низшихъ областей космической эволюціи. Телеологическое воззрѣніе уже повсюду предполагаетъ дѣйствіе психическихъ факторовъ. Оно всего менѣе склонно будетъ оспаривать свободу въ человѣческомъ сознаніи.

Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ оказывается простымъ вопросомъ: *тождественно ли время и пространство, или нѣтъ?* Съ нахожденіемъ чистой длительности непосредственныхъ фактическихъ данныхъ сознанія, съ нахожденіемъ радикальной разнородности между пространствомъ

и временемъ, между количествомъ и качествомъ, вещью и движеніемъ и продуктами ихъ эндосмотическаго взаимодѣйствія: пространственнымъ сопоставленіемъ и интенсивностью—этотъ вопросъ долженъ найти и нашелъ свое окончательное уничтоженіе и рѣшеніе.

V.

Въ 1896 г. появилось второе главное произведеніе Бергсона: Matière et mémoire. Essai sur la relation du corps à l'esprit. Въ предисловіи къ этой книгѣ говорится, между прочимъ: «та же психологія, которая втянула насъ въ эти метафизическія трудности, была и нашей путеводной звѣздой въ стараніяхъ упростить ихъ». Смѣшеніе практической точки зрѣнія пользы съ требованіями чистой теоріи оказалось основой всѣхъ споровъ между матеріализмомъ, идеализмомъ, дуализмомъ, основой для антиномій бытія и сознанія, естествознанія и психологіи, необходимости и свободы. Общій постулатъ этихъ точекъ зрѣнія заключается въ томъ, что *воспріятію и памяти предписывается познавательная цѣнность*, между тѣмъ какъ они имѣютъ лишь практическое значеніе, и представляютъ собою *формы дѣятельности*. По исключеніи этого постулата, дѣло сводится къ тому, чтобы постичь проблему отношеній, или взаимодѣйствій тѣла и души, какъ проблему *радикальной разнородности вещи и мысли и тѣснаго взаимодѣйствія между ними*.

Матеріализмъ, идеализмъ, дуализмъ одинаково неудовлетворительны. Всѣ они видятъ въ воспріятіи удвоеніе внѣшняго предмета въ сознаніи. Первый разсматриваетъ этого двойника, какъ сопровождающее явленіе мозговыхъ процессовъ; второй отрицаетъ существованіе подлинника вообще и признаетъ лишь «представленіе»; третій предполагаетъ взаимодѣйствіе между двойникомъ и мозговыми процессами. Но матеріализмъ не въ состояніи уяснить, почему отраженіе внѣшняго предмета должно сопровождать совершенно отличныя отъ него молекулярныя движенія въ мозговой корѣ. Идеализмъ впадаетъ въ неразрѣшимое противорѣчіе съ естествознаніемъ: послѣднее учитъ существованію міра постоянныхъ отношеній съ непреклоннымъ детерминизмомъ—міра, въ которомъ субъектъ самое большее играетъ роль частичнаго явленія. Воспріятія текутъ, измѣняются, исчезаютъ. Достаточно закрыть глаза, чтобы міръ воспріятій исчезъ. Словомъ идеализмъ со своей теоріей представленій не въ состояніи понять реальный міръ, который по всѣмъ направленіямъ выходитъ за предѣлы субъекта и его воспріятія. Наконецъ, вульгарный дуализмъ напрасно борется

съ трудностью взаимодѣйствія. Онъ при этомъ вновь впадаетъ или въ теорію эпифеномена, или же въ потусторонній монизмъ: прибѣгаетъ къ высшему принципу, въ которомъ душа и тѣло сообщаются между собою и которому ничто дѣйствительное уже не соотвѣтствуетъ.

Но попытаемся исходить не изъ двойника естественнаго міра, а изъ самого этого міра и сохранимъ при этомъ идеалистическую терминологію, тогда подъ представленіями или образами мы должны понимать не что иное, какъ окружающіе предметы. Мы находимъ тогда наше тѣло въ далеко и широко раскинутомъ мірѣ со множествомъ другихъ тѣлъ различныхъ степеней сложности, и всѣ они находятся во взаимодѣйствіи между собою, всѣ послушны неизмѣннымъ законамъ. Въ нашемъ тѣлѣ тогда нѣтъ ничего изъ внѣшнихъ предметовъ. Оно само является лишь однимъ изъ многихъ предметовъ или образовъ. И такъ называемыя чувственныя качества предметовъ находятся точно такъ же внѣ насъ, на предметахъ, какъ и такъ называемыя объективныя качества ихъ. Мы воспринимаемъ въ предметахъ цвѣтъ, теплоту, запахъ и т. д. точно такъ же, какъ форму и непроницаемость. Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, является воспріятіе? Чѣмъ отличается оно отъ дѣйствительности и какую роль играетъ въ немъ тѣло? При этомъ полезно будетъ исходить изъ фикціи. Допустимъ, что всѣ предметы находятся въ такихъ отношеніяхъ другъ другу, что вліяніе каждаго на всѣ и всѣхъ на каждаго таково, что оно не нарушаетъ равновѣсія никакого предмета, и реакція каждой отдѣльной точки вселенной совершенна однозначна и находится въ совершенной гармоніи съ реакціями всѣхъ другихъ точекъ. Отдѣльные моменты происходящаго были бы совершенно незамѣтны. Процессъ протекалъ бы въ совершенной непрерывности; невозможно было бы отличить его отъ совершеннаго покоя. Замѣнимъ теперь математическую точку нашимъ собственнымъ тѣломъ и вообразимъ такого рода реакціи съ нашей стороны на воздѣйствіе среды, при которыхъ естественное теченіе вещей не видоизмѣнялось бы проявленіемъ нашей своеобразной организаціи: мы имѣли бы тогда *чистое воспріятіе*. Оно означало бы прежде всего внѣшній предметъ въ его собственной, субъектомъ ни въ какомъ смыслѣ не искаженной природѣ,—внѣшній предметъ, какъ условіе реакціи нашего тѣла на его воздѣйствіе. Оно было бы тогда самой этой реакціей, какъ реально вызванныя окружающими предметами чувствительно-двигательныя реакціи низшихъ и высшихъ нервныхъ центровъ. Оно было бы, наконецъ, не искаженнымъ, освобожденнымъ отъ всѣхъ субъективныхъ примѣсей чистымъ опытомъ.

Но это чистое воспріятіе—фикція, ибо наше тѣло является продуктомъ

развитія съ особыми, свойственными ему, формами реакціи, съ особыми условіями равновѣсія. Но эта фикція помогаетъ намъ рѣзко подчеркивать внѣшность воспріятія и энергично отклонять всѣ попытки заложить воспріятія въ наше тѣло. Исправляя фиктивное въ предположеніи чистаго воспріятія, мы приходимъ къ установленію непротиворѣчиваго отношенія между воспріятіемъ въ психологическомъ смыслѣ и естественнонаучнымъ понятіемъ о вещи. Воспріятіе въ психологическомъ смыслѣ есть вызванный внѣшнимъ предметомъ рядъ измѣненій въ нервной системѣ, протекающій по законамъ сохраненія послѣдней и обусловленный структурой особыхъ, свойственныхъ ей, отношеній равновѣсія. Организмъ отвѣчаетъ на воздѣйствіе внѣшняго предмета—будь то автоматическими рефлексами, или обдуманными волевыми поступками—въ смыслѣ своего «интереса», въ зависимости отъ «обѣщаній или угрозъ», исходящихъ для него со стороны предмета. Въ его реакціяхъ опредѣленное прошлое дѣйствуетъ, и лишь тогда дѣйствуетъ, когда ему удается осуществлять себя въ реакціяхъ настоящаго. Но реакція тѣмъ болѣе насыщена прошлымъ, чѣмъ сложнѣе становится организація, чѣмъ индетерминистичнѣе, т. е. свободнѣе становятся ея законы. Индетерминація или свобода реакціи является, такимъ образомъ, прямой функціей заключеннаго въ ней прошлаго

Разъ внѣшніе предметы, находящіеся внѣ нашего тѣла, являются его виртуальными воспріятіями, которыя превращаются въ актуальныя воспріятія, по мѣрѣ того, какъ они приближаются къ нашему тѣлу и начинаютъ затрагивать его благополучіе—или его злосчастіе—то само наше тѣло образуетъ, такимъ образомъ, встрѣчный пунктъ между виртуальнымъ и актуальнымъ воспріятіемъ. Оба они совпадаютъ въ немъ, ибо воздѣйствіе его на другія тѣла является въ то же время и реакціей на нихъ. Поэтому мы знаемъ свое тѣло двояко: не только извнѣ, какъ другія тѣла, но и изъ внутри. На нашемъ тѣлѣ—и лишь на немъ—констатируемъ мы и внутреннія ощущенія, чувства пріятности и боли (sensations affectives, такъ называетъ Бергсонъ всѣ вообще органическія ощущенія).

И изъ этихъ составныхъ частей—изъ объятой сплошнымъ детерминизмомъ вселенной со множествомъ тѣлъ различной высоты организаціи, какъ реагирующихъ центровъ, съ ихъ ощущеніями (sensations affectives)—и состоитъ настоящее, наличный, единственно существующій, единственно дѣйствующій міръ. Какъ относится память къ этому настоящему? Сопровождающее ли она явленіе мозговыхъ процессовъ, однородное по существу съ ними? Отличается ли она отъ воспріятія лишь степенью интенсивности, такъ что воспріятіе можно было бы, по желанію, назвать сильнымъ воспо-

минаніемъ, или же воспоминаніе—слабымъ воспріятіемъ? Или же воспріятіе и память отличаются другъ отъ друга сущностью, а не степенью, и находятся въ тѣсномъ взаимодѣйствіи между собою? Эту послѣднюю возможность предстоитъ подтвердить и развить. Первыя же возможности должны быть исключены.

VI.

И при изслѣдованіи памяти будемъ исходить изъ крайняго случая, изъ чистой памяти. Если чистое воспріятіе было тождественно съ чистой объективностью, съ чистымъ опытомъ, то чистая память будетъ радикально противоположна послѣднему. Она будетъ абсолютнымъ прошлымъ, чистымъ небытіемъ. Но какъ воспріятіе оказалось во всѣхъ направленіяхъ испещреннымъ субъективными реагирующими центрами и многозначными процессами бывающаго, точно такъ же и память, прошлое не допускаетъ отождествленія съ совершеннымъ ничто. Она дѣйствуетъ повсюду. Міръ въ каждомъ своемъ мгновеніи насыщенъ исторіей; будущее выростаетъ изъ прошлаго и носитъ въ себѣ ясно слѣды его. Какъ же дѣйствуетъ прошлое на будущее? *Не иначе, какъ запечатлѣваясь въ настоящемъ*. Міръ всегда въ дѣйствіи, всегда стремится впередъ и переноситъ изъ прошлаго въ будущее лишь то, что въ состояніи было внѣдриться въ немъ. Но и по отношенію къ микрокосмосу—нашему тѣлу—вѣрно то же, что и по отношенію къ макрокосмосу. Настоящее дано намъ лишь въ реакціяхъ тѣла и въ сопровождающихъ ихъ ощущеніяхъ. Прошлыя судьбы душевной жизни, воспоминанія, могутъ вліять на будущее не иначе, какъ осуществляя себя въ настоящемъ, въ живыхъ реакціяхъ индивида. Они должны овладѣть тѣломъ, реакціоннымъ аппаратомъ нервной системы, обнаружиться въ чувственно-двигательныхъ проявленіяхъ, чтобы изъ небытія прошлаго снова войти въ потокъ происходящаго и съ нимъ перенестись въ будущее. Роль мозга въ пробужденіи воспоминаній можетъ заключаться лишь въ томъ, что онъ содержитъ въ большей или меньшей готовности условія ихъ проявленія. Воспоминанія не хранятся въ мозгу и не подымаются одно за другимъ по ниточкѣ ассоціаціоннаго закона къ свѣту сознанія,—какъ учитъ ассоціаціонная психологія; они отличаются отъ тѣла по существу. Лишь когда рѣчь идетъ о соприкосновеніи памяти съ воспріятіемъ, прошлаго съ настоящимъ, слѣдуетъ принять во вниманіе функціональную готовность нервныхъ центровъ. Патологическіе случаи потери па-

мяти по отношенію къ отдѣльнымъ словамъ, произнесеннымъ, слышаннымъ, написаннымъ, прочитаннымъ, по отношенію къ лицамъ и именамъ несоединимы съ ассоціаціонной теоріей. Они, какъ сопровождающія явленія локальныхъ поврежденій мозга, указываютъ не на одно лишь исчезновеніе соотвѣтственныхъ воспоминаній, а еще болѣе на ослабленіе напряженія силы сознанія ,необходимаго для того, чтобы пережитое, знакомое было вызвано.

Эта точка зрѣнія бросаетъ новый свѣтъ и на тѣ психическіе факты, въ которыхъ воспріятіе встрѣчается съ памятью,—какъ узнаваніе и вниманіе, общее представленіе и ассоціація идей, здоровье и болѣзнь души.

Узнаваніе проявляется въ двухъ формахъ — автоматической и репрезентативной. Физическое впечатлѣніе или попадаетъ на совершенно свободный для него путь и безъ дальнѣйшаго напряженія сознанія вызываетъ соотвѣтственныя ему однозначныя реакціи. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ воспріятіемъ. Никакіе образы воспоминанія не появляются. Знакомый предметъ воспринимается просто, какъ присутствующій, т. е. вовнѣ, въ средѣ, и «знакомость», указаніе дано не въ чемъ иномъ, какъ въ характерныхъ ощущеніяхъ органовъ. Или же впечатлѣніе вызываетъ соотвѣтственную ему реакцію организма не прямо, а производитъ сотрясеніе, приводящее сознаніе въ напряженіе. Тогда процессъ узнаванія происходитъ какъ разъ обратно тому, какъ представляетъ его ассоціаціонная психологія. Являющаяся «перцепція» не вызываетъ рядъ «апперцепирующихъ представленій въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ сосуществованія, ихъ сходства, а реагирующее сознаніе или, что то же, реагирующее тѣло, *какъ цѣлое*, идетъ навстрѣчу впечатлѣнію. И выступаютъ образы памяти, которыя характерно отличаются отъ предмета воспріятія. Чѣмъ шире сфера напряженія сознанія, тѣмъ большее число воспоминаній вызывается къ жизни и тѣмъ отдаленнѣе они отъ воспріятія. Въ этомъ состоитъ и сущность вниманія. Оно является движеніемъ на встрѣчу внѣшнему впечатлѣнію, напряженнымъ въ извѣстномъ направленіи сознаніемъ. И общее представленіе такъ же легко опредѣлить въ этой сферѣ мышленія. Сообразно степени жизненности опредѣленныхъ представленій образуются готовыя функціонировать схемы реакціи различной широты напряженія и различной готовности функціонировать. Это—общія представленія.

Понятіе сферъ напряженія сознанія (plans de conscience) радикально должно видоизмѣнить и теорію ассоціаціи. Ошибка ассоціаціонной психологіи не въ томъ, что она принимала за строгіе законы то, что являлось лишь схематическими описаніями Ошибка ея въ основномъ пониманіи

самихъ фактовъ сознанія. Послѣдніе—не равноцѣнныя явленія, *всѣ на одномъ и томъ же планѣ и всѣ одинаково въ движеніи;* сознаніе состоитъ изъ сферъ напряженія, различно широко одна надъ другой простирающихся изъ точки предѣльной реакціи чистаго воспріятія. Тѣло является продуктомъ развитія, слѣдовательно, насыщено болѣе или менѣе прошлымъ. Но въ каждое мгновеніе лишь маленькая часть этого прошлаго осуществляется, переносится въ реакціи. На противоположномъ полюсѣ отъ реакціи лежитъ чистое воспоминаніе. Между полюсами заключены сферы напряженія сознанія Они движутся по направленію къ осуществленію, къ воплощенію, къ запечатлѣванію себя въ реакціяхъ тѣла на внѣшній міръ. Широта напряженія ихъ уменьшается съ приближеніемъ къ дѣйствительности. Достигнувъ ее, они ограничиваются и фиксируются въ образѣ, въ отдѣльномъ предметѣ. Это—сфера напряженія дѣятельности или воспріятія. Отъ послѣдней все болѣе удаляются сферы съ большей широтой напряженія и мы приближаемся къ сферамъ напряженія фантазіи, грезъ. Мы въ царствѣ духа, въ царствѣ несуществующаго, идеальнаго. Но духовное равновѣсіе дано лишь тогда, когда сферы напряженія фантазіи не берутъ верхъ надъ сферами напряженія дѣятельности, когда первыя выполняютъ свое назначеніе осуществляться и отступаютъ повсюду передъ дѣйствительностью, передъ осуществленными сферами. Въ противномъ случаѣ духовное равновѣсіе нарушено Мы имѣемъ дѣло съ безуміемъ. Ибо всѣ формы маніи состоятъ не въ чемъ ином, какъ въ смѣшеніи мечты съ дѣйствительностью, въ смѣщеніи теченія сферъ сознанія по направленію къ возстановленію равновѣсія между реакціей воспріятія и воспринятымъ предметомъ. Такимъ образомъ, жизненный процессъ тѣла является регулирующимъ предѣломъ жизни нашего сознанія. Потребности сохраненія тѣла въ каждый моментъ его существованія опредѣляютъ направленіе и теченіе сознанія, воскресеніе прошлаго. Но память, душа не совпадаетъ съ тѣломъ, они всей своей сущностью отличны отъ него. Мы видѣли, что ходячія теоріи объ отношеніи тѣла и души несостоятельны Мы видимъ также, почему. Они принимаютъ отношеніе тѣла и души за пространственное, за отношеніе внѣшняго къ внутреннему, и не могутъ получить внутренняго иначе, чѣмъ черезъ удвоеніе внѣшняго міра и внесеніе его въ нашу голову. Мы попытались также изложить теорію воспріятія и памяти, которая устанавливаетъ между послѣдними вмѣсто пространственнаго отношенія внѣшняго и внутренняго—временное отношеніе—настоящаго и прошлаго. Попытаемся теперь примѣнить результаты изслѣдованія къ общей проблемѣ бытія и сознанія, матеріи и духа.

VII.

Методъ, котораго мы будемъ держаться при разсмотрѣніи дуалистической проблемы протяженности и непротяженности, количества и качества, необходимости и свободы,—тотъ же самый, который помогъ намъ открыть непосредственныя данныя сознанія. Онъ заключается въ отвлеченіи отъ точки зрѣнія практики, дѣйствія, для которой чистый опытъ является прикрытымъ и замутненнымъ, и въ стараніи достичь тотъ *поворотный пунктъ опыта*, съ котораго замутнѣніе его начинается. Иными словами, это—методъ чистаго опыта, естественнаго понятія о мірѣ.

Но съ точки зрѣнія чистаго опыта пропасть между этими противоположностями исчезаетъ. За безкачественнымъ, однороднымъ, дѣлимымъ математическимъ пространствомъ и чисто качественной разнородностью психологическихъ состояній мы открываемъ непрерывную качественно опредѣленную протяженость предмета воспріятія. За количественнымъ и геометрическимъ движеніемъ естествознанія и психическими чистыми качествами ощущеній—мы открываемъ разнообразія *напряженія* дѣйствительной энергіи міровыхъ процессовъ трансформаціи, въ которыхъ всякое качество возникаетъ и въ которыхъ однихъ всякое движеніе дѣйствительно.

Мы подошли, такимъ образомъ, къ теоріи матеріи, которая находится въ полномъ согласіи съ естественно-научными стремленіями нашего времени. Раздробленіе міра на множество твердыхъ постоянныхъ вещей въ однородномъ пространствѣ, которыя должны находиться въ совершенно чуждомъ имъ и совершенно ихъ не затрогивающемъ движеніи, всецѣло является продуктомъ практическаго соціальнаго мышленія, возникаетъ въ стремленіи нашихъ тѣлъ къ сохраненію въ ихъ средѣ. Мыслимое, какъ чистый продуктъ познанія, оно ведетъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ и грубымъ удвоеніямъ нашего міра воспріятія, которыя ничѣмъ не способствуютъ уясненію его. Атомы являются чисто практическими фикціями. Съ точки зрѣнія чистаго познанія ихъ непроницаемость, ихъ прерывность, ихъ постоянство не имѣютъ никакого смысла, они могли бы быть и жидкими или газообразными, непрерывными и измѣнчивыми. Все указываетъ намъ на сплошную связь, взаимное вліяніе, безпрестанную трансформацію всѣхъ моментовъ мірового процесса.

Чисто опытная теорія матеріи должна, съ одной стороны, исключить изъ себя мнимыя постоянство, безкачественность и однородность тѣлеснаго міра; съ другой—она должна выяснить дѣйствительное свойство движенія,

какъ по отношенію къ однородному пространству, съ которымъ оно якобы должно совпадать, такъ и по отношенію къ качествамъ ощущеній, отъ которыхъ оно будто радикально отличается.

Слѣдующія четыре положенія содержатъ въ себѣ чисто опытную теорію матеріи:

1. Каждое движеніе, какъ переходъ изъ одного состоянія покоя въ другое состояніе покоя, абсолютно недѣлимо.

2. Существуютъ дѣйствительныя движенія.

3. Всякое дѣленіе матеріи на независимыя тѣла съ абсолютно опредѣленными очертаніями—искусственно.

4. Дѣйствительное движеніе есть перенесеніе состоянія, а не предмета.

Первыя два положенія подчеркиваютъ основное различіе между пространствомъ и движеніемъ. Дѣлимо разстояніе движенія, а не движеніе. Измѣненія положеній никоимъ образомъ не могутъ получиться изъ самихъ положеній. Движеніе—абсолютный фактъ, не сводимый на другіе факты. Вслѣдствіе того, что движеніе можетъ быть прервано въ любомъ пунктѣ пространства, и того, что для практики важны лишь относительныя положенія тѣлъ, а не ихъ дѣйствительное движеніе,—говорятъ о дѣлимости и измѣряемости движеній неподвижными отношеніями пространственныхъ точекъ. Всѣ Зеноновы возраженія противъ движенія, о которыхъ упоминалось уже выше, имѣютъ одинаково большое, или вѣрнѣе, одинаково малое значеніе. Всѣ они основаны на наивномъ отождествленіи движенія и пространства.

Третье положеніе указываетъ на то, что атомы лишены всякаго теоретическаго значенія. Это положеніе дано въ связи съ постиженіемъ непрерывности дѣйствительно бывающаго. Съ точки зрѣнія дѣйствительной міровой связи не существуетъ абсолютно обособленныхъ тѣлъ. Все сплетено между собою, все связано невидимыми нитями. Изъ каждой точки вселенной тянутся отношенія по всѣмъ направленіямъ въ безконечное. Рѣзкое обособленіе существуетъ только съ точки зрѣнія сохраненія жизненнаго единства организма. Она лишена, слѣдовательно, всякаго теоретическаго значенія.

Съ устраненіемъ атома исчезаетъ и пропасть между матеріей и сознаніемъ, движеніемъ и ощущеніемъ, количествомъ и качествомъ. Ощущенія не даны сперва въ пространственномъ сознаніи, откуда они не находятъ никакого пути въ міръ,—а даны, какъ выяснено было уже выше, на самихъ предметахъ, на чистыхъ воспріятіяхъ. Движеніе является не безразличнымъ

отношеніемъ между неподвижными положеніями, а самимъ живымъ процессомъ происходящаго, или, по меньшей мѣрѣ, одной изъ его безчисленныхъ формъ. Не трудно даже найти то высшее понятіе, къ которому движеніе и качество ощущенія относятся, какъ частные случаи его. Это понятіе *напряженія энергіи*. Дѣйствительный міровой процессъ есть непрерывное теченіе все растущей сгущенности, концентрированности, сліянности процессовъ бываніе. Отъ одного состоянія къ другому ведетъ напряженіе первичнаго состоянія по направленію къ слѣдующему состоянію. Чѣмъ концентрированнѣе достигнутое исходное состояніе, тѣмъ сильнѣе его напряженіе, его энергія, къ тѣмъ болѣе концентрированному состоянію оно стремится перейти. Но, такимъ образомъ, ощущеніе — напр., цвѣтъ можетъ быть разсматриваемо, какъ въ трилліонъ разъ концентрированная высота напряженія состоянія движенія, а это послѣднее, какъ столько же разъ ослабленная, разжиженная энергія цвѣта. Иначе выражаясь: различныя ступени космическаго процесса развитія, отъ однообразныхъ механическихъ процессовъ до самыхъ сложныхъ процессовъ человѣческаго сознанія могутъ быть разсматриваемы, какъ различныя ступени сгущенности одного непрерывнаго процесса, при чемъ каждая ступень его содержитъ въ себѣ всѣ подъ нею находящіеся, но въ сжатомъ потенцированномъ въ ихъ силѣ, дифференцированномъ въ ихъ дѣйствіи состояніи. Съ точки зрѣнія активности эти непрерывно другъ надъ другомъ возвышающіяся сферы напряженія бываніе выявятся съ одной стороны въ количественно опредѣленныя движенія, съ другой—въ ограниченныя, опредѣленныхъ качествъ вещи, тѣла, организмы, нервныя системы, воленые поступки. Но въ основѣ, движеніе также чуждо будетъ качеству, какъ качество чуждо напряженію.

И отношеніе свободы и необходимости выясняется съ этой точки зрѣнія. Свобода и необходимость не противоположности, а степени концентраціи міровой энергіи. Процессъ совершается повсюду, слѣдовательно и свобода есть всюду. Но въ низшихъ областяхъ бытія процессъ до того медленъ и разсѣянъ, что практически онъ можетъ быть игнорированъ. Отсюда детерминизмъ абстрактнаго естествознанія. Но чѣмъ выше мы подымаемся въ строѣ ступеней бытія къ вызвышающейся лѣстницѣ органическаго міра, къ исторически развивающемуся человѣчеству—тѣмъ сложнѣе, быстрѣе, вліятельнѣе становятся энергіи, тѣмъ ближе мы подходимъ къ творческой энергіи человѣка выбирающаго, рѣшающаго, изобрѣтающаго, міръ обновляющаго и возвышающаго.

VIII.

Мы можемъ объединить результаты изслѣдованія, разсматривая ихъ съ трехъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія чистаго опыта, съ точки зрѣнія соотношенія границъ между психологіей и естествознаніемъ, и, въ заключеніе, съ точки зрѣнія той роли, которую практика играетъ въ теоріи

Чистый опытъ учитъ слѣдующимъ тремъ положеніямъ:

1. Бытіе и процессъ совершенія не противоположны другъ другу. Всякое сущее—членъ какого-нибудь процесса, произошло и измѣняемо. Всякій процессъ есть переходъ одного сущаго въ другое сущее.

2. Процессъ измѣненія непрерывенъ и ведетъ къ растущей концентраціи формъ бытія.

3. Количество и качество, свобода и необходимость не противоположности, а ступени концентраціи непрерывнаго процесса бываніа.

Вопросы, возникающіе на границѣ между психологіей и естествознаніемъ—о взаимодѣйствіи тѣла и души, объ отношеніи вещи къ воспріятію, мозга къ памяти, находятъ слѣдующіе отвѣты:

1. Дуалистическую проблему слѣдуетъ формулировать не въ терминахъ пространства: внутри—внѣ, протяженно—непротяженно, а въ терминахъ времени: прошлаго, настоящаго, будущаго.

2. Воспріятіе со всѣми его чувственными качествами находится съ самаго начала внѣ тѣла, во внѣшней средѣ. Тѣло, и въ частности нервную систему, слѣдуетъ разсматривать исключительно, какъ чувственно-двигательный реагирующій аппаратъ различной высоты, сложности.

3. Различіе между вещью и воспріятіемъ — не спекулятивное или гносеологическое. Воспріятіе не является удвоенной вещью въ сознаніи. Вещь не призракъ въ моей головѣ. Различіе лежитъ въ отношеніи вещи къ витальной реакціи организма. Реакція опредѣляется прошлымъ организма.

4. Память не эпифеноменъ мозга. Она отличается отъ воспріятія не по степени интенсивности, а по природѣ своей. Она представляетъ собою прошлое въ противоположность воспріятію, которое есть настоящее. Прошлое продолжается въ будущемъ, не иначе, какъ осуществляясь въ настоящемъ. При осуществленіи прошлаго въ воспріятіи — и лишь при немъ—должна быть принята во вниманіе функціональная готовность нервныхъ центровъ. Она можетъ совершенно отсутствовать. Но уничтоженіе мозга является уничтоженіемъ не памяти, а лишь условій ея осуществленія въ воспріятіи, т. е. въ дѣйствіяхъ.

5. Воспоминаніе проявляетъ движеніе къ периферіи, къ тѣлу, къ настоящему. По отношенію къ стадіямъ его движенія, можно различать сферы напряженія сознанія, — самой широкой изъ нихъ будетъ сфера грезъ, самой узкой — сфера поступковъ. Основная ошибка ассоціаціонной психологіи заключается въ ея посылкѣ, будто воспоминанія всѣ на одной линіи и съ одинаковой готовностью являются въ сознаніи. Но сознаніе равно настоящему. Прошлое, память безсознательна. Трудности понятія безсознательнаго основаны на предположеніи, будто воспоминанія отличаются отъ воспріятій степенью интенсивности, между тѣмъ какъ лишь въ непрерывности психическаго *процесса* память получаетъ значеніе, — какъ измѣнчивая высота напряженія организма, видоизмѣняющагося въ своихъ реакціяхъ.

6. Естествознаніе съ его детерминизмомъ и атомизмомъ, психологія съ ея субъективизмомъ и утилитаризмомъ суть преобразованія первобытнаго познанія по отношенію къ практическимъ потребностямъ дѣйствовать и объясняться. Они подымаются надъ реальнымъ фактомъ, или же подставляются подъ него, какъ его «основы», его «сущность». Реальный фактъ есть непрерывность, единство свободы и необходимости, вѣчное творчество новаго, вѣчное открываніе горизонтовъ, положеній, отрицаній, реальныхъ и идеальныхъ «возможностей и дѣйствительностей».

Наконецъ, съ точки зрѣнія дѣятельности можно слѣдующимъ образомъ формулировать результаты изслѣдованія:

1. Дѣятельность есть звено въ реальномъ процессѣ становленія міра. Она исходитъ отъ данной ступени концентраціи и ведетъ къ дальнѣйшимъ ступенямъ концентраціи. Въ ней прошлое становится живымъ, въ ней реализуется память, безсознательное приходитъ къ сознанію.

2. Дѣятельности противолежатъ сферы напряженія грезъ. Господство сферъ грезъ означаетъ разложеніе даннаго организма, какъ переходной ступени дальнѣйшаго отъ нея роста концентраціи космоса. Но разложеніе это можетъ быть отмѣчено лишь съ точки зрѣнія дѣятельности, т. е. съ точки зрѣнія ограниченнаго организма, а не съ точки зрѣнія чистаго познанія дѣйствительности, самого непрерывнаго процесса концентраціи.

3. Дѣятельность искажетъ познаніе. Особымъ напряженіемъ чистаго познанія можно уловить дѣйствительность въ какомъ-нибудь отдѣльномъ пунктѣ. Но не практикѣ точки зрѣнія сохраненія снова становятся рѣшающими. Несмотря на это, исключеніе субъективныхъ примѣсей изъ понятія о мірѣ имѣетъ для практики величайшее значеніе. Естественныя науки все болѣе приближаются къ точкѣ зрѣнія чистаго

опыта. Для наукъ духовныхъ смѣшеніе точекъ зрѣнія практики и чистаго познанія сдѣлалось роковымъ. Они не могутъ освободиться отъ противорѣчій иначе, какъ ставъ на почву чистаго опыта.

Не слѣдуетъ выводить дальнѣйшихъ заключеній изъ книги Бергсона, если желать остаться вѣрнымъ ея строго теоретическому духу. «Напряженное отступленіе» въ область чистаго познанія имѣло въ виду на этотъ разъ вопросъ объ отношеніи матеріи и памяти, и примѣненіе достигнутыхъ психологическихъ результатовъ къ общимъ метафизическимъ проблемамъ явилось слѣдствіемъ открывшейся благодаря этимъ результатамъ перспективѣ рѣшить эти проблемы на новомъ пути.

Книга Бергсона напомнитъ читателю прежде всего имманентную философію. Но гораздо дальше согласіе ея идетъ съ ученіями основателя эмпиріокритицизма — Р. Авенаріуса. Читатель, знакомый съ эмпиріокритицизмомъ, наталкивается у Бергсона на всѣ существенные пункты перваго. И Бергсонъ учитъ естественному понятію о мірѣ со всѣми его частными опредѣленіями—«принципіальной координаціей», объективностью чувственныхъ воспріятій, «амеханическими цѣнностями индивидуума»; онъ говоритъ также о загроможденіи науки практическими формами мышленія, какъ основѣ всѣхъ метафизическихъ, гносеологическихъ, психологическихъ трудностей и «проблемъ», о чистомъ опытѣ, какъ исходной точкѣ и постулатѣ науки, съ его отношеніемъ къ помутненному опыту, какъ зависимому витальному ряду, и о различіи между мыслимыми и дѣйствительными «комплементарными условіями» (виртуальныя и актуальныя воспріятія у Бергсона). Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ, находится ли Бергсонъ подъ прямымъ вліяніемъ Авенаріуса, его эмпиріокритическія ученія тѣсно связаны съ его самобытнымъ варіаціонно-психологическимъ ходомъ мыслей и укладываются въ міровоззрѣніе измѣненія и концентраціи. Во всякомъ случаѣ послѣднее должно быть разсматриваемо какъ *дальнѣйшее развитіе* эмпиріокритицизма, намеки на которое встрѣчаются у его основателя.

Заключительныя слова одного доклада [1]).

Совершенное совпаденіе точекъ зрѣнія мы можемъ констатировать между Бергсономъ и Фридрихомъ Ницше.

Біологическій релятивизмъ познанія, значеніе логики и естествознанія, какъ знаковъ, неисправимая онтологія языка, характеръ чистой из-

[1]) Ненапечатанное окончаніе статьи о Бергсонѣ, помѣщенной на нѣмецкомъ языкѣ въ „Archiv für systematische Philosophie“, 1903

мѣнчивости сущаго съ ослѣпительной ясностью высказаны, среди безчисленныхъ другихъ плодотворныхъ и прекрасныхъ теченій мысли, этимъ богатымъ творчески мощнымъ мыслителемъ.

Изъ этого ясно, что въ Бергсонѣ мы можемъ привѣтствовать одного изъ указателей пути исхода изъ *кризиса міровоззрѣнія,* который переживаетъ нынѣ исторически живущее человѣчество. И у него мы не можемъ надѣяться встрѣтить завершенія, гармоніи, рѣшительнаго вступленія въ новый міръ.

Медленно и съ усиліемъ восходитъ будущее изъ прошлаго. И прошлое повсюду давитъ свинцовой тяжестью окрыленнаго смѣлаго колебателя атмосферы. Завоеванія и освобожденія, сегодня цѣнимыя, завтра могутъ оказаться лишь орудіями борьбы изъ лагеря врага. Достигнутыя вершины покажутся низинами восходящему. Но они—предзвучія новаго міровоззрѣнія, новаго человѣчества.

Такъ приходится поставить знакъ вопроса и надъ предложеннымъ Бергсономъ ключомъ къ разрѣшенію всѣхъ текущихъ трудностей: надъ различіемъ между практикой и чистой теоріей, между опытомъ фальсифицированнымъ, утилизированнымъ, и опытомъ чистымъ. Біологическій релятивизмъ, на который съ такими радостными надеждами опираются, какъ на источникъ «переоцѣнки всѣхъ цѣнностей»—не есть ли, быть можетъ, послѣдній остатокъ онтологіи формальной логики, онтологіи математики, онтологіи механическаго естествознанія, онтологіи «эмпирической» и экспериментальной психологіи, онтологіи «критической» теоріи познанія, онтологіи метафизики? И не противорѣчитъ ли онъ воззрѣнію измѣненія и концентраціи, которое не указываетъ вовсе смысла для «жизни», для «сохраненія вообще»? Не захотимъ ли мы въ серьезъ принять *чисто эволюціонистическое* міровоззрѣніе.—вмѣсто того, чтобы бороться съ устарѣлыми взглядами на «безусловно сущее», съ цѣлью установить новое «безусловно сущее», — разсматривать эти взгляды, какъ опредѣленныя *ступени развитія сознанія,* которыя критически должны быть преодолѣны въ другихъ, новыхъ ступеняхъ сознанія такъ же, какъ сами онѣ произошли изъ преодолѣнія предшествовавшихъ имъ историческихъ и доисторическихъ ступеней сознанія, подсознательныхъ органическихъ и космическихъ психическихъ фактовъ, которые съ недостижимой древности до насъ самихъ были неразрывно связаны съ процессами осложненія матеріальнаго рода. И нельзя ли разсматривать сущее, какъ *ступенеобразное строеніе,* ступени котораго вьются другъ надъ другомъ, другъ друга включаютъ, отрицаютъ, потенци-

руютъ, превращаютъ, и высшія ступени котораго, подымающіяся другъ надъ другомъ, включающія и отрицающія другъ друга, суть ступени исторической жизни сознанія, теоретическихъ и практическихъ міровоззрѣній? Сила сознанія въ мірѣ находила бы въ такомъ случаѣ свою границу каждый разъ въ своей собственной ограниченности, которая никогда не являлась бы окончательной, а лишь творчески преодолѣваемой на каждой ступени. Съ ростомъ сознанія рука объ руку идетъ ростъ любви, ростъ свободы. Практика, социальная жизнь, далекая отъ того, чтобы повиноваться неизмѣннымъ законамъ сохраненія жизни и пользоваться наукой, искусствомъ, нравственностью, какъ *средствами* къ сохраненію единицъ и рода—не есть ли скорѣе продуктъ каждый разъ достигнутыхъ ступеней сознанія? И нынѣшняя практика, нынѣшнія положительныя и отрицательныя оцѣнки должнаго и іерархіи цѣлей—не связаны ли онѣ скорѣе тѣснѣйшимъ образомъ съ нынѣшнимъ теоретическимъ міровоззрѣніемъ, чѣмъ слѣпо послушны неизбѣжнымъ законамъ человѣческой біологической «природы»? Такъ что, когда падетъ нынѣшнее міровоззрѣніе—міровоззрѣніе законовъ природы и необходимости, міровыхъ цѣлей, ученій о тождествѣ бытія и знанія, бытія и должнаго,—съ нимъ вмѣстѣ рушится и нынѣшняя практика, нынѣшнее жизнеустройство—жизнеустройство господства цѣлей наслажденія, тѣлесной жизни, семьи, обязанности, національныхъ, патріотическихъ, классово-партійныхъ цѣлей съ подчиненіемъ послѣднимъ цѣлей познанія, творчества, любви, обученія—и возникнетъ новое человѣчество, новая душа, новое жизнеустройство, въ которыхъ всѣ личныя и общинныя цѣли жизни, всѣ гедонистическія, эгоистическія, семейныя, техническія, политическія области жизни будутъ служить развитію человѣчества посредствомъ роста сознанія, въ которыхъ основная задача будетъ—любовь въ истинѣ, свобода въ любви, и которыя будутъ разсматривать собственное бытіе и должное лишь, какъ переходные этапы процесса совершенствованія, какъ предшествія новыхъ истинъ, новыхъ возможностей любви, новыхъ свободъ. Это было бы міровоззрѣніемъ, которое на каждое данное человѣчество смотрѣло бы лишь, какъ на средство къ болѣе высокому человѣчеству и залогъ достиженія цѣли видѣло бы въ преданности каждаго даннаго человѣчества истинѣ, въ любви его къ высшей достигнутой правдѣ и въ свободѣ его въ высшей дѣйствительной любви.

Сознаніе и дѣйствительность.

Міровоззрѣніе древнихъ было миѳологическимъ, грамматическимъ и математическимъ. Съ Сократомъ, Платономъ и Аристотелемъ оно стало спиритуалистическимъ. Новое время присоединило къ теологіи, филологіи и математикѣ, къ телеологически-спиритуалистическому міропониманію древнихъ *механистическое* міровоззрѣніе. Спиритуализмъ оно не столько преодолѣло, сколько привело въ связь съ механистическимъ міровоззрѣніемъ. Критицизмъ объединилъ затѣмъ въ высшемъ синтезѣ механизмъ и спиритуализмъ съ логически-этическимъ міропониманіемъ, въ которомъ понятіе, идея одинаково подымались надъ душевнымъ, какъ и надъ матеріальнымъ опытнымъ міромъ. Механизмъ, спиритуализмъ и критицизмъ въ ихъ дальнѣйшихъ проявленіяхъ были основными міровоззрѣніями и XIX ст. Тѣ два значительныхъ начатка новаго міровоззрѣнія, которые въ истекшемъ столѣтіи дали позитивизмъ и эволюціонизмъ, были слишкомъ неполны, чтобы совсѣмъ отдѣлиться отъ механизма и спиритуализма и сами по себѣ представить законченныя міровоззрѣнія. Основныя понятія позитивизма — факты и ихъ закономѣрныя отношенія, стоящія въ одинаково безразличномъ внѣшнемъ отношеніи къ міру тѣлесному и душевному и къ апріорнымъ понятіямъ, были слишкомъ недостаточны, чтобы уяснить всѣ подымающіеся вопросы и самихъ себя. Они были, пользуясь выраженіемъ критицизма, догматическими. Точно также и эволюціонизмъ со своимъ новымъ понятіемъ развитія. Ни позитивизмъ, ни эволюціонизмъ не сумѣли утвердиться, какъ самостоятельныя міровоззрѣнія. Они являются въ союзѣ съ механизмомъ, спиритуализмомъ и критицизмомъ.

Но старыя основы міровоззрѣній не могутъ ни въ коемъ случаѣ дольше устоять. Обоготвореніе математики, какъ царицы всѣхъ наукъ и ключа ко всѣмъ загадкамъ міра, подобно отношенію къ ней Пиѳагора, Платона и еще Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта — навсегда прошло. Числа, фигуры и аксіомы кажутся намъ все больше и больше произвольными монетами языка, пустыми схемами и догматическими наивно-

стями. Закономѣрность естественныхъ явленій, величественный порядокъ, гармонія и единство механическаго космоса перестаютъ ослѣплять и казаться ясными, въ виду выводовъ теоріи познанія, теоретическаго и практическаго идеализма, постулатовъ и успѣховъ естественно-научной техники. Механическая причинность, какъ основное понятіе міровоззрѣнія единодушно и безвозвратно поколеблена многими философскими, научными и соціальными воззрѣніями, выводами и идеалами XIX вѣка. Но столь же энергично уничтожены въ этомъ вѣкѣ и всякаго рода антропоморфизмъ и спиритуалистическій абсолютизмъ. Внутри самого человѣческаго міра открылось историческому и психологическому взору такое множество различныхъ цѣлесообразностей и направленій сужденія; душѣ, волѣ, мысли такъ свойственны оказались смертность, зло, ошибка, постепенность, ослѣпленность — что объ однозначномъ или того болѣе идеальномъ спиритуалистическомъ міровоззрѣніи уже не можетъ быть рѣчи. И ничто въ такой степени не противодѣйствовало развитію мысли этого вѣка, какъ критицистическое приниженіе «чувственнаго міра» и презрѣніе къ нему, односторонніе, ограниченные, узкіе, механическіе идеалы критицизма; субъективизмъ послѣдняго и его притязанія предвзятыми понятіями, логическими и этическими сущностями управлять дѣйствительностью и жизнью.

Всѣ содержанія существующаго до сихъ поръ міровоззрѣнія были испробованы, какъ краеугольные камни всеобщаго міропониманія, и никакое не оказалось пригоднымъ къ тому. Пространство и время, матерія и движеніе, ощущеніе и воля, представленіе и чувство, человѣкъ и общество, искусство и религія, жизнь и сила — порознь и сообща не смогли служить послѣдними понятіями міровоззрѣнія въ той опредѣленности и расплывчатой общности, въ которой приходилось ихъ употреблять. Но изъ конкретныхъ содержаній внѣшняго и внутренняго опыта выдѣлялись одно за другимъ болѣе общія и болѣе безотносительныя понятія, которыя, будучи смѣшаны съ конкретнымъ и вплетены въ несостоятельные пути мысли, приводили до сихъ поръ лишь къ трудностямъ и запутанностямъ, но сами по себѣ представляютъ, повидимому, будущіе элементы міровоззрѣнія: взаимодѣйствіе, относительность, фактичность, развитіе, тождество, параллельность, причинность и др. Въ этихъ *общихъ основныхъ опредѣленіяхъ, не носимыхъ никакими субстратами, субъектами, законами, принципами какого бы то ни было рода* и понятыхъ какъ нѣчто самостоятельное, не могущее быть обоснованнымъ какимъ-либо изъ предыдущихъ образовъ мышленія, ни войти въ какой-либо изъ нихъ—дано,

мнѣ кажется, міровоззрѣніе, которое въ состояніи объединить и руководить мыслью, волей, чувствомъ ближайшаго будущаго.

На проблемѣ сознанія и дѣйствительности я хотѣлъ бы нѣсколько приблизить къ пониманію эти общіе принципы и долженъ извиниться за особенный, непривычный путь мысли, который мнѣ приходится избрать, и просить о снисхожденіи въ виду двусмысленности изложенія, неизбѣжной при попыткѣ представить новое по возможности на почвѣ и въ образѣ мысли общеизвѣстнаго.

1. Что мы понимаемъ подъ сознаніемъ? Четвероякое: созерцанія, мысли, чувства и волю. Подъ созерцаніемъ мы понимаемъ вообще все, что непосредственно ощущается и воспринимается: цвѣтъ, дерево, движеніе, мѣсто; подъ мыслями — воспоминанія, понятія, сужденія, заключенія, со всей множественностью ихъ содержаній; подъ чувствомъ — переживанія, настроенія, аффекты и под.; подъ волею — инстинкты, желанія, цѣли, рѣшенія и др. Но необходимо нѣсколько точнѣе опредѣлить объемъ каждаго изъ этихъ классовъ, разграничить ихъ между собою и постичь, какъ они связаны въ единствѣ сознанія.

Можемъ ли мы созерцаніямъ, мыслямъ, чувствамъ, волѣ, каждому указать опредѣленную область сознанія такъ, чтобы свойственное одному отсутствовало бы въ другомъ, и наоборотъ? Нѣтъ, мы не можемъ сдѣлать это. Въ какомъ пунктѣ мы бы ни произвели раздѣленіе, повсюду оно явится произвольнымъ и безосновательнымъ. Всѣ содержанія сознанія даны или могутъ быть даны, какъ созерцанія. Пространство и движенія суть созерцанія, но и боль и недовольство, которыя я *вижу* на лицѣ другого, а также и мысли, выступающія навстрѣчу мнѣ изъ книги — созерцанія. Созерцаніемъ являются борьба духа и напряженія воли, слышимыя мною въ звукахъ, идеи, которыя Шеллингъ и Гете созерцали въ какомъ-нибудь явленіи природы или органическомъ образованіи. Что бы мы ни взяли изъ міра и души — все можетъ быть *созерцаемо*, а не *лишь* мыслимо, чувствуемо, желаемо. Сенсуализмъ никогда не осмѣлился провести свое положеніе во всей полнотѣ и цѣльности, утверждать: въ сознаніи *все* — созерцаніе, *внутри* созерцанія мы не нуждаемся ни въ какой основѣ, ни въ какомъ дополненіи, чтобы странствовать духовно во вселенной, чтобы объять ее въ познаніи.

Но если выйти изъ созерцанія въ царство мыслей, опытъ этотъ повторяется. Все является мыслью, идеей, познаніемъ — чувственныя качества и вещи, законы природы и явленія ея, органическій міръ и исторія, цѣли и дѣйствія, чувства и органическія ощущенія; все мыслится, или мы-

слимо; все содержится въ мышленіи. Внутри интеллектуальности мы никогда не встрѣчаемъ ничего чуждаго ей, ни повода выходить за предѣлы ея и всякій недостатокъ устраняется для нея, какъ только онъ познается. Ибо для познанія лишь недостатокъ въ знаніи есть недостатокъ. Интеллектуализмъ столь же безгранично правъ въ себѣ, какъ и сенсуализмъ.

Такъ же всеобъемлющи чувство и воля. Существуетъ интуитивное переживаніе ощущеній и воспріятій, какъ и мыслей и теорій, воли и образовъ міра, Бога и человѣка. Принципіальныхъ границъ интуитивнаго переживанія невозможно установить. Сообразно со ступенью развитія, съ наклонностями, образованіемъ и т. д. могутъ быть интуитивно пережиты даже самыя сложныя спѣпленія мыслей, самыя абстрактныя точки зрѣнія. «Чувство — все», восклицаетъ Фаустъ. Но не менѣе — все и въ началѣ всего и воля, цѣль, дѣяніе. Активнымъ натурамъ—Бисмаркамъ и Наполеонамъ—всякое міросозерцаніе, всякое міропониманіе, всякое сердечное содержаніе представляется волей и дѣйствіемъ. На ряду съ сенсуализмомъ, интеллектуализмомъ и сентиментализмомъ (если позволено употребить это слово), и волюнтаризмъ требуетъ признанія за собою всеобъемлющаго и исчерпывающаго значенія. Послѣдовательные сенсуализмъ, интеллектуализмъ и волюнтаризмъ ошибаются не потому, что чувственность отъ разума, чувство отъ воли отграничены разнородными и въ каждомъ изъ нихъ совершенно отсутствующими содержаніями—а потому, что каждое изъ нихъ лишено своеобразія остальныхъ душевныхъ направленій и дополняется и ограничивается ими. И лишь такъ слѣдуетъ понять, что все мышленіе покоится на опытѣ или созерцаніи, и что каждой мысли можно въ принципѣ указать опытную основу; что всякое созерцаніе растворяется въ опредѣленіяхъ понятій и оказывается продуктомъ процесса мысли; что чувства характеризуются и опредѣляются исключительно и вполнѣ предметами и содержаніями мысли, значеніями и цѣлями: какъ чувственныя, интеллектуальныя, этическія, религіозныя, эстетическія и др. чувства; что, наконецъ, всякое чувственное, интеллектуальное и сентиментальное содержаніе имѣетъ телеологическое значеніе и воля можетъ быть опредѣлена всецѣло въ своей особенности опытомъ, мыслью и чувствомъ.

Если допустить полную всеобщность и тождественность въ содержаніи созерцанія, мысли, чувства и воли, то спрашивается: что даетъ намъ право раздѣлять эти классы сознанія, принимать ихъ даже за безграничную множественность отдѣльныхъ опредѣленій и *различать* какъ классы, такъ и роды, виды и индивидуальности, полагать противополо-

женія между ними? Это право индивидуализировать и противополагать исходить, конечно, не изъ общности и тождественности фактовъ сознанія. Особенность и противоположность всѣхъ психическихъ фактовъ сами за себя говорятъ. Они такіе же основные факты, какъ и общность, и тождественность психическихъ фактовъ. Возьмемъ ли мы качества одного и того же органа чувства, или качества различныхъ органовъ чувствъ, органическія ощущенія, или чувства, сліянія, соединенія, воспроизведенія, этапы душевной жизни, продукты фантазіи, мысли, проявленія воли — повсюду мы встрѣчаемъ оттѣнки, особенности, своеобразные изгибы, заостренія, углы зрѣнія, индивидуальности, а также — и противорѣчія, противоположности, взаимное уничтоженіе. Подраздѣленіе фактовъ сознанія на четыре класса такъ же произвольно, какъ и — на три, два или болѣе классовъ. Оно находитъ оправданіе лишь, какъ группировка фактовъ сознанія по признакамъ, которые кажутся намъ теперь достойными быть особенно отмѣченными. Помимо этого каждый фактъ сознанія есть индивидуальность и классъ: каждый всѣмъ противоположенъ и со всѣми тождественъ.

Однако, возразитъ намъ, какъ можно остановиться на утвержденіи индивидуальности и общности, тождественности и противоположности психическихъ фактовъ. Здѣсь или вкралась ошибка въ изслѣдованіи, или же надо умѣть выбирать между этими признаками. Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мы не можемъ согласиться. Нельзя отрицать общности, вселенства за психическими фактами, не затрагивая неизбѣжной предпосылки всякой науки, всякаго душевнаго бытія вообще. Также мало удается отвлечься и отъ индивидуальности. И никакое понятіе не было бы мыслимо безъ тождества, единства всякаго мыслимаго. Что касается противорѣчивости, то не будь она основнымъ опредѣленіемъ душевной жизни вообще, мы не могли бы никогда констатировать ея. Возраженіе противъ противорѣчивости само превращается въ подтвержденіе ея, когда оно возстаетъ противъ признанія за нею основного значенія въ душевной жизни и—вообще противъ теоріи, возводящей противорѣчивость въ одинъ изъ своихъ основныхъ принциповъ. Трудность постичь равное основное значеніе въ душевной жизни индивидуальности, универсальности, тождественности, противоположности приводитъ скорѣе къ установленію дальнѣйшаго основополагающаго принципа душевной жизни и — какъ мы сейчасъ увидимъ — бытія вообще, къ принципу глубокой непостижимости и непроницаемости, таинственности, вѣющей отъ всякаго акта мысли, всякаго созерцанія, какъ и всякаго чувствованія и всякой воли. Но таинственность со-

знанія не нарушаетъ ни въ малѣйшемъ ясности и внутренней опредѣленности другихъ признаковъ его. Она присоединяется къ нимъ, какъ особый принципъ. И эти пять принциповъ — индивидуальность, универсальность, тождественность, противорѣчивость, таинственность — далеко не исчерпываютъ собою объема всѣхъ основныхъ опредѣленій сознанія, которыя неизбѣжно должны быть признаны Необходимо по меньшей мѣрѣ перечислить ихъ, чтобы все воззрѣніе не явилось въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Согласно этому, созерцанія, мысли, чувства и воля, — не только индивидуальны, общи, тождественны, противорѣчивы; они — не только таинственны, но и *причинны*, т. е.—суть причина и слѣдствіе, основаніе и заключеніе. *относительны*, т. е суть часть и цѣлое, *дополнимы* и *дополняютъ*, *ограничиваютъ* и *ограниченны*, *истинны*, т. е. согласуются съ дѣйствительностью, *ошибочны*, т. е. не согласуются съ дѣйствительностью, *превосходятъ* другъ друга, *равны* и *подчинены* другъ другу, находятся во взаимной *зависимости*, *опредѣляютъ сущность* и *опредѣлены въ сущности*, *постоянны*, *измѣнчивы*, *непрерывны*, *развиваются*.

Изъ тождественности основныхъ классовъ сознанія слѣдуетъ для взаимнаго ихъ отношенія, интеллектуальность, волитивность и сентиментальность созерцанія; волитивность, сентиментальность и созерцаемость интеллектуальности: волитивность, созерцаемость и интеллектуальность чувства, наконецъ — созерцаемость, интеллектуальность и сентиментальность воли. Изъ противоположности ихъ слѣдуетъ взаимное *исключеніе* опредѣленій созерцанія, мысли, чувства, воли. И всѣ другія основныя опредѣленія сознанія, каждое въ своемъ родѣ, находится въ такихъ же отношеніяхъ.

2. Этимъ было бы дано опредѣленіе сознанія. Что же такое дѣйствительность? Дѣйствительность есть микрокосмосъ и макрокосмосъ: молекулы, клѣтки, души; планетныя системы, организмы, общества, короче,— природа, жизнь и исторія. Какъ эти три царства относятся другъ къ другу, этого мы можемъ здѣсь не касаться, такъ какъ мы пытаемся установить взаимныя отношенія именно дѣйствительности и сознанія. Слѣдуетъ лишь отмѣтить, что если наши выводы окажутся достаточно общими, они будутъ обязательны и внутри областей дѣйствительности, какъ и внутри классовъ сознанія. Перейдемъ, поэтому, прямо къ разсмотрѣнію отношенія между дѣйствительностью и сознаніемъ.

3. Можно ли сознаніе и дѣйствительность въ какомъ-либо пунктѣ точно отдѣлить другъ отъ друга? Гдѣ начинается сознаніе, гдѣ кончается

дѣйствительность? Нѣтъ такого пункта. Какъ далеко мы бы ни зашли въ дѣйствительность—въ мертвый міръ, къ механическимъ, химическимъ, органическимъ элементамъ, мы не находимъ ничего, что чуждо было бы созерцаніямъ, мыслямъ, чувствамъ, волѣ—ничего, что не было бы созерцаніемъ, мыслью, чувствомъ, волею. Какъ глубоко мы ни углубились бы въ сознаніе—въ царство науки, религіи, мы не находимъ ничего, чтобы было бы чуждо природѣ, жизни, исторіи, — ничего, что не было бы природой, жизнью, исторіей. Сознаніе и дѣйствительность совпадаютъ: все сознаваемое дѣйствительно, все дѣйствительное сознаваемо *Сознаніе и дѣйствительность тождественны.*

4. Разъ соединенныя сознаніе и дѣйствительность стремятся съ тою же необходимостью снова разъединиться. Развитіе неорганической и органической природы должно было предшествовать возникновенію созерцаній, мыслей, чувствъ, хотѣній, въ которыхъ они содержатся. Оно независимо отъ сознанія и противопоставляется ему, какъ условіе его. Въ области жизни сознанію противополагается рефлексъ, автоматичность, инстинктъ. И повсюду въ индивидуальной душевной жизни противъ сознанія выдвигается безсознательное, противъ непосредственно созерцаемаго, мыслимаго, чувствуемаго, желаемаго—*созерцаніе* созерцанія, *знаніе* мысли, *чувствованіе* чувства, *хотѣніе* воли—противъ непроизвольности выступаетъ сознательность. По отношенію ко всѣмъ содержаніямъ историческаго бытія объективному духу, отъ сознанія независимой дѣйствительности религіи, искусства, нравственности, науки противополагается сознаніе религіозное, эстетическое, этическое, научное. И повсюду сознаніе становится въ противорѣчіе съ дѣйствительностью. Объективной закономѣрности природы противопоставляются созерцаніе, мысль, чувство, воля, какъ свобода; механической внѣшности и суровости дѣйствительности сознаніе придаетъ созерцательную, мыслительную, чувствительную, волевую интимность: реальности—идеальность. Сознаніе разрушаетъ автоматичность. Оно уничтожаетъ непроизвольность и обнаруживаетъ въ сознательности прямо противоположныя непроизвольности свойства и вліянія. Повсюду сдвигаетъ точки опоры дѣйствительности такъ, что лишь только появляется сознаніе, исчезаетъ дѣйствительность. Въ исторіи учрежденія, догматы, законы дѣйствительны. Но сознаніе претворяетъ учрежденія въ идеи, догматы—въ критически испытанныя основы вѣры, законы—въ нравственныя нормы. Въ природѣ, въ жизни, въ исторической дѣйствительности сознаніе и дѣйствительность отталкиваютъ другъ друга, точно два враждебныхъ элемента. Они противорѣчатъ другъ другу: все сознательное недѣйствительно, все дѣй-

ствительное безсознательно. *Сознаніе и дѣйствительность противоположны.*

5. Итакъ, сознаніе и дѣйствительность тождественны и противоположны между собою. Но мы видѣли уже выше, что сознаніе насквозь индивидуально. Сознаніе своего «я» отнюдь не исчерпываетъ объема «я», индивидуальности въ сознаніи. Оно лишь открываетъ индивидуальность, какъ особый принципъ разсмотрѣнія бытія. Всякое содержаніе сознанія имѣетъ свой собственный обликъ, свою особенность, свою самобытность. Оно—монада, «я». Все въ сознаніи есть «я». Точно также и въ дѣйствительности. Аггерегатъ, соединеніе, движеніе, планета, кристаллъ, гора, географическое положеніе, клѣтка, органъ, организмъ, народъ, языкъ, религія, художественное произведеніе, философская система, историческое событіе—все въ дѣйствительности единственно, имѣетъ свою собственную физіономію, есть индивидуальность *Сознаніе и дѣйствительность индивидуальны.*

6. Но сознаніе и дѣйствительность также и полны, также и безгранично *общи.* Каждое изъ индивидуальныхъ содержаній сознанія, каждый изъ классовъ сознанія обнимаетъ все; невозможно поставить имъ никакой границы внутри ихъ самихъ. Они—вселенная, и все въ нихъ. Тоже самое вѣрно и въ отношеніи къ дѣйствительности. Мы не находимъ въ ней ничего, что не утверждало бы себя, какъ безусловно общее, всеисчерпывающее Камень есть покой и движеніе, пространство и матерія, число, форма и величина, притяженіе и космосъ, органъ и организмъ, созерцаніе и идея, чувство и воля. Для познанія его нужно сознаніе вселенной. Въ его судьбахъ выражена вѣчность. Въ немъ можетъ быть прочтена исторія человѣчества. Она содержится въ немъ. Онъ—Богъ и міръ и... камень. Такъ же всѣ другія содержанія дѣйствительности. Что бы мы ни взяли—все растворяется въ общія понятія; послѣднія переплетаются, достигаютъ конца бытія и, въ заключеніе, мы находимъ вселенную въ этомъ опредѣленномъ содержаніи, находимъ его вселенной.

7. Сознаніе и дѣйствительность найдены нами до сихъ поръ общими и индивидуальными, тождественными и противоположными. Мы не можетъ этого отрицать; но можемъ ли мы продумать, постичь это? Бытіе и сознаніе, необходимость и свобода, природа и исторія, индивидуумъ и вселенная, мгновеніе и вѣчность, природа и духъ—тождественны и противоположны, суть единственное и весь міръ! Мы стоимъ здѣсь предъ загадкой, столь же несомнѣнной, загадкой въ себѣ, какъ несомнѣнны указанные принципы *Сознаніе и дѣйствительность суть мистерія.* Самое простое созерцаніе и

самый мистическій подъемъ мысли, самая ясная дѣйствительность, непреложнѣйшая вѣрность естественнаго закона, доходящія до насъ откровенія творческаго генія, лепетъ ребенка, повседневныя слова, поступки, событія таинственны, мистичны, независимо отъ всѣхъ субъективныхъ познаній, чувствъ, созерцаній, влеченій мистическаго порядка.

8. Созерцанія и мысли, чувства и хотѣнія относятся къ предметамъ. Что то *дѣйствительное* созерцается и мыслится, такъ или иначе характеризуется чувствами, является предметомъ желанія и устремленія. Внутри этого отношенія сознанія къ дѣйствительности проявляется своеобразный принципъ. Это—*истина* теоретическая, практическая, эстетическая. *Согласованіе* сознанія съ дѣйствительностью нельзя свести ни къ сознанію, ни къ дѣйствительности. Дѣйствительность и сознаніе есть, прежде всего, не что иное какъ именно дѣйствительность и сознаніе. Они находятся просто по ту сторону истины, безразличны къ ней. Затѣмъ они тождественны, и постольку не можетъ быть рѣчи о согласованіи между ними. И такъ же мало можно произвести истину изъ противоположности сознанія и дѣйствительности, ибо противоположность, напротивъ, исключаетъ согласованіе Можно ли говорить о специфическомъ критеріи истины, который являлся бы по содержанію инымъ, чѣмъ именно истиной? Нѣтъ Каждый такой критерій былъ бы произволенъ и безнадежно несостоятеленъ. Нельзя ли показать, что всѣ содержанія сознанія, *безъ исключенія*, согласуются со своими предметами и что *никакому* содержанію сознанія не открывается какая-нибудь особенная, своеобразная сила истины, какой-нибудь исключительный источникъ увѣренности? Сознаніе и дѣйствительность совсѣмъ тождественны, совсѣмъ противоположны, совсѣмъ индивидуальны, совсѣмъ универсальны и таинственны—слѣдовательно, совсѣмъ не сравнимы. Но если тождественность, противоположность, индивидуальность, универсальность, таинственность сознанія и дѣйствительности исключаютъ внѣшній критерій истины, то они столь же мало могутъ исключить самый принципъ истины, какъ мало можно было бы вывести его изъ нихъ. Согласованіе съ предметомъ есть основное опредѣленіе сознанія и—такъ какъ сознаніе и дѣйствительность тождественны—то и дѣйствительности. Мы приходимъ къ положенію, хотя и сильно противящемуся обычному мышленію, но самому по себѣ непровержимому: *сознаніе и дѣйствительность истинны*

9. На ряду съ согласованіемъ сознанія со своимъ предметомъ, на ряду съ истиной, замѣчается еще теоретическое, практическое, эстетическое *несогласованіе* сознанія со своимъ предметомъ—ошибка. Подобно тому, какъ истина не можетъ быть произведена изъ тождественности, противо-

положности, индивидуальности и т. д. сознанія и дѣйствительности, такъ и ложность. Истина, какъ и всякое изъ другихъ основныхъ опредѣленій утверждаетъ лишь себя самое для себя самой и безразлична ко всѣмъ противоположностямъ. Заблужденіе также не можетъ быть найдено въ какомъ-нибудь вещественномъ, чуждомъ ему содержаніи, какъ въ его принципѣ или критеріи. Для этого необходимо было бы указать какую-нибудь особенную обойденную судьбой область сознанія или дѣйствительности, исключительное несогласованіе которой съ ея предметомъ могло бы быть спеціально и прямо доказано. О такого рода области не можетъ быть рѣчи при совершенной тождественности, противоположности, индивидуальности, универсальности, таинственности и истинности сознанія и дѣйствительности. Заблужденіе не можетъ быть также исключено изъ тѣхъ основныхъ опредѣленій и становится, какъ полноправный членъ, рядомъ съ тѣми. Ничто не истинно, все фальшиво, извращено, сокрыто: все—призракъ, маска, обманъ. *Сознаніе и дѣйствительность ложны.*

Изложенными выше основными опредѣленіями не исчерпывается отношеніе между сознаніемъ и дѣйствительностью. Дальнѣйшими основными опредѣленіями являются опредѣленія причинности, относительности, дополненія, ограниченія, іерархіи, параллелизма, взаимодѣйствія, постоянства, измѣненія, непрерывности, развитія.

10. Причинность, это—произведеніе, причиненіе, обоснованіе. Какъ таковую, ее нельзя смѣшивать ни съ волей, ни съ чувствомъ, ни съ мыслью, ни съ созерцаніемъ, ни съ дѣйствительностью, ни съ тождественностью, ни съ противоположностью, ни съ общностью, ни съ индивидуальностью и нельзя вывести изъ нихъ. Происхожденіе движенія изъ движенія, соединенія изъ элементовъ, живого существа изъ живого существа, мысли изъ ощущенія, ощущенія изъ мысли, вывода изъ положенія, желанія изъ чувства и т. д. и т. д.—словомъ, всѣ факты причинности насквозь самобытны, неустранимы и должны быть поняты не иначе, какъ именно причинность—какъ причина и слѣдствіе, основаніе и слѣдствіе, условіе и обусловленное. Всякія объясненія причинности чѣмъ-либо внѣшнимъ ей, напримѣръ, всеобщей связью, или закономѣрнымъ соединеніемъ опыта и др.—вовсе не затрагиваютъ ея сущности и не въ состояніи отстоять себя, какъ спеціальное обоснованіе причинности. Ибо ничѣмъ инымъ причинность не требуется, ничѣмъ инымъ она непостижима, какъ самой собой. И какъ неустранимое основное опредѣленіе всякаго бытія, она ничѣмъ не можетъ быть и опровергнута. Все причинно такъ же, какъ и тождественно, противоположно, индивидуально, универсально, таинственно, истинно, ошибочно, дѣй-

ствительно, идеально. Итакъ: *сознаніе и дѣйствительность причинны.*

11. Природа, жизнь и исторія, созерцанія, мысли, чувства и воленія повсюду проявляютъ связи, отношенія части и цѣлаго. Атомы соединены въ молекулы различныхъ высоты и порядка и сами имѣютъ многообразное строеніе. Небесныя тѣла представляютъ сложныя системы и въ свою очередь являются членами болѣе объемлющихъ системъ. Живыя существа состоятъ изъ клѣтокъ и системъ клѣтокъ и соединяются въ колоніи и общины. Ощущенія образуютъ вмѣстѣ съ другими ощущеніями болѣе тѣсныя и широкія группы и сами состоятъ изъ элементовъ ощущенія. Они входятъ въ болѣе объемлющія цѣлыя воспріятія, представленія, мысли. Человѣческія индивидуумы соединяются въ семьи, народности, государства, религіозныя, хозяйственныя, эстетическія, научныя, техническія, этическія общества. Религія, наука, философія, искусство, нравственность, право состоятъ изъ многообразныхъ элементовъ и образуютъ между собою многообразно пересѣкающіяся сферы. Религіозныя, научныя, философскія, эстетическія и т. д. и т. д. созерцаніе, мышленіе, чувствованіе, воля, которыя, какъ мы знаемъ, и тождественны съ природой, жизнью, исторіей и противопоставляются имъ, также образуютъ системы и члены системъ, объемъ которыхъ, въ отношеніи элементовъ и въ отношеніи комплексовъ, простирается въ безграничность. Относительность содержаній сознанія и дѣйствительности, какъ и другія основныя опредѣленія, нельзя смѣшивать ни съ однимъ изъ прочихъ основныхъ опредѣленій,—ни сводить къ какому-либо изъ нихъ,—ни опровергать какимъ-либо. Въ особенности слѣдуетъ ясно отличать относительность отъ общности, отъ индивидуальности и отъ причинности, съ которыми она смѣшивается чаще всего. На ряду съ тождественностью, противоположностью, индивидуальностью, универсальностью, таинственностью, истиной и заблужденіемъ вѣрно, слѣдовательно, и положеніе *сознаніе и дѣйствительность относительны.*

12. Подобнымъ образомъ доказывается дополненіе, какъ основное опредѣленіе сознанія и дѣйствительности. Тѣла *дополняются* своей средой, пространство—временемъ и движеніемъ, противодѣйствіе—эластичностью, химическій элементъ—химическимъ элементомъ, органы—органами, ощущенія—другими ощущеніями, воспріятіями, представленіями, чувствами, желаніями, сужденіями и т. д. индивидуумы—индивидуумами, народы—народами, правительства—подданными, разумъ—силой, нравственность—правомъ, наука—техникой, философія—религіей, искусство—природой, мышленіе—созерцаніемъ, чувство—волей и т. д. и т. д. Кооперa-

ція, соединеніе есть всеобщее и несводимое основное опредѣленіе. Все дополняетъ и дополняется. Все нуждается въ дополненіи. Фраза, ученіе, качество, существо—безъ дополненія не существуютъ, не могутъ существовать. Итакъ: *сознаніе и дѣйствительность дополняются.*

13 Но всякія дополненія сознанія и дѣйствительности являются, въ собственномъ значеніи и въ той же самобытности, *ограниченіями*, препятствіями дѣйствительными отрицаніями. Противодѣйствіе, раздоръ, борьба, сопротивленіе всякаго рода есть неустранимая основная часть бытія Отличныя отъ противоположности, отъ индивидуальности, отъ относительности, отъ дѣйствительности, отъ причинности всеобщія ограниченія и ограниченность присоединяется къ нимъ какъ равноправный членъ: *сознаніе и дѣйствительность ограничены.*

14. Въ небесныхъ свѣтилахъ и массахъ, химическихъ тѣлахъ и организмахъ, ощущеніяхъ и воспріятіяхъ, понятіяхъ и цѣляхъ, цѣнностяхъ и идеяхъ, народахъ и индивидуальностяхъ, учрежденіяхъ и обществахъ, какъ и въ созерцаніяхъ, мысляхъ, чувствахъ, воляхъ мы находимъ *іерархіи.* Содержанія сознанія и дѣйствительности познаются, созерцаются, чувствуются, желаются, какъ равныя, превосходящія и соподчиненныя и фактически проявляются какъ различнаго порядка цѣнности. Всеобщность іерархіи не можетъ быть отрицаема. Смыслъ того, что означаетъ: выше, ниже, равно есть смыслъ совершенно специфическій и ничѣмъ не замѣняемый. Лѣстница природы, живыхъ существъ, продуктовъ исторіи религіозная и политическая іерархія, этическій и юридическій принципы справедливости, іерархія понятій, благъ, цѣнностей — все это углы зрѣнія, находящіе свое полное оправданіе лишь при постиженіи особаго универсальнаго принципа іерархіи. Но критеріемъ и однозначнымъ масштабомъ іерархіи не можетъ быть взятъ никакой внѣшній ей, вещественный принципъ. Ибо, во-первыхъ, немыслимъ никакой опредѣленный принципъ, который могъ бы явиться критеріемъ іерархіи другихъ качественно различныхъ съ нимъ содержаній. Онъ, какъ высшій, царилъ бы одиноко въ своей высотѣ, не допуская вообще какого бы то ни было сравненія остальныхъ содержаній между собою въ отношеніи ихъ ступени высоты. И предпочтеніе опредѣленнаго содержанія, какъ высшаго мѣрила, могло бы быть оправдано лишь въ томъ случаѣ, если бы существовало содержаніе, которое оказалось бы послѣдней цѣлью, высшей идеей, чистѣйшимъ опытомъ, самой основной закономѣрностью и т. д. Но это исключено, ибо множественность бытія есть основной принципъ рядомъ съ единствомъ и всеобщностью, рядомъ съ противоположностью и идеа-

личностью, рядомъ съ истиной и ошибкой, рядомъ съ причинностью и относительностью, дополненіемъ и ограниченіемъ. Во-вторыхъ, однозначный опредѣленный принципъ іерархіи оказался бы, изъ-за свойствъ сущаго, необычайно колеблющимся и запуганнымъ. Онъ совпадалъ бы съ подчиненными ему цѣнностями, противорѣчилъ бы себѣ самому, былъ бы и индивидуаленъ, и ложенъ, и ограниченъ.

Іерархія, напротивъ, должна быть взята совершенно чисто и отчетливо, какъ таковая. Все въ отношеніи другъ къ другу ниже, равно и выше: въ зависимости отъ точки зрѣнія, съ которой опредѣляется іерархія. И *всякая* точка зрѣнія можетъ быть взята критеріемъ іерархіи, никакая не призвана къ тому особо. Изъ всѣхъ точекъ одновременно и всегда исходитъ оцѣнка и все есть высшее, низшее и равное. Міровая справедливость не знаетъ никакой мѣры, никакихъ границъ, никакихъ ошибокъ. *Сознаніе и дѣйствительность разны, соподчинены и превосходятъ другъ друга*

15. Подобно тому, какъ обоснованы были предыдущія самостоятельныя общія основныя опредѣленія, доказывается основополагающее значеніе и параллельности. Отношенія зависимости замѣчаются между всѣми содержаніями дѣйствительности и сознанія,—въ отношеніи къ бытію, сознанію, постоянству, измѣненію, развитію, дѣйствованію и т. д. Какъ отношенія зависимости, соотвѣтственности связи, они не совпадаютъ ни съ какимъ другимъ содержаніемъ или точкою зрѣнія и не покоятся ни на какомъ опредѣленномъ, особомъ принципѣ. Они не исключаютъ изъ себя никакого содержанія и никакое содержаніе не является исключительнымъ для нихъ. Все находится въ зависимости между собою—матерія и духъ, тѣло и душа, мысль и мозговое движеніе не болѣе и не менѣе, чѣмъ результаты зависятъ отъ компонентовъ, масса отъ положенія и скорости, соединеніе отъ элементовъ, работа отъ питанія, право отъ нравственнаго сознанія. Принципъ параллельности слѣдуетъ строжайшимъ образомъ обособлять въ его самостоятельности отъ принциповъ дѣйствительности, сознанія, общности, относительности, истины и т. д. Какъ особое основное опредѣленіе вѣрно стало быть: *сознаніе и дѣйствительность параллельны.*

16. Параллельности, причинности и другимъ основнымъ опредѣленіямъ противостоитъ взаимодѣйствіе, какъ самостоятельное основное опредѣленіе. *Взаимодѣйствіе есть опредѣленіе сущности и опредѣленность сущности.* Оно есть особый основной фактъ, или основное знаніе, или основное созерцаніе и т. д., и т. д. качественнаго взаимнаго вліянія всѣхъ содержаній, сознанія и дѣйствительности другъ на друга. Всякое существо стремится придать свой образъ всему міру. И по образу всякаго существа и создалъ

міръ. И здѣсь также—ни предпочтенія, ни обиды, ни одного ограниченнаго и особеннаго содержанія. Все вліяетъ на все и подвергается вліянію всего. *Сознаніе и дѣйствительность находятся во взаимодѣйствіи.*

17. Дальнѣйшимъ общимъ основнымъ опредѣленіемъ является постоянство. Постоянство ни коимъ образомъ не слѣдуетъ выводить изъ какого-нибудь принципа бытія или изъ чего-нибудь *постояннаго,* какъ матерія, энергія, пространство, время, «я», сознаніе и под. и сводить къ какому-нибудь изъ нихъ. Никакое другое опредѣленіе кромѣ самого постоянства, не вынуждаетъ къ принятію постоянства и никакое особое содержаніе не призвано особенно и преимущественно служить субстратомъ или залогомъ постоянства; никакое не оказывается противодѣйствующимъ постоянству. Все возвращается вновь, неисчезаемо, вѣчно: зло и добро, индивидъ и вселенная, душа и тѣло, случайное и необходимое. Все участвуетъ въ вѣчности. И вѣчность ни съ чѣмъ не связана, какъ лишь съ самой собой, съ вѣчностью. *Сознаніе и дѣйствительность постоянны.*

18. Точно также какъ съ постоянствомъ обстоитъ и съ измѣненіемъ. Все течетъ, все исчезаетъ, все обновляется, каждое мгновеніе. Бывшаго нѣтъ, все сущее становится. Ни съ чѣмъ измѣнчивымъ измѣненіе не связано, ничто постоянное не ограничиваетъ его. Измѣнчивы матерія и движеніе, и пространство, и время, и мышленіе, и бытіе, и «я», и законъ. Никакое дно, никакая плотина, никакое начало, никакой конецъ не положены теченію всемірнаго океана. Измѣненіе автономно; ничего нельзя и все можно предписать ему. *Сознаніе и дѣйствительность измѣнчивы.*

19. Остаются еще два основныхъ опредѣленія—непрерывность и развитіе. Все въ природѣ, жизни, исторіи и сознаніи непрерывно. Нигдѣ не замѣчается скачковъ и несоединимыхъ разсѣлинъ. Существованіе индивидуальности, относительности, дополненія, ограниченія и т. д. не можетъ ни измѣнить, ни затронуть ничего въ основномъ значеніи непрерывности, да и произвести ее изъ нихъ отнюдь невозможно. Лишь сама собой и въ себѣ должна быть понята непрерывность всего сущаго. Число и матерія не менѣе непрерывны, чѣмъ пространство и время, ощущенія и сужденія,—не менѣе чѣмъ мгновеніе дѣйствительности и *мгновеніе сознанія.* И непрерывность такъ же мало можетъ быть понята посредствомъ опредѣленнаго ограниченнаго *непрерывнаго содержанія,* напр., пространства, или матеріи, или сознанія, или жизни,—какъ невозможно въ пользу такого непрерывнаго содержанія отвлечь ее отъ остальныхъ содержаній міра. Теченіе бытія нигдѣ не находитъ особенно непрерывнаго русла и нигдѣ спеціально не

прерываемо. Непрерывность есть всюду Во всѣ направленія не прерывно течетъ потокъ бытія и нигдѣ не находится уединеннаго оторваннаго отъ цѣлаго рукава его. *Сознаніе и дѣйствительность непрерывны.*

20. Наконецъ, развитіе не должно быть смѣшиваемо ни съ измѣненіемъ, ни съ іерархіей, ни съ сознаніемъ. Все сложено и все разворачивается. Все въ зародышѣ и въ расцвѣтѣ. Ни отъ чего другого развитіе не можетъ быть произведено. Ни съ чѣмъ опредѣленнымъ оно не связано неразрывно. Ничто не лежитъ въ его основѣ и цѣли. Мѣрило его повсюду и нигдѣ въ особенности. Каждый расцвѣтъ указываетъ на свой зародышъ; каждый зародышъ становится цвѣтомъ. И каждый зародышъ есть также цвѣтъ и каждый цвѣтъ есть также зародышъ. Все развивается. Развитіе не имѣетъ ни начала, ни конца, ни однозначнаго пути. Мы всегда въ началѣ, всегда въ концѣ, всегда на пути. *Сознаніе и дѣйствительность развиваются.*

21. Резюмируемъ установленное нами. Сознаніемъ являются созерцаніе, мысль, чувство, воля. Взаимныя отношенія и опредѣленія классовъ сознанія одинаковы съ таковыми сознанія и дѣйствительности. Дѣйствительность есть природа, жизнь и исторія. Сознаніе и дѣйствительность тождественны, противоположны, индивидуальны, всеобщи, таинственны, истинны, ложны, причинны, относительны, дополняются, ограничиваются, въ отношеніи другъ къ другу выше, ниже и равноцѣнны, параллельны, находятся во взаимодѣйствіи, постоянны, измѣнчивы, непрерывны, развиваются.

Сами сознаніе и дѣйствительность не находятся между общими основными опредѣленіями сознанія и дѣйствительности, ибо они, какъ предметъ изслѣдованія, предполагаются въ ихъ самостоятельномъ, принципіальномъ значеніи. Если бы изслѣдованіе относилось къ другимъ основнымъ опредѣленіямъ, напр., индивидуальности и всеобщности—сознаніе и дѣйствительность должны были бы быть приведены, какъ особые непроизводные, ни съ какимъ изъ другихъ основныхъ опредѣленій, кромѣ съ самимъ собой, не совпадающіе принципы. Совокупность всеобщихъ принциповъ, которыми теорія должна руководиться и которые не могутъ быть опровергнуты вмѣстѣ съ приведеннымъ здѣсь очень несовершеннымъ изложеніемъ, не смѣвшимъ вполнѣ двигаться на почвѣ самихъ принциповъ, подлежавшихъ сперва доказательству, такъ какъ достовѣрное доказательство ихъ дано въ нихъ самихъ, въ ихъ содержаніи, во всеобщности ихъ всѣхъ и въ имманентности ихъ всѣхъ въ каждомъ изъ нихъ.—совокупность этихъ принциповъ равна 20:

1. *Дѣйствительность* — все фактично, вещественно, субстанціально.

2. *Сознаніе*—все созерцательно, мысленно, эмоціонально, волитивно.

3. *Индивидуальность*—все есть особенное, «я».

4. *Универсальность*—все есть общее, вселенная.

5. *Тождественность*—все тождественно.

6. *Противорѣчивость*—все противоположно.

7. *Истина*—все согласуется со своимъ предметомъ.

8. *Ложность*—ничто не согласуется со своимъ предметомъ.

9 *Причинность*—все есть причина и слѣдствіе, положеніе, заключеніе, условіе и обусловленное.

10. *Относительность*—все есть элементъ и сложность.

11. *Дополненіе*—все дополнено.

12. *Ограниченіе*—все ограничено.

13. *Тайна*—все непостижимо, непознаваемо, непроницаемо.

14. *Іерархія*—все соподчинено, равно, превосходитъ другъ друга.

15. *Параллелизмъ*—все находится между собою въ отношеніяхъ зависимости.

16. *Взаимодѣйствіе* — все опредѣлено въ сущности и опредѣлять сущность

17. *Постоянство*—все неуничтожимо, вѣчно.

18. *Измѣненіе*—все находится въ измѣненіи.

19. *Непрерывность*—все непрерывно.

20. *Развитіе*—все есть зародышъ и расцвѣтъ.

Опытъ критики основныхъ началъ.

Вступительныя замѣчанія.

Въ настоящемъ трудѣ я намѣренъ сообщить результаты моихъ размышленій объ основныхъ началахъ сущаго, къ которымъ я пришелъ послѣ долгихъ исканій и непрерывнаго развитія и совершенствованія мысли. Оставаясь на чисто теоретической почвѣ и воздерживаясь пока отъ религіозно-этическихъ выводовъ изъ моего міровоззрѣнія, я полагаю, что оно сможетъ облегчить ихъ задачу всѣмъ ищущимъ истины и ясности и пытающимся основать свои вѣрованія и идеалы на убѣжденіяхъ и пониманіи самыхъ послѣднихъ и глубокихъ вопросовъ, которые ставитъ мысль по отношенію къ бытію, жизни, сознанію, вѣрѣ, идеалу.

Задача критики основныхъ началъ заключается въ установленіи послѣднихъ и въ различеніи и очищеніи ихъ отъ началъ производныхъ и поверхностныхъ. Этимъ она устраняетъ ограниченность, односторонность и поверхностность мысли, принимающей производныя и поверхностныя начала за основныя, смѣшивающей эти начала, отрицающей одни изъ нихъ во имя другихъ и опредѣляющей признаваемыя ею начала признаками началъ, ею прямо отрицаемыхъ Результатны критической мысли— расширеніе и очищеніе сознанія, открытіе новыхъ горизонтовъ, примиреніе противорѣчій, болѣе широкіе, болѣе свѣтлые и болѣе дѣйствительные практическіе, этическіе и религіозные идеалы.

Основныхъ началъ мы принимаемъ тридцать одно: Дѣйствительность, Вселенство, Созерцаніе, Мысль, Чувство, Воля, Индивидуальность, Свобода, Необходимость, Тождество, Противоположность, Цѣльность, Частичность, Дополненіе, Ограниченіе, Истина, Заблужденіе, Добро, Зло, Красота, Безобразіе, Превосходство, Равенство, Низость, Параллелизмъ, Взаимодѣйствіе, Постоянство, Измѣненіе, Непрерывность, Развитіе, Таинство.

Число и характеръ основныхъ началъ являются результатами нашей критической мысли. *Ихъ* глубже обосновать мы не можемъ и не имѣемъ никакой *абсолютной* гарантіи за то, что эти начала исчерпываютъ сово-

купность началъ, или что болѣе глубокихъ и иныхъ началъ быть не можетъ. Критическая мысль можетъ быть отвергнута критической мыслью. И эта плодотворность критической мысли основывается на плодотворности ея повременныхъ твореній: скептицизмъ безплоденъ и безсиленъ передъ нею.

Каждое изъ основныхъ началъ не сводимо на всѣ остальныя начала, но опредѣляется лишь совокупностью остальныхъ началъ, ибо существуетъ лишь неразрывно со всѣми остальными. Такъ, дѣйствительность не сводима на вселенство, созерцаніе, необходимость, постоянство и т. д., но опредѣляется лишь ими всѣми и не существуетъ безъ нихъ.

Разсмотримъ теперь каждое изъ основныхъ началъ.

Реализмъ, какъ основное начало.

Дѣйствительность есть основное начало. Опредѣляясь всѣми остальными основными началами и не будучи сводима, отождествима ни съ однимъ изъ нихъ, дѣйствительность не должна быть взята въ какомъ-нибудь чуждомъ ей или неясномъ смыслѣ. Лишь *буквально,* сама въ себѣ понятая, она можетъ быть признана критикой основнымъ началомъ и не послужить основой ограниченныхъ и односторонніхъ міровоззрѣній.

Дѣйствительность не должно понимать, какъ матеріальную вещь. Вещь происходитъ въ своихъ первичныхъ и вторичныхъ качествахъ, въ своемъ возникновеніи, бытіи и исчезновеніи не только отъ дѣйствительности, но и отъ сознанія: отъ созерцанія, мысли, чувства, воли. Она постоянна, измѣнчива, непрерывна, частична, цѣлостна, тождественна, разнообразна. Она подчинена причинности, развивается, стоитъ во взаимодѣйствіяхъ и зависимостяхъ, показываетъ разнообразныя степени превосходства, равенства, низости, дополняется и ограничивается другими вещами, индивидуальна, всеобъемлюща, непознаваема. Однимъ словомъ—вещь есть начало производное и поверхностное, и попытка положить ее основнымъ началомъ приводитъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ и стѣсненіямъ мысли.

Дѣйствительность не должно понимать также, какъ физическій или химическій атомъ или силу. Какъ и вещь непосредственнаго опыта, послѣдніе со всѣхъ сторонъ призведены и проникнуты началами основными. Они суть начала производныя и поверхностныя. Они обусловлены сознаніемъ, они постоянны и измѣнчивы, непрерывны, частичны и т. д. Уже первые зачатки критическаго мышленія видѣли невозможность положить атомы или силы основными началами. Настоящая критическая мысль

слишкомъ далеко отстоитъ даже отъ этихъ первыхъ попытокъ, чтобы серьезно остановиться на предположеніи атомовъ или силъ основными началами. Дѣйствительность, какъ основное начало, не можетъ быть понята какъ атомъ или сила.

Также мало можетъ она быть понята какъ явленіе, феноменъ въ пространствѣ и времени, какъ то дѣлаетъ критицизмъ Канта. Явленіе, феноменъ, пространство, время суть начала производныя и поверхностныя, какъ вещь непосредственнаго опыта, какъ атомы или силы. Они происходятъ отъ совокупности основныхъ началъ, въ нихъ и во всемъ неразрывно связанныхъ, изъ которыхъ дѣйствительность является лишь однимъ изъ гридната одного, всѣми опредѣленнымъ, ни на одинъ не сводимымъ.

Наконецъ, по тѣмъ же причинамъ, дѣйствительность не можетъ быть понята, какъ «закономѣрное сцѣпленіе» явленій, какъ то дѣлаютъ современные эмпирическіе послѣдователи Канта (напр., Корнеліусъ, Риккертъ, Лассвицъ, Риль). «Закономѣрное сцѣпленіе» явленій опредѣляется, очевидно, и причинностью, и измѣнчивостью, и постоянствомъ, и сознаніемъ и т. д., а не лишь дѣйствительностью. Оно есть начало производное и поверхностное.

Итакъ, дѣйствительность, существованіе, фактичность, данность—какъ начало чистое, основное, несводимое не должна быть смѣшана или отождествлена ни съ какимъ другимъ конкретнымъ или абстрактнымъ, естественнымъ или историческимъ, философскимъ или научнымъ содержаніемъ.

Универсализмъ, какъ основное начало.

Вселенная, чистая совокупность, есть основное, неустранимое начало, не сводимое на другія начала и опредѣляемое всѣми остальными началами. Ее не должно смѣшивать или отождествлять ни съ численной совокупностью, ни съ пространственными и временными безконечностями планетныхъ системъ и міровыхъ превращеній, ни съ «цѣлымъ» міросданія, ни съ «категоріями мышленія», ни съ отвлеченными понятіями, ни съ «общеприложимостью» или «необходимостью». Ее должно понять, какъ и дѣйствительность, какъ всѣ остальныя основныя начала, *буквально*, самое въ себѣ, какъ всеобъемлемость, какъ «все», совершенно независимо отъ того, субъективно или объективно, индивидуально или цѣльно, постоянно или измѣнчиво и т. д. это «все». Какъ основное несводимое начало, вселенство не нуждается для своего существованія ни

въ какомъ внѣшнемъ обоснованіи. Но въ своемъ существованіи оно опредѣляется совокупностью остальныхъ основныхъ началъ и неразрывно отъ послѣднихъ. Этимъ получается полное критическое ограниченіе вселенства, удовлетворяющее запросамъ нашей критической мысли. Какъ основное начало, вселенство такъ же, какъ и дѣйствительность, такъ же, какъ и всѣ остальныя начала, не должно быть смѣшано или отождествлено ни съ какимъ другимъ конкретнымъ или абстрактнымъ, естественнымъ или историческимъ, философскимъ или научнымъ содержаніемъ.

Идеализмъ, какъ основное начало

Подъ «идеализмомъ», или началомъ сознанія, мы соединяемъ здѣсь *четыре* основныхъ начала: созерцаніе, мысль, чувство, волю. Ихъ не должно смѣшивать и отождествлять съ другими основными началами: съ дѣйствительностью, со вселенствомъ, съ измѣненіемъ, съ развитіемъ, съ цѣльностью, со свободой и т. д. Ни между собой, ни съ началами производными и поверхностными, какъ «явленія», «вещь въ себѣ», метафизическія субстанціи, монады, реалы, «душа» и т. п. Созерцаніе, мысль, чувство, воля суть начала чистыя, основныя, первичныя, не сводимыя ни на какія другія начала и опредѣляемыя другъ другомъ и всѣми остальными началами. Сознаніе, какъ основное начало, не должно смѣшивать или отождествлять ни съ какимъ другимъ конкретнымъ или абстрактнымъ, естественнымъ или историческимъ, философскимъ или научнымъ содержаніемъ. Явленіямъ сознанія не присуща никакая однозначная телеологія, или діалектика, или закономѣрность, и они стоятъ внѣ какихъ-либо абсолютныхъ или апріорныхъ принциповъ и формъ единства, справедливости, любви, свободы, безсмертія, всѣ абсолютные или апріорные принципы или формы единства, справедливости, любви, свободы, безсмертія суть начала производныя и поверхностныя, произведенныя отъ совокупности основныхъ началъ и не сводящихся ни къ одному изъ нихъ. Они дѣйствительны и сознательны, индивидуальны и универсальны, тождественны и противорѣчивы, дополнены и ограничены, необходимы и свободны, цѣльны и частичны, истинны и ложны, хороши и дурны, прекрасны и безобразны, стоятъ въ отношеніяхъ равенства, подчиненія и превосходства, находятся во взаимодѣйствіи и зависимости, постоянны, измѣнчивы, непрерывны, развиваются, непознаваемы.

Индивидуализмъ, какъ основное начало.

Индивидуальность, особенность, единичность, «Я» есть начало основное, не сводимое на другія начала и опредѣляемое послѣдними. Ее не должно смѣшивать ни съ сознаніемъ, ни со вселенствомъ, ни съ дѣйствительностью, ни съ частичностью, ни со свободой. Ее не должно отождествлять съ производными и поверхностными началами, каковыми являются точки, атомы, органическія клѣтки, психическая особь, трансцендентальный, эмпирическій или логическій «субъектъ», индивидуализмъ метафизическій, религіозный, этическій, политическій, экономическій. Индивидуальность не есть «эгоизмъ» въ смыслѣ стремленія всякаго существа къ самосохраненію и борьбы за послѣднее. Какъ основное начало, оно содержитъ лишь само себя: неразрывность со всѣми остальными началами и несводимость на нихъ индивидуальности. Ее не должно смѣшивать или отождествлять ни съ какимъ другимъ конкретнымъ или абстрактнымъ, естественнымъ или историческимъ, философскимъ или научнымъ содержаніемъ.

Причинность, какъ основное начало.

Подъ причинностью мы соединяемъ *два* начала свободы и необходимости, или обусловленія и обусловленности, или обоснованія и обоснованности, или творчества и сотворенности. Ихъ не должно смѣшивать ни между собой, ни съ другими началами, какъ дѣйствительность, сознаніе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе, тождество, противоположность и т. д., съ которыми со всѣми они неразрывно связаны; ни съ началами производимыми и поверхностными, какъ понятія теологическія и метафизическія, какъ философскія ученія детерминизма и индетерминизма, какъ логическія и апріористическія теоріи о «законѣ достаточнаго основанія», о «формѣ причинности», какъ естествонаучныя теоріи о законахъ природы и жизни, какъ соціологическія и этическія теоріи объ общественной закономѣрности и о вліяніи личности въ исторіи, какъ ученія о необходимости и свободѣ въ областяхъ политическихъ, экономическихъ и семейственныхъ, наконецъ, какъ эстетическія понятія и творенія свободы и необходимости. Свобода и необходимость суть понятія чистыя и основныя. Они несводимы другъ на друга и опредѣляются каждая всѣми остальными основными началами. Ихъ не должно смѣшивать ни съ рическимъ, философскимъ или научнымъ содержаніемъ.

Тождество, какъ основное начало.

Тождество есть начало чистое и основное и его не должно смѣшивать съ производными и поверхностными началами логическаго понятія или закона «тождества», метафизическаго и трансцендентальнаго понятія «тождества», ни отождествлять его съ постоянствомъ, съ «закономѣрной связью явленій», съ психологическими чувствованіями или стремленіями, съ этическими и соціальными идеалами «единства», «гармоніи», солидарности и т. п. Тождество не сводится ни на одно изъ другихъ основныхъ началъ и опредѣляется всѣми ими. Его не должно смѣшивать или отождествлять ни съ чѣмъ инымъ, кромѣ его самого.

Противоположность, какъ основное начало.

Противоположность, или противорѣчіе есть начало основное. Его не должно смѣшивать съ борьбой или ограниченіемъ и не должно отождествлять съ производимыми и поверхностными началами логическаго закона противорѣчія, реалистическихъ или идеалистическихъ «противоположностей» и «діалектическихъ моментовъ». Всѣ такъ называемыя противоположности и противорѣчія произведены на самомъ дѣлѣ изъ *совокупности* основныхъ началъ, содержатъ въ себѣ всѣ послѣднія и вовсе не исчерпываются началомъ противорѣчія. Такъ, напр., эгоизмъ и альтруизмъ, идеалъ и дѣйствительность, личность и общество, свобода и необходимость, атомъ и вселенная, любовь и ненависть, душа и тѣло, мысль и вещь, истина и ложь, красота и безобразіе и т. д. и т. д. вовсе не исчерпываются началомъ противоположности или противорѣчія, а содержатъ въ себѣ, кромѣ этого начала, еще начала сознанія, индивидуальности, вселенства, причинности ,дѣйствительности, дополненія, ограниченія, частичности, цѣльности и т. д. Начало противоположности не должно поэтому смѣшивать или отождествлять съ какимъ-либо другимъ содержаніемъ, кромѣ него самого. Оно не сводимо на другія основныя начала и опредѣляется ими всѣми.

Релятивизмъ, какъ основное начало.

Подъ «релятивизмомъ» мы соединяемъ два основныхъ начала: частичность и цѣльность. Ихъ не должно смѣшивать и отождествлять съ производными и поверхностными началами дѣлимости и недѣлимости вещей на зримыя и незримыя частицы; съ пространственными и временными частями и цѣлыми, конечностями и безконечностями; съ микроскопическими

и макроскопическими элементами и системами неорганическихъ и органическихъ тѣлъ, психической жизни, обществъ. Ихъ не должно отождествлять съ основными началами индивидуальности и вселенства, тождества и противоположности, измѣненія и постоянства. Они не сводимы ни на одно изъ основныхъ началъ и опредѣляются ими всѣми. Никакое абстрактное или конкретное, естественное или историческое, философское или научное содержаніе не отождествимо съ ними и не содержитъ ихъ въ изолированномъ и чистомъ видѣ.

Дополненіе, какъ основное начало.

Дополненіе, соединеніе, солидарность есть основное начало и не сводится ни на частичность, ни на цѣльность, ни на вселенство, ни на сознаніе, ни на дѣйствительность, ни на одно изъ остальныхъ основныхъ началъ, которыми всѣми опредѣляется. Его не должно смѣшивать или отождествлять ни съ численными, пространственными и временными дополненіями и соединеніями, ни съ физическими и химическими аггрегаціями и синтезами, ни съ соединеніями и сотрудничествомъ органическихъ клѣтокъ, органовъ и функцій, ни со сліяніями и связями содержанія душевной жизни, ни съ общественной кооперацей и солидарностью. Всѣ эти содержанія произведены изъ совокупности основныхъ началъ и не содержатъ ни начала дополненія, ни другихъ началъ въ чистомъ и обособленномъ видѣ. Дополненіе не можетъ быть отождествлено ни съ чѣмъ, кромѣ него самого.

Ограниченіе, какъ основное начало.

Ограниченіе, активное отрицаніе и уничтоженіе, борьба есть основное начало и не можетъ быть отождествлено съ началами противорѣчія, индивидуальности, частичности, измѣненія, дѣйствительности, безобразія, зла, взаимодѣйствія и съ другими началами. Его не должно смѣшивать или отождествлять съ производными и поверхностными началами антагонизмовъ, столкновенія, уничтоженія, превращенія космическихъ и химическихъ силъ, борьбы, уродованія, смерти въ органическомъ мірѣ; страданіи и ненависти въ мірѣ психическомъ; войнъ, конкурренціи, вражды, споровъ и борьбы въ мірѣ соціальномъ. Ограниченіе опредѣляется совокупностью остальныхъ началъ и не можетъ быть отождествлено ни съ какимъ конкретнымъ или абстрактнымъ, естественнымъ или историческимъ, философскимъ или научнымъ содержаніемъ.

Истина и заблужденіе, какъ основныя начала.

Истина и заблужденіе суть основныя начала. Онѣ не сводимы ни на дѣйствительность, ни на созерцаніе, ни на чувство, ни на мысль, ни на волю, ни на тождество, ни на противорѣчіе, ни на постоянство, ни на измѣненіе, ни на развитіе, ни на таинство, ни на одно изъ остальныхъ основныхъ началъ и опредѣляются совокупностью послѣднихъ. Ихъ не должно смѣшивать или отождествлять ни съ однимъ изъ производныхъ и поверхностныхъ началъ, каковыми являются всѣ логическія, метафизическія, религіозныя, научныя, эстетическія ученія, вѣрованія, идеалы, созданія. Истина и заблужденіе проникнуты другъ другомъ и всѣми остальными началами и проникаютъ другъ друга и всѣ остальныя начала. Ни въ какомъ конкретномъ и абстрактномъ, естественномъ или историческомъ, философскомъ или научномъ содержаніи онѣ не даны въ чистомъ и обособленномъ видѣ.

Добро и зло, какъ основныя начала.

Добро и зло суть основныя начала, не сводимыя ни на одно изъ другихъ основныхъ началъ и опредѣляемыя всѣми послѣдними. Никакое догматическое, этическое, религіозное, практическое, натуралистическое ученіе не содержитъ ихъ въ чистомъ и обособленномъ видѣ, будучи произведено отъ нихъ обоихъ и отъ совокупности остальныхъ началъ. Добро и зло—какъ истина и заблужденіе—проникаютъ другъ друга и проникнуты другъ другомъ и всѣми остальными началами.

Красота и безобразіе, какъ основныя начала.

Красота и безобразіе суть основныя начала и не сводятся ни на чувство, ни на созерцаніе, ни на волю, ни на мысль, ни на истину, ни на заблужденіе, ни на добро, ни на зло, ни на дѣйствительность, ни на вселенство, ни на индивидуальность, ни на тождество, ни на гармонію, ни на развитіе, ни на свободу, ни на одно изъ остальныхъ основныхъ началъ, которыми всѣми они опредѣляются. «Идеи», «типы», «единство въ разнообразіи», «максимальная экономія психическихъ силъ», всѣ конкретныя эстетическія теоріи, творенія искусства, созерцанія, сужденія, вкусы относительно прекраснаго и безобразнаго—суть начала производныя и поверхностныя, такъ какъ не представляютъ красоты и безобразія въ чистомъ и обособленномъ видѣ и произведены отъ послѣднихъ и отъ совокупности остальныхъ основныхъ началъ. Всѣ они индивидуальны и универсальны,

суть созерцанія, чувства, мысли, желанія, измѣнчивы, развиваются, непознаваемы и т. д. Красоты и безобразія не должно смѣшивать или отождествлять ни съ какимъ конкретнымъ или абстрактнымъ, естественнымъ или историческимъ, философскимъ или научнымъ содержаніемъ.

Іерархизмъ, какъ основное начало.

Подъ «іерархизмомъ» мы соединяемъ три основныхъ начала: превосходства, равенства, низости. Ихъ не должно смѣшивать ни съ какимъ другимъ основнымъ началомъ и они опредѣляются всѣми послѣдними. Количественныя отношенія величинъ, научныя классификаціи и іерархіи неорганическихъ и органическихъ формъ, тѣлъ, силъ и законовъ, логическія іерархіи понятій и принциповъ, этическія и метафизическія іерархіи благъ, цѣлей, идеаловъ, существъ, іерархіи соціальныя, политическія, юридическія и экономическія—суть начала производныя и поверхностныя, произведенныя отъ совокупности основныхъ началъ и не содержащія ни іерархіи, ни остальныхъ началъ въ чистомъ и обособленномъ видѣ. Превосходство, равенство, низость какъ основныя начала не подчинены никакому однозначному критерію, никакой однозначной телеологіи, или діалектикѣ, или закономѣрности. Они не подчинены никакимъ метафизическимъ или натуралистическимъ принципамъ или тенденціямъ, въ родѣ роста и высоты сознанія, солидарности, свободы, личности, вселенства, равновѣсія, единства въ разнообразіи. Они не сводимы другъ на друга и опредѣляются другъ другомъ и совокупностью остальныхъ основныхъ началъ. Никакое конкретное или абстрактное, естественное или историческое, философское или научное содержаніе не содержитъ ихъ въ чистомъ и обособленномъ видѣ

Параллелизмъ, какъ основное начало.

Параллелизмъ, функціональная связь, непосредственная зависимость есть основное начало, не сводимое на остальныя основныя начала и опредѣляемое всѣми послѣдними. Его не должно смѣшивать или отождествлять съ производными и поверхностными началами математическихъ и физическихъ функціональныхъ связей и законовъ между элементами, системами, силами, біологическихъ теорій параллелизма между органами и функціями, между органами и организмами, психофизическихъ теорій параллелизма между физіологическими и душевными процессами гносеологическихъ теорій параллелизма между познаніемъ и его объектомъ, метафизи-

ческихъ теорій непосредственной функціональной связи между всѣми міровыми процессами, силами и формами, или «предустановленной гармоніи» монадъ, воль, идей, силъ и т. п. Ни въ какомъ конкретномъ или абстрактномъ, естественномъ или историческомъ, философскомъ или научномъ содержаніи параллелизмъ не данъ въ чистомъ и обособленномъ видѣ и содержится во всѣхъ содержаніяхъ вмѣстѣ съ совокупностью остальныхъ основныхъ началъ, не разрывныхъ другъ отъ друга.

Взаимодѣйствіе, какъ основное начало.

Взаимодѣйствіе есть основное начало и не должно быть смѣшано или отождествлено ни съ какимъ другимъ основнымъ началомъ, ни съ производными и поверхностными началами взаимодѣйствій между физическими и химическими силами, элементами, законами и процессами, между органическми формами, функціями и процессами, между содержаніями душевной жизни, между личностями, обществами, принципами, идеалами, вѣрованіями. Взаимодѣйствіе не заключено ни въ какомъ содержаніи въ чистомъ видѣ и проникаетъ вмѣстѣ съ остальными началами всѣ содержанія.

Вѣчность, какъ основное начало.

Постоянство, неизмѣнность, вѣчность есть основное начало. Его не должно смѣшивать или отождествлять съ производными и поверхностными началами неизмѣнныхъ законовъ природы, разума, души, вселенной, съ законами сохраненія міровой энергіи, съ метафизическими и религіозными ученіями о субстанціяхъ, субстратахъ, вѣчныхъ основахъ міра; о безсмертіи, о вѣчности, какъ идеалѣ, формѣ, принципѣ. Всѣ эти начала произведены отъ совокупности основныхъ началъ, опредѣляющихъ постоянство, но не сводимыхъ на него. Постоянство проникаетъ все и не дано въ чистомъ и обособленномъ видѣ ни въ какомъ конкретномъ или абстрактномъ, естественномъ или историческомъ, философскомъ или научномъ содержаніи.

Измѣненіе, какъ основное начало.

Измѣненіе, исчезновеніе и возникновеніе есть основное начало. Оно несводимо ни на какое другое основное начало и опредѣляется всѣми послѣдними. Его не должно смѣшивать или отождествлять съ производными и поверхностными началами процессовъ космическихъ, химическихъ, ор-

ганическихъ, психическихъ, соціальныхъ, съ философскими и метафизическими ученіями объ измѣненіи, какъ основѣ міра, о томъ, что «все течетъ». Измѣненіе не дано въ чистомъ и обособленномъ видѣ ни въ какомъ конкретномъ или абстрактномъ, естественномъ или историческомъ, научномъ или философскомъ содержаніи.

Непрерывность, какъ основное начало.

Непрерывность есть основное начало. Она проникаетъ всѣ содержанія и не дана ни въ какомъ чистомъ и обособленномъ видѣ. Непрерывность пространства и времени, космическихъ и органическихъ превращеній, психическихъ и историческихъ эволюцій, логическихъ процессовъ и эстетическихъ теченій творчества, содержанія, мысли, чувства, воли—произведена отъ совокупности основныхъ началъ, а не отъ одной лишь чистой непрерывности.

Эволюція, какъ основное начало.

Развитіе, ростъ, прогрессъ, совершенствованіе есть начало основное, не сводимое ни на измѣненіе, ни на сознаніе, ни на постоянство, ни на тождество, ни на превосходство, равенство, низость, ни на одно изъ остальныхъ началъ, которыми всѣми оно опредѣляется. Развитіе не должно смѣшивать, или отождествлять съ производными и поверхностными началами эволюціи космической, геологической, органической, психической, соціальной, съ метафизическими, натуралистическими и апріористическими ученіями объ идеалахъ, цѣляхъ, опредѣленномъ смыслѣ, опредѣленной тенденціи, внутренней закономѣрности, отвлеченныхъ принципахъ и формахъ прогресса, совершенствованія, эволюціи. Развитіе не дано въ чистомъ и обособленномъ видѣ ни въ какомъ содержаніи и содержится вмѣстѣ съ совокупностью остальныхъ началъ во всѣхъ содержаніяхъ.

Мистицизмъ, какъ основное начало.

Таинство, непознаваемость, непроницаемость есть основное начало. Оно опредѣляется совокупностью остальныхъ основныхъ началъ и не сводимо ни на чувство, ни на мысль, ни на волю, ни на созерцаніе, ни на дѣйствительность, ни на тождество, ни на развитіе, ни на взаимодѣйствіе, ни на одно изъ другихъ началъ. Всякій религіозный, эстетическій, метафизическій, научный, психологическій, этическій мистицизмъ, всѣ проблемы,

загадки, антиноміи, пропасти міра, жизни, мысли, чувства, воли созерцанія, всѣ экстазы и глубины душевнаго проникновенія и переживанія Божества, міра, любви, свободы, дно отчаянія и величье безграничнаго блаженства, не представляютъ таинства, какъ основного начала въ чистомъ и обособленномъ видѣ, а произведены отъ совокупности основныхъ началъ, несводимыхъ на таинство и неразрывныхъ съ нимъ. Таинство не содержится ни въ какомъ содержаніи и проникаетъ всѣ безъ исключенія.

Внутренность—Внѣшность тридцати одного начала.

Проведемъ теперь передъ мыслью опредѣляемость—внутренность—каждаго изъ основныхъ началъ всѣми остальными и несводимость—внѣшность—каждаго изъ нихъ на всѣ остальныя и мы получимъ Внутренность—Внѣшность тридцати одного начала слѣдующимъ образомъ:

1. *Дѣйствительность* есть созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, ограниченіе, дополненіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе; непрерывность, развитье.

2. *Созерцаніе* есть дѣйствительность, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, ограниченіе, дополненіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитье.

3. *Мыслъ* есть дѣйствительность, созерцаніе, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность,, цѣльность, ограниченіе, дополненіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе; постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

4. *Чувствованіе* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необ заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, ни ошибка, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, ни-

зость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе. непрерывность, развитіе.

5. *Воля* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, незаблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, ниошибка, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

6 *Индивидуальность* есть дѣйствительность, мысль, созерцаніе, чувствованіе, воля, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, ограниченіе, дополненіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитье.

7. *Вселенство* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, ограниченіе, дополненіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитье.

8. *Тождество* есть дѣйствительность, мысль, созерцаніе, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, ограниченіе, дополненіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитье.

9 *Противоположность* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, ограниченіе, дополненіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитье.

10. *Свобода* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, необходимость, частичность, цѣльность, ограниченіе, дополненіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство; измѣненіе, непрерывность, развитіе

11. *Необходимость* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, частичность, цѣльность, ограниченіе, дополненіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

12. *Частичность* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, цѣльность, ограниченіе, дополненіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

13 *Цѣльность* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимсть, частичность, ограниченіе, дополненіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

14. *Ограниченіе* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

15. *Дополненіе* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, ограниченіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

16. *Истина* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, ограниченіе, дополненіе, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

17. *Заблужденіе* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, сво-

бода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, ограниченіе, истина, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

18. *Добро* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, ограниченіе, истина, заблужденіе, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

19. *Зло* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, ограниченіе, истина, заблужденіе, добро, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

20. *Красота* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, ограниченіе, истина, заблужденіе, добро, зло, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

21. *Безобразіе* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, ограниченіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

22. *Превосходство* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, собода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, ограниченіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

23. *Равенство* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, ограниченіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, ни-

зость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

24. *Низость* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, ограниченіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

25. *Таинство* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, ограниченіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

26. *Параллелизмъ* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, ограниченіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

27. *Взаимодѣйствіе* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, ограниченіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, постоянство, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

28. *Постоянство* есть дѣйствительность, мысль, созерцаніе, чувствованіе, виля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, ограниченіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, измѣненіе, непрерывность, развитіе.

29. *Измѣненіе* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, ограниченіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, непрерывность, развитіе.

30. *Непрерывность* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, ограниченіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, низость, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, развитіе.

31. *Развитіе* есть дѣйствительность, созерцаніе, мысль, чувствованіе, воля, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, свобода, необходимость, частичность, цѣльность, дополненіе, ограниченіе, истина, заблужденіе, добро, зло, красота, безобразіе, превосходство, равенство, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, измѣненіе, непрерывность.

Таковы результаты критики основныхъ началъ.

Самостоятельной задачей религіозно-этическаго творчества является открытіе на основахъ критики началъ—повременныхъ результатовъ критической мысли чистаго разума—верховной цѣли и одухотворяющаго смысла жизни міровой и человѣческой, общежитія и нравственности, науки, философіи, искусства и религіи.

Двѣ формы діалектики.

I.

Историческая форма діалектики.

Во всѣхъ великихъ философскихъ системахъ стараго и новаго временi діалектика занимаетъ центральное мѣсто. Ею связываются различныя части системы, она самый коренъ, самое сердце міровоззрѣнія. Въ системѣ Платона идеи противопоставляются матеріи и примиряются въ конкретныхъ явленіяхъ. Конкретныя явленія распадаются на идеи и матерію, воплощаютъ идеи, одухотворяютъ плоть. Идеи, матерія и явленія вѣчно соединены и вѣчно раздѣлены, вѣчно соединяются и вѣчно противополагаются. Въ основѣ противоположностей лежитъ тождество, въ основѣ тождества лежитъ противоположность. Тому же учитъ Аристотель: формы воплощаются въ матерію, матерія осуществляетъ форму, явленія живутъ духомъ и тѣломъ, примиряя ихъ, претворяя въ себѣ.

Мистическое ученіе христіанства основано, подобно платонизму и неоплатонизму, на діалектикѣ тріединства. Безконечное, конечное и живое, относительное, историческое воплощеніе обоихъ, противополагаются другъ другу, проникаютъ другъ друга и едины другъ во другѣ. Міровая исторія основана на вѣчномъ движеніи во всесущихъ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ.

Система Спинозы основана на безусловномъ единствѣ, вѣчной противоположности и безграничномъ взаимномъ проникновеніи безконечной субстанціи, ея вѣчныхъ атрибутовъ (матеріи и духа) и ея безконечно разнообразныхъ, преходящихъ модусовъ. Лейбницъ признаетъ взаимную непроницаемость, взаимное безграничное отраженіе и проникновеніе и вѣчное взаимодѣйствіе монадъ въ себѣ, въ Богѣ и въ пространственновременной безконечности міровой исторіи. Критицизмъ Канта противополагаетъ разумъ и чувственность, единство и разнообразіе, свободу и необходимость и примиряетъ ихъ въ опытномъ мірѣ явленій, противопоставляя послѣдній, въ свою очередь, обѣимъ противоположностямъ. Фихте устана-

ливаетъ діалектическій законъ міровой исторіи: всякое положеніе вызываетъ противоположеніе, которое примиряется въ высшемъ положеніи, вызывающемъ новое противоположеніе и т. д. Шеллингъ утверждаетъ тождество міровой субстанціи, ея вѣчную противоположность во всѣхъ областяхъ явленій и вѣчное развитіе міра при посредствѣ примиренія противоположностей во все высшихъ формахъ бытія.

Въ системѣ Гегеля діалектическое міровоззрѣніе достигаетъ своего высшаго совершенства. Въ основу міровой жизни кладется вѣчно развивающійся абсолютный духъ. Противорѣчіе провозглашается внутреннимъ неотъемлемымъ закономъ всякаго бытія. Всякое тождество принимается за тождество *противорѣчія* на какой-нибудь опредѣленной и относительной ступени его примиренія, какъ ступень, или моментъ нигдѣ не прекращающагося діалектическаго процесса. Все существующее устойчиво, ибо противорѣчія всюду примирены въ конкретномъ единствѣ бытія; все существующее развивается, ибо неотъемлемыя противорѣчія толкаютъ его безпрерывно впередъ ко все высшимъ формамъ: все существующее разумно, ибо всему присущъ вѣчный и безпредѣльный духъ, безусловное примиреніе противорѣчій, безграничная свобода въ идеальномъ самопроникновеніи.

Всѣ историческія формы діалектическаго міровоззрѣнія опираются на абсолютныя основы, на вѣчные законы и принципы, на сущности и субъекты. Онѣ исходятъ изъ формъ, качествъ и процессовъ вещественнаго міра, открываютъ зависимость послѣдняго отъ чувствъ и разума, присущность ему формъ и законовъ послѣднихъ и относительную самостоятельность его отъ индивидуальныхъ организацій и существъ. Общія понятія и частныя явленія, субъективныя мнѣнія и объективные процессы, дѣйствительность, наука, философія, религія безусловно отождествляются и безусловно противопоставляются, безусловно примиряются и безусловно ограничиваются одни другими. *Въ мышленіи не возникало сомнѣній въ необходимости абсолютныхъ категорій, абсолютныхъ отрицаній и абсолютныхъ утвержденій. Механическое естествознаніе и данныя государственнаго, нравственнаго, религіознаго сознанія исчерпываютъ содержаніе мышленія, и философія организуетъ это содержаніе, устанавливая неопреодолимыя противоположности, непереступимыя границы и пути, на которыхъ возможны примиреніе и устраненіе послѣднихъ.*

Съ распаденіемъ гегелевой школы на правую и лѣвую, съ Контомъ, Спенсеромъ и Дарвиномъ, съ психологическими изслѣдованіями происхожденія пространственно-временныхъ представленій и понятій, съ разви-

тіемъ историческихъ и общественныхъ наукъ въ XIX в. наступаетъ *отрицательная критика* основъ стараго діалектическаго и *подготовленіе* совершенно новой формы міровоззрѣнія. На первый планъ выступаетъ понятіе *относительности*, которымъ критически разрушаются всѣ абсолютныя понятія и утвержденія, всѣ абсолютные законы и идеалы, весь строй стараго метафизическаго, религіознаго и нравственно-правового мышленія. Все оказывается относительнымъ къ человѣку, *къ индивидуальности, къ психо-физіологической организаціи*, къ конкретнымъ ступенямъ міровой іерархіи, къ средѣ, къ ступени и формѣ развитія, къ историческому моменту, къ формамъ производства и обмѣна. Всѣ области исторической жизни человѣчества и, далѣе, всѣ области и царства органической и неорганической природы изучаются въ ихъ взаимныхъ связяхъ и зависимостяхъ, въ ихъ взаимныхъ вліяніяхъ и въ ихъ измѣнчивости, въ разнообразіи ихъ формъ и ступеней развитія. Всюду измѣненіе, развитіе, относительность, разнообразіе формъ оказываются неотъемлемыми и всеобщими, всюду выступаетъ наружу неумѣстность и устарѣлось абсолютныхъ формъ мышленія. Біологія, психологія и соціологія вырабатываютъ новыя основныя понятія, игнорированныя или считавшіяся второстепенными въ старой философіи: понятія *части и цѣлаго, постепенности, параллелизма, борьбы и сотрудничества, іерархіи, непознаваемаго, индивидуальности и общности,—независимыя и отличныя отъ сознанія и отъ дѣйствительности.*

Но, несмотря на новизну и на богатство точекъ зрѣнія и положительныхъ данныхъ, ученія Фейербаха, Бауэровъ, Штирнера, Маркса, Конта, Спенсера, Дарвина, Фехнера, и т. д. до Ницше включительно не представляютъ собою законченнаго, новаго міровоззрѣнія. Ихъ догматическія ученія отступаютъ на второй планъ въ сравненіи со значеніемъ ихъ критическаго разрушенія старыхъ основъ мышленія во всѣхъ областяхъ и съ положительными данными и новыми точками зрѣнія, которыми они обогатили мысль. Попытки продумать до конца, свести въ цѣльное міровоззрѣніе ихъ ученія, исключительно съ ихъ собственной точки зрѣнія, приводятъ неминуемо назадъ къ устарѣлымъ формамъ и системамъ, которыя они такъ побѣдоносно разрушали, приводятъ назадъ къ матеріализму или къ спиритуализму, къ критической или къ догматической метафизикѣ, къ Канту или къ Гегелю. Единственно справедливое отношеніе къ оригинальнымъ мыслителямъ XIX в. возможно лишь съ точки зрѣнія ихъ *переходнаго* значенія между двумя великими эрами человѣчества. Они разрушаютъ старое и подготовляютъ новое. Они точно остаются висѣть въ воздухѣ, под-

капывая почву подъ собственными ногами, героически подвигаясь впередъ, безъ надежды на скорый отдыхъ, на новую, родную землю.

Соединить въ единое ученіе и обосновать до послѣднихъ глубинъ завѣтныя стремленія и богатый опытъ предыдущаго вѣка является задачей XX вѣка. Намѣтимъ въ общихъ чертахъ, какъ намъ представляется это новое міровоззрѣніе.

II.

Современная форма діалектики.

Высшему объединенію современнаго міровоззрѣнія приходится выдержать испытаніе громаднаго и сложнѣйшаго матеріала предлежащей намъ положительной дѣйствительности. Оно должно одинаково безусловно принимать во вниманіе міръ неорганическій, какъ его открываютъ современныя астрономія, физика, химія, геологія: въ его пространственныхъ и временныхъ безконечностяхъ, въ его космическихъ превращеніяхъ и образованіяхъ, въ его основныхъ законахъ и силахъ, въ неразрушимости, единствѣ и качествахъ его силъ и элементовъ; міръ органическій въ его единствѣ, въ разнообразіи его формъ, въ законахъ его развитіи и сосуществованія въ царствѣ, родѣ и индивидѣ; разнообразіе расъ, племенъ, народовъ, государствъ въ связи съ почвой, климатомъ, географическимъ положеніемъ, матеріальными условіями жизни; аффективную, волевую, чувствительную, разсудочную жизнь животныхъ и людей, созданія культуры, техники и искусства, міры религіознаго, художественнаго, правового, государственнаго, философскаго и научнаго творчества; развитіе, разнообразіе и сосуществованіе вѣрованій, ученій, правилъ, идеаловъ, областей духовной жизни; связи и расчлененія наукъ абстрактныхъ и конкретныхъ, физическихъ и соціальныхъ, психологическхъ и философскихъ, теоретическихъ и прикладныхъ; ученія и попытки новыхъ формъ жизни, мысли и вѣры. Если послѣдній объединяющій принципъ не включитъ какого-либо изъ этихъ данныхъ, не окажется способнымъ объяснить его природу и совокупность его отношеній къ остальнымъ даннымъ, то онъ несостоятеленъ и непригоденъ для окончательнаго синтеза культуры и мысли, жизни и вѣры.

Мы намѣтимъ здѣсь нашу объединяющую мысль, указавъ на невозможность объединенія совокупной дѣйствительности какимъ-нибудь *опредѣленнымъ* даннымъ элементомъ ея и на *общую причину* этой невозможности. Послѣдняя, вслѣдствіе ея безусловной общности и отвлеченности, и окажется высшей объединяющей идеей всего современнаго міровоззрѣнія.

Матеріализмъ основываетъ на безусловной общности и всесущности, на неограниченномъ примѣненіи и на независимости законовъ и элементовъ неорганическаго міра утвержденіе о возможности объединенія послѣдними всей дѣйствительности. Но онъ неправъ, такъ какъ законы, формы, содержанія міровъ органическаго и психическаго, соціальнаго и идеологическаго *независимы и несводимы* на законы, силы и элементы неорганическаго міра и оказываются также безусловно общими, всесущими и неограниченно примѣнимыми, какъ и послѣдніе. Въ этомъ и лежитъ причина кажущейся безусловной неопровержимости и, одновременно, безусловной несостоятельности матеріализма. *Внутренняя безграничность и всеобщность, независимость и непроницаемость какого-либо одного содержанія можетъ сосуществовать съ внутренней безграничностью и всеобщностью, независимостью и непроницаемостью любого другого содержанія безъ всякаго внѣшняго отношенія между этими содержаніями.* Всѣ попытки положить какое-нибудь опредѣленное начало всеобщимъ и объединяющимъ смысломъ совокупной міровой жизни оказываются въ себѣ совершенно неопровержимыми и въ то же время радикально отрицаются безграничной способностью всякаго другого начала быть подобнымъ же всеобъемлющимъ смысломъ и его фактическимъ дѣйствіемъ въ этомъ направленіи изъ себя на весь міръ.

Такъ исторія духовной жизни прошедшаго и нашего времени показываетъ самоувѣренныя попытки положить разнообразнѣйшія начала въ основу міровой жизни. Рядомъ съ механическимъ мировоззрѣніемъ витализмъ стремится провозгласить органическій міръ прототипомъ мірозданія. Психологи строятъ вселенную изъ ощущеній и стремленій, изъ представленій и чувствованій, изъ страстей и мыслей. Соціологи утверждаютъ міровую всеобщность борьбы и сотрудничества, іерархіи и безсознательныхъ силъ, индивидуальности и вселенства. Антропологи на небѣ и на землѣ, въ Богѣ и въ дьяволѣ, въ червѣ и въ травкѣ находятъ человѣка и лишь человѣка. Позитивисту-ученому всюду видится какая-либо область, какой-либо предметъ науки: ему никакъ не удается выбраться изъ всеобъемлющей, всепроникающей науки. Творческое искусство созерцаетъ во всей природѣ, во всей мировой исторіи произведеніе творческаго генія, совершенно ему подобнаго, предъ которымъ оно себя видитъ равносильнымъ и равноцѣннымъ, подобно ему безграничнымъ и свободнымъ. Религіозное сознаніе видитъ изъ глубины души повсемѣстное дѣйствіе и бытіе безграничнаго Святого Духа, котораго она не можетъ отличить отъ собственнаго созерцающаго, чувствующаго, мыслящаго, желающаго и дѣйствующаго сознанія и отъ

собственной духовной личности. Философъ, наконецъ, создаетъ безграничный и всеобъемлющій міръ исключительно изъ отвлеченныхъ идей, представляющихъ въ своей совокупности и въ своемъ единствѣ объемлющій синтезъ данной ему дѣйствительности, но безслѣдно уничтоженный во всѣхъ идеяхъ низшаго порядка и во всѣхъ явленіяхъ и созданіяхъ міра одухотвореннаго и неодухотвореннаго, пространственнаго и временнаго.

Невозможность положить какое бы то ни было опредѣленное начало въ основу совокупной міровой жизни возстаетъ съ особенной ясностью при взглядѣ на высшія общія начала, выработанныя XIX вѣкомъ въ различныхъ областяхъ, и въ его попыткахъ отрицательной критики стараго и подготовки новаго міровоззрѣнія. Эти начала суть слѣдующія 31: *Дѣйствительность, Понятіе, Созерцаніе, Чувствованіе, Воля, Индивидуальность, Вселенство, Тождество, Противоположность, Свобода, Необходимость, Частичность, Цѣльность, Ограниченіе, Дополненіе, Истина, Заблужденіе, Добро, Зло, Красота, Безобразіе, Превосходство, Равенство, Низость, Таинство, Параллелизмъ, Взаимодѣйствіе, Постоянство, Измѣненіе, Непрерывность, Развитіе.* Каждое изъ этихъ началъ несводимо на всѣ остальныя начала и неотъемлемо присутствуетъ во всѣхъ родахъ міровыхъ явленій. Всякая попытка положить одно или нѣсколько изъ нихъ, какъ исключительную основу совокупной міровой жизни, терпитъ крушеніе не на ограниченности приложенія и бытія этого или этихъ началъ, а на одинаковой всеобщности и неограниченности безусловно отъ нихъ независимыхъ, на нихъ безусловно несводимыхъ остальныхъ началъ.

Такимъ образомъ, общая причина невозможности объединить міровую жизнь какимъ-нибудь опредѣленнымъ началомъ лежитъ — въ противоположность ученію исторической формы діалектическаго міровоззрѣнія—не въ ограниченности, а въ *неограниченности*, не въ посредственности, а въ *непосредственности*, не въ тождествѣ, а *въ безграничной проникновенности*, не во внѣшности (феноменальности), а *во внутренности*, не въ разноцѣнности, а *въ равноцѣнности* всѣхъ, безъ исключенія, опредѣленныхъ началъ, единствъ, содержаній. Изъ подобнаго отношенія *всѣхъ содержаній ко всѣмъ содержаніямъ во всѣхъ смыслахъ и направленіяхъ* вытекаетъ единая всеохватывающая идея, конечный и постоянный смыслъ всей міровой жизни во всѣхъ ея формахъ: *единство неограниченности и ограниченности, непосредственности и посредственности, безграничной проникновенности и тождества, внутренности и внѣшности, равноцѣнности и разноцѣнности.*

Это единство *неразложимо и повсемѣстно*. Оно радикально отличается отъ единства стараго діалектическаго міровоззрѣнія тѣмъ, что не опирается ни на какія опредѣленныя основы, начала, законы, субъекты, формы или отношенія. Если старое діалектическое міровоззрѣніе было во всѣхъ смыслахъ и направленіяхъ *трансцендентнымъ*, то новое во всѣхъ смыслахъ и направленіяхъ *имманентно: діалектика любви, а не тождества, свободы, а не зависимости; сущности, а не явленія; равноцѣнности, а не прогресса.*

ОЧЕРКИ и НАБРОСКИ.

Діалектика и музыка.

Діалектика есть противоборство, разладъ, борьба, противорѣчіе, внѣшность безъ тождества, единства, сочетанія, гармоніи, примиренія внутренности; а музыка есть тождество, единство, сочетаніе, гармонія, примиреніе, внутренность безъ противоборства, противорѣчія внѣшности. Діалектика есть единство, исполненное противоборства, а музыка—противоборство, введенное въ единство. Діалектика есть вѣчное противоборство, а музыка—вѣчность безъ противоборства.

Но діалектика и музыка находятся въ противорѣчіи, которое не можетъ быть діалектичнымъ, и въ единствѣ, которое не можетъ быть музыкальнымъ. Противоборство діалектики перестаетъ быть противоборствомъ въ музыкѣ, и все противополагается музыкѣ, въ формѣ болѣе не діалектической. Единство музыки становится противоборствомъ въ діалектикѣ, и все же остается единымъ въ ней, въ формѣ болѣе не музыкальной. Противоборство и единство противоборства и единства, внѣшности и внутренности растворяютъ въ себѣ до основанія единство всѣхъ противоборствъ и противоборство всѣхъ единствъ, ибо послѣднія противополагаютъ всему внѣшнему—внутренность внутренности, всякому внутреннему—внѣшность внѣшности, всякому раздвоенію единаго—единство единаго и всякому объединенію раздвоеннаго—раздвоеніе раздвоеннаго.

Въ единствѣ діалектики и музыки всѣ противоборства объединены *безъ противоборства* и всѣ единства противопоставлены *безъ единенія*.

До тѣхъ поръ, пока всѣ противоположности объединялись въ ихъ противоположности и всѣ единства въ ихъ единствѣ, всѣмъ противоположностямъ *преграждали путь* единства, а всѣмъ единствамъ—противоборства. Для того, чтобы противоборство безгранично и до основанія проявляло свою противоположность музыкѣ, а единство также безгранично и до основанія проявляло свое единеніе съ діалектикой, *всѣ объединенныя противоборства и всѣ внутренно раздвоенныя единства должны быть преодолѣны объединенiемъ противоположности* **лишенной единства**, *съ единствомъ* **лишеннымъ противополо-**

жности, *объединеніемъ, въ которомъ противоположность,* **лишенная единства** *совпадетъ съ единствомъ,* **лишеннымъ противоположности**, *они должны быть преодолены такъ, чтобы преодолѣнное—въ данномъ случаѣ, противоборства и единства—ни коимъ образомъ не уничтожались бы въ высшемъ единствѣ и никоимъ образомъ также не утверждались, примирялись, опровергались въ вышемъ единствѣ.*

Преодолѣніе всѣхъ противоположностей и всѣхъ единствъ должно вытекать изъ того духа, который происходитъ изъ объединенія діалектики и музыки, безграничнаго «да» и безграничнаго «нѣтъ», безграничнаго «внѣ» и безконечнаго «внутри», и который въ безграничной, безконечной, безусловной, дѣйствительной, непосредственной живой тождественности-противоположности, трансцендентности-имманентности, любви, не знаетъ никакихъ противоположностей и никакихъ единствъ, никакихъ единствъ противоположностей и никакихъ противоположностей единствъ, ибо послѣднія въ немъ поглощены въ единствѣ всего и ничего, любовью проникнуты преодолѣнія любви, тождественно-противоположны въ тождественности-противоположности, трансцендентны-имманентны въ трансцендентности-имманентности. Діалектически невозможныя единства и музыкально невозможныя двойственности, діалектически невозможная музыка и музыкально невозможная діалектика становятся возможными, вмѣстѣ и въ отдѣльности, какъ въ себѣ самихъ, такъ и въ музыкѣ и въ діалектикѣ, въ собственной сущности послѣднихъ — тождественно-противоположнымъ объединеніемъ безгранично углубленныхъ и расширенныхъ діалектики и музыки, или—безграничнымъ углубленіемъ и расширеніемъ послѣднихъ въ ихъ тождественно-противоположномъ единствѣ. Глубокое единство діалектики и музыки, противоположностей и единствъ вообще, уже не противорѣчитъ болѣе, а совпадаетъ въ высшемъ, болѣе не музыкальномъ и болѣе не діалектичномъ, а тождественно-противоположномъ, сведенномъ ко всеничто единствѣ, съ глубокой противоположностью діалектики и музыки, противоборства и единствъ вообще. И это преодолѣніе, раствореніе, обоснованіе, оправданіе, освобожденіе діалектически-музыкальной проблемы несравненно глубже и безусловнѣе, чѣмъ могутъ быть всякое діалектическое примиреніе и музыкальное углубленіе, ибо этимъ преодолѣна какъ сама проблема, такъ и діалектика и музыка, и всѣ противоборства и единства вообще сведены къ безусловному единству, и ничто не примирено, не увѣковѣчено, не утверждено, не отмѣнено имъ. Во всеничто все абсолютное и относительное, всѣ переходныя ступени, этапы, примиренія, всѣ углубленія, избавленія и неизбѣжности, всѣ мистическія, эстетическія, рели-

гіозныя, этическія, научныя объясненія, пониманія, содержанія и формы жизни и духа суть единства всего и ничего.

Единствю діалектики и мызыки, такимъ образомъ, *діалектически-музыкально* именно потому, что оно есть *единство* діалектики и музыки, противоборства и единства.

Смыслъ и цѣль міровой жизни.

Имѣетъ ли бытіе смыслъ и цѣль? Какими путями можно проникнуть въ смыслъ и цѣль бытія? Каковы смыслъ и цѣль бытія?—вотъ вопросы, которые человѣческая мысль не переставала и не перестаетъ задавать и на отвѣтѣ на которые покоились и покоятся человѣческія общежитіе и нравственность, наука и философія, искусство и религія. Отъ первобытнаго фетишизма, анимизма, полетеизма и древнихъ монотеизма и буддизма до христіанства, мистицизма, натурализма, индивидуализма, универсализма, оптимизма, пессимизма, идеализма, матеріализма, критицизма, позитивизма, эволюціонизма движущей силой мышленія и міровоззрѣнія и ихъ конечнымп цѣлями являются эти вопросы и попытки отвѣтить на нихъ. Человѣчество видѣло и видитъ смыслъ и цѣль жизни въ борьбѣ съ врагомъ и въ побѣдѣ надъ нимъ; въ соціальномъ превосходствѣ и въ стремленіи къ нему; въ честолюбіи и въ славѣ; въ семейственномъ оплодотвореніи и въ богатствѣ и въ стремленіяхъ къ послѣднимъ; въ нирванѣ и въ стремленіи къ ней; въ любви и въ страданіяхъ; въ самоотверженіи во имя Божества и въ стремленіи къ отождествленію съ Божествомъ; въ великихъ законахъ безконечной природы и въ стремленіи къ подчиненію этимъ законамъ; въ самоопредѣленіи, самоуправленіи, внутренней свободѣ личности и въ стремленіяхъ къ послѣднимъ; въ господствѣ человѣческой и міровой справедливости и въ стремленіи подчиниться и примириться съ ними; въ совершенствѣ и гармоніи вселенной и въ стремленіи къ полному оправданію и обожанію ея; въ безсмысленномъ стремленіи и въ освобожденіи отъ него при помощи разума; въ безконечномъ ростѣ ко все высшей духовности, любви, единству вселенной и въ постиженіи безконечнаго духа, безконечной любви и безконечнаго единства; въ міровой устойчивости и безсознательности и въ стремленіи къ равновѣсію и къ тождеству съ міровымъ закономъ; въ ограниченіи разума ирраціональными факторами и въ стремленіи къ безграничному господству разума, справедливости, единства; въ относительности и антропологичности міра явленій и въ стремленіи подчинить его цѣли солидарности и развитія человѣчества; въ безконечной устойчивости

и вѣчномъ развитіи и въ стремленіи ко все болѣе объемлющимъ, солидарнымъ и самодовлѣющимъ продуктамъ эволюціи.

Современный отвѣтъ на эти вопросы представляется намъ слѣдующимъ образомъ:

Имѣетъ ли бытіе смыслъ и цѣль?

Нѣтъ, если мы захотимъ понять самое бытіе въ его совокупности, какъ идею или цѣль, составляющія сущность и основу всего происходящаго, руководящія извнутри бытія всѣмъ сущимъ. Такой идеи или цѣли мы не можемъ признавать, такъ какъ знаемъ о существованіи безчисленнаго множества разнообразныхъ идей и цѣлей и должны признать въ сущемъ другія основныя начала, кромѣ идей и цѣлей, съ послѣдними неотождествимыя и одинаково съ ними опредѣляющія сущее. Бытію не присущи ни опредѣленный внутренній смыслъ, ни опредѣленная внутренняя цѣлесообразность.

Нѣтъ, если захотимъ понять смыслъ и цѣль бытія въ смыслѣ существованія внѣ природы и человѣчества надзвѣзднаго міра идей и цѣлей, проникающихъ, руководящихъ и опредѣляющихъ бытіе и движеніе сущаго согласно своему вѣчному, независимому отъ всего преходящаго и низменнаго, значенію и разуму. Внѣ природы и человѣчества, внѣ даннаго міра не существуетъ идей или цѣлей. Послѣднія переплетены съ совокупностью міровой жизни, въ которой онѣ даны какъ начала, существующія возлѣ другихъ началъ и не исчерпывающія совокупности началъ, опредѣляющихъ міровую жизнь.

Нѣтъ, наконецъ, если захотимъ понять смыслъ и цѣль бытія, какъ вѣчныя идеи и цѣли, свойственныя душевной природѣ человѣчества, чуждыя остальной природѣ и служащія вѣчными руководящими свѣточами для прогресса человѣчества. Человѣчество во всемъ своемъ бытіи, развитіи и исчезновеніи глубочайшимъ образомъ переплетно со всей остальной природой. Природѣ не можетъ быть абсолютно чуждо ничто человѣческое. Человѣчеству не можетъ быть присуще ничто абсолютно чуждое природѣ. Всѣ идеи и цѣли, которыми руководится человѣчество, цѣликомъ стоятъ въ круговоротѣ сущаго, одной возлѣ многихъ движущихъ силъ котораго являются и онѣ.

Да, если мы понимаемъ подъ смысломъ и цѣлью бытія какое бы то ни было опредѣленное *міровоззрѣніе* человѣчества или природы (поскольку мы должны признать существованіе мысли и воли во всей природѣ), имѣющее своимъ содержаніемъ совокупность бытія и въ своемъ внутреннемъ бытіи, какъ міровоззрѣніе, *охватывающее всю душу, все сознаніе и превра-*

щающееся въ душѣ въ постиженіе смысла сущаго для разума, созерцанія и чувства, цѣли сущаго для воли.

Этимъ опредѣляется отвѣтъ и на второй вопросъ: какими путями можно проникнуть смыслъ и цѣль бытія? *Должно достигнуть совершенной ясности о сущности міровой жизни и глубоко проникнуться ею.* Тогда сознаніе сути бытія превратится для мысли, созерцанія и чувства въ пониманіе его смысла, для воли—въ знаніе его цѣли.

Сущность міровой жизни представляется мнѣ, какъ неразрывная связь, взаимная безусловная опредѣляемость (внутренность), взаимная безусловная несводимость и самостоятельность (внѣшность), какъ внутреннюсть-внѣшность слѣдующихъ тридцати одного начала: Дѣйствительность, Созерцаніе, Мысль, Чувствованіе, Воля, Индивидуальность, Вселенство, Тождество, Противоположность, Свобода, Необходимость, Дополненіе. Ограниченіе, Частичность, Цѣльность, Истина, Заблужденіе, Добро, Зло, Красота, Безобразіе, Параллелизмъ, Взаимодѣйствіе, Таинство, Превосходство, Равенство, Низость, Постоянство, Измѣненіе. Непрерывность и Развитіе.

Проникнувшись этимъ міровоззрѣніемъ, я отвѣчаю на вопросъ о томъ, каковы смыслъ и цѣль бытія, слѣдующее:

Смыслъ бытія есть *вѣчная чистота и свобода всякаго существа въ вѣчномъ очищеніи и освобожденіи его.* Цѣль бытія есть *вѣчное очищеніе и освобожденіе всякаго существа въ его вѣчной чистотѣ и свободѣ.*

Вѣчная чистота и свобода въ вѣчномъ очищеніи и освобожденіи, вѣчное очищеніе и освобожденіе въ вѣчной чистотѣ и свободѣ—вотъ смыслъ и цѣль жизни міровой и человѣческой, общежитія и нравственности, науки и философіи, искусства и религіи.

Попытаюсь нѣсколько подробнѣе показать и уяснить это ученіе.

Смыслъ бытія не можетъ заключаться, какъ то утверждаютъ реализмъ, натурализмъ и матеріализмъ, въ торжествѣ дѣйствительности, и цѣль бытія—въ стремленіи къ этому торжеству, такъ какъ дѣйствительность неисчерпаемо содержитъ въ себѣ сознаніе, индивидуальность, вселенство, тождество, противоположность, причинность, относительность, дополненіе, борьбу, истину, заблужденіе, добро, зло, красоту, безобразіе, іерархію, таинство, параллелизмъ, взаимодѣйствіе, постоянство, непрерывность, измѣненіе, развитіе и въ то же время не сводится ни на одно изъ послѣднихъ и отрицается каждымъ изъ нихъ. Торжество дѣйствительности есть необходимо и торжество всѣхъ остальныхъ основныхъ началъ: т. е. и отрицаніе совокупностью остальныхъ тридцати началъ торжества тридцать перваго на-

чала дѣйствительности. Стремленіе къ торжеству дѣйствительности необходимо является и стремленіемъ къ его пораженію и поглощенію остальными началами.

Смыслъ бытія не можетъ заключаться, какъ то утверждаютъ идеализмъ и спиритуализмъ, въ торжествѣ сознанія—созерцанія, мышленія, чувствованія, воли—и цѣль жизни—въ стремленіи къ этому торжеству, такъ какъ сознаніе неразрывно связано съ совокупностью остальныхъ началъ. Его торжество необходимо ведетъ за собой торжество послѣднихъ и въ торжествѣ остальныхъ началъ дано отрицаніе торжества сознанія. Изъ внутренности-внѣшности 31-го начала, составляющей исчерпывающую сущность всей міровой жизни, во всѣхъ ея проявленіяхъ во всѣ времена—слѣдуетъ вообще невозможность торжества какого-либо изъ основныхъ началъ, такъ какъ торжество каждаго изъ нихъ есть одновременно и его отрицаніе. Слѣдовательно, и стремленіе къ торжеству какого-либо изъ основныхъ началъ есть одновременно и стремленіе къ его отрицанію.

Такимъ образомъ, смысломъ и цѣлью міровой жизни не можетъ быть, подобно дѣйствительности и сознанію, ни одно изъ неразрывныхъ, внутренне-внѣшнихъ основныхъ началъ ея.

Если сущность міровой жизни заключается во *внутренности-внѣшности* ея 31-го начала, то смыслъ и цѣль ея должны заключаться въ этой внутренности-внѣшности, а не въ какомъ-либо одномъ изъ началъ, взятыхъ въ чистомъ и обособленномъ, т. е. не существующемъ, видѣ. Всякое содержаніе міровой и человѣческой жизни, общежитія и нравственности, науки и философіи, искусства и религіи—будь то планета или атомъ, кристаллъ, или камень, элементъ или синтезъ, неорганическое или органическое тѣло, клѣтка, растеніе или животное, человѣкъ или народъ, хозяйство или религія, техника или наука, сознательное или безсознательное, мысль или ощущеніе, разумъ или насиліе, борьба или кооперація, прогрессъ или упадокъ, философская система или суевѣріе, мистическая вершина и глубина души или поверхностно-безсознательное подчиненіе инстинктамъ и традиціямъ и т. д., и т. д.—произведено изъ *совокупности* 31-го основного начала, не содержитъ ни одного изъ послѣднихъ въ чистомъ и обособленномъ видѣ и не сводится ни на одно изъ нихъ въ отдѣльности. Но подобная структура дѣлаетъ всякое содержаніе вѣчно чистымъ и свободнымъ при вѣчномъ очищеніи и освобожденіи, вѣчно очищающимся и освобождающимся при вѣчной чистотѣ и свободѣ. Внѣшность каждаго изъ началъ, въ которыхъ всякое содержаніе произведено совокупностью остальныхъ началъ, есть основа чистоты и свободы каждаго содержанія по

отношенію къ каждому изъ началъ. Изъ внутренности же основныхъ началъ другъ другу, неразрывной отъ ихъ внѣшности, слѣдуетъ, что вытекающая изъ ихъ внѣшности чистота и свобода всякаго содержанія не можетъ существовать иначе, какъ вѣчное, безусловное очищеніе и освобожденіе всякаго содержанія. Такимъ образомъ чистота и свобода существуетъ не возлѣ, внѣ, надъ очищеніемъ и освобожденіемъ, а лишь въ послѣднихъ. Очищеніе же и освобожденіе существуютъ въ свою очередь лишь въ чистотѣ и свободѣ. Вытекая изъ внутренности-внѣшности всеисчерпывающихъ и всеобъемлющихъ міровыхъ началъ, чистота и свобода не могутъ ни изгнать очищенія и освобожденія, ни съ ними отождествиться, и наоборотъ. Чистота и свобода не ограничиваютъ, не исключаютъ, не подчиняютъ себѣ очищенія и освобожденія; а очищеніе и освобожденіе не стремятся, не ищутъ, не имѣютъ внѣ себя чистоты и свободы.

Все въ мірѣ сущее, безъ исключенія, чисто и свободно! Все въ мірѣ сущее, безъ исключенія, очищается и освобождается! Чисты и свободны *одинаково* міръ неорганическій и органическій, міръ историческій и соціологическій. Очищаются и освобождаются *одинаково,* вѣчно, безусловно всѣ эти міры, такъ же, какъ всѣ міры въ вѣчности возникшіе и погибшіе, имѣющіе возникнуть и погибнуть. Чисты и свободны всѣ сознательные и безсознательные процессы, всѣ поступки и мысли, и желанія, и чувства, всѣ жестокости и всѣ преступленія, все трагическое, комическое и безсмысленное! Нуждаются въ вѣчномъ очищеніи и освобожденіи и вѣчно очищаются и освобождаются все сознательное и безсознательное, все великое и святое, все геройское и прекрасное, все оправдывающее и спасающее такъ же, какъ и все жестокое, преступное, безобразное! Верховная цѣль міровой жизни, это—вѣчное очищеніе и освобожденіе, одухотворяющій смыслъ міровой жизни, это—вѣчная чистота и свобода. Но не должно забывать, что ученіе о смыслѣ и цѣли жизни есть религіозно-этическое и эстетическое претвореніе результатовъ объективно-философскаго міровоззрѣнія въ проникнутой послѣднимъ душѣ. Не должно отождествлять чистоты и свободы съ какимъ-нибудь изъ основныхъ началъ, напр., съ причинной свободой, съ сознаніемъ, или съ таинствомъ, или съ превосходствомъ и т. д., ни отождествлять очищеніе и освобожденіе съ развитіемъ, прогрессомъ, съ измѣненіемъ, съ сознаніемъ и т. д. Смыслъ и цѣль міровой жизни суть содержанія *живыя,* произведенныя совокупностью основныхъ началъ бытія и, слѣдовательно, сами вѣчно чистыя и свободныя, вѣчно очищаются и освобождаются.

Истина и любовь.

Я никогда не отступалъ отъ истины во имя любви! Я никогда не отступалъ отъ любви во имя истины! Истина есть любовь- Любовь—единственная, вѣчная истина! Я нашелъ сліяніе этихъ двухъ вѣчно враждующихъ началъ! Они вѣчно враждуютъ между собою, такъ какъ *любятъ*. Они вѣчно ищутъ другъ друга и слиты во всякомъ бытіи и во всякомъ откровеніи бытія, потому что любовь есть истина и потому что истина есть вся—любовь.

Спокойно, безъ недовѣрія, безъ сомнѣнія, безъ отчаянія смотримъ мы на прошедшее, настоящее и будущее вселенной, ибо знаемъ, что надъ ними царитъ нераздѣльно духъ любви. Не проклинаемъ невѣріе, судьбу, смерть, страданіе, отчаяніе, духъ народовъ и злосчастныхъ ученій, и благославляемъ науку, искусство, культуру, государство, законы, нравы и нравственность, всѣ мудрости и всѣхъ святыхъ, всѣ страсти и всѣ пороки, гибель человѣчества и душевныхъ міровъ, нашу слѣпость, наше безсиліе, нашу несправедливость, наше безобразіе, нашу злость и нашу смерть.

Примиреніе истины и любви вѣчнымъ духомъ любви покажетъ путь наивысше развитому человѣчеству ближайшаго будущаго. Къ этому примиренію стремится современное человѣчество въ своихъ теченіяхъ и пророкахъ. Цивилизація будущаго будетъ построена не на верховенствѣ какого-либо одного опредѣленнаго начала—личнаго, общественнаго, разрушительнаго, фаталистически-религіознаго, христіанскаго, позитивистически-научнаго, философскаго, эстетическаго или мистическаго,—а на *любви,* на самоотверженіи всѣхъ началъ во имя остальныхъ и на самоутвержденіи всѣхъ началъ въ бытіи всѣхъ остальныхъ. Всѣ мудрости, умѣнія, добродѣтели, спасенія не будутъ бороться между собою во имя *единственныхъ* мудрости, умѣнія, добродѣтели, спасенія—а будутъ *любя* отрицать другъ друга, *любя* признавать другъ друга.

Міроотношенія.

Художественное. Всякое твореніе божественно и прекрасно! Мораль религія, наука, философія, общественная жизнь, страданія, смерть божественны и прекрасны потому, что онѣ суть прозрачныя олицетворенія божественной красоты такъ же, какъ и вся природа, какъ и всякая песчинка, какъ и всякая пылинка. Нѣтъ добра, нѣтъ зла, нѣтъ истины,

нѣтъ лжи, нѣтъ цѣли, нѣтъ идеала, нѣтъ отчаянія, нѣтъ преступленія! Есть лишь безбрежная, созерцаемая, испытанная, пережитая, передуманная, выстраданная красота. Душа безгранична, какъ міръ. Она объемлетъ въ себѣ всѣ существа, всю природу, всѣ чувства и всѣ мысли, всѣ геройства и всѣ преступленія—и все въ ней сверкаетъ вѣчной красотой, все въ ней проникнуто прозрачнымъ свѣтомъ внутренняго неотъемлемаго божественнаго бытія, которое есть истина и правда, и цѣль, и смыслъ, и вѣчное наслажденіе самимъ собой въ самомъ себѣ!

Религіозное. Все въ мірѣ сущее, живущее и чувствующее несвободно и нечисто, и неустанно жаждетъ освобожденія и очищенія. Все земное вѣчно стремится къ Богу и осуждено на вѣчныя муки жажды недостижимаго. На землѣ, въ мірѣ конечнаго бытія, нѣтъ ничего совершеннаго, ничего цѣннаго и самодовлѣющаго. Жалки и бренны человѣческое знаніе, человѣческое умѣніе и чувство, и величіе! Жалки и бренны всѣ человѣческія стремленія къ объятію безконечнаго, къ безконечной любви, къ свободѣ, къ чистотѣ, къ святости, къ геройству, къ самоотверженію! Смерть, исчезновеніе, безжалостная иронія судьбы, уничтожающія противорѣчія и противодѣйствія слѣдуютъ по пятамъ за всякимъ земнымъ стремленіемъ, за всякимъ земнымъ величіемъ. Смыслъ земнаго бытія заключается поэтому въ постиженіи всякимъ конечнымъ существомъ, судьбою, инстинктивною жаждою, чувствомъ, волею, созерцаніемъ, разумомъ—необходимости освобожденія и очищенія міра отъ его безконечно жалкаго, несовершеннаго, нечистаго и несвободнаго бытія.

Мистическое. Земля и небо, Богъ и тварь, ограниченный міръ душевнаго свѣта и окружающая его безграничная тьма внѣдушевнаго міра *совершенно тождественны* и существуютъ лишь одинъ въ другомъ, одинъ для другого, одинъ при помощи другого. Индивидуальное и вселенское, сознательное и дѣйствительное, вѣчное и преходящее, высшее, низшее и равное, частичное и цѣльное, свободное и обусловленное, гармоничное и борющееся, тождественое и противоположное, таинственное и отражающее, взаимодѣйствующее, развивающееся, непрерывное — растворены другъ въ другѣ, неисторжимо проникаютъ другъ друга и исчерпываютъ все и всякое сущее изъ вѣковъ во вѣки.

Философское. Мысль о судьбѣ, структурѣ и процессѣ сущаго приводитъ *къ смиренію и безконечному самоограниченію.* Ни въ какомъ изъ содержаній, глубинъ, высотъ и горизонтовъ души, ни въ какой изъ дѣйствительныхъ и мыслимыхъ побѣдъ и расширеній послѣдней и ни въ какомъ изъ міровъ земныхъ и надзвѣздныхъ или въ сверхчеловѣкѣ и Богѣ не

мыслимо осуществленіе чего-либо абсолютно прочнаго, цѣннаго, дѣйствительно само въ себѣ существующаго и дѣйствительно изъ вѣковъ во вѣки поющаго благодарную пѣснь своего бытія. Богъ есть миражъ мысли и міра; мысль, міръ и всякое твореніе до самыхъ своихъ корней проникнуты и растворены вѣчнымъ переливомъ и переплетеніемъ неисторжимыхъ и бездонныхъ многозначныхъ началъ, которыя все глубже и полнѣе познать и является цѣлью и блаженствомъ мысли.

Научное. Опытъ, наблюденіе, описаніе, классификація, сведеніе на общіе и элементарные законы непосредственно даннаго жизненнаго—чувственнаго, разумнаго, волевого, эмоціональнаго—содержанія дѣйствительности не зависятъ ни отъ какихъ гносеологическихъ познаній и открытій цѣнности или объективнаго значенія науки. Положительно данная дѣйствительность неотразимо требуетъ научнаго описанія и объясненія. Наукѣ совершенно безразличны претворенія данной дѣйствительности въ художественномъ, религіозномъ, мистическомъ и философскомъ сознаніяхъ. Но въ своихъ методахъ и въ постановкѣ вопросовъ она руководится философскими началами и пользуется художественнымъ творчествомъ, поскольку послѣднія не вредятъ и не мѣшаютъ ея внутреннимъ, независимымъ, неотъемлемымъ задачамъ, ставимымъ ей предлежащею дѣйствительностью.

Этическое. Наслѣдственностью, воспитаніемъ, общественной средой, жизненной судьбой вырабатывается нравственное и правовое сознаніе, опредѣленное направленіе воли и чувства въ смыслѣ добра и зла, дозволеннаго и недозволеннаго, цѣннаго и безцѣннаго, идеала и проклятья судьбы. Нравственное сознаніе дано непосредственно, независимо отъ какого-либо метафизическаго, религіознаго, научнаго обоснованія и не нуждается въ нихъ для своего существованія. Но всякое предлежащее нравственное сознаніе стремится къ научному, философскому, религіозному, эстетическому и мистическому самообоснованію. Оно относится недовѣрчиво, скептически и враждебно ко всякимъ философскимъ, религіознымъ, эстетическимъ и мистическимъ теченіямъ и отношеніямъ мысли и души, могущимъ поколебать, подкопать, разрушить его, вводящимъ въ него нерѣшительность, сомнѣніе и внутреннюю борьбу.

Жизненное. Области хозяйственной, государственной, правовой, общественной, семейственной, технической, гедонической жизни въ своей совокупности и въ своихъ безчисленныхъ расчлененіяхъ, формахъ и индивидуальныхъ задачахъ—имѣютъ самостоятельное существованіе, независимую цѣнность и внутреннюю, самоопредѣляющую силу своего бытія.

Онѣ необходимо проникнуты нравственностью и наукой, философіей и религіей, искусствомъ и мистикой, но не подчиняются безусловно ни одному изъ этихъ міровъ, ни другъ другу. Каждый моментъ, каждое положеніе и каждая задача жизни являются прежде всего исходной точкой самихъ себя, *своего* бытія, *своего* преобладанія, *своего* разрѣшенія. Они открыты всѣмъ другимъ моментамъ, положеніямъ и задачамъ лишь въ смыслѣ подчиненія послѣднихъ себѣ, опредѣленія ихъ своими требованіями. Между моментами, положеніями и задачами могутъ происходить и происходятъ борьба, побѣда и пораженія. Но каждый изъ нихъ существуетъ, лишь доколѣ онъ побѣждаетъ и первенствуетъ. И нѣтъ момента, положенія, задачи, которые не побѣдили и не первенствовали бы. Нѣтъ также момента, положенія, задачи, которые побѣдили и первенствовали бы *безусловно*, къ торжеству и вѣчному свѣту которыхъ стремились бы бытіе, соревнованіе, борьба и смерть всѣхъ остальныхъ моментовъ, положеній и задачъ.

Перечисленныя міроотношенія принципіально не противорѣчатъ и не исключаютъ другъ друга. Совершенное воплощеніе въ своей душѣ ихъ совокупности при совершенномъ осуществленіи ихъ—является идеаломъ *полной* человѣческой жизни.

Высшимъ единствомъ, объединяющимъ духовнымъ центромъ совокупности міроотношеній является слитіе глубочайшаго внутренняго святилища души: міроотношенія мистическаго съ совокупностью міроотношеній жизненныхъ, съ міроотношеніями художественнымъ, религіознымъ, философскимъ, научнымъ—постиженіе всѣмъ своимъ существомъ смысла и цѣли жизни міровой и человѣческой, науки и философіи, религіи и искусства.

Религіозно-мистическое сознаніе

Богъ есть вершитель судебъ всего сущаго: чистота и свобода. Вся нечистая и несовершенная тварь стремится къ Богу, жаждетъ очищенія и освобожденія, взываетъ къ Богу въ своей нуждѣ и въ своемъ отчаяніи, создаетъ легенды о Богѣ и о своемъ отношеніи къ Нему—въ сокровеннѣйшемъ убѣжденіи, что всѣ ея молитвы услышаны и что Богомъ ей воздается и воздастся высшая справедливость. Это убѣжденіе непоколебимо основано на мистическомъ единствѣ очищенія и освобожденія и чистоты и свободы, твари и Бога, молитвы и ея услышанія, судьбы и блаженства; основанномъ въ свою очередь, на Внутренности-Внѣшности 31-го начала, исчерпы-

вающихъ въ своей совокупности всесущее до самыхъ его корней. Богъ вѣченъ, вездѣсущъ, всезнающъ и всесиленъ, Его воля совершается вѣчно и все сотворенное вѣчно стремится исполнять ее, вѣчно стремится и взываетъ къ Нему и въ Немъ ищетъ утѣшенія, силы, помощи для своего необходимаго отрицанія въ Немъ, для своего вѣчнаго утвержденія въ Немъ же. Все сущее вѣчно воскресаетъ, ибо оно вѣчно умираетъ. Богъ *есть* и доказываетъ всякому существу во всякое время Свою любовь къ нему.

Суть религіознаго сознанія заключается въ томъ, что Богъ ему безконечно противоположенъ и отрицаетъ его во имя удовлетворенія его же религіознаго сознанія, интимнѣйшихъ требованій. Религіозное сознаніе никогда не можетъ *отождествлять* себя съ Богомъ, обожествиться. Богъ не можетъ отвергнуть религіознаго сознанія, *во имя котораго* Онъ ему безконечно далекъ. Религія покоится на *двухъ несводимыхъ* устояхъ: Бога и вѣры. Истина мистическая не доступна большинству религіозныхъ людей. Религіозное сознаніе *вѣритъ* въ Бога; Богъ ему безконечно далекъ и онъ трепещетъ отъ ужаса и блаженства при мысли о таинственномъ бытіи Божіемъ, о его невидимой карающей и награждающей рукѣ, о его всесуществѣ и всесиліи и о возможности предстать и жить предъ Его Ликомъ. Сознаніе же мистическое *знаетъ и видитъ* Бога и обожаетъ поэтому *себя,* какъ единственный источникъ дѣйствительнаго единенія съ Нимъ. Оно не знаетъ ни молитвъ, ни страха, ни отчаянія, ни грѣховъ, ни надеждъ. Оно не вѣритъ ни въ личное безсмертіе, ни въ чудо, ни въ надъ-звѣзднаго Бога, ни въ возмездіе. Оно начинается тамъ, гдѣ религіозное сознаніе *кончается.* Но послѣднее неотъемлемо требуетъ самостоятельнаго и чистаго признанія и противится поглощенію его въ мірѣ мистическомъ.

Учитель и община.

Міросозерцаніе и отношеніе къ жизни философа имѣетъ цѣнность и значеніе для *многихъ,* для различныхъ общественныхъ классовъ, призваній, дарованій, личностей, для широко развѣтвленной, обширной *общины.* Основныя мысли, объединяющія идеи, руководящія нормы, которыя философъ неминуемо создаетъ въ своемъ духовномъ развитіи, должны быть примѣнены и осуществлены въ жизни общественной, которая по существу отлична отъ жизни самого философа. Какъ *личность,* философъ болѣе или менѣе *мѣшаетъ* своей общинѣ. Община можетъ безусловно почитать его, какъ своего искупителя и учителя, лишь въ томъ случаѣ, если онъ лично

достаточно отдаленъ отъ нея, чтобы не мѣшать ей осуществлять его животворящее ученіе въ жизни, государствѣ, искусствѣ и религіи. Община состоитъ исключительно изъ личностей, которыя превосходятъ учителя въ практическомъ, соціальномъ, нравственномъ, эстетическомъ, религіозномъ отношеніи, такъ какъ эти области составляютъ ихъ собственныя призванія, дарованія и добродѣтели. Ученіе избавителя освобождаетъ и просвѣтляетъ ихъ, дѣлаетъ свободными и увѣренными въ осуществленіи ихъ назначенія, упорядочиваетъ и укрѣпляетъ въ ихъ образѣ жизни. Другъ для друга они имѣютъ лишь то значеніе конкретнаго, практическаго, соціальнаго, нравственнаго, эстетическаго, религіознаго отношеній, въ которыя они становятся. Они не въ состояніи ни освободить и просвѣтить другъ друга, ни изъ себя самихъ создать безличное и сверхличное ученіе о спасеніи.

Учителю самому мѣшаетъ двояко его собственная личность. Она не даетъ ему, во-первыхъ, видѣть свое ученіе всецѣло и безпрепятственно осуществленнымъ въ общинѣ и преодолѣнныхъ въ своей общности и жизненной пустотѣ; во-вторыхъ, она мѣшаетъ ему безъ посредствъ и безъ границъ соединиться съ Богомъ и его вѣчнымъ откровеніемъ жизни. Какъ живой человѣкъ, онъ—преодолѣватель міра, себя и жизни, небесный просвѣтитель, очиститель—долженъ чувствовать себя преступникомъ предъ всѣмъ существующимъ, живущимъ, себя желающимъ,—гнуснымъ, безбожнымъ опустошителемъ и разрушителемъ безмѣрныхъ сокровищъ, полнотъ, плодовъ, цвѣтовъ, плодотворностей и произрастаній; вырожденіемъ глубочайшаго мрака ада, злѣйшимъ слугою Дьявола. Сознаніе того, что онъ своимъ преодолѣніемъ, проникновеніемъ и обожествленіемъ міра и жизни вызвалъ еще бо́льшее великолѣпіе, открылъ еще больше сокровищъ, не освобождаетъ его, какъ человѣка, отъ злой совѣсти, отъ бездоннаго сознанія виновности.

Въ глубинѣ его сердца горитъ поэтому стремленіе страдать и умереть, обременить себя всей нуждой, всей мукой, всей преступностью земли. Званіе бѣднѣйшаго и слабѣйшаго, отягченнаго проклятіемъ и позоромъ, онъ выбираетъ, какъ единственно ему соотвѣтствующее. И Богъ, и весь міръ оставляетъ его, и онъ идетъ по пути распятія.

Но община цѣнитъ учителя безмѣрно, какъ искупителя и освободителя своего. Ей открылъ онъ небеса, ей далъ онъ увѣренность въ вѣчной жизни, въ вѣчномъ блаженствѣ и безграничномъ прощеніи. Ей озарилъ онъ жизнь и проповѣдывалъ судьбу, страданіе и покорность. Его находитъ она снова въ голосахъ природы, въ опредѣленіяхъ судьбы, въ своемъ хлѣбѣ,

въ своей радости, въ своихъ дѣяніяхъ, въ своей крови, въ своихъ ранахъ.

Но какъ божественень ни былъ учитель—и онъ былъ человѣкомъ и принадлежалъ къ своей общинѣ. Онъ служилъ жизни, боялся Бога и поклонялся дьяволу. И ему были знакомы наслажденія плоти, восторги красоты, упоенія творчества, нѣжность любви, задушевность сожитія, ясность, радости открывающаго, мыслящаго и изслѣдующаго, опьяненія самообожествленія и чувства сверхмогущества. И онъ жилъ судьбою плоти, крови, души и духа среди природы, человѣчества, времени и настоящаго. Но онъ былъ божественно безсиленъ, божественно неуклюжъ, божественно бѣденъ, божественно боленъ, божественно далекъ и одинокъ. И смерть стала его высшей радостью и восторгомъ, и упоеніемъ, и расширеніемъ, и силой, и величіемъ. И онъ умеръ съ чашей яда въ рукахъ, на крестѣ, на кострѣ, въ келіи отшельника, въ тюрьмѣ, въ больницѣ, на улицѣ—не умирая, въ блаженномъ, бездонномъ ускользаніи отъ смерти, отъ боли и трепещущаго, кровавaго, смраднаго, покрытаго ранами трупа своего.

Преступникъ, какъ мученикъ.

Мнѣ думается, что всѣ трагическія судьбы, страданія, мученія, гибели величія, чистоты, слишкомъ великой доброты, слишкомъ глубокаго знанія, чрезвычайной героической гордости—не должны быть разсматриваемы, какъ мученичества. Въ случаяхъ величайшихъ трагическихъ совершенствъ и красоты отвратительное страданіе и ужасныя муки безпрерывно заглушаются безымяннымъ блаженствомъ и душу раздирающимъ чувствомъ величія, которыя являются вѣнцомъ и прекраснѣйшимъ плодомъ трагической жизни героя. Истиннымъ мученикомъ кажется мнѣ, напротивъ, преступникъ, злой, помѣшанный, глупый, тотъ, по отношенію къ которому *вѣрно* все злое, дурное, безобразное, уродливое, проклятое. На него падаетъ все безпросвѣтное злосчастіе борьбы, ненависти, преодолѣнія, страха, разлада, онъ заклинаетъ противъ себя всѣ добрыя силы міра, ему угрожаетъ его совѣсть и весь міръ, и всѣ источники счастья и блаженства становятся ему недоступными. Онъ живетъ безъ оправданія, безъ цѣли, съ злосчастной увѣренностью въ своемъ злѣ.

Поэтому онъ—единственный истинный мученикъ.

И такъ какъ онъ достойнѣйшій ненависти, единственный истинный мученикъ—мученичество достойно ненависти и лежитъ на противоположномъ концѣ мистическаго совершенства въ космической растворенности, въ великой, безграничной чистотѣ и свободѣ, въ полномъ единствѣ съ Бо-

гомъ, со вселенной, съ вѣчностью, въ полномъ поглощеніи, преодолѣніи, превращеніи въ прозрачность всѣхъ вещей. Распятіе, казнь, страданіе, муки не являются внутренними признаками и слѣдствіями величія и послѣдняго совершенства, а—той цѣной, которую великое Я платитъ уничтоженному имъ міру за свое очищеніе и освобожденіе отъ него.

Да будутъ мнѣ ненавистны и прокляты всѣ распинанія, казни, страданія и муки. И если они присуждены будутъ мнѣ міромъ, пусть обременитъ онъ ими не мою законченность, а узнаетъ въ нихъ свою собственную ненависть къ совершенству и нетерпимость свою къ великому Я.

А преступники, злые, помѣшанные, глупые, тѣ, по отношенію къ которымъ все злое, дурное, безобразное, уродливое, проклятое *вѣрно*—единственно истинные мученики,—да будутъ они ненавистны и прокляты во вѣки.

Ибо преступникъ никогда не можетъ *знать* о своемъ мученичествѣ. А кто *знаетъ* о своемъ мученичествѣ, тотъ никогда не можетъ быть преступникомъ. Но лишь знающій можетъ поклоняться и лишь Богъ можетъ быть предметомъ поклоненія.

Книга вѣчности.

Книга вѣчности возвѣщаетъ конечный смыслъ міра и жизни. Этотъ смыслъ есть не что иное, какъ любовь и свобода, безграничная внутренность и непосредственность, бездонная глубина и несравнимость, равноцѣнность, погруженность, ясность, неисчерпаемость, неопредѣленность, безплотность, свѣтъ, радость, жизнь, красота, истина, нагая святость, слѣпая всепроникновенность.

Въ книгѣ вѣчности все образъ, игра и примѣръ. Она говоритъ обо всемъ ко всему черезъ все. Ея единственная мысль безконечна и неисчерпаема и начинается, и кончается, и открывается во всемъ изъ вѣковъ во вѣки. Она не можетъ быть не понята и не можетъ быть ложно понята. Она говоритъ языкомъ жизни и всѣхъ существъ, ручьи и скалы, море, солнце и небо, растенія, животныя и люди, чувства, разумъ и воля суть ея страницы, ея читатели и ея мысли. Она не покоится ни на какой основѣ, ея смыслъ не покрытъ никакимъ одѣяніемъ, никакимъ покрываломъ, никакой тайной, и ея безсловесную мудрость воспринимаютъ старики и дѣти, глупцы и мудрецы. Она ничего не затемняетъ и лишь все уясняетъ. Она ничего не отрицаетъ и лишь все утверждаетъ. Она ничего не ограничиваетъ, ничего не опредѣляетъ и все въ ней погружено въ самое себя, все поетъ, зву-

читъ, проникаетъ, надѣется, ищетъ, открываетъ, поднимается безконечно расширено, безконечно повышенно въ самомъ себѣ.

Книга вѣчности не знаетъ ничего о ненависти, принужденіи и страданіяхъ. Она нигдѣ не находитъ раздора, борьбы и границъ. Она безъ борьбы и безъ конца побѣждаетъ всякую внѣшность и зависимость, всякое повиновеніе и приказаніе, всякую противоположность и нужду, всякую тьму и всякое отчаяніе. Она вноситъ повсюду легкость, ясность и блаженство, любовь, проникновенность и гармонію. Она выше всякаго знанія и умѣнія, всякаго отличія, различія и опредѣленія. Ничего не ограничиваетъ ее, ничто не имѣетъ въ ней тяготѣнія, давленія и противодѣйствія. Никакой задній или побочный смыслъ и никакая безсмыслица не ограничиваютъ ея простоты. И эта простота ея витаетъ надъ всѣми толкованіями, значеніями и пониманіями. Никакой законъ и никакая цѣль не господствуетъ надъ ней. Она говоритъ изъ самой себя о самой себѣ и мы читаемъ ее повсюду и въ насъ самихъ, въ нашей жизни и въ нашихъ дѣлахъ, въ нашихъ поступкахъ и въ нашихъ желаніяхъ, въ нашихъ учителяхъ, друзьяхъ и любимыхъ людяхъ, въ нашемъ мышленіи и созерцаніи, въ нашей вѣрѣ и въ нашей надеждѣ. Она не оставляетъ насъ въ болѣзни, во мракѣ, въ несчастіи, въ отчаяніи. Она повсюду даетъ намъ наше счастье и нашу родину. Она есть не что иное, какъ глубочайшая основа и крѣпчайшая опора всей нашей любви, всего нашего блаженства и освобожденія. Она сама любовь, само добро, самое бытіе, сама неисчерпаемая, упоенная радостью жизнь, сама душа, самъ смыслъ и духъ, и вѣчность.

Будемъ же читать въ книгѣ вѣчности, пока наша жажда будетъ насыщена и мы найдемъ вѣчное Слово, послѣднюю мысль, бездонно глубокую основу бытія. Пойдемъ сквозь долгъ и жизнь, сквозь искусство и науку, сквозь познаніе Бога и міра, сквозь искушеніе, вѣру и надежду, и когда мы пройдемъ по этимъ дорогамъ и выйдемъ за порогъ, мы увидимъ блестящій камень, голубой цвѣтокъ, сверхсущество, которое и суть книга и душа вѣчности.

Опытъ интуитивнаго мышленія.

Какъ достичь совершенной взаимопроникнутости, совершеннаго пребыванія другъ въ другѣ всѣхъ элементовъ мысли и міросозерцанія въ свободномъ творческомъ единствѣ и независимо отъ руководящихъ общихъ основныхъ мыслей, отъ однозначныхъ понятій и познаній сущности?

Это возможно въ свободномъ *твореніи искусства*, въ которомъ зна-

ніе, жизнь, горизонтъ, глубина и высота души срослись въ *посредствующей,* живой формѣ, *поглащающей и скрывающей* въ себѣ смыслъ и высшій духъ и вмѣстѣ воплощающей его и открывающей его въ образѣ, и—сдѣлались прозрачными, просвѣчивающими, свѣтящимися въ проникающемъ единствѣ. Это есть исключительно поэтическій и исключительно собственный внутренній міръ, который открывается и воплощается тѣмъ, что онъ сперва сбрасываетъ съ себя до конца все чуждое и внѣшнее и всецѣло находитъ себя самого, а затѣмъ изображаетъ до потаеннѣйшихъ глубинъ собственное въ общемъ и внутреннее во внѣшнемъ. Собственный внутренній міръ долженъ найти или создать самому себѣ свою *форму,* свое *выраженіе,* свой культурный эквивалентъ, свою объективную основу, свой матеріальный законъ, свою универсальную необходимость, свой принципъ жизни, свою тѣлесную волю, свою этику, своего Бога и своего Дьявола. Отъ своего я и отъ внутренняго смысла не должно быть ни слѣда въ этомъ произведеніи. Они не должны фигурировать въ немъ ни какъ основа, ни какъ противоположность, ни какъ центръ, ни какъ точка опоры. Лишь безпротивоположной вѣчностью, общностью, дѣйствительностью, необходимостью, вѣчными голосами и цѣлями, вѣчными просвѣтленіями, искупленіями, надеждами и отчаяніями, вѣчными кругами и законами, вѣчными свѣточами, преодолѣніями и единствами, голубыми цвѣтками, блестящими камнями, дивными сверхсуществами вѣчности должно быть носимо и исполнено произведеніе.

Философія и религія.

Философія ставитъ себѣ, въ общемъ, проблему послѣдней основы, цѣли, послѣдняго содержанія сущаго и,—въ частности, проблему отношенія идеальнаго и реальнаго, индивидуальнаго и универсальнаго. На первую проблему философія вынуждена отвѣтить, что она неразрѣшима, что никакая опредѣленная или неопредѣленная основа, цѣль, никакое содержаніе не можетъ быть принято за *послѣднее* и, что сущность міра должна остаться вѣчной тайной безъ возможнаго выясненія. На частную проблему она должна отвѣтить, что сущее можетъ быть разсматриваемо лишь какъ неразрывное единство, равная первобытность, равная всепроникновенность, равная неограничимость идеальнаго и реальнаго и индивидуальнаго и универсальнаго; что вслѣдствіе этого въ идеальномъ можно *прямо* постичь все реальное, индивидуальное, универсальное, такъ же, какъ въ реальномъ непосредственно дано идеальное, индивидуальное, универсаль-

ное, какъ въ индивидуальномъ заключено идеальное, реальное и универсальное и въ универсальномъ—индивидуальное, идеальное и реальное. По отношенію ко всѣмъ возможнымъ спеціальнымъ, универсальнымъ, идеальнымъ, реальнымъ проблемамъ, отношеніямъ, силамъ и точкамъ зрѣнія философія, направляясь ко всеобщей методологіи, должна учить ихъ совершенно внутреннее, автономное, непосредственно и на собственный ладъ все въ себѣ включающее пониманіе, положеніе, движеніе, толкованіе, дѣйствіе, противопоставленіе, отношеніе. Она должна признать метафизическую проблему сущаго и метафизическій смыслъ рѣшенія ея въ таинствѣ, въ единствѣ идеальнаго, индивидуальнаго, универсальнаго, реальнаго, въ методологической внутренности, внутренне метафизическимъ значеніемъ этихъ рѣшеній и при томъ признать, что для психологіи, логики, естествознанія, искусства, біологіи, религіи, таинство, для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, можетъ имѣть иное, чѣмъ метафизическое значеніе, не нарушая собой, своимъ специфическимъ значеніемъ ни метафизическое, ни другія возможныя значенія. Для религіи, въ частности, таинство будетъ имѣть значеніе чистаго идеала, божества, тождества знанія, воли, чувства и бытія, любви, свободы, правды, дѣйствительности. Религіозныя познанія, созерцаніе, чувство и воля на основѣ своего высшаго предмета воздвигаются въ систему интеллектуальныхъ принциповъ («догматовъ»), этическихъ и педагогическихъ нормъ, соціальныхъ отношеній (церкви и общины) и эстетическихъ твореній своего рода, которыя включаютъ въ себя безусловно автономный образъ всѣ стороны человѣческаго мышленія, бытія и дѣятельности, въ которыхъ понятія, поступки, созерцанія, чувства, дѣйствительности, отношенія, индивиды заключены совсѣмъ особымъ образомъ—безъ противорѣчія и безъ совпаденія въ столь же своеобразныхъ и автономныхъ формахъ, какія могутъ быть даны и во всѣхъ возможныхъ другихъ теоретическихъ, практическихъ, эстетическихъ, философскихъ связяхъ, точкахъ зрѣнія, содержаніяхъ дѣйствительности, познаніяхъ, цѣляхъ, идеалахъ, чувствахъ, созерцаніяхъ. И *каждое* общее и спеціальное, реальное и идеальное содержаніе имѣетъ въ себѣ *все* и на *собственный, отличный* отъ другихъ содержаній ладъ. И *всѣ* значенія и направленія правы въ себѣ; *никакое не можетъ себѣ или другимъ противорѣчить* и всякое противорѣчіе, всякая критика, всякое отрицаніе, ограниченіе безусловно возможны и безусловно правы въ себѣ, для себя—какъ противорѣчіе, критика, какъ отрицаніе, какъ ограниченіе. Въ каждой изъ спеціальныхъ наукъ индивидуальность, универсальность, идеальность, реальность имѣютъ другое значеніе и опредѣленіе, отличное отъ таковыхъ

въ другихъ наукахъ и отъ метафизическаго значенія и опредѣленія. Въ каждомъ изъ безчисленныхъ практическихъ и эстетическихъ положеній всѣ религіозныя, философскія, научныя значенія и опредѣленія получаютъ снова иное значеніе, иное опредѣленіе. И это огромное многообразіе внутреннихъ міровыхъ опредѣленій можетъ съ различныхъ точекъ зрѣнія въ такой же мѣрѣ быть разсматриваемо, какъ безуміе, полная отчаянья перспектива міра, путаница понятій, необузданная безпутность мысли, хаотическое смѣшеніе несвязуемыхъ точекъ зрѣнія, безсмысленное нагроможденіе словъ,—какъ и быть признано великимъ освобожденіемъ и избавленіемъ отъ узкихъ противорѣчій, устраненіемъ конфликтовъ и солидаризаціей различныхъ, разнородныхъ, рядомъ идущихъ стремленій, дѣятельностей, точекъ зрѣнія,—идеаломъ общества, культуры и души, всеобщимъ методологическимъ принципомъ великаго теоретическаго, практическаго и эстетическаго преобразованія человѣчества, всеобъемлющимъ міровоззрѣніемъ, центръ тяжести котораго не въ опредѣленной единичной точкѣ зрѣнія, связи, основѣ бытія, не въ опредѣленномъ единичномъ положеніи, идеалѣ—будь то индивидуальность, или относительность, или реальность, или наука, философія, религія, искусство, свобода, правда, любовь, необходимость,—а во внутренности всѣхъ ихъ, во всѣхъ ихъ многозначныхъ значеніяхъ, сплетенныхъ одно съ другимъ, выходящихъ одно за предѣлы другого, преисполненныхъ верховнымъ смысломъ, постигающемъ все въ его разнороднѣйшихъ значеніяхъ.

Книгоиздательство „ТРУДЪ“.

Книгоиздательство **«ТРУДЪ»** выпускаетъ въ ближайшемъ будущемъ рядъ книгъ, въ авторизованныхъ переводахъ, по обществовѣдѣнію и экономикѣ, подъ редакціей приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета и Московскаго Коммерческаго института В. Ѳ. Тотоміанца:

1. **Шарль Жидъ. Исторія экономическихъ доктринъ.** Переводъ съ французскаго. Въ Россіи извѣстна и пользуется достаточной популярностью другая его работа «Кооперація». Въ исторіи экономическихъ доктринъ проф. Шарль Жидъ разсматриваетъ экономическія и соціальныя ученія до самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Это одинъ изъ самыхъ полныхъ и блестяще изложенныхъ учебниковъ по исторіи политической экономіи. Во Франціи принятъ въ большинствѣ учебныхъ заведеній, какъ пособіе при изученіи политической экономіи.

2. **Ж. Мелинъ. Назадъ къ землѣ.** Переводъ съ французскаго. Въ этой книгѣ авторъ указываетъ на вредъ обезлюденія деревень, на кризисъ въ промышленности, не могущей занять всѣ вызванныя ею въ городъ рабочія руки. Авторъ горячо призываетъ «назадъ къ землѣ», попутно выясняя необходимость поднять сельское хозяйство и учить труду на лонѣ природы; одинъ изъ путей къ осуществленію этого Мелинъ видитъ въ кооперації. Книга имѣла большой успѣхъ и выдержала во Франціи 6 изданій. Переведена на англійскій и нѣмецкій языки.

3. **Д. Холіокъ. Исторія рочдельскихъ піонеровъ.** Переводъ съ англійскаго. Это произведеніе одного изъ выдающихся англійскихъ кооператоровъ, представляетъ собоюизложеніе исторіи потребительнаго общества въ Рочделѣ,—исторіи, являющейся и теперь яркимъ показателмъ силы и могущества кооперації. Книга Холіока имѣла огромный успѣхъ, выдержала въ Англіи 10 изданій, была переведена на всѣ европейскіе языки и на японскій. Въ Россіи съ исторіей рочдельскихъ піонеровъ до сихъ поръ знакомы лишь по брошюрамъ.

4. **Е. Веббъ. Великіе люди.** Переводъ съ англійскаго. (Біографіи: Р. Оуена, Коббета, Фри, Э. В. Нила, Кобдена, Холіока, Кингсли, Юза, Рескина и Морриса). Съ иллюстраціями.

5. **Л. Буржуа. Солидарность.** Переводъ съ 5-го французскаго изданія. Въ этой книгѣ знаменитый французскій политическій дѣятель Л. Буржуа обосновываетъ свою теорію общественной солидарности.

6. **Проф. Ферстеръ. Христіанство и классовая борьба.** Переводъ съ нѣмецкаго. Книга написана доцентомъ педагогики Цюрихскаго университета, Ферстеромъ, и выдержала три изданія. Авторъ прослѣдилъ въ своей работѣ соціальную работу интеллигенціи, отношеніе духовенства къ соціальному вопросу, мрачныя стороны классовой борьбы на Западѣ и т. д. Успѣху книги въ Швейцаріи немало способствовали ясность и популярьотно изложенія.

7. **Л. Луццати. Охрана мелкой собственности.** Переводъ съ итальянскаго. Имя этого выдающагося общественнаго дѣятеля и министра Италіи достаточно говоритъ за себя. Въ книгѣ, нами издаваемой, читатель найдетъ краткую исторію вопроса и детальный разборъ законодательства о мелкой собственности и мѣръ къ охранію мелкаго землевладѣнія во всѣхъ странахъ.

8. Проф. **Г. Валенти. Теорія кооперації.** Переводъ съ итальянскаго. Предлагая вниманію читателя эту книгу книгоиздательство имѣетъ цѣлью удовлетворить все нарастающій интересъ широкой публики къ кооперації, вызывающій запросы на чисто теоретическія изслѣдованія по кооперації. Въ этомъ отношеніи книга Валенти является тѣмъ болѣе интересной, что проф. Валенти, стремясь сдѣлать свою работу доступною возможно болѣе широкимъ слоямъ населенія, придалъ своей работѣ ясную, простую форму.

9. **Б. Гильдебрандъ. Потрясеніе господства индустріи и индустріальнаго соціализма.** Переводъ съ нѣмецкаго. Въ этой своей книгѣ Б. Гильдебрандъ доказываетъ, что многія европейскія государства находятся въ состояніи промышленной гипертрофіи и расшатали свои устои, т. е. сельское хозяйство. Экспортъ продуктовъ крупной индустріи встрѣчаетъ все больше и больше препятствій, ибо земледѣльческія страны, особенно Россія, быстро индустріализируются или имѣютъ всѣ данныя для развитія своей собственной промышленности. Въ качествѣ средства для возрожденія сельскаго хозяйства и привлеченія къ нему части населенія, Гильдебрандъ рекомендуетъ учрежденіе особыхъ школъ-поселеній и внутреннихъ колоній на кооперативныхъ началахъ. Книга Гильдебранда представляетъ большой интересъ для современной Россіи, въ которой земледѣліе — основа всего ея будущаго.

Кромѣ того, книгоиздательствомъ «ТРУДЪ» подготовлены къ печати слѣдующія книги:

Проф. Г. Радбрухъ. Введеніе въ науку права. Авторизованный переводъ съ нѣмецкаго М. Островской и И. Штейнбергъ. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію и со вступительной статьей проф. Б. А. Кистяковскаго.

Проф. Г. Мюнстербергъ. Психологія и хозяйство. Авторизованный переводъ съ нѣмецкаго Н. Алфеева.

Ш. Лало. Введеніе въ эстетику. Авторизованный переводъ съ французскаго С. Гельфгата, подъ редакціей и съ предисловіемъ пр.-доц. Н. В. Самсонова.

Вышла изъ печати новая книга книгоиздательства „ТРУДЪ“:

Проф. Р. Вильбраидтъ. Значеніе потребительныхъ обществъ. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго А. Лутцъ-Кардашевой, подъ редакціей и съ предисловіемъ прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. Цѣна 20 коп.

Складъ изданій: книжный магазинъ «ТРУДЪ» С. Скирмунта.

Москва, Тверской бульваръ, д. 26. **Телеф. 34-54.**

Книгоиздательство „ТВОРЧЕСТВО“.

ЭДУАРДЪ ЦЕЛЛЕРЪ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Переводъ съ десятаго (послѣдняго) изданія, подъ редакціей прив.-доц. **Н. В. Самсонова.** Цѣна 1 р. 50 коп.

Для начинающихъ «Очерки» Целлера незамѣнимы. Это лучшее, классическое пособіе. Переводъ вполнѣ наученъ и къ тому же прекрасно проредактированъ прив-доц Н. В. Самсоновымъ. Цѣна не дорогая. (К. А. «Голосъ Москвы» 1913 г. № 49).

УИЛЬДОНЪ КАРРЪ. Философія Бергсона въ популярномъ изложеніи. Переводъ съ англійскаго **И. Румеръ.** Цѣна 30 коп.

Въ настоящей брошюрѣ, принадлежащей перу англійскаго послѣдователя Бергсона, мы имѣемъ болѣе полное изложеніе всего его ученія, по крайней мѣрѣ, главныхъ его сторонъ, и изложеніе это сдѣлано до такой степени ясно, просто и элементарно, что его можно вполнѣ рекомендовать даже начинающему. Книжка была прочитана въ рукописи самимъ Бергсономъ. («Совр. Слово» 1912 г., № 1756).

Нельзя не привѣтствовать появленія на книжномъ рынкѣ перевода новаго научнаго труда, позволяющаго лицамъ, и не имѣющимъ философскаго образованія, познакомиться съ мыслителемъ, о которомъ такъ много говорятъ въ послѣднее время (П. Поповъ «Голосъ Минувшаго» 1913 г., № 3).

С. Н. БУЛГАКОВЪ. Человѣкобогъ и человѣкозвѣрь. По поводу послѣднихъ произведеній **Л. Н. Толстого:** «Дьяволъ» и «Отецъ Сергій». Ц. 30 к.

Авторъ извлекаетъ жизненный смыслъ и мудрость этихъ произведеній при свѣтѣ нравственной философіи вообще и общаго міровоззрѣнія самаго Л. Н. Толстого—въ частности. Въ этомъ отношеніи они представляютъ громадный, исключительный интересъ, отнюдь не меньшій, чѣмъ чисто художественныя красоты. («Голосъ Москвы» 1913 г., № 49).

Г. БРАНДЕСЪ. О чтеніи. (Почему слѣдуетъ читать. Что мы должны читать. Какъ слѣдуетъ читать). Переводъ съ датскаго **О. Румедъ.** Ц. 20 к.

Съ требованіями обращаться:

Книжный магазинъ «ТРУДЪ» **С. Скирмунта.** Москва, Тверской бульв. 26.
Тел. 34-54.

Книжный магазинъ и складъ

т|д. „ТРУДЪ“ С. Скирмунта.

МОСКВА, Тверской бульваръ, д. 26. Тел. 34-54.

Высылаетъ по заказу наложеннымъ платежомъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ, журналахъ и каталогахъ книжныхъ магазиновъ и книгоиздательствъ.

Исполняетъ заказы на школьныя, народныя, фабричныя, кооперативныя, домашнія, дѣтскія и общественныя библіотеки на разныя суммы.

Принимаетъ заказы на учебники всѣхъ учебныхъ заведеній, а также исполненіе сборныхъ заказовъ и высылку новостей провинціальнымъ книготорговцамъ. При заказахъ на значительныя суммы долженъ быть высланъ задатокъ въ размѣрѣ 20% стоимости заказа.

Принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты при условіи взноса подписной платы не менѣе, чѣмъ за полгода.

При отправкахъ провинціальнымъ заказчикамъ пересылка и упаковка ставится за счетъ заказчиковъ.

Въ теченіе 1914 года книжный магазинъ «Трудъ» выпустить изъ печати каталогъ, долженствующій охватить всѣ области знанія.

Каталогъ будетъ выходить отдѣльными выпусками, отъ одного до пяти листовъ, обнимающими отдѣлы: 1) Философскій, 2) Богословскій, 3) Общественно-экономическій, 4) Филологическій, 5) Физико-математическій, 6) Изящныхъ искусствъ, 7) Литературный, 8) Историко-географическій, 9) Прикладныхъ знаній.

Въ первую очередь выходитъ выпускъ каталога, посвященный ФИЛОСОФІИ (логика, теорія познанія, психологія, метафизика, этика и эстетика) размѣромъ въ одинъ печатный листъ. Цѣна философскаго выпуска 20 коп.